

Ф. БЭКОН

ИСТОРИЯ
ПРАВЛЕНИЯ
КОРОЛЯ
ГЕНРИХА VII

Ф. БЭКОН · ИСТОРИЯ ГЕНРИХА VII

ФРЭНСИС БЭКОН

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

FRANCIS BACON

THE
HISTORY OF THE REIGN
OF
KING HENRY THE SEVENTH

ФРЭНСИС БЭКОН

ИСТОРИЯ
ПРАВЛЕНИЯ
КОРОЛЯ
ГЕНРИХА VII

Статья и общая редакция
М. А. БАРГА

Перевод
В. Р. РОКИТЯНСКОГО, Н. А. ФЕДОРОВА, А. Э. ЯВРУМЯНА

Комментарии
В. Р. РОКИТЯНСКОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА · 1990

ББК 63.3(0)3
Б97

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ «ПАМЯТНИКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ»

К. Э. Ашрафян, Г. М. Бонгард-Левин, В. И. Буганов (зам. председателя),
Е. С. Голубцова, А. Я. Гуревич, С. С. Дмитриев, В. А. Дунаевский, В. А. Дьяков,
М. П. Ирошников, Г. С. Кучеренко, Г. Г. Литаврин,
А. П. Новосельцев, А. В. Подосинов (ученый секретарь), *Л. Н. Пушкарев,*
А. М. Самсонов (председатель), *В. А. Тишков, В. И. Уколова*

Рецензенты:

А. В. Подосинов, М. А. Заборов

Б $\frac{0503010000-011}{042(02)-90}$ без объявления

ББК 63.3(0)3

ISBN 5-02-008973-7

© Перевод на русский язык
В. Р. Рокитянского, Н. А. Федорова,
А. Э. Яврумяна, 1990
© Статья М. А. Барга, 1990
© Комментарии В. Р. Рокитян-
ского, 1990

ИСТОРИЯ ПРАВЛЕНИЯ КОРОЛЯ ГЕНРИХА VII

После того как волею Всевышнего Судии, благоприятной для замыслов изгнанника, на Босуортском поле был свергнут и убит король Ричард, третий из носивших это имя, король лишь силою факта, по существу же узурпатор и тиран, каковым он и прослыл на все последующие времена, — королевство унаследовал граф Ричмонд, именуемый с тех пор Генрихом VII¹. Тотчас после победы новый король, воспитанный благочестивой матерью² и по натуре весьма приверженный к соблюдению религиозных обрядов, повелел тут же, на поле битвы, перед всей армией, торжественно пропеть *Te Deum laudamus*³; всеобщие рукоплескания и громкие крики ликования означали провозглашение его королем и как бы присягу войск на верность. Тем временем тело Ричарда после многообразного осквернения и надругательства (отпевания и погребения, которыми простой народ удостаивает тиранов) было бесславно предано земле. Ибо, хотя король со свойственным ему благородством и поручил лестерским монахам похоронить его с честью, сами духовные (не свободные от настроений простонародья) пренебрегли этим, за что, впрочем, не навлекли на себя ничего упрека или осуждения. Ведь не было такого позора или бесчестья, которых, по мнению любого, не заслужил этот человек, своими руками умертвивший Генриха VI⁴ (этого безгрешного государя), повинный в убийстве герцога Кларенса⁵, своего брата, убийца двух своих племянников (своего законного короля в настоящем и другого, которому он не дал стать королем в будущем⁶) и к тому же сильно подозреваемый в отравлении собственной жены с целью освободить ложе для женщины, с которой он состоял в родстве в запрещенной для брака степени⁷. И хотя это был государь испытанной воинской доблести, ревновавший о чести Англии, и к тому хороший законодатель, облегчавший участь простого народа, однако его жестокости и убийства родственников перевешивали в общем мнении его добродетели и заслуги, а во мнении мудрых людей и сами эти добродетели были скорее проявлениями притворства и лицемерия, служившими его честолюбию, нежели подлинными свойствами его ума и характера. Люди проницательные (те, кто, видя его последующие действия, оглядывался на то, что им предшествовало) отмечали поэтому, что уже в правление короля Эдуарда, его брата, у него хватало тайных средств, чтобы обращать против правительства брата зависть и ненависть; он ожидал и как-то провидел, что страдающий множеством болезней король долго не проживет и, вероятно, оставит своих сыновей в нежном возрасте, а уж далее он хорошо знал, своих невеликое расстояние от места, занимаемого протектором и первым принцем

крови, до престола. Тем же глубоко запрятанным честолюбием объясняли то, что при заключении мирного договора между Эдуардом IV и Людовиком XI во время встречи королей в Пикени⁸ и во всех других случаях Ричард, в ту пору герцог Глостерский, всегда становился на сторону чести, упорчивая свою репутацию за счет брата-короля и обращая на себя взоры всех (особенно знати и солдат); казалось, что сластолюбие и брак с женщиной низкого происхождения⁹ сделали короля изнеженным и менее восприимчивым к вопросам чести и интересам государства, чем это подобает монарху. Что же касается принятых в правление Ричарда разумных и благотворных законов¹⁰, то они были истолкованы как всего лишь подачки, которыми завоевывал сердца людей узурпатор, в глубине души сознававший, что подлинного права на повиновение подданных он не имеет. Король Генрих, со своей стороны, в самом же начале своего правления, в тот самый момент, когда королевство оказалось в его руках, столкнулся с вопросом весьма трудным и запутанным, вопросом, который мог бы смутить и озадачить мудрейшего из королей, только что оказавшегося на престоле, — тем более, что вопрос этот не оставлял времени на размышление, требуя незамедлительного решения. Ему на долю выпали и в его лице совместились тройного рода права на корону Англии. Во-первых, наследственное право леди Елизаветы, с которой он, согласно ранее заключенному договору с партией, призвавшей его в Англию¹¹, должен был вступить в брак. Во-вторых, древнее и давно оспариваемое (и словом, и оружием) право Ланкастерского дома, наследником которого Ричмонд себя считал. В-третьих, право меча или право завоевателя, поскольку он пришел к власти, победив в сражении, и поскольку прежде царствовавший монарх был убит на поле брани. Первое из названных прав было наиболее бесспорным и вероятнее других удовлетворяло бы народ, который за двадцать два года правления короля Эдуарда IV вполне освоился с мыслью об очевидности прав Белой Розы, или дома Йорков, а милостивое и снискавшее добрую славу правление того же короля в последние годы привязало народ к этой династии. Но Ричмонд хорошо понимал, что опершись на это право, он был бы всего лишь королем из милости и обладал бы скорее супружеской властью, чем властью монарха, последняя же принадлежала бы его королеве, со смертью которой, с потомством или без потомства, ему пришлось бы уступить трон другому. И хотя он добился бы у парламента подтверждения своих прав, он знал все же, сколь велико различие между королем, возведенным на престол в результате волеизъявления сословия, и тем, кто владеет короной по праву, основанному на законе природы и происхождении. Кроме того, уже в то время не было недостатка в тайком передаваемых слухах (позднее набравших силу и послуживших причиной больших бедствий), что двое юных сыновей короля Эдуарда IV (о которых было сообщено, что они были умерщвлены в Тауэре), или

один из них, на самом деле не убиты, а тайно увезены, и что они еще живы, — что, окажется это правдой, лишило бы леди Елизавету ее права на престол. С другой стороны, если он опирался на право, принадлежавшее лично ему как представителю дома Ланкастеров, ему пришлось бы считаться с тем, что это право было в свое время аннулировано парламентом и что против Ланкастеров предубеждено общественное мнение королевства; между тем признание их права на престол прямо вело бы к лишению этого права представителей Йоркского дома, которые в ту пору считались бесспорными претендентами на обладание короной. Так что если бы у него не оказалось потомства от леди Елизаветы, в котором бы сошлись обе линии, то снова бы вспыхнуло рождаемое соперничеством двух родов пламя раздоров и междоусобных войн.

Что же касается прав завоевателя, то, несмотря на то, что сэр Уильям Стенли¹², услышав приветственные крики солдат, возложил декоративную корону¹³ (ту, что была на Ричарде во время сражения и найдена среди трофеев) на голову короля Генриха, как будто именно здесь пребывало его главное право, последний твердо помнил, на каких условиях он вступил на землю Англии и сознавал, что опереться на право завоевателя значило привести в состояние страха и свою партию, и всех остальных, ибо это право как бы давало ему власть отменять законы, распоряжаться собственностью людей и тому подобные прерогативы абсолютной власти, которые по своей природе столь тяжелы для людей и столь им ненавистны, что сам Вильгельм, именуемый обычно Завоевателем, сколь бы ни пользовался он властью завоевателя для вознаграждения своих норманнов, поначалу воздерживался от ее открытого применения, прикрывая свои действия титулом, основанным на воле Эдуарда Исповедника¹⁴.

Обладая сильным характером, король Генрих решил тотчас бросить жребий; и видя, что со всех сторон его ожидают какие-то трудности, сознавая, что междуцарствие недопустимо и что решение вопроса о престолонаследии не может быть отложено, движимый привязанностью к собственной родословной, предпочитая всем другим тот титул, который делал его независимым, будучи, наконец, по своей натуре и душевному складу человеком, не склонным к опасениям и не любившим заглядывать далеко в будущее, а предпочитавшим пользоваться тем, что приносит текущий день, он решил опереться на титул Ланкастера как на главный, а два других титула — те, что ему давали брак и победа в сражении, должны были служить в качестве дополнительных опор, один — чтобы успокоить тайное недовольство, другой — чтобы подавить открытое сопротивление, не забывая и о том, что в прошлом престол принадлежал Ланкастерскому дому в течение трех поколений и что он мог бы остаться у них навсегда, если бы не слабость и неспособность последнего государя этой династии¹⁵. Вследствие всего сказанного король в тот же самый день, а именно

двадцать второго августа, принял королевский титул своим собственным именем, вовсе не упомянув леди Елизаветы и какого-либо отношения к ней. Этого он неотступно держался и в дальнейшем, что имело своим следствием многие мятежи и другие бедствия. Весь во власти этих мыслей, король перед отъездом из Лестера отправил сэра Роберта Уиллоуби в замок Шерифф-Хаттон в Йоркшире, где по приказу короля Ричарда под надежной охраной содержались леди Елизавета, дочь короля Эдуарда, и Эдуард Плантагенет, сын и наследник Джорджа, герцога Кларенса¹⁶. Этого Эдуарда комендант замка передал в соответствии с приказом короля в руки Роберта Уиллоуби, который и доставил его со всеми предосторожностями и тщанием в лондонский Тауэр, где он содержался в условиях строгого заключения. Этот поступок короля, будучи актом чисто политическим и государственным, был вызван не столько тем, что он принял во внимание рассказы доктора Шоу у Креста св. Павла о незаконном рождении детей Эдуарда IV¹⁷, в каковом случае очередным наследником становился этот юный джентльмен (ибо эта басня никогда не вызывала к себе доверия), сколько твердым намерением избавиться от всех значительных представителей рода Йорков. В этом, однако, король, от силы ли двигавшего им желания или по недомыслию, склонен был проявлять несколько больше пристрастия, чем подобает королю.

Что же касается леди Елизаветы, то ей также было указано возможно скорее отправиться в Лондон и оставаться там со вдовствующей королевой, своей матерью, что она вскоре и сделала, сопровождаемая множеством знати, мужчин и женщин. Тем временем король, не слишком утомляя себя, двигался в направлении Лондона, сопровождаемый криками радости и рукоплесканиями народа, действительно искренними, о чем убедительно свидетельствовали сама форма и полнота выражения народного чувства. Ибо, по всеобщему мнению, это был государь, как бы посланный небесами для того, чтобы восстановить единство и положить конец затянувшимся распрям двух родов, которые, несмотря на периоды затишья при Генрихе IV, Генрихе V и отчасти Генрихе VI, с одной стороны, и при Эдуарде IV — с другой, все время висели над королевством, готовые разразиться новыми потрясениями и бедствиями. И если победа обеспечила ему повиновение, то намерение вступить в брак с леди Елизаветой снискало ему народную любовь; он, таким образом, поистине располагал и повиновением, и любовью подданных.

С другой стороны, король с большой мудростью (от него не были скрыты распространенные в народе привязанности и страхи), желая рассеять всякого рода предположения и опасения, связанные с тем, что престол был им захвачен силой оружия, распорядился, чтобы его передвижение ничем не напоминало военный поход, а воспринималось как путешествие короля, исполненного миролюбия и уверенности.

Была суббота, когда он вступил в Сити, подобно тому как в субботу же им была одержана победа; этот день недели он, руководимый сначала наблюдением, а позднее памятью и фантазией, считал днем для себя благоприятным.

Мэр и представители гильдий Сити встречали его в Шор-дич, откуда при большом стечении народа и в сопровождении множества дворян и знати он вступил в Сити. Сам он при этом ехал не верхом, не в открытых носилках, а в закрытой карете, как человек, который, будучи некогда врагом всего государства и человеком вне закона¹⁸, предпочел держаться в соответствии с величием своего сана и вселять в народ благоговение вместо того, чтобы заискивать перед ним.

Сперва он направился в собор св. Павла, где, не надеясь, что люди очень скоро забудут о том, что он захватил власть силой оружия, он сделал пожертвование в тех размерах, которые счел уместными, и повелел отслужить молебен и вновь пропеть *Te Deum*, после чего отправился в приготовленные для него палаты во дворце лондонского епископа, где и оставался некоторое время.

Здесь он собрал свой совет¹⁹ и других влиятельных лиц и в их присутствии вновь подтвердил свое обещание вступить в брак с леди Елизаветой. Он сделал это, поскольку то обстоятельство, что, покидая Бретань, он (притворно, преследуя свои цели) подал некоторые надежды на свой брак, в случае если добудет престол, с Анной, наследницей герцогства Бретань²⁰, на которой вскоре после этого женился Карл VIII Французский, вызвало у многих подозрение, что он не искренен или, по меньшей мере, не тверд в намерении осуществить столь желанный англичанам брак с Елизаветой; эти опасения, хотя за ними не стояло ничего, кроме слухов и пересудов, немало беспокоили и бедную леди Елизавету. При всем том он и действительно намеревался исполнить свое обещание, и хотел, чтобы этому верили (лучший способ уничтожить зависть и противодействие другим его замыслам), но про себя решил не приступать к делу, пока не совершатся его коронация и заседание парламента. Первая — поскольку его совместная с королевой коронация могла бы оставить некоторое впечатление ее соучастия в титуле; второе — чтобы при закреплении короны за ним самим и его потомством это решение, которого он надеялся добиться от парламента, никоим образом не распространялось на королеву.

Около этого времени осенью, в конце сентября, в Лондоне и других частях королевства распространилась эпидемия болезни дотоле неизвестной, которую по ее проявлениям называли «потливым недугом». Болезнь эта была скоротечной как в каждом отдельном случае заболевания, так и в смысле длительности бедствия в целом. Если заболевший не умирал в течение двадцати четырех часов, то благополучный исход считался почти обеспеченным. Что же до времени, прошедшего прежде чем болезнь перестала свирепствовать, то ее распространение началось примерно двадцать

первого сентября, а прекратилось до конца октября, — она, таким образом, не помещала ни коронации, состоявшейся в последних числах этого месяца, ни (что было еще важнее) заседанию парламента, начавшемуся лишь через семь дней после этого. Это была чума, но, по всей видимости, не разносимая по телу кровью или соками, ибо заболевание не сопровождалось карбункулами, багровыми или синеватыми пятнами и тому подобными проявлениями заражения всего тела; все сводилось к тому, что тлетворные испарения достигали сердца и поражали жизненные центры, а это побуждало природу к усилиям, направленным на то, чтобы вывести эти испарения путем усиленного выделения пота. Опыт показывал, что тяжесть этой болезни связана скорее с внезапностью поражения, чем с неподатливостью лечению, если последнее было своевременным. Ибо, если пациента содержали при постоянной температуре, следя за тем, чтобы и одежда, и очаг, и питье были умеренно теплыми, и поддерживая его сердечными средствами, так чтобы ни побуждать природу теплом к излишней работе, ни подавлять ее холодом, то он обычно выздоравливал. Но бесчисленное множество людей умерло от нее внезапно, прежде чем были найдены способы лечения и ухода. Эту болезнь считали не заразной, а вызываемой вредными примесями в составе воздуха, действие которых усиливалось за счет сезонной предрасположенности; о том же говорило и ее быстрое прекращение.

В канун дня Симона и Иуды ²¹ король обедал с Томасом Буршье, архиепископом Кентерберийским и кардиналом ²², а из Ламбета ²³ посуху через мост отправился в Тауэр, где на следующее утро посвятил двенадцать рыцарей-знаменосцев ²⁴. Но в том, что касается раздачи титулов, он был не слишком щедр. Несмотря на столь недавнее сражение и на столь скоро ожидаемую коронацию, он произвел только троих: Джаспер, граф Пемброк (дядя короля) ²⁵, получил титул герцога Бедфордского, Томас, лорд Стенли (отчим короля) ²⁶, стал графом Дерби, а Эдвард Кортни — графом Девонским; при этом, однако, король имел в виду совершить дополнительную раздачу титулов во время работы парламента, движимый мудрым и приличествующим случаю намерением распределить их так, чтобы одними из них почтить свою коронацию, другими — свой парламент.

Коронация состоялась двумя днями позже, на тринадцатый день октября в 1485 лето Господне. В это время Иннокентий VIII был папой римским ²⁷, Фридрих III германским императором ²⁸, а его сын Максимилиан вновь избранным королем римлян ²⁹, Карл VIII королем Франции, Фердинанд и Изабелла королем и королевой Испании ³⁰, а Яков III королем Шотландии ³¹; со всеми этими королями и государствами король поддерживал в это время добрый мир и дружеские отношения ^{1*}. В тот же самый день (как будто корона, оказавшись на голове, вселила в нее мысли об угрозах) он ради большей своей безопасности ввел правило,

чтобы его сопровождал отряд из пятидесяти лучников под командой капитана, получивший название «дворцовой стражи»; однако, для того чтобы в этом можно было видеть скорее требование монаршего достоинства, подражание тому, что он встречал за рубежом, чем проявление осторожности, связанной с его личными обстоятельствами, он дал понять, что это установление не является временным, но должно остаться в силе на все последующие времена.

Седьмого ноября в Вестминстере открылось заседание парламента, созванного королем тотчас же после вступления в Лондон. Созывая парламент (и притом с такой поспешностью), он преследовал главным образом три цели. Во-первых, обеспечить закрепление короны за собой и своим потомством. Далее, добиться отмены парламентского осуждения³² всех своих сторонников (а их было немало), прощения всех враждебных действий, совершенных ими в ходе борьбы на его стороне, и восстановления их в правах, а также осуждения парламентом руководителей и наиболее активных деятелей из числа его врагов. В-третьих, провозглашением амнистии успокоить страхи остальной части вражеской партии, ибо он знал, какой опасности подвергается король со стороны своих поданных, если большинство подданных считает, что подвергается опасности с его стороны. К этим трем специальным основаниям для созыва парламента добавилось то, что, как осторожный и трезвый в своих суждениях государь, он счел за лучшее поскорее показать своему народу, что он намерен править с помощью закона, хотя и вошел в страну с помощью меча, а также постараться приучить их видеть своего короля в том, о ком они еще столь недавно говорили как о враге и изгнаннике. В том, что касалось наследования престола, он (не считая того, что он ни в чем не поступался своей волей и не потерпел бы никакого упоминания о леди Елизавете, в том числе в связи с порядком престолонаследования) действовал с большой мудростью и чувством меры. Ибо, с одной стороны, он не настаивал на том, чтобы соответствующий акт был составлен как заявление или признание прав, а, с другой — хотел, чтобы он имел характер нового закона или ордонанса, но выбрал своего рода средний путь: было постановлено, причем в иносказательных и уклончивых выражениях, «*что гарантом, хранителем и носителем права наследования престола является король и т. д.*» Эти слова можно было понять и в том смысле, что престол должен остаться у него, но то ли как у имевшего на него право и в прошлом (что было сомнительно), то ли как у того, кто к тому времени был его фактическим обладателем (чего никто не отрицал), — толкование могло быть двояким. Что же касается пределов наследования, то он не настаивал на том, чтобы оно распространялось на кого-нибудь, кроме него самого и его потомства, и обошел молчанием свой род, предоставив решение этого вопроса закону, так чтобы данные ему права могли восприниматься как предпочтение,

оказанное лично ему и его детям, а не как полное отстранение дома Йорков от наследования. Именно в этой форме закон и был составлен и принят. В следующем году он добился утверждения этого статута папской буллой с упоминанием, однако (в виде перечня), других его прав, как унаследованных, так и добытых на поле брани. Так тройной венец стал пятерным, ибо к трем правам — наследству двух династий и праву завоевания — присоединились еще два: авторитеты парламента и папского престола.

В деле отмены приговоров своим сторонникам и освобождения их от ответственности за все преступления, совершенные при оказании ему помощи, король также добился своего; были приняты соответствующие законы. Некоторые депутаты палаты общин не были допущены к их обсуждению, поскольку эти депутаты были осуждены парламентом и, как лишенные всех прав, не могли участвовать в его работе, ибо было бы величайшей несообразностью, если бы законы принимались людьми, пребывающими вне закона. Дело было в том, что некоторые из тех, кто при короле Ричарде принадлежал к числу самых влиятельных и известных сторонников теперешнего короля, были возвращены в парламента как рыцари и представители городов (заботами или по рекомендации правительства или же свободным волеизъявлением народа), причем многие из них королем Ричардом были в свое время лишены прав путем объявления вне закона³³ или как-то иначе. Король Генрих был несколько обеспокоен этим. Ибо, хотя это решение и выглядело обоснованным и убедительным, оно бросало тень на его партию. Он, однако, мудро не показывая, что сколько-нибудь этим задет, предпочел видеть здесь лишь правовой вопрос и пожелал выслушать мнение судей, которые для этой цели были немедленно собраны в палате Казначейства³⁴ (служившей для них местом заседаний), и те, поразмыслив, сообщили свое обоснованное и авторитетное мнение; это мнение, в котором были приняты во внимание и закон, и практическая польза, состояло в том, что рыцари и представители городов, законным образом лишенные прав, должны воздержаться от присутствия в палате до тех пор, пока не будет принят закон об их реабилитации. [Этим судьи и ограничились, умолчав о том, понадобятся ли нет после такой реабилитации какие-либо новые выборы и вызвано ли удаление этих депутатов из палаты общей неправопособностью удаляемых или тем, что они не имели права выступать в качестве судей и сторон в своем собственном деле. С юридической стороны вопрос состоял в том, может ли тот или иной личный изъян повлечь за собой политическую неправопособность, если учесть, что эти лица выступали в качестве уполномоченных государства и в качестве представителей и доверенных лиц графств и городов, при том, что их доверители были ни в чем не замешаны и потому не должны были потерпеть какой-либо ущерб от персонального осуждения их представителей]^{2*}.

В то же время перед собравшимися судьями встал наряду с прочими вопрос о том, что следует предпринять в отношении самого короля, который также подвергся лишению прав; было, однако, единодушно решено, что корона исцеляет от всякой порчи крови и перебоев в кровообращении и что с того момента, как она оказалась на голове у короля, источник стал чист, и все обвинения и лишение прав потеряли силу³⁵. При этом парламент, блюдя королевское достоинство, все же постановил, чтобы все документы, содержавшие какое-либо упоминание об осуждении короля, были признаны недействительными и изъяты из протоколов.

Что же касается врагов короля, то парламент осудил как изменников^{3*} покойного герцога Глостера, именовавшего себя Ричардом III, герцога Норфолка, графа Суррея, виконта Ловелла, лорда Феррерса, лорда Цуша, Роберта Рэтклиффа, Уильяма Кэтсби³⁶ и многих других высокопоставленных и знатных лиц. Эти билли о лишении прав содержали, однако, много справедливых и умеренных статей, исключений и оговорок, явившихся предзнаменованиями мудрости, сдержанности и умеренности, которыми характеризовалось правление этого короля. В вопросе же о прощении остальных из тех, кто выступал против него, король, по зрелом размышлении, счел за лучшее не представлять этого на рассмотрение парламента, а (поскольку речь идет о деле милосердия) присвоить благодарность себе, использовав время работы парламента для того только, чтобы эта весть лучше распространилась по королевству. Поэтому в период парламентской сессии была опубликована королевская прокламация, обещающая прощение и восстановление в правах всем тем, кто выступал против короля с оружием в руках или участвовал в каких-либо направленных против него действиях, если они открыто сдадутся на его милость и принесут присягу ему на верность, после чего многие вышли из убежищ, а еще большее количество вышло из состояния страха, будучи виновными не менее тех, кто воспользовался правом убежища.

Что касается денег, то король не счел своевременным или уместным обращаться к своим подданным с требованиями такого рода на этой сессии парламента как потому, что он получил от них удовлетворение в вопросах столь большой важности, так и потому, что не мог вознаградить их чем-нибудь вроде общей амнистии (чему мешала непосредственно перед тем объявленная амнистия по случаю коронации); главной причиной было однако то, что ни для кого не было секретом, сколь велики конфискации, произведенные тогда королем в свою пользу; в связи со всем сказанным разумно было ожидать, чтобы траты короны пощадили кошельки подданных, особенно в пору, когда король в мире со всеми своими соседями. Этим парламентом было принято еще несколько законов, почти что формы ради. Один из них обязывал при натурализации платить таможенные пошлины, взимавшиеся

с иностранцев, а согласно другому — конфискация и выкуп итальянских товаров в случае их неиспользования^{4*} осуществлялись в пользу короля. Этими мерами пополнилась его казна, о которой он с самого начала не забывал, и он был бы в конечном счете более счастлив, если бы предусмотрительность первых лет его правления, избавлявшая его от всякой необходимости возлагать бремя налогов на народ, умерила бы и его природные наклонности в этой области. За время работы парламента он пополнил еще несколькими лицами список пожалованных титулами. Лорд Шандо из Бретани стал графом Батом, сэр Жиль Добиньи — лордом Добиньи, а сэр Роберт Уиллоуби — лордом Бруком³⁷.

С большим благородством и щедростью (эти добродетели в ту пору поочередно выступали на первый план в его характере) король вернул Эдварду Стаффорду, старшему сыну Генри, герцога Бекингема, объявленного вне закона в правление короля Ричарда, не только его титул, но и все его наследственное достояние, которое было велико. В этом им двигало еще и чувство своего рода благодарности, ибо герцог был тем, кто нанес первый удар тирании короля Ричарда и по существу проложил нынешнему королю путь к престолу, устлав его обломками собственной жизни³⁸. На этом работа парламента закончилась.

Тотчас после роспуска парламента король послал деньги для выкупа маркиза Дорсета³⁹ и сэра Джона Буршье, оставленных им в Париже в качестве заложников за деньги, взятые в долг при подготовке похода на Англию. Вслед за этим он воспользовался удобным случаем, чтобы послать лорда-казначея и г-на Брея⁴⁰ (которого он использовал в качестве советника) к лорду-мэру Лондона, требуя от города заем в шесть тысяч марок. После долгих переговоров он, однако, смог получить только две тысячи фунтов, которые, впрочем, принял благосклонно, как обычно и делают люди, имеющие обыкновение брать в долг, не нуждаясь в этом.

Около того времени король включил в свой Тайный совет⁴¹ Джона Мортон и Ричарда Фокса⁴², из которых один был епископом Или, другой — епископом Эксетера, людей бдительных и скрытных, которые с ним вместе следили почти за всеми остальными. Оба они были хорошо осведомлены в его делах еще до его вступления на престол и делили с ним тяготы его судьбы. Этого Мортон вскоре, после смерти Буршье, он сделал архиепископом Кентерберийским. Что же касается Фокса, то его он произвел в лорды-хранители своей малой печати⁴³, а затем постепенно повышал его, переведя из Эксетера в Бат и Уэллс, потом в Дарем и, наконец, Винчестер. Ибо хотя король любил использовать и выдвигать епископов, поскольку, владея богатыми епархиями, они вознаграждали себя за труды из собственных доходов, но повышать их он имел обыкновение постепенно, чтобы не потерять доход от первых плодов⁴⁴, который при таком порядке восхождения умножался.

Восемнадцатого января было, наконец, торжественно отпраздновано столь давно ожидаемое и столь желанное бракосочетание короля и леди Елизаветы. Ликования и проявлений радости и веселья (особенно со стороны народа) в день бракосочетания было больше, чем в дни его вступления на престол и коронации; король заметил это, но это ему едва ли понравилось. И правду говорят, что все время их совместной жизни (ибо она умерла раньше его) он не слишком ее баловал^{5*}, хотя она была красива, нежна и плодovита. Отвращение к дому Йорков владело им столь сильно, что оно проявлялось не только в его войнах и государственной политике, но также в спальне и в постели.

К середине весны^{6*} король, исполненный уверенности в своих силах, как государь, который победил на поле брани, получил от своего парламента все, чего он желал, в ушах которого еще не отзвучали приветственные крики, полагал, что оставшееся время правления будет для него всего лишь игрой и что ему остается наслаждаться величием своего положения. Однако как государь, мудрый и осторожный, он не стал пренебрегать никакими мерами своей безопасности, предпочитая сделать все необходимое сейчас, как упражнение, а не как труд. Так, будучи надежно осведомлен, что жители северных графств не только привязаны к дому Йорков, но были особенно преданы королю Ричарду III, он решил, что с пользой проведет лето, если посетит эти места и личным своим присутствием и влиянием опровергнет слухи. Но в том, что касается мира и спокойствия, король сильно переоценил свое счастье, что доказала длинная череда лет, исполненных бурь и потрясений. Едва он успел добраться до Линкольна, где праздновал Пасху, как получил известия, что лорд Ловелл, Хэмфри Стаффорд и Томас Стаффорд⁴⁵, нашедшие в свое время убежище в Колчестере, покинули его, но куда они отправились, никому не было известно. Король пренебрег этой вестью и продолжал двигаться в направлении Йорка. Здесь были получены свежие и более определенные известия, что лорд Ловелл находится недалеко и с большими силами и что в Вустершире подняли оружие Стаффорды и приближаются к Вустеру с намерением осадить его. Король, как государь большого и глубокого ума, не был этим особенно обеспокоен, ибо понимал, что речь идет всего лишь об осколке или остатке армии, разбитой на Босуортском поле, а вовсе не о главных силах дома Йорков. Не сомневаясь в том, что мятежникам нетрудно противостоять, он в то же время не мог с уверенностью рассчитывать на то, что сумеет собрать необходимые для этого силы, ибо находился в центре края, в привязанности к себе населения которого он не был уверен. Но поскольку медлить было нельзя, он быстро собрал и отправил против Ловелла до трех тысяч человек, плохо вооруженных, но вполне надежных (некоторая часть из них была взята из его собственной свиты, а остальные из гольдеров и свиты тех, кому можно было без опаски довериться), под командованием

герцога Бедфорда ⁴⁶. А поскольку он имел обыкновение предлагать прощение прежде, чем пускал в ход оружие, а не после боя, он поручил герцогу объявить амнистию всем, кто перейдет на его сторону, что герцог и сделал, подойдя к лагерю лорда Ловелла. Случилось именно так, как ожидал король; герольды сыграли роль великолепной артиллерии. Ибо после объявления амнистии лорд Ловелл, не доверяя своим людям, бежал в Ланкашир и после того, как он некоторое время скрывался у сэра Томаса Браутона, перебрался морем во Фландрию к леди Маргарите ⁴⁷. И его люди, брошенные своим предводителем, вскоре сдались герцогу. Стаффорды и их войско, услышав о том, что произошло с лордом Ловеллом (на чей успех они возлагали основные надежды), впали в отчаяние и рассеялись. Двое братьев укрылись в Колнхеме, деревне близ Эбингдона; однако Суд королевской скамьи ⁴⁸, рассмотрев их привилегии, не счел это место пригодным в качестве убежища для предателей ⁴⁹; Хэмфри был казнен в Тайберне, а Томас, как следовавший за старшим братом, получил прощение. Итак, этот мятеж угас, едва начавшись, и король, немного почистив своим походом северные графства, прежде не слишком к нему расположенные, возвратился в Лондон.

Позднее в сентябре королева разрешилась от бремени первым сыном, которого король (в честь британской расы, к которой он и сам принадлежал) назвал Артуром, по имени этого достойного древнего короля бриттов, в чьих деяниях, помимо баснословного, содержится и достаточно правды, чтобы его прославить ⁵⁰. Ребенок рос крепким и смышленным, хотя и родился восьмимесячным, что медики считали дурным предзнаменованием.

В этом же году, который был вторым годом правления этого короля, спокойствие в государстве было нарушено происшествием, сообщения о котором, имеющиеся в нашем распоряжении, столь голословны, что в реальность его почти невозможно поверить — не в силу самой его природы (ибо такое случалось нередко), а в силу того, каким образом и при каких обстоятельствах развивались события, особенно поначалу. Поэтому мы будем основывать свои суждения на самих фактах, как они проливают свет друг на друга, и (насколько сможем) постараемся докопаться до истины. Король был новичком в своем положении и, вопреки как его собственному мнению, так и тому, что он заслуживал, в королевстве было немало таких, кто его ненавидел. Причиной всему было непризнание прав дома Йорков, к которому основная масса жителей королевства сохранила привязанность. Это с каждым днем все больше и больше отвращало от него сердца подданных, в особенности, когда они увидели, что после бракосочетания и после того, как родился сын, король все же не торопится с коронацией королевы, не устаивая ее венца королевы-супруги, ибо эта коронация состоялась почти через два года, когда опасность научила его тому, как следует действовать. Но много больше этому способствовал распространив-

шийся повсюду слух (плод заблуждения или коварства врагов), что король намеревается умертвить заключенного в Тауэре Эдуарда Плантагенета, чья судьба столь близко напоминала судьбу детей Эдуарда IV — происхождением, возрастом и самим местом заключения, — что придавало королю весьма неприятное сходство, побуждая видеть в нем еще одного короля Ричарда. К тому же все это время повсюду продолжали шептаться о том, что по крайней мере один из детей Эдуарда IV жив, и слух этот искусно поддерживался теми, кто желал перемен. Характер и привычки короля мало способствовали рассеиванию этого тумана; напротив, ему было свойственно порождать скорее сомнения, нежели уверенность. Так накапливалось горячее и не хватало лишь искры, чтобы оно вспыхнуло. Искрой, от которой позднее разгорелся столь сильный пожар, послужило нечто такое, что поначалу не заслуживало сколько-нибудь серьезного внимания.

Жил в Оксфорде хитрый священник по имени Ричард Саймон; он держал у себя в учениках сына пекаря^{7*}, которого звали Ламберт Симнел, — миловидного юношу лет пятнадцати, облику которого были в какой-то мере свойственны не вполне обычные достоинство и изящество. Этому попу (наслышанному о том, что говорят люди, и чаявшему заполучить какую-нибудь крупную епархию) взбрело в голову подбить парня выдать себя за второго сына Эдуарда IV, считавшегося убитым, а позднее (по ходу дела он изменил свой план) за лорда Эдуарда Плантагенета, в ту пору узника Тауэра, соответствующим образом подготовить его и разучить с ним роль, которую тому предстояло сыграть. Это последнее и есть то, во что (как выше было замечено) почти невозможно поверить; речь идет не о возможности предположить, что самозванцу достанется престол, ибо такое случалось и в древности и позднее; и не о том, что лицу, столь ничтожному, мог прийти в голову столь грандиозный замысел, ибо честолюбивые фантазии подчас захлестывают воображение людей низкого звания, особенно если они опьянены новостями и людскими пересудами. Но вот что представляется совершенно невероятным: что этот священник, будучи вовсе незнаком с тем подлинным лицом, по образцу которого ему предстояло изготовить свою подделку, надеялся, что он сможет так научить своего актера — будь то в жестях или манере поведения, в том, что касается памяти об обстоятельствах прошлой жизни и воспитания или умения должным образом отвечать на вопросы и тому подобное, — чтобы он сколько-нибудь приблизился к сходству с тем, кого должен представлять. Ведь тот, кого предстояло изображать этому парню, был не младенцем, выкраденным из колыбели или увезенным в раннем детстве и потому мало кому ведомым, а юношей, который почти до десятилетнего возраста воспитывался при дворе, где на него были направлены взоры бесчисленного множества людей. Ибо король Эдуард, не чуждый раскаянию в смерти своего брата, герцога Кларенса,

сыну его (о котором идет речь), хотя и не вернул отцовского титула, но сделал его графом Уориком, восстановив этим достоинство, которое тот унаследовал по материнской линии, и всю свою жизнь обращался с ним подобающим образом; лишь Ричард III позднее лишил его свободы. Так что не иначе как к этому делу приложило руку какое-то высокопоставленное лицо, лично и близко знавшее Эдуарда Плантагенета и подсказавшее священнику его замысел. Если судить по событиям, которые этому предшествовали и последовали, то наиболее вероятно, что центром, откуда вдохновлялись и направлялись эти действия, была вдовствующая королева⁵¹. Ибо достоверно известно, что она была неутомима в плетении интриг и что в ее гостиной был составлен удачный заговор в пользу нашего короля против короля Ричарда III, о чем король знал и что было слишком живо в его памяти. К тому же она была в ту пору крайне недовольна королем, считая судьбу своей дочери (как повел дело король) не возвышением ее, а унижением, и никто не смог бы стать лучшим постановщиком и суфлером этого спектакля, чем она. Тем не менее ее замысел, равно как и замысел тех более достойных и мудрых людей, которые сочувствовали делу и были посвящены в тайну, состоял отнюдь не в том, чтобы корона досталась этому ряженному истукану, а в том, чтобы он ценой собственной жизни проложил путь свержению короля; будь это достигнуто, дальнейший ход событий рисовался им по-разному, для каждого со своими надеждами и планами. В пользу этого предположения говорит прежде всего то, что, как только события достигли значительного размаха, одним из первых действий короля было заключить вдовствующую королеву в монастырь Бермондси и отобрать у нее все земли и достояние^{52*}, причем сделано это было по решению узкого круга советников, без соблюдения каких-то юридических процедур, на основании надуманных обвинений, — что, мол, она вопреки обещанию выдала из убежища двух своих дочерей королю Ричарду⁵². То, что эта мера уже в то время оценивалась как неоправданно суровая и по существу, и по исполнению, придает много вероятности предположению, что против нее имелись более серьезные обвинения, которые король, по политическим соображениям и чтобы не вызвать недовольства, предпочел не предавать гласности. Немаловажным является и то обстоятельство, что все это было до некоторой степени окружено тайной и что расследованию отчасти препятствовали. Сам священник Саймон после поимки так и не был казнен; он не только не был судим публично (как многие духовные лица по обвинению в менее тяжких государственных преступлениях), но ограничились тем, что заключили его в тюрьму. Добавьте к этому и то, что, когда граф Линкольн (главная фигура дома Йорков) был убит при Стоукфилде, король открылся кое-кому из приближенных, что он очень опечален смертью графа, ибо благодаря ему король, по его словам, смог увидеть глубину угрожавшей ему опасности⁵³.

Но вернемся к самому ходу событий. Саймон сначала разучил со своим учеником роль Ричарда, герцога Йоркского, второго сына короля Эдуарда IV; это было тогда, когда говорили, что король вознамерился предать смерти Эдуарда Плантагенета, заключенного в Тауэре, о чем много шептались. Но когда вскоре разнесся слух, что Плантагенет бежал из Тауэра и хитрый священник увидел, сколь тот любим народом и как все радуются его побегу, то переменял образец и в качестве лица, роль которого должен был сыграть его ученик, избрал теперь Плантагенета, поскольку о нем больше говорили и ему больше сочувствовали; к тому же эта версия выглядела более складной и лучше соответствовала слухам о побеге Плантагенета. Опасаясь, однако, что затеянный им маскарад был бы слишком открыт для любопытствующих и подозрительных взоров, если демонстрировать его здесь в Англии, он счел за благо показать его издали (как это делают с декорациями и масками в театре) и отправился для этого со своим учеником в Ирландию, где привязанность к дому Йорков была особенно сильной. В том, что касалось Ирландии, король проявил некоторую непредусмотрительность, не сменив прежних офицеров и советников лицами, в которых он был бы твердо уверен, или, по меньшей мере, не перемешав тех и других; именно так ему следовало поступить, поскольку он знал о сильном тяготении жителей этой страны к дому Йорков и о непрочности здесь государственного порядка, более доступного потрясениям и переменам, нежели в Англии. Но, полагаясь на репутацию своих побед и успехов в Англии, он считал, что имеет достаточно времени, чтобы позднее распространить свое попечение и на другое свое королевство.

Пренебрежение этой опасностью и привело к тому, что, когда Саймон со своим лже-Плантагенетом прибыли в Ирландию, все было почти готово к мятежу, как если бы все было задумано и рассчитано заранее. Первым, к кому обратился Саймон, был лорд Томас Фитцджералд, граф Килдер и наместник Ирландии⁵⁴, в чьи глаза он напустил такого тумана (собственным внушением и с помощью юнца, державшегося настоящим принцем), который в смещении, вероятно, с кое-какими внутренними испарениями честолюбия и скрытыми привязанностями самого графа оставил его в полной уверенности, что перед ним настоящий Плантагенет. Граф сразу же снесся по этому вопросу с некоторыми представителями знати и другими лицами из местных, поначалу тайно. Но, обнаружив, что они испытывают сходные чувства, он намеренно позволил тайне выйти наружу и широко распространиться, поскольку они считали небезопасным предпринимать что-либо решительное, не получив представления о настроениях в народе. Но если и господа были готовы восстать, то народ неистовствовал, лелея этот мираж или призрак с невероятным восторгом, отчасти из великой преданности дому Йорков, отчасти из распространившегося в народе гордого желания дать королю Англии. Во всей

этой горячке заговорщики не слишком обеспокоились тем, что Джордж, герцог Кларенс, был осужден за измену, поскольку недавний пример короля научил их тому, что осуждение за измену не мешает признанию права на престол. Что же касается дочерей короля Эдуарда, то заговорщики полагали, что по их поводу достаточно высказался король Ричард ^{9*}, и рассматривали их как всего лишь орудие партии короля, поскольку они находились в его власти и распоряжении. Таким образом, сопровождаемый удивительно единодушным сочувствием и восхищением, этот лже-Плантагенет был весьма торжественно препровожден в Дублинский замок, где его встречали, обслуживали и чествовали как короля; мальчишка вел себя подобающим образом и ничем не выдал своего низкого происхождения. А несколько дней спустя он был провозглашен в Дублине королем под именем Эдуарда VI, причем ни один человек не обнажил меча в защиту прав короля Генриха.

Король был сильно обеспокоен этим неожиданным происшествием, когда оно достигло его слуха, поскольку, во-первых, речь шла о том, что он больше всего боялся ^{10*}, а, во-вторых, произошло это в таком месте, куда он не мог отправиться для подавления мятежа лично, не подвергая себя при этом опасности. Ибо отчасти из природной доблести, отчасти из подозрительности ко всем, кто его окружал (не зная, на кого положиться), король всегда был готов лично добиваться всех своих целей. Он поэтому прежде всего собрал в Чартер-хауз в Шайне ⁵⁵ свой совет ^{11*}, который заседал в большой тайне, но издал три гласных указа, тотчас получивших широкую известность.

Согласно первому из этих указов, вдовствующая королева за то, что она в нарушение соглашения с лицами, ведшими с ней переговоры о браке ее дочери с королем Генрихом, выдала тем не менее своих дочерей из их убежища в руки короля Ричарда, должна была быть помещена в монастырь Бермондси ^{12*} с конфискацией всех земель и другой собственности.

Второй указ предписывал показать народу Эдуарда Плантагенета, содержавшегося в ту пору под строгим надзором в Таузере, придав этому показу возможно более общедоступную и привлекающую внимание форму — отчасти для того, чтобы опровергнуть порочащий короля слух, что он был тайно умерщвлен в Таузере, но главным образом чтобы люди увидели легкомысленный и жульнический характер того, что происходило в Ирландии, равно как и то, что тамошний Плантагенет — на самом деле марионетка и самозванец.

Третий состоял в том, что вновь провозглашалась всеобщая амнистия для всех, кто объявит о своих преступлениях ^{13*} и сдастся в руки властей в течение суток, и что эта амнистия будет трактоваться столь широко, что не будет допускать исключений даже для государственной измены (не считая преступлений против особы самого короля). Последнее могло показаться странным, но

не было таковым для мудрого короля, знавшего, что наибольшие опасности для него проистекают не от наименьших, а от наибольших измен. Эти решения короля и его совета были немедленно приведены в исполнение. И прежде всего вдовствующая королева была помещена в монастырь Бермондси, а все ее владения поступили в собственность короля. При этом немалое удивление вызвало то, что слабая женщина, уступившая угрозам и обещаниям тирана, по прошествии столь большого промежутка времени (в течение которого король не выказывал никакого неудовольствия) и, что много важнее, после столь счастливого брака короля с ее дочерью, благословенного мужским потомством, должна была из-за внезапной перемены в умонастроении короля или его причуды претерпеть столь суровое обращение.

Эта леди явила пример великой переменчивости судьбы. Сначала из положения жалкой просительницы и безутешной вдовы она была взята на брачное ложе короля-холостяка, прекраснейшего человека своего времени; но и в его правление ей довелось необычным образом утратить свое положение, когда король временно лишился престола и вынужден был бежать. Очень счастлива она была и в том, что имела от него прекрасное потомство и до самого конца сохранила его супружескую любовь (помогая себе несколько подобострастным поведением и тем, что закрывала глаза на его развлечения). Она была очень привязана к своим родственникам, доходя до интриганства в их пользу, что возбуждало немалую зависть в лордах, родственниках короля, считавших, что смешение ее крови с королевской унижает их. К этим лордам королевской крови присоединился и фаворит короля, лорд Гастингс⁵⁶, который, невзирая на большую привязанность к нему короля, временами, казалось, не был защищен от падения из-за ее коварства и злобы. После смерти мужа ей довелось пережить трагические события: был обезглавлен ее брат, двое ее сыновей были лишены короны, объявлены бастардами и жестоко убиты. Все это время она, однако, сохраняла свободу, положение и достояние^{14*}. Но вот позднее, с новым поворотом колеса фортуны, когда ее зятем стал король и она сделалась бабушкой ребенка лучшего пола, она тем не менее (по темным и неизвестным причинам и не менее странному поводу) была вновь низвергнута и изгнана из мира в монастырь, где посещать и видеть ее считалось чуть ли не опасным и где она вскоре и окончила свои дни; по повелению короля ее похоронили рядом с царственным супругом в Виндзоре. Она была основательницей Королевского колледжа в Кембридже. Все это дело породило много злословия по адресу короля, которое, однако (отвлекаясь от государственных интересов), было для него несколько подслащено величиной конфискованного имущества.

Примерно в это же время Эдуард Плантагенет был в воскресный день провезен по всем главным улицам Лондона, чтобы показать его народу. Явившись таким образом перед глазами уличного люда,

он, в сопровождении крестного хода, был препровожден в собор св. Павла, где собралось множество народа. Было также разумно предусмотрено, чтобы разные лица из числа обладателей высоких титулов и другой знати (особенно те, которых король подозревал более других, и те, кто лучше других знал Плантагенета) по пути общались с юным джентльменом^{15*} и забавляли его разговорами, что и, правда, подорвало у здешних зрителей доверие к спектаклю, который разыгрался в Ирландии, по крайней мере у тех, кто уклонился с пути по ошибке, а не из коварства. В Ирландии, однако (где поворачивать назад было уже поздно), это мало или вовсе не оказало влияния. Напротив, свой обман они приписали королю, объявив, что он, дабы победить законного наследника, одурачить мир и пустить пыль в глаза простому люду, обрядил мальчишку, похожего на Эдуарда Плантагенета, и показывал его народу, не постеснявшись надругаться над крестным ходом, лишь бы придать своей выдумке больше правдоподобия.

Около того времени подоспела и всеобщая амнистия. Король и здесь проявил предусмотрительность и отдал строгое распоряжение об охране портов, чтобы беглые, недовольные или подозреваемые лица не могли переправиться в Ирландию или Фландрию.

Между тем мятежники в Ирландии отправили тайных гонцов в Англию и Фландрию, которые провели в обеих странах немалую работу. В Англии они перетянули на свою сторону Джона, графа Линкольна, сына Джона де ла Поля, герцога Суффолка, и Елизаветы, старшей сестры короля Эдуарда IV. Этот граф был человеком большого ума и мужества, и в душе его одно время были возбуждены немалые надежды и ожидания. Дело в том, что Ричард III из ненависти к обоим своим братьям, королю Эдуарду и герцогу Кларенсу, и их потомству (кровь обеих линий была на его руках) преисполнился решимости лишить это потомство прав под фальшивыми и неубедительными предлогами — парламентского осуждения в одном случае и незаконнорожденности — в другом, и сделать этого джентльмена (на тот случай, если сам Ричард умрет бездетным) наследником престола. Это отнюдь не было неизвестным королю (установившему за Линкольном тайную слежку), но, вкусив народного недовольства из-за лишения свободы Эдуарда Плантагенета, король не решался умножить такого рода недовольство заключением еще и де ла Поля, считая более благоразумным сохранять его в качестве соперника Плантагенету. К участию в действиях ирландцев графа Линкольна побудил не столько размах там происходившего, в котором было больше шума, чем дела, сколько письма от леди Маргариты Бургундской, ибо помощь словом и делом, которую она оказывала этой затее, давала ему более прочное основание как в отношении репутации, так и в отношении военной силы. Не удержало графа и знание того, что мнимый Плантагенет — всего лишь кукла. Напротив, фальшивый Плантагенет устраивал его больше, чем подлинный, поскольку, если

учесть, что самозванец должен был несомненно отпасть сам собой, а об устранении подлинного претендента позаботился бы король, то это открыло бы законный и торный путь для осуществления его собственных прав. Встав на этот путь, он тайно отплыл во Фландрию^{16*}, куда незадолго перед тем прибыл лорд Ловелл, сохранив связь с сэром Томасом Браутоном в Англии, человеком, который располагал большой силой и от которого зависело много людей в Ланкашире. Ибо еще раньше, когда мнимого Плантагенета впервые принимали в Ирландии, к леди Маргарите тоже были отправлены тайные гонцы, которые сообщили ей о том, что произошло в Ирландии, просили ее о помощи делу (как они выражались), столь благочестивому и справедливому и которому в начале его столь чудесным образом сопутствовала Божья помощь, и сделали ей предложение, чтобы все направлялось ею как полновластной покровительницей и защитницей. Дело в том, что Маргарита была второй сестрой короля Эдуарда IV и второй супругой Карла, прозванного Смелым, герцога Бургундского. Не имея от последнего своих детей, она с исключительной заботой и нежностью руководила воспитанием Филиппа⁵⁷ и Маргариты, внуков ее бывшего мужа^{17*}, чем завоевала большую любовь и авторитет среди голландцев. Эта государыня (обладавшая твердостью духа мужчины и коварством женщины), располагая большим богатством, которым она была обязана величине полученного от мужа наследства и бережливости своего управления, будучи бездетной и не имея более близкого предмета для забот, поставила своей целью вернуть корону Англии своему дому и избрала своей мишенью короля Генриха, на свержение которого и должны были теперь направляться все ее действия, так что все его последующие беды были от стрел, выпущенных из этого колчана. Она испытывала к Ланкастерскому дому и лично к королю такую смертельную ненависть, что ее несколько не смягчило соединение двух родов в браке ее племянницы; напротив, она возненавидела и племянницу как средство, с помощью которого король заполучил престол и утвердил его за собой. Вот почему она с такой страстью отдалась этой затее. После совещания с графом Линкольном, лордом Ловеллом и некоторыми другими представителями этой партии было решено, что оба лорда, в помощь которым предоставлялся полк из двух тысяч немцев, отборных и испытанных солдат, под командой Мартина Суарта (храброго и опытного военачальника), должны были отправиться в Ирландию к новому королю; надежда была на то, что, когда их действия приобретут видимость защиты признанных и твердых королевских прав (при том, что вторым лицом у них был граф Линкольн и учитывая впечатление, производимое помощью из-за рубежа), молва об этом воодушевит и подготовит всех сочувствующих их делу и всех недоброжелателей внутри Англии к тому, чтобы оказать им помощь, когда они вступят в ее пределы. Что же касается самозванца, то было решено, что

в случае успеха его следует низложить и признать подлинного Плантагенета, причем граф Линкольн лелеял в этом вопросе свои особые надежды. После того как они прибыли в Ирландию^{18*} (и, увидев свои силы в полном сборе, осмелели), они обрели большую уверенность в успехе, полагая и рассуждая между собой, что, решив свергнуть короля Генриха, они вступили в игру со значительно лучшими картами, чем король Генрих, когда он решил свергнуть короля Ричарда, и что, раз против них не было обнажено ни одного меча в Ирландии, это знак того, что в Англии мечи скоро будут вложены в ножны или выбиты из рук.

Прежде всего они, чтобы придать этому воцарению больше торжественности, короновали своего нового короля, до того лишь провозглашенного таковым, в кафедральном соборе Дублина и стали затем держать совет о том, что делать дальше. На этом совете некоторые высказывали тот взгляд, что лучше всего было бы сначала утвердиться в Ирландии, сделать ее местом военных действий и завлечь туда самого короля Генриха, в отсутствие которого, как они считали, в Англии должны произойти большие перемены и потрясения. Однако, поскольку это королевство было бедным и они не смогли бы ни держать всю свою армию в одном месте, ни платить своим немецким солдатам, поскольку также и ирландцы, и вообще солдаты, чье влияние (как это обычно бывает во времена народных волнений) управляло действиями их вождей, жаждали испытать свое счастье в Англии, было решено возможно скорее переправить свои войска в Англию^{19*}. Тем временем король, который поначалу, услышав о том, что произошло в Ирландии, хотя и встревожился, но полагал, что он вполне в силах рассеять ирландцев, как стаи птиц, и разорить этот пчелиный улей с их королем, узнав позднее, что в этом деле участвует граф Линкольн и что его поддержала леди Маргарита, оценил истинные размеры опасности и ясно понял, что на карту поставлена его королевская власть и что ему придется бороться за нее. Сначала, до известия об отплытии графа Линкольна из Фландрии в Ирландию, король полагал, что он, вероятно, подвергнется нападению как с восточной стороны, где следует ждать вторжения из Фландрии, так и с северо-запада из Ирландии; поэтому, приказав провести смотр войскам в обеих частях страны и назначив двух командующих, Джаспера, герцога Бедфорда, и Джона, графа Оксфорда⁵⁸ (предполагая и сам отправиться туда, где ход событий в наибольшей мере потребует его личного присутствия), но все же, не ожидая скорого вторжения (ибо уже была глубокая зима)^{20*}, он лично направился в Суффолк и Норфолк с целью укрепить свои позиции в этих графствах. Прибыв в Сент-Эдмондсбери, он узнал, что Томас, маркиз Дорсет (который был одним из заложников во Франции)⁵⁹, спешит к нему, чтобы опровергнуть некоторые выдвинутые против него обвинения. Но, хотя король и готов был прислушаться к нему, время было столь ненадежным, что на-

встречу ему был послан граф Оксфорд, чтобы тотчас препроводить его в Тауэр, благожелательно разъяснив, однако, что ему следует терпеливо перенести это унижение, ибо король вовсе не хочет ему зла, и хочет лишь помешать ему нанести урон делу короля или самому себе, и что король всегда сможет возместить понесенный им ущерб (когда он докажет свою невиновность).

Из Сент-Эдмондсбери король отправился в Норидж, где отпраздновал Рождество^{21*}. А оттуда (в качестве своего рода паломничества) он прибыл в Уолсингэм, где посетил церковь Богородицы, знаменитую чудесами, и принес молитвы о помощи и избавлении. Оттуда через Кембридж он вернулся в Лондон^{22*}. Немногим позже мятежники со своим королем (предводимые графом Линкольном, графом Килдером, лордом Ловеллом и полковником Суартом) высадились у Фоулдри в Ланкашире, куда к ним направился сэр Томас Браутон с небольшим отрядом англичан. Король к тому времени (зная теперь, что гроза не надвигается по нескольким направлениям, а должна обрушиться в одном месте) собрал многочисленное войско и лично (взяв с собой двух вновь назначенных генералов, герцога Бедфорда и графа Оксфорда) двинулся навстречу врагу, дойдя таким образом до Ковентри, откуда выслал перед отряд легкой кавалерии на разведку, чтобы перехватить несколько оставших солдат противника и с их помощью лучше узнать подробности его передвижения и намерений. Все так и было сделано, хотя короля и без того осведомляли его шпионы в лагере противника.

Мятежники двигались по направлению к Йорку, не позволяя себе грабить страну и совершать насилия, чтобы с большим успехом завоевать расположение народа и создать образ короля, который, движимый без сомнения монаршим чувством, падит и жалеет своих подданных. Их снежный ком, однако, не рос по мере их продвижения. Люди к ним не шли; в других частях королевства тоже никто не восставал и на их стороне себя не объявлял, что имело причиной отчасти то хорошее впечатление, которое король создал у народа своим правлением, вместе с его репутацией удачливости, отчасти же то, что англичанам была ненавистна мысль, чтобы король явился к ним на плечах ирландцев и голландцев, из которых в значительной мере состояли войска мятежников. К тому же мятежники едва ли проявили много благоразумия, направившись в сторону Йорка, если учесть, что, хотя в прошлом эти места и были рассадником их сторонников, тем не менее именно здесь столь недавно были рассеяны войска лорда Ловелла и здесь же незадолго до того присутствие короля успокоило народное недовольство. Граф Линкольн, обманутый в своих надеждах на приток к нему соотечественников (в каком случае он старался бы отиграть время) и видя, что отступать уже поздно, решил сыграть вразброд, где находился король, и дать ему сражение, в связи с чем двинулся к Ньюарку, полагая, что застанет этот

город врасплох. Но король незадолго до этого прибыл в Ноттингем, где он собрал военный совет для обсуждения вопроса, что лучше: тянуть время или быстро напасть на мятежников. На этом совете сам король (чья неизменная бдительность питалась подчас беспричинными, мало кому еще приходившими на ум подозрениями) склонялся к тому, чтобы поторопиться со сражением^{23*}. Но все сомнения по этому поводу вскоре отпали, ибо в самый момент этого совещания к нему подошло большое подкрепление, частью из явившихся по призыву, частью из добровольцев, из многих частей королевства.

Главными лицами из числа пришедших тогда королю на помощь были граф Шрюсбери и лорд Стрейндж из титулованной знати и не менее семидесяти человек из числа рыцарей и дворян, каждый со своим отрядом, что в сумме составило по меньшей мере шесть тысяч солдат, помимо тех войск, которые до этого были у короля. Когда король увидел, что его армия получила превосходное подкрепление и что все его люди рвутся в бой, он утвердился в своем прежнем решении и совершил быстрый переход, заняв место между вражеским лагерем и Ньюарком, ибо не желал, чтобы противнику досталось столь значительное приобретение, как этот город. Граф, ничуть не обескураженный, внезапно напал в тот день на деревеньку под названием Стоук и расположился там на ночь на склоне холма. На следующий день^{24*} король предложил ему сражение на равнине (поля там обширные и ровные). Граф храбро спустился вниз и вступил с ним в бой. Сохранившиеся свидетельства об этом сражении весьма сухи и небрежны (хотя оно и было в столь недалеком прошлом) и содержат скорее объявление о победе, чем рассказ о ходе сражения. В них говорится, что король разделил свою армию на три части, из которых в бой вступил только авангард, хорошо укрепленный с флангов; что битва была яростной и упорной и длилась три часа, прежде чем победа начала клониться на одну из сторон, хотя о том, каков будет конечный результат, можно было догадаться по тому, что королевский авангард один вел сражение со всем вражеским войском (остальные два корпуса бездействовали); что храбро дрался Мартин Суарт со своими немцами и что то же можно сказать и о тех немногих англичанах, которые были на той стороне; не было недостатка в мужестве и свирепости и у ирландцев, но, поскольку это были почти нагие люди, вооруженные только дротиками и кинжалами, постольку происходившее было скорее расправой над ними, чем сражением; зверское убийство этих людей вселяло в остальных ужас и лишало их мужества; что на поле сражения погибли все предводители, т. е. граф Линкольн, граф Килдер, Фрэнсис, лорд Ловелл, Мартин Суарт и сэр Томас Браунтон; все они хорошо дрались, не уступив ни пяди. Только о лорде Ловелле прошел слух, что он бежал и пытался верхом переплыть Трент, но не смог выбраться на другую сторону из-за крутости берега

и утонул в реке. Однако по другому сообщению он тогда не погиб, но еще долго после этого жил в пещере или подземелье^{25*}. Противник потерял по меньшей мере четыре тысячи убитыми, а король половину своего авангарда, не считая множества раненых, ни одного, впрочем, с именем. В плен среди прочих были взяты лже-Плантагенет, отныне вновь Ламберт Симнел, и хитрый поп, его наставник. Что касается Ламберта, то ему король предпочел подарить жизнь, как из великодушия (считая его лишь куклой из воска, который мяли и из которого лепили другие), так и из мудрости, считая, что мертвый он слишком скоро будет забыт, тогда как оставленный в живых он будет постоянно на виду и сыграет роль своего рода противоядия от сходных наваждений в будущем. По этой причине он был взят на службу при дворе в незначительной должности на королевской кухне, так что (в порядке своего рода *mattachina*⁶⁰ человеческой судьбы) он поворачивал вертел с изображением короны, хотя обычно судьба не допускает, чтобы трагедия сменялась комедией или фарсом. А позднее он предпочел стать одним из королевских сокольничих. Что же до священника, то он был подвергнут строгому заключению и о нем больше не слышали; король любил держать под запором грозившие ему опасности.

После сражения король отправился в Линкольн, где повелел отслужить благодарственный молебен по поводу своего избавления от опасности и победы. А чтобы его благочестие распространилось равномерно, свое знамя он послал в дар Уолсингэмской Богоматери, которой перед тем были даны обеты.

Справившись таким образом со столь странной причудой судьбы, он вновь обрел прежнюю уверенность в себе, полагая теперь, что разом пережил все назначенные ему беды. Выпало ему, однако, как раз то, о чем простой народ поговаривал в начале его царствования: что «ему суждено править в муках, знамением тому была потливая болезнь в начале его правления». Впрочем, сколь ни считал себя король в безопасной гавани, такова была его мудрость, что уверенность редко ослабляла отличавшую его способность предвидения, особенно когда речь шла о ближайших событиях; поэтому, пробужденный новыми и неожиданными опасностями, он с должным вниманием занялся тем, как избавиться от всех участников прошедшего мятежа и уничтожить семена чего-либо подобного в будущем, для чего следовало лишить недовольных всех приютов и укрытий, где бы они могли замышлять и готовить заговоры, которые позднее набирали бы силу и превращались в мятежи.

Прежде всего он вновь совершил путешествие из Линкольна в северные графства, хотя это было (в действительности) не столько путешествие, сколько выездная сессия суда. Ибо на всем своем пути король с большой суровостью и строгим розыском вершил суд — то военный, то обычный — и расправу над привер-

женцами и пособниками покойных мятежников. Не во всех случаях дело кончалось смертной казнью (ибо много крови было пролито в сражении), часто это были штрафы или выкупы, щадившие жизнь и обогащавшие казну. Среди других преступлений тщательному расследованию подверглись действия тех, кто распускал слухи (незадолго до сражения), что победили мятежники, что королевская армия разбита и король бежал; предполагалось, что эта хитрость удержала многих, кто в противном случае пришел бы на помощь королю. Это обвинение, имевшее, впрочем, некоторые основания, было принято и усердно поддержано теми, кто (не будучи сам ни особенно предан королю, ни охвачен рвением прийти ему на помощь) был рад воспользоваться такой возможностью, чтобы под предлогом устрашающих слухов скрыть свое небрежение и холодность. Король, однако, не пожелал заметить этой хитрости, хотя в отдельных случаях он, по своему обыкновению, разоблачал и клеймил виновных.

Что же до устранения корней и причин подобных потрясений и возможности их повторения в будущем, то король начал понимать, в каком месте ему жмет туфель, а именно, что причиной недобрых к нему чувств в народе было унижение дома Йорков. Он был теперь достаточно мудр, чтобы долгие не пренебрегать опасностью, и, желая как-то ублажить недовольных (по крайней мере в том, что касается формы), он решил наконец ^{26*} приступить к коронации своей супруги. И вот, по прибытии в Лондон, куда он вступил с помпой, как триумфатор, и где отпраздновал свою победу двухдневным богослужением (в первый день он отправился в собор св. Павла, где был пропет *Te Deum*, а на следующий день участвовал в крестном ходе и выслушал проповедь у Креста) ⁶¹, королева была с большой торжественностью коронована в Вестминстере. Это произошло 25 ноября ^{27*}, на третьем году его правления, иначе говоря, примерно через два года после бракосочетания (подобно крещению в старину, с которым долго медлили в ожидании восприемников). Столь странная и необычная отсрочка привела к тому, что всякий мог видеть, что это дело было ему не по душе и что совершалось оно под давлением необходимости и в интересах государства. Вскоре после этого, чтобы показать, что опять наступили ясные дни и что заключение Томаса, маркиза Дорсета, было вызвано не столько подозрениями лично в его адрес, сколько обстоятельствами, названный маркиз был выпущен на свободу без расследования или каких-либо иных проволочек.

В то же время король отправил посла к папе Иннокентию, объявляя ему об своем браке и о том, что ныне, подобно Энею, он пересек море прежде тяготивших его тревог и забот и добрался до безопасной гавани, благодаря его святейшество за то, что тот почтил его бракосочетание присутствием своего посланника и предлагая всегда рассчитывать на него лично и на силы его королевства.

Посол, обращаясь с речью к папе в присутствии кардиналов, столь возвеличивал короля и королеву, что вызвал у слушателей пресыщение. Но затем он до такой степени превозносил и обоготворял в своей речи папу, что все сказанное в похвалу его господину и госпоже должно было показаться умеренным и удобовоспринимаемым. Сознывая свою лень и бесполезность для христианского мира, папа был несказанно рад узнать, что отголоски его славы доносятся до столь удаленных мест, и принял посла с большим почетом, окружив его исключительной заботой. Кроме того, посол получил от папы весьма справедливую и достойную буллу, в трех отношениях ограничивавшую право убежища (которое крайне раздражало короля).

Во-первых, оно ограничивалось в том отношении, что если какой-либо воспользовавшийся этим правом человек, ночью или в другое время, тайно покинул убежище, совершил преступление и затем вернулся, то он навсегда лишался этого права.

Во-вторых, в том, что, хотя убежище обеспечивало укрывшемуся в нем личную безопасность от кредиторов, оно не защищало его собственности, находившейся вне убежища.

В-третьих, в том, что если кто-либо пользовался убежищем в связи с обвинением в измене, то король мог назначить своих представителей для наблюдения за ним внутри убежища.

Кроме того, король, чтобы лучше оградить свое достоинство от мятежных и недовольных подданных (он видел, что ими наводнена страна), которые могли искать убежища в Шотландии (она не была на замке, как порты), — скорее по этой причине, чем опасаясь проявлений враждебности со стороны шотландцев, — направил еще до своего прибытия в Лондон, из Ньюкасла, официальное посольство к королю Шотландии Якову III для переговоров и заключения договора о мире. В состав посольства вошли Ричард Фокс, епископ Эксетера, и сэр Ричард Эджкомб, управляющий королевским двором, удостоенные там почетного приема и обращения. Но, хотя шотландский король, страдавший от той же болезни, что и король Генрих (как позднее выяснилось, в более опасной для жизни форме), т. е. от недовольных подданных, склонных к мятежу и возмущению, по личным своим наклонностям и очень желал заключить мир, все же, столкнувшись с нежеланием своих пэров и не решаясь вызвать их неудовольствие, он ограничился семилетним перемирием^{28*}, конфиденциально пообещав, однако, что, пока оба короля живы, оно будет время от времени возобновляться.

До той поры король упражнялся в улаживании домашних дел. Но примерно в это время произошло событие, обратившее его взоры за рубеж и вынудившее заняться международными делами. Карл VIII, французский король, благодаря добродетели и удачливости двух своих непосредственных предшественников, деда Карла VII⁶² и отца Людовика XI⁶³, получил французское королев-

ство более цветущим и обширным, чем оно было многие годы до этого. Оно уже было восстановлено в тех своих главных частях, которые в древности принадлежали французской короне, но позднее отделились и оставались лишь в вассальной зависимости от французского короля, не подлежа его суверенитету и будучи управляемы собственными самодержавными государями. Речь идет об Анжу, Нормандии, Провансе и Бургундии. Оставалось лишь присоединить Бретань, и французская монархия была бы восстановлена в своих древних границах ⁶⁴.

Короля Карла весьма воодушевляла задача вернуть это герцогство, присоединив его к своим владениям, и это его стремление было мудрым и тщательно взвешенным в отличие от стремлений, которые руководили им в его позднейших действиях в Италии ^{29*}. Ибо в то время, только что оказавшись на троне, он как бы продолжал слушаться советов своего отца (советов, но не советников, ибо отец его был сам себе советником и в его окружении было мало способных людей), а покойный король (как он хорошо знал) всегда испытывал отвращение к итальянским проектам и с особым вниманием следил за Бретанью. Было немало обстоятельств, которые питали воображение Карла зримыми надеждами на успех. Герцог Бретани ⁶⁵ — старец, впавший в спячку, окруженный продажными советниками, отец двух дочерей, одна из которых болезненна и долго не протянет. Сам же король Карл — в расцвете сил ^{30*}, а его французские подданные хорошо подготовлены к войне на роли как командиров, так и солдат (еще не успели одряхлеть солдаты — участники войн Людовика против Бургундии). К тому же он оказался в мире со всеми соседними государями. Что же касается тех, кто мог бы противодействовать его предприятию, то Максимилиан, король римлян, чьи вожделения были направлены на те же объекты (как на герцогство, так и на дочь), не располагал достаточными силами, а английский король Генрих был, с одной стороны, несколько скован в своих действиях по отношению к нему благодарностью за оказанную помощь, с другой же — поглощен собственными домашними заботами. Кроме того, ему представилась прекрасная возможность скрыть свои намерения и оправдать военные действия против Бретани, когда герцог принял у себя и поддержал Людовика, герцога Орлеанского, и других представителей французской знати, выступивших с оружием в руках против своего короля ⁶⁶. Поэтому король Карл, решившийся на эту войну, хорошо знал, что никогда противодействие ему не будет столь сильным, как в том случае, если король Генрих, из государственных ли соображений, чтобы помешать росту величия Франции, или из благодарности герцогу Бретани за оказанные ему во времена невзгод благодеяния, ввяжется в эту распря и объявит себя на стороне герцога. Вот почему, как только он услышал о том, что король Генрих победой упрочил свое положение, он тотчас отправил к нему послов с просьбой о помощи или по крайней мере

о том, чтобы он оставался нейтральным. Эти послы нашли короля в Лестере и передали ему свои полномочия следующим образом. Сначала они сообщили королю об успехе, которого добился незадолго перед тем их господин в борьбе с Максимилианом, вернув некоторые из захваченных последним городов^{31*}, причем сделали это, прибегнув к своего рода конфиденциальности, лично королю, как будто французский король рассматривал его не в качестве внешнего или формального союзника, а как того, кто делит с ним одни и те же привязанности и судьбы, с кем ему приятно обсудить свои дела. После этих любезностей и поздравления короля с победой они перешли к возложенному на них поручению и объявили королю, что их господин был вынужден начать справедливую и необходимую войну с герцогом Бретани, так как тот принял у себя и поддержал изменников и явных врагов его особы и государства; что речь идет не о простых людях, попавших в беду и бежавших к нему в поисках убежища, а о людях, знатность которых с очевидностью свидетельствует, что они отправились туда не за тем, чтобы сохранить свою жизнь и достояние, а за тем, чтобы посягнуть на достояние короля, ибо во главе их стоит герцог Орлеанский, первый принц крови и второе лицо во Франции; что поэтому справедливо считать, что со стороны их господина эта война является оборонительной, а не завоевательной, и что ее нельзя было избежать, если заботиться о сохранении своих владений; что не первый удар делает войну завоевательной (такой взгляд не стал бы отстаивать ни один мудрый государь), а первая провокация или, по крайней мере, первые приготовления; более того, что, мол, эта война есть скорее подавление мятежников, нежели война против настоящего врага, ибо дело обстоит таким образом, что его изменников-подданных принимает к себе герцог Бретани, его вассал; что королю Генриху хорошо известно, что это будет за дурной пример, если государи соседних стран будут опекать и пригревать мятежников в нарушение государственного и международного права; что при всем том их господину не осталось неизвестным, что в несчастье король обращался за помощью к герцогу Бретани, но они в то же время знали, что король Генрих не забудет и готовности их короля помочь ему, когда его покинули и собирались предать герцог Бретани и его продажные советники; и что существует большая разница между знаками дружбы, полученными от их господина и от герцога Бретани, ибо герцог мог иметь целью собственную выгоду, тогда как их господин не мог действовать иначе, как движимый чистым благорасположением; ведь если руководствоваться политическими соображениями, то ему было бы выгоднее, чтобы в Англии правил тиран, беспокойный и ненавидимый, а не подобный государь, чьи добродетели не могли не обеспечить ему величие и могущество, когда он стал хозяином положения. Но как бы ни обстояло дело с обязательствами, которые могли быть у короля Генриха перед герцогом Бретани, их господин

был все же вполне уверен, что они не помешают королю Генриху Английскому поступить так, как того требует справедливость, и не побудят его ввязаться в столь беспричинную ссору. Вот почему, раз единственная цель этой войны, которую предостит теперь вести их господину, состоит в избавлении от нависшей над ним угрозы, их король надеется, что король Генрих выкажет такое же сочувствие делу сбережения владений их господина, какое выказал (в свое время) их господин в отношении приобретения королем его королевства; что в соответствии с приверженностью к миру, которую король всегда выказывал, он, по меньшей мере, останется наблюдателем и сохранит нейтралитет, ибо их господин не считает возможным настаивать на его участии в войне, памятуя, сколь недавно он утвердил свое положение и оправился от последствий междоусобицы. Однако при всяком прикосновении к тайне возвращения герцогства Бретани французской короне, путем ли войны или брака с дочерью герцога, послы отстранялись от нее, как от каменной преграды, зная, что она больше, чем что-либо, говорит против них; поэтому они всеми средствами уклонялись от какого-либо упоминания об этом и, напротив, вплетали в свою беседу с королем упоминания о твердом намерении их господина сочетаться браком с дочерью Максимилиана, а также развлекали короля путаными речами^{32*} о намерении их короля вооруженной силой восстановить свои права на королевство Неаполитанское, лично отправившись туда с войском. Это делалось для того, чтобы исключить все подозрения о существовании у короля какого-либо иного плана, связанного с соседней Бретанью, помимо намерения потушить там пожар, который, как он боялся, мог бы перекинуться и на его владения.

Обсудив все это с членами своего совета, король дал послам ответ. Первым делом он ответил любезностью на любезность, сказав, что он очень рад тому, что французский король получил упомянутые города от Максимилиана. Затем он доверительно рассказал о некоторых достопримечательных эпизодах из случившегося с ним и об одержанной победе. Что касается бретонских дел, то король в немногих словах ответил, что французский король и герцог Бретани — это те два человека, которым он более, чем кому-либо, обязан; что для него будет большим несчастьем, если их отношения будут складываться таким образом, что он не сможет исполнить своего долга благодарности в отношении их обоих; что единственная возможность для него как для христианского короля и общего их друга исполнить все обязанности перед Богом и людьми состоит в том, чтобы предложить себя в качестве посредника в деле восстановления мира и согласия между ними; при этом он не сомневается, что таким путем и владения короля, и его честь будут сохранены более надежно, и это вызовет меньше зависти, чем в случае войны; что он не пожалеет никаких затрат и усилий, даже если пришлось бы отправиться в паломничество, для

столь доброго дела; и заключил, что в этом великом деле, которое он принял столь близко к сердцу, он сможет полнее выразить себя с помощью посольства, которое он и отправит спешно к королю для этой цели. С этим и были отпущены французские послы: король не хотел понимать ничего из того, что касалось возвращения Бретани, так же, как послы избегали каких-либо упоминаний об этом; он лишь слегка коснулся этой темы, употребив слово «зависть». На самом деле король не был ни столь непроницательным, ни столь плохо осведомленным, чтобы не понять планов Франции завладеть Бретанью. Но, во-первых, он совершенно не имел желания (какие бы ни распускались им слухи) вступать в войну с Францией. Он любил военную славу, но не усилия по ее обретению; одна, полагал он, обогащает, другие же разоряют. К тому же он испытывал много тайных опасений^{33*} в отношении собственного народа, в чьи руки он потому не желал вкладывать оружие. При всем том ему, как благоразумному и смелому государю, мысль о войне была не столь уж ненавистна; он скорее был готов избрать этот путь, нежели допустить, чтобы Бретань — столь большое и богатое герцогство и расположенное в столь опасной близости к побережью Англии и ее морским торговым путям — была захвачена Францией. Но надежды короля были на то, что — отчасти из-за легкомыслия, обычно приписываемого французам (особенно, поскольку речь шла о дворе юного короля), отчасти благодаря силе самой Бретани, которая была немалой, но главным образом учитывая обилие сторонников, которых имел во французском королевстве герцог Орлеанский, а значит, и средств для возбуждения общественных беспорядков, которые отвлекали бы французского короля от его бретонского предприятия, учитывая, наконец, силу Максимилиана, который был соперником французского короля, — это предприятие должно было либо найти мирное завершение, либо потерпеть крах. Во всех этих своих расчетах и оценках король, как позднее оказалось, ошибался. Он тотчас послал к французскому королю Кристофера Урsvика⁶⁷, своего капеллана, которому очень доверял и к услугам которого часто прибегал, избрав его главным образом потому, что как духовное лицо он больше чем кто-либо подходил для миротворческой миссии. Ему было также поручено, в том случае, если французский король согласится вести переговоры, отправиться затем к герцогу Бретани и привести обе стороны к соглашению. Урsvик сделал заявление французскому королю, имевшее в основном тот же смысл, что и ответ короля французским послам в Англии, и к тому же деликатно внушавшее мысль о прощении герцога Орлеанского и некоторое представление о возможных условиях соглашения. Но французский король, со своей стороны, повел себя на этих переговорах неискренне, с большой долей хитрости и лицемерия; его цель состояла в том, чтобы выиграть время и, обольщая надеждой на достижение мира, оттянуть английскую помощь до той поры, когда он вооруженной

силой надежно упрочит свое положение в Бретани. Вот почему он ответил неслуху, что готов отдать свою судьбу в руки короля и прибегнуть к нему как к третьему судье, и охотно согласился, чтобы послы тотчас же отправились в Бретань сообщить об этом его согласии и узнать, что думает по этому поводу герцог; он при этом хорошо знал, что герцог Орлеанский, всецело руководивший герцогом Бретани и занявший непримиримую позицию, не пойдет ни на какие мирные переговоры. Таким образом ему удалось одновременно замаскировать перед миром свои притязания и завоевать репутацию государя, действующего справедливо и умеренно, и к тому же обрести расположение английского короля к себе как к человеку, который во всем уступил его воле; наконец, ему удалось (что было еще большим успехом) заставить короля поверить в то, что, хотя он и начал войну, но только затем, чтобы с мечом в руке сломить упорство другой стороны и принудить ее к миру. Расчет был на то, что король Генрих не будет задет вооружением и другими действиями французов и что договор так и останется в стадии подготовки до самого последнего момента, когда французский король станет хозяином положения. После того как французским королем были столь мудро заложены основы успеха, всё последующее происходило в соответствии с его ожиданиями. Ибо, когда английский посол прибыл ко двору Бретани, герцог едва ли был в здравом уме и всеми делами заправлял герцог Орлеанский, который принял капеллана Урsvика и на переданное им послание в несколько высокопарных выражениях отвечал, что герцог Бретани, оказавший королю гостеприимство и бывший ему, можно сказать, приемным отцом, когда тот был в нежном возрасте и испытал на себе превратности судьбы, в настоящее время ожидает от короля Генриха (прославленного короля Англии) храбрых войск себе в помощь, а не пустых разговоров о мире. И если король мог забыть те добрые услуги, которые герцог оказал ему в прошлом, то герцог все же уверен, что король с его мудростью подумает о будущем и о том, как важно для его собственной безопасности и репутации, как за рубежом, так и у собственного народа, не допустить, чтобы Бретань (давняя союзница Англии) была проглочена Францией и чтобы такое множество прекрасных портов и хорошо укрепленных городов на побережье оказалось в распоряжении столь могущественного короля-соседа и столь давнего врага. А поэтому он выражает смиренное пожелание, чтобы король подумал об этом деле как о собственном; на этом он прервал аудиенцию и отказался от каких бы то ни было дальнейших переговоров о соглашении.

Урsvик первым делом вернулся к французскому королю и сообщил ему о том, что произошло. Последний, видя, что все идет в соответствии с его желаниями, воспользовался этим и сказал, что посол может теперь сам видеть то, что король со своей стороны отчасти предвидел раньше; что, учитывая то, в каких руках нахо-

дится герцог Бретани, мира нельзя достичь иначе, чем действуя и силой, и убеждением; что поэтому он будет продолжать использовать первое из этих средств и хотел бы, чтобы король не бросал другого средства; но что он со своей стороны твердо обещает оставаться во власти короля, следовать ему в вопросе о мире. Это и передал Урsvик королю по возвращении и притом таким образом, как если бы договор отнюдь не был безнадежным делом, но был отложен до тех лучших времен, когда удары молота сделали бы Бретань более податливой. После этого между двумя королями происходил непрерывный обмен посланиями по вопросу о мирных переговорах, причем один из них действительно желал мира, тогда как другой лицемерил. Французский король тем временем с большими силами вторгся в Бретань, подверг жестокой осаде город Нант ^{34*}, и (как человек, не имевший слишком большого ума, но имевший то, что помогало ему успешно притворяться), чем более упорно вел войну, тем настойчивее призывал к миру. Дело дошло до того, что во время осады Нанта, после множества писем и обстоятельных посланий, он, чтобы поддержать свою лицемерную игру и оживить переговоры, послал к королю Генриху Бернара Добиньи ^{35*}, человека весьма достойного, с настоятельной просьбой как-нибудь довести дело до конца. Король проявил не меньшую готовность оживить и ускорить переговоры и направил во Францию ответное посольство из трех человек — аббата Абингдона, сэра Ричарда Тунстола и капеллана Урsvика, прежде уже привлекавшегося для выполнения подобного поручения, — которые должны были употребить все возможные усилия для того, чтобы быстро и решительно привести стороны к соглашению.

Примерно в это же время лорд Вудвиль ⁶⁸ (дядя королевы), джентльмен, исполненный мужества и жажды славы, обратился к королю с просьбой о том, чтобы ему было дозволено тайно собрать отряд добровольцев и без официального разрешения или паспорта (где бы как-то мог фигурировать король) отправиться на помощь герцогу Бретани. Король отказал ему или, по крайней мере, сделал вид, что отказывает, и отдал строгий приказ не трогаться с места, поскольку, как считал король, подобные действия во время переговоров нанесут урон его чести. Тем не менее этот лорд (то ли в силу своего непокорного нрава, то ли вообразив, что король в душе может и не быть против того, о чем он не стал бы объявлять открыто) тайно отплыл на остров Уайт, губернатором которого он был, собрал немалую силу в четыре сотни человек, добрался с ними до Бретани и присоединился к войскам герцога. Когда эти новости достигли французского двора, то многих из молодежи они привели в такую ярость, что английские послы не чувствовали себя в безопасности. Но французский король, как во имя соблюдения дипломатических привилегий, так и потому, что в душе сознавал, что в вопросе о мире большим притворщиком из них двоих был он, запретил нанесение какого-либо ущерба, словом или делом,

особам послов или их свите. А вскоре прибыло доверенное лицо короля с поручением очистить его от каких-либо подозрений в связи с поступком Вудвиля, причем в качестве главного доказательства того, что это делалось без ведома короля, было указано на малость этих сил, которые, с одной стороны, никак не напоминали официальную военную помощь, а с другой — не могли сколько-нибудь изменить соотношение сил в пользу Бретани. Хотя французский король и не вполне поверил этому посланию, но, стараясь сохранить видимость дружбы с королем, притворился удовлетворенным. Вскоре после этого английские послы возвратились на родину, причем двое из них посетили также герцога Бретани^{36*} и увидели, что все осталось по-старому. По возвращении они информировали короля о состоянии этих дел и о том, сколь далек французский король от подлинного стремления к миру; ему предстояло поэтому обдумать какой-то другой курс. К тому же и сам король, вопреки общему мнению, был все это время не столь уж доверчив. Однако его ошибка состояла не столько в легковерии, сколько в неверной оценке сил другой стороны. Дело в том, что (как уже отчасти упоминалось ранее) король представлял себе ситуацию следующим образом. В его суждениях само собой разумелось, что, принимая во внимание укрепленность городов Бретани и численность ее войск, эта война не может закончиться быстро. Он полагал, что решения в войне, затеянной французским королем (тогда бездетным^{37*}) против прямого наследника французского престола⁶⁹, будут приниматься неохотно и неторопливо и что, кроме того, французское государство неизбежно будет переживать беспорядки и потрясения из-за действий сторонников герцога Орлеанского. Он полагал также, что Максимилиан, король римлян, является государем воинственным и могущественным и, по его расчетам, не замедлит оказать помощь бретонцам. Итак, рассудив, что это дело будет долгим, он составил план того, как ему наилучшим образом использовать это время для улаживания своих собственных дел. Первое, что он предполагал сделать, это воспользоваться своим выгодным положением в отношениях с парламентом, зная, что депутаты, принимая близко к сердцу конфликт в Бретани, будут щедро давать деньги. А деньги, которые под звон мечей потекут в казну, с наступлением мира окажутся в его сундуках. Поскольку же он знал, что в народе разгорелись страсти по этому поводу, он предпочел скорее казаться обманутым и усыпленным французами, чем проявить собственную робость, учитывая, что его подданные не могли вполне понимать те государственные интересы, которые вынуждали его быть сдержанным. По всем этим причинам он не видел другого пути, нежели затеять и поддерживать непрерывные переговоры о мире, приостанавливая и возобновляя их по мере необходимости. Кроме того, принимая благословенный облик миротворца, он учитывал и соображения чести. Думал он и о том, чтобы, воспользовавшись завистью, которую вызы-

вал французский король из-за этой войны с Бретанью, укрепить свое положение новыми союзами, а именно с Фердинандом Испанским, с которым они всегда были близки (даже характером и привычками), и с Максимилианом, который был особенно заинтересован в этом. Так что, в сущности, он рассчитывал обрести деньги, почет, друзей и в конечном счете мир. Но эти планы были слишком прекрасны, чтобы король добился успеха и целиком осуществил их, ибо такого рода большие дела обычно являют собой нечто слишком грубое и неподатливое, чтобы с ними можно было справиться при помощи тонких инструментов ума. Так и король обманулся в двух своих главных расчетах. Хотя у него и были основания полагать, что королевский совет остережется втягивать короля в войну против прямого наследника французского престола, но он не учел того, что действия Карла направлялись не какой-либо особой знатного происхождения или высоких достоинств, а людьми недостойными, для которых лучшее средство снискивать похвалы и милости состояло в том, чтобы давать рискованные советы, на которые бы не отважился ни один благородный или мудрый человек. Что же касается Максимилиана, то ему тогда придавали большее значение, чем он того заслуживал, поскольку еще не были известны непостоянство его нрава и стесненность обстоятельств.

После совещания с послами, которые не привезли ему никаких новостей, кроме того, чего он и раньше ждал (хотя похоже, что до того не знал об этом), он тотчас созвал свой парламент^{38*} и предложил на рассмотрение бретонский вопрос — устами своего канцлера Мортон^{39*}, архиепископа Кентерберийского, выступившего по этому вопросу.

«Милорды и господа, его королевская милость, наш самодержавный господин, повелел мне объявить вам причины, побудившие его созвать в это время свой парламент, что я и сделаю в немногих словах, умоляя его милость и всех вас простить меня, если я сделаю это не так, как следовало бы.

Его милость прежде всего извещает вас о том, что он хранит благодарную память о любви и верности, которые вы выказали на своем последнем заседании^{40*} утверждением его королевского достоинства, освобождением и восстановлением в правах его сторонников и конфискацией собственности предателей и мятежников; большего не могли одновременно сделать подданные для своего государя. Он столь доволен вами, что решил взять за правило обсуждать со столь верными и испытанными подданными все дела государственного значения, внутренние и внешние.

Итак, для того, чтобы созвать вас в настоящее время, имеется две причины: одна из них связана с международными делами, другая — с вопросами внутреннего управления.

Французский король (как вы, без сомнения, слышали) ведет в настоящее время ожесточенную войну против герцога Бретани.

Его армия стоит сейчас под Нантом ^{41*} и держит этот главный, если не по официальному значению, то по укрепленности и богатству, город герцогства в жестокой осаде; о его надеждах вы можете догадываться по тому, что он начал эту войну с самого трудного. Причины этой войны известны ему лучше, чем кому-либо. Он ссылается на прием и поддержку, оказанные герцогу Орлеанскому и некоторым другим французским лордам, которых король считает своими врагами. Другими усматриваются другие обстоятельства. Обе стороны через своих послов неоднократно просили короля о помощи — французский король о помощи или нейтралитете, бретонцы просто о помощи, ибо этого требует состояние их дел. Король, как христианский государь и благословенный сын святой церкви, предложил себя в качестве посредника в мирных переговорах между ними. Французский король соглашается вести переговоры, но не желает прекращать военные действия. Бретонцы, больше всех желающие мира, меньше, чем кто-либо, проявляют готовность к переговорам — не из самоуверенности или упрямства, а из неверия в искренность намерений другой стороны, ибо война продолжается. Равным образом и король, после того как он приложил больше усилий для достижения мира, чем для достижения какой-либо цели когда-либо в прошлом, и так и не сумел положить конец ни военным действиям с одной стороны, ни недоверию с другой, прекратил свои усилия, не раскаиваясь в них, но отчаявшись добиться успеха. Все вышеизложенное даст вам представление об обстоятельствах дела, относительно которого король просит вашего совета; речь идет ни о чем ином, как о том, следует ли ему вступать во вспомогательную и оборонительную войну на стороне бретонцев против Франции?

А чтобы вы лучше разобрались в этом деле, король повелел мне сказать вам от его имени кое-что о лицах, которые принимают в нем участие, кое-что о последствиях этой истории, поскольку они имеют отношение к нашему королевству, и кое-что о том, какой этим будет подан пример, воздерживаясь тем не менее от каких-либо выводов и суждений, пока его милость не услышит ваших добросовестных и разумных советов.

Во-первых, о самом короле, нашем государе, главном лице, которое вам следует принимать во внимание в этом деле. Его милость заявляет, что он подлинно и неизменно желает править в мире; в то же время его милость отвергает как покупку мира ценой бесчестия, так и принятие такого мира, который создал бы опасность на будущее, но сочтет переменной к лучшему, если Богу будет угодно сменить те внутренние неурядицы и мятежи, которые дотоле нарушали его спокойствие, на почетную войну против внешнего врага.

Что касается двух других лиц, участвующих в этом деле, французского короля и герцога Бретани, то его милость объявляет вам, что речь идет о людях, с которыми он связан более, чем

с кем-либо из друзей и союзников, ибо один из них простер над ним свою руку, чтобы защитить его от тирана, другой же протянул руку, чтобы помочь ему вернуть себе престол; поэтому он как частное лицо испытывает к ним равную привязанность. И хотя вы могли слышать, что его милость был вынужден бежать из Бретани во Францию из подозрения, что его предали, но для его милости это ни в какой мере не бросает тень на ранее оказанные ему герцогом Бретани благодеяния, ибо ему хорошо известно, что это было делом рук некоторых порочных людей из окружения герцога, которые действовали во время болезни последнего, без его согласия и ведома⁷⁰. Но, как бы все это ни затрагивало лично его милость, он хорошо знает, что перед лицом более высоких уз, обязывающих его всеми средствами обеспечивать безопасность и благосостояние его любящих подданных, для него теряют силу иные обязательства, проистекающие из долга благодарности, и что, если его милость вынужден будет воевать, он будет делать это без страсти или честолюбивых устремлений.

Что касается последствий этого дела для нашего королевства, то они измеряются тем, как далеко простираются замыслы французского короля. Ибо если речь идет лишь о том, чтобы образумить его подданных, упорство которых покоится на силе герцога Бретани, то нас это не касается. Если же в планы французского короля входит — или даже и не входит в его планы, но все равно может произойти, как если бы именно это было его целью, — превращение Бретани в провинцию и присоединение ее к французской короне, то стоит подумать над тем, что это может значить для Англии, как в смысле роста могущества Франции за счет присоединения к ней страны, простирающей свои мысы в пределы наших морей, так и в том смысле, что это оставляет наш народ незащищенным, лишая его таких верных и надежных союзников, какими всегда были бретонцы. Ибо в этом случае оказывается, что если еще недавно наше королевство было могущественным на континенте, располагая там сначала территориями, а позднее союзниками, такими, как Бургундия и Бретань, бывшими к тому же зависимыми союзниками, то теперь один из этих союзников уже поглощен частью Францией, частью Австрией, другой же вот-вот будет полностью поглощен Францией, и наш остров окажется в ограждении морских вод, окруженный прибрежными владениями двух могущественных монархов.

Что касается подаваемого примера, то и здесь все определяется тем же — намерениями французского короля. Ибо если бы Бретань была захвачена и поглощена Францией, как того ожидает зарубежный мир (склонный объяснять действия государей честолюбием), то это был бы опасный и общеприменимый пример того, как меньшее из соседствующих государств поглощается большим. В таком же положении могла бы считать себя Шотландия по отношению к Англии, Португалия по отношению к Испании, меньшие из госу-

дарств Италии по отношению к более крупным (то же и в Германии); или же вы сами, если бы кто-то из вас, представителей общин, не мог бы жить в безопасности рядом с кем-нибудь из могущественных лордов. И если бы такой пример был подан, то вину за это возложили бы главным образом на нашего короля, как на лицо наиболее заинтересованное и располагающее наибольшими возможностями не допустить этого. Но, с другой стороны, если считать, что собственным владениям французского короля угрожает большая опасность, то это предприятие может показаться актом скорее необходимости, чем честолюбия, и в распоряжении короля оказывается столь благовидный предлог (хотя, конечно, сила всегда найдет себе предлог), что подаваемый пример перестает выглядеть сколько-нибудь опасным; ясно ведь, что пример того, что делает человек в свою защиту, не может быть опасен, ибо возможность избежать этого находится в других руках. Однако во всем этом деле король полагается на ваше веское и зрелое суждение, которым он и намерен руководствоваться».

Таков был смысл речи, произнесенной лордом-канцлером по вопросу Бретани, ибо король повелел ему повести дело таким образом, чтобы вызвать в парламенте сочувствие задуманному предприятию, не связывая при этом короля какой-либо определенно выраженной позицией.

Канцлер продолжал:

«В том, что касается дел внутреннего управления, король повелел мне сказать вам, что ни у одного короля (за то малое время, что он царствует) не было, по его разумению, большей и основательнейшей причины для двух противоположных чувств, радости и печали, чем у его милости: радости, ввиду необычайного и очевидного благоволения к нему Всемогущего Бога, опоясавшего его царственным мечом и помогавшего этому мечу в борьбе со всеми его врагами, а также благословившего его столь многими и любящими слугами и подданными, на чей надежный совет, полное повиновение и храбрую защиту он всегда мог рассчитывать; печали, ибо Богу не было угодно, чтобы он держал свой меч в ножнах; часто приходилось ему обнажать этот меч (чего он отнюдь не желал, иначе как для отправления правосудия), чтобы отсекал вероломных и неверных подданных, которых Господь, думается, оставил (малую толику дурных среди множества добрых), как хананеев⁷¹ среди народа Израиля, чтобы они, как тернии, жалили их плоть, искушали и испытывали их, хотя конец всегда был таков (благословенно будь за то имя Господне!), что гибель падала на их же головы. Вот почему его милость говорит, что, по его разумению, не кровь, проливаемая на поле брани, сбережет кровь в городах и не маршальский меч установит полный мир в этой стране, но что верный путь к этой цели состоит в том, чтобы в самом начале заглушать ростки возмущения и мятежа и для этой цели измышлять, принимать и приводить в действие добрые и благо-

детельные законы против бесчинств, незаконных сборищ и всяких объединений и сговоров, устраиваемых вокруг ливрей⁷², эмблем и других знаков принадлежности к преступному сообществу и что такими законами, как стальной оградой, можно будет надежно охранить и упрочить мир в стране и подавить всякое насилие, будь то в судах, на дорогах или в частных домах.

Заботу об этих законах, от которых в столь большой степени зависит ваше собственное благополучие и которых настоятельно требует характер нашего времени, его милость поручает вашей мудрости.

А поскольку желание короля таково, чтобы этот мир, в условиях которого он надеется управлять вами и печься о вас, принес не только листву, в тени которой вы могли бы укрыться, но и плоды богатства и изобилия, постольку его милость просит вас уделить внимание вопросам торговли, а также мануфактур королевства и положить конец противоестественному и бесплодному употреблению денег для ростовщичества и незаконных сделок, с тем чтобы они могли быть направлены (в соответствии с естественным их употреблением) в торговлю, законную и пользующуюся покровительством короля, чтобы народ наш был привлечен к занятию полезными ремеслами, чтобы страна могла в большей степени обеспечивать себя плодами своего труда, чтобы исчезла праздность и прекратилось выкачивание наших богатств в уплату за товары заморского производства. И этим вы не должны ограничиваться, но должны сделать так, чтобы выручка за все, что ввозится из-за моря, могла бы тратиться на товары, производимые в этой стране, и чтобы тем самым не допускалось расточение ее богатств за счет торговли, производимой чужестранцами.

Наконец, будучи уверен, что вы не оставите в бедности того, кто желает вам богатства, король не сомневается, что вы позаботитесь как о поддержании его доходов от пошлин и из других источников, так и о том, чтобы от всего сердца оказать ему денежную помощь, если в этом будет нужда, — тем более, что вы знаете короля как рачительного хозяина, пекущегося о благе своего народа, знаете, что получаемое им от вас подобно влаге, исходящей от земли, каковая влага собирается в облако и выпадает обратно на землю; и вы хорошо знаете, как все больше растет могущество королевств вокруг вас, а времена сейчас беспокойные, и поэтому не годится, чтобы кошелек у короля оказался пуст. Больше мне нечего сказать вам; хотел бы я, чтобы сказанное было лучше выражено, но, чего недостает моим словам, восполняет ваша мудрость и добрые чувства. Да благословит Бог ваши дела».

Повлиять на парламент и настроить его нужным образом в этом деле было нетрудно, как по причине соперничества между двумя народами и зависти к росту французского королевства в последние годы, так и в силу опасности, что в руках французов окажутся подступы к Англии, если они получат столь удобную

приморскую провинцию, богатую портами и гаванями, и что они смогут вредить Англии, вторгаясь в нее или препятствуя ее судоходству.

Не оставила парламент безучастным и угроза, которой подверглись бретонцы, ибо хотя то, что говорили французы, было внешне убедительным ^{42*}, тем не менее доводы в глазах толпы всегда слишком слабы, чтобы не оставлять места для подозрений. В результате депутаты решительным образом посоветовали королю встать на сторону бретонцев и спешно послать им помощь, а также с полной готовностью предоставили королю большую субсидию ^{43*} для оказания этой помощи. Но король, желая, с одной стороны, соблюсти приличие по отношению к французскому королю, обязанным которому он себя признавал, с другой же стороны, желая скорее поугатать его войной, чем вступить в нее, отправил новое официальное посольство ^{44*}, чтобы уведомить французского короля о решении сословий и повторить свое предложение, чтобы французы воздержались от враждебных действий, или же, если войны не избежать, чтобы они приняли как должное, если, побуждаемый своим народом, у которого дело бретонцев, давних друзей и союзников, вызывало сочувствие, он окажет им помощь. При всем том послы должны были заявить, что во имя соблюдения всех договоров и законов дружбы он ограничил действия своих войск помощью бретонцам, но они ни в коем случае не предназначаются для войны с французами, если только последние не будут удерживать за собой Бретань. Но, прежде чем это официальное посольство добралось до места назначения, партии герцога был нанесен сильный удар, и ее влияние начало клониться к упадку. Вблизи городка Сент-Обен в Бретани состоялась битва ⁷³, в которой бретонцы были разбиты, а герцог Орлеанский и принц Оранский взяты в плен; бретонская сторона потеряла шесть тысяч убитыми и среди них лорда Вудвиля и почти всех его храбро сражавшихся солдат. С французской же стороны погибло тысяча двести человек вместе с их предводителем генералом Жаком Галеотом.

Когда новости об этой битве достигли Англии, пришло время королю (у которого уже не оставалось ни малейшего повода продолжать переговоры, у которого перед глазами было зрелище того, как вопреки его надеждам, Бретань быстро ускользает из рук, и который к тому же знал, что из-за его медлительности в прошлом отношение к нему и его доброе имя немало пострадали как в его собственном народе, так и за рубежом) со всей возможной быстротой отправить войска в помощь бретонцам, что он и сделал, снарядив под началом Роберта, лорда Брука, восемь тысяч отборных и хорошо вооруженных солдат, которые, благодаря попутному ветру, через несколько часов высадились в Бретани, тотчас же соединились с бретонскими силами, уцелевшими от разгрома, быстрым переходом разыскали противника и расположились

вблизи от него лагерем. Французы, мудро оберегая плоды своей победы и хорошо зная храбрость англичан, особенно когда их силы свежи, оставались в своих надежных укреплениях и твердо решили уклониться от сражения. Но одновременно, чтобы не давать англичанам покоя и утомлять их, они, пользуясь малейшей возможностью, бросали на них свою легкую кавалерию, но и в этих столкновениях они обычно несли потери, особенно от английских лучников.

Но после всех этих успехов скончался Франциск, герцог Бретани, то есть случилось то, что король мог легко предвидеть и что он должен был принять во внимание и учесть в своих планах, если бы соображения престижа (что-то нужно было предпринять) не возобладали над военным расчетом.

После смерти герцога люди, пользовавшиеся в Бретани наибольшей властью, отчасти будучи подкуплены, отчасти предавшись междоусобным раздорам, привели все в состояние полного хаоса, так что англичане, не находя ни головы, ни тела, с которыми можно было бы соединить усилия, озабоченные и недостатком друзей, и опасностью со стороны врагов, а также наступлением зимы, возвратились домой через пять месяцев после высадки^{45*}. Итак, битва при Сент-Обене, смерть герцога и отвод английских сил послужили причинами утраты (через некоторое время) этого герцогства — событие, послужившее для некоторых поводом упрекать короля в недостатке проницательности, большинством же объясняемое злосчастным временем, в которое ему довелось править.

Но если такие, связанные с преходящими обстоятельствами, деяния парламента, как помощь и советы в том, что касалось Бретани, не нашли себе благоприятной почвы и не принесли плоды, то в том, что касается долгосрочных плодов парламентской работы, в каком-то являются здоровые и благотворные законы, содеянное им оказалось непреходящим и сохранилось до сего дня. Ибо по представлению лорда-канцлера этот парламент^{46*} принял ряд отличных законов, относящихся к вопросам, на которые было указано королем.

Во-первых, полномочия Звездной палаты⁷⁴, прежде опиравшиеся на древнее общее право⁷⁵ королевства, были для некоторых случаев подтверждены актом парламента. Этот суд есть одно из мудрейших и благороднейших учреждений этой страны. Ибо в распределении полномочий между ординарными судами (кроме высокого суда парламента), в каком-то распределении Суд королевской скамьи ведает уголовными делами, Суд общих тяжб — гражданскими делами, Суд казначейства — делами, связанными с королевским доходом, а Суд лорда-канцлера обладает преторской властью⁷⁶ в крайних случаях смягчить суровость закона совестью доброго человека, за Королевским советом всегда оставалась высшая власть в делах, которые примером или последствиями могли затронуть интересы государства. Если такое дело было уголовным,

то Совет обычно заседал в палате, именуемой Звездной палатой, если гражданским, то в белой палате, или Уайт-холле. И как Суд лорда-канцлера обладал преторской властью решать дела по справедливости, так Звездная палата обладала цензурской властью в делах о преступлениях, караемых смертью. Этот суд Звездной палаты составлен из добрых элементов; в него входят четыре рода лиц: члены Совета, пэры, прелаты и главные судьи; дела, им рассматриваемые, также главным образом четырех родов: акты насилия, мошенничество, прочие виды преступного обмана и действия, ведущие к преступлению, караемому смертью, или особенно отвратительные, но не доведенные до конца. Главное же, против чего был направлен этот акт, это насилие и две основные опоры насилия: массовые собрания, с одной стороны, и своевольное поведение знати — с другой.

От забот об общем мире в стране король обратился к заботе о мире в королевском доме и безопасности своих высших чиновников и советников. Соответствующий закон имел, однако, несколько странные содержание и направленность. А именно, он гласил, что если кто-либо из королевских слуг, саном ниже лорда, замышляет убийство кого-либо из королевских советников или лорда королевства, то его приговаривают к смерти^{47*}. Полагали, что этот закон был делом рук лорда-канцлера, который, будучи человеком суровым и высокомерным и зная, что при дворе у него несколько смертельных врагов, обеспечивал таким образом собственную безопасность; ему удалось растворить коварство своего замысла в общих формулировках закона, разделив указанную привилегию со всеми другими советниками и пэрами, но при этом он все же не решился распространить действие этого закона на кого-нибудь, кроме лиц, состоящих на королевской службе, чтобы закон не оказался слишком суровым для рядового дворянства и других незнатных людей королевства, которые в том, что *для всякого уголовного преступления*⁷⁷ *намерение будет приравнено к деянию*, могли видеть покушение на их древнюю свободу и на милосердие законов Англии. Все же довод, приводимый в этом акте (а именно, что злоумышляющий против жизни советников может рассматриваться как косвенно злоумышляющий против жизни самого короля), приложим ко всем подданным в той же мере, что и к придворным. Похоже, что тогда этой меры было достаточно для целей лорда-канцлера; но он дожил и до нужды во всеобщем законе, ибо стал позднее столь же ненавистен всей стране, как ранее был ненавистен двору.

После мира в королевском доме заботы короля распространились на мир в частных домах и семействах; с этой целью был принят прекрасный нравственный закон, гласивший следующее: захват и увоз женщин силой и против их воли (кроме состоящих под опекой и крепостных) подлежит смертной казни. Парламент мудро и справедливо решил, что насильственное завладение жен-

щиной (даже если позднее посулами было получено согласие) представляет собой изнасилование, только растянутое во времени, ибо первое насилие определяет и характер всего, что происходит позднее.

Был принят и еще один закон, для охраны общего спокойствия и предотвращения убийств, которым вносились следующие изменения в общее право королевства: по общему праву королевский иск в случае убийства мог быть предъявлен только по прошествии года и одного дня, которые предоставлялись пострадавшей стороне для предъявления иска путем апелляции^{49*}; поскольку же опыт показал, что нередко пострадавшая сторона, подкупленная или уставшая от судебного преследования, прекращала иск, что при этом к концу указанного срока дело оказывалось практически забытым и что поэтому преследованием по королевскому иску путем публичного обвинения (всегда более действенному *flagrante crimine*⁷⁸) пренебрегали, поскольку было определено, что иск путем публичного обвинения может предъявляться в любое время в течение этого года и дня так же, как и позднее, не лишая при этом пострадавшую сторону права предъявления иска со своей стороны.

В это же время король, движимый как мудростью, так и справедливостью, начал понемногу урезать привилегии духовенства, повелев, чтобы клирикам, осужденным за уголовные преступления, жгли руку^{49*} — как для того, чтобы они могли вкусить телесного наказания, так и для того, чтобы на них осталось клеймо позора. Однако именно за этот добрый акт сам король был позднее заклеен в прокламации Перкина как достойный проклятия нарушитель обычаев святой церкви.

Для упрочения мира в стране был принят и еще один закон, по которому чиновники и арендаторы короля лишались должностей и держаний в случае незаконного содержания свиты или участия в набегах и незаконных сборищах.

Таковы были законы, учрежденные для борьбы с насилием, в которой главным образом и нуждались эти времена; они были столь разумно составлены, что оказались пригодными для всех последующих времен и остаются таковыми до сего дня.

Добрые и разумные законы были также приняты парламентом против ростовщичества как извращенного употребления денег и против незаконных и фиктивных сделок как извращенного ростовщичества, законы, обеспечивающие исправный сбор таможенных пошлин, и такие, по которым чужеземные товары, ввозимые иностранными купцами, должны были обмениваться на товары отечественного производства, — наряду с другими, менее важными законами.

Но если принятые этим парламентом законы принесли добрые и полезные плоды, то предоставленная в то же время субсидия принесла плод, оказавшийся жестким и горьким^{50*}. Все оказалось в конце концов в королевских закромах, но произошло это уже

после бури. Ибо, когда уполномоченные приступили к сбору налога по этой субсидии в Йоркшире и Даремской епархии, там внезапно вспыхнул сильный бунт; восставшие открыто заявляли, что в последние годы им пришлось вынести тысячу бедствий и что они и не в силах и не желают выплачивать субсидию. Несомненно, что за всем этим стояла не просто какая-нибудь текущая нужда, что во многом сказались давние настроения жителей этих областей, где память о короле Ричарде была столь свежа, что осадком лежала на дне людских сердец и стоило лишь взболтнуть сосуд, как она всплывала на поверхность; несомненно также, что отчасти взрыв возмущения среди них был вызван наущениями со стороны подстрекателей из числа недовольных. Когда это случилось, уполномоченные, будучи несколько удивлены, передали вопрос на рассмотрение графа Нортамберленда, который был высшим представителем власти в этих краях. Граф тотчас же написал ко двору, достаточно ясно извещая короля о том, в каком возбуждении он нашел население этих областей, и прося от короля указаний. Король в манере, не допускающей возражений, отвечал, что он не поступится ни одним пенни из того, что было дано ему парламентом, как потому, что это может поощрить другие области к просьбам о таких же изъятиях или послаблениях, так и потому главным образом, что он никогда не потерпит, чтобы чернь противилась власти парламента, воплощавшей в себе ее же голоса и волю. Получив это послание двора, граф собрал главных судей и фригольдеров⁷⁹ области и, говоря с ними тем же повелительным языком, которым писал ему король и в котором вовсе не было необходимости (единственной причиной было то, что суровое дело, к несчастью, попало в руки сурового человека), не только вызвал раздражение народа, но непреклонностью и высокомерием, с которыми он сообщал королевскую волю, вызвал подозрение, что он сам является автором или главным вдохновителем этого решения. Следствием этого было то, что толпа взбунтовавшейся черни, внезапно напав на графа в его доме, убила его^{51*} и многих его слуг; там они не задержались, но взяв себе в вожжи сэра Джона Эгрмонда, человека мятежного нрава, давно злоумышлявшего против короля, и, возбуждаемые низким человеком по имени Джон Палата⁸⁰, типичным *boutefeue*⁸¹, который пользовался большим влиянием в среде простонародья, подняли открытое восстание и решительно объявили, что двинутся против короля Генриха и будут бороться против него, защищая свои свободы. Когда короля оповестили об этом новом мятеже (а они, подобно приступам лихорадки, обрушивались на него ежегодно), он, по своему обыкновению мало этим встревоженный, послал против мятежников Томаса, графа Суррея (которого он незадолго перед тем не только выпустил из Тауэра и простил, но и выказал ему особое благоволение), наделив его всеми необходимыми полномочиями; последний вступил в бой с главным отрядом восставших,

разбил их и живьем захватил Джона Палату, их зачинщика. Что касается сэра Джона Эгрмонда, то он бежал во Фландрию к леди Маргарите Бургундской, чей дворец был убежищем для всех изменивших королю. Джона Палату казнили в Йорке с большой помпой: он как главный изменник был повешен на столбе, приподнятом над квадратной виселицей, а ряд его людей из числа главных сообщников висели вокруг него ступенью ниже; остальные получили общее прощение. Не пренебрег король и своим обычаем быть первым или вторым во всех своих военных предприятиях, подтвердив делом слова, которые он обычно произносил, услышав о мятежниках (что, мол, хотел бы он на них взглянуть). Ибо тотчас же после отправки графа Суррея, он двинулся на них самолично. И даже услышав в пути новости о победе, дошел до Йорка^{52*}, чтобы умиротворить эти области и восстановить там порядок. Сделав это, он вернулся в Лондон, оставив графа Суррея своим наместником в северных областях, а сэра Ричарда Тунстола — своим главным уполномоченным по сбору субсидии, из которой он не поступился ни одним денье.

Примерно тогда же^{53*}, когда король потерял такого хорошего слугу, как граф Нортамберленд, несчастливое стечение обстоятельств лишило его также верного друга и союзника в лице Якова III, короля Шотландии. Этот несчастный государь, томившийся долгое время в душливой атмосфере недовольства и ненависти со стороны многих из среды знати и народа, в атмосфере, временами прорываемой волнениями и неурядицами при дворе, был, наконец, доведен своими врагами до полного отчаяния, когда они взяли за оружие и, захватив врасплох принца Якова, его сына, заставили последнего (отчасти силой, отчасти угрозами), что в противном случае они отдадут королевство королю Англии, номинально возглавить восставших, придав таким образом восстанию видимость законности. Когда это произошло, шотландский король (видя свою слабость) обратился к королю Генриху, а также к папе и королю Франции, прося их помочь в улаживании неурядиц между ним и его подданными. Короли не замедлили вмешаться, решительно и с царственным величием^{54*}, и не ограничились просьбами и убеждениями, и прибегли также к официальным протестам и угрозам, заявив, что они считают общей заботой всех королей недопущение такого порядка, при котором бы подданные могли навязывать законы своим государям, и что они соответственно воспротивятся такого рода попытке и покарают за нее. Но мятежники, сбросившие более тяжелое ярмо повиновения, не остановились перед тем, чтобы отринуть и менее тяжкие узы почтения, и, позволив ярости возобладать над страхом, отвечали, что не может быть и речи о мире, если король не отречется от престола. После чего (так как не удалось достичь соглашения) дело дошло до битвы при Бэнноксберне-на-Стривелине. В этой битве король, движимый гневом и справедливым негодованием,

проявил опрометчивость и, поторопившись с атакой до того, как к нему подошли все его силы, был, несмотря на ясное и недвусмысленное повеление принца, его сына, убит во время преследования, загнанный на мельницу, расположенную на поле, где происходила битва.

Что касается папского посольства, которое было возглавлено Адрианом де Кастелло, итальянским легатом (и которое по характеру тех времен могло бы оказаться более успешным, чем другие), то оно прибыло слишком поздно для посольства, хотя и не для посла. Ибо, проезжая через Англию и будучи с большим почетом принимаем королем Генрихом (который всегда выказывал большое уважение папскому престолу), он снижал большое расположение короля и вступил в весьма короткие и дружеские отношения с канцлером Муртоном. До такой степени, что король, привязавшись к нему и находя его себе полезным, сделал его епископом Херефордским, а позднее Батским и Уэльским и использовал его во многих своих государственных делах, связанных с Римом. Он был человеком большой учености, мудрости и ловкости в делах государственного управления и, будучи вскоре возведен в кардинальский сан, воздал королю обильную дань благодарности, прилежно и со свойственной ему трезвостью суждений осведомляя его о событиях в Италии. В конце своей жизни он, однако, принял участие в заговоре, который затеяли кардинал Альфонсо Петруччи и некоторые другие кардиналы с целью лишить жизни папу Льва⁸². И это преступление, само по себе отвратительное, было в его случае отягощено своим мотивом, каковым были не озлобление или недовольство, а стремление занять папский престол. К высочайшей степени нечестия здесь примешалось немало легкомыслия и безрассудства, ибо надежду стать папой возбудила в нем (согласно широко распространенному представлению) роковая шутка — предсказание гадалки, гласившее, что папе Льву наследует некто, чье имя будет Адриан, пожилой человек низкого происхождения и большой учености и мудрости, в каковом портрете он увидел себя, хотя воплощение этот портрет получил в Адриане Фламандце, сыне голландского пивовара, кардинале Тортосы и наставнике Карла V, том самом, который, не сменив имени, звался позднее Адрианом VI⁸³.

Но все это случилось в следующем году, который был пятым годом правления этого короля^{55*}. В конце же четвертого года король вновь созвал свой парламент^{56*} — как кажется, не по какой-либо государственной надобности, но, поскольку прежний парламент^{57*} прекратил свою работу несколько внезапно (в связи с приготовлениями к походу в Бретань), то король думал, что он не достаточно вознаградил свой народ добрыми законами (которыми он всегда расплачивался за поступления в казну); и когда восстание на севере показало ему, что субсидия вызвала повсеместное недовольство, он счел за благо дать своим подданным еще одно

удовлетворение и утешение в этом роде. Его время несомненно выделяется хорошими законами, так что он может быть по справедливости провозглашен лучшим законодателем этой страны после Эдуарда I⁸⁴. Ибо его законы (для всякого, кто хорошо их помнит) глубоки и незаурядны; они не созданы по какому-либо конкретному случаю для нужд настоящего, а рождены провидением будущего, стремлением сделать свой народ все более и более счастливым по примеру законодателей в древние и героические времена.

Первым делом поэтому он издал закон, отвечающий его собственным делам и времени. Ибо, как сам он в своем лице и своим браком окончательно решил вопрос о правах на корону, так и этим законом он устанавливал подобный же мир в том, что касалось частных владений подданных, постановив, что отныне соглашения в вопросах о владении должны быть окончательными, лишаящими прав всех других лиц, и что после уплаты сборов и торжественного провозглашения прав субъекту предстоит «время бодрствования», пять лет с момента вступления во владение, по прошествии которых право навсегда закрепляется за ним — за некоторыми исключениями, относящимися к малолетним, замужним женщинам и тому подобным недееспособным лицам. Этот закон в действительности лишь восстанавливал один из старинных законов королевства, который в свою очередь был установлен в подтверждение общего права. Отступлением от этого права был закон, установленный при Эдуарде III и обычно именуемый статутом «непритязания»⁸⁵. Закон короля Генриха, без сомнения, послужил своего рода предзнаменованием доброго мира, который сохраняется (по большей части) в этом королевстве со времени издания этого закона до наших дней. Ибо законы «непритязания» рассчитаны на времена войны, когда умы людей обеспокоены тем, что они не могут наблюдать за своими владениями, тогда как законы, обеспечивающие безопасность имений, более всего пригодны для времен мира, ибо призваны исключать тяжбы и распри, которые суть одна из язв, отравляющих мир.

Другой закон был установлен исключительно в политических целях, явным образом ради умножения народонаселения и (как показывает его тщательное рассмотрение) ради умножения военного могущества королевства. В это время участились огораживания⁸⁶, вследствие которых пахотные земли (а их не обработать в отсутствие крестьянина и его семьи) обращались в пастбище, легко обезжаемое несколькими пастухами, и земли, сдававшиеся в держание на годы, пожизненно и по воле господина (земли, на которых жило большое число именов⁸⁷), владельцы превращали теперь в домены⁸⁸. Это вело к обезлюдению и, как следствие, к упадку селений, обеднению приходов, уменьшению десятины и тому подобным обстоятельствам. Король, кроме того, очень хорошо знал и никоим образом не забывал, что еще одним след-

ствием этого было сокращение субсидий и налогов, ибо это всегда так: чем больше в стране джентльменов, тем меньше субсидий. В устранении этой угрозы мудрость короля проявилась замечательным образом, равно как и мудрость тогдашнего парламента. Огораживание они не стали запрещать, ибо это означало бы запретить улучшение наследственных владений королевства^{58*}, не захотели они и принуждать к возделыванию земли, ибо это значило идти против природы и пользы; но они приняли меры, чтобы исключить те случаи огораживаний и превращения пашни в пастбища, которые явным образом вели к обезлюдению — к тому же не называя этого своим именем и не прибегая к открытому запрещению, а как следствие естественного хода событий. Указ гласил, что всякое хозяйство, располагающее двадцатью и более акрами земли, подлежит вечному сохранению и поддержанию, вместе с земельным участком, достаточным для содержания и проживания земледельца и его семьи и ни в каком случае от этого хозяйства неотторжимым (как это было более обстоятельно заявлено в другом законе, изданном позднее, при его преемнике) — под угрозой, что лицо, нарушившее этот указ, лишается владельческих прав, однако не путем народных действий, а путем захвата земли в пользу короля или сюзерена огораживателя, которые получают с нее половину дохода до тех пор, пока дворы и тянувшие к ним земли не будут восстановлены.

Таким образом, сохранение хозяйств с необходимостью обеспечивало их обитаемость, а количество земли, оставляемой для проживания, служило гарантией того, чтобы обитатель был не нищим или коттером⁸⁹, а человеком состоятельным, который мог бы держать работников и слуг и у которого плуг не стоял бы без работы. Это замечательным образом сказалось на могуществе и населенности королевства — то, что крестьянские хозяйства в нем были достаточно велики, чтобы избавлять от нужды трудоспособных людей, и действительно привели к переходу значительной части земель королевства во владение и пользование иоменри⁹⁰ или людей среднего достатка, занимающих промежуточное положение между джентльменами и коттерами или крестьянами. А насколько это способствовало росту военного могущества королевства, становится ясно, если обратиться к истинным законам войны и примерам других королевств. Ибо, согласно общему мнению людей, знающих толк в войнах (притом, что некоторые из них отклонялись от общего мнения и что последнее может как-то зависеть от особенностей каждого данного случая), главную силу армии составляет пехота. А для того, чтобы создать хорошую пехоту, требуются люди, выращенные не в условиях рабства и нищеты, а в условиях некоторой свободы и достатка. Поэтому если государство благосклонно главным образом к аристократии и дворянству, а землепашцам предоставлена лишь участь быть у них в работниках, либо же участь простых коттеров (каковые

суть всего лишь нищие с крышей над головой), то вы можете иметь неплохую конницу, но никогда не создадите надежных пеших отрядов, подобно тому как если при прореживании молодого леса оставить деревья расти слишком густо, то они дадут заросли кустарника, а чистого подлеска будет мало. Именно это можно видеть во Франции и Италии (и кое-где еще в чужих краях), где все население, по существу, делится на благородное сословие и крестьянство (я говорю о тех, кто живет вне городов) и где вовсе нет среднего слоя; а потому нет и доброго пешего войска, до такой степени, что они вынуждены использовать в качестве такового наемные отряды швейцарцев (и им подобных). Отсюда и получается, что в этих странах много людей и мало солдат. Наш же король, напротив, предусмотрел, чтобы Англия, хотя и много меньшая по территории, имела в своих войсках бесконечно больше солдат из среды собственного народа, чем другие государства. Таким образом король тайно посеял зубы Гидры⁹¹, из которых (согласно вымыслу поэта) должны произрасти вооруженные мужи для нужд нашего королевства.

Король повелел также (заботясь о том, чтобы обеспечить могущество своего королевства не только на суше, но и на море), чтобы для поддержания флота в лучшем состоянии вина и вайду⁹² из таких краев, как Гасконь и Лангедок, доставляли не иначе, как на английских судах, совершив тем самым поворот в политике этого государства от издавна определявших ее забот о богатстве к заботам о могуществе, ибо почти все старые законы побуждают (всеми средствами) иностранных купцов ввозить товары всех видов; заботились при этом о дешевизне, государственные же интересы, связанные с могуществом на море, в расчет не принимались.

Король утвердил в этом парламенте также закон, предостерегавший мировых судей и грозивший им наказанием за ненадлежащее исполнение своих обязанностей, призывавший к подаче жалоб на них сначала их коллегам — мировым же судьям⁹³, затем в суды ассизов⁹⁴ и, наконец, королю или канцлеру, и устанавливавший, чтобы изданная королем прокламация такого содержания читалась в открытых заседаниях четырежды в год, дабы держать их настороже. Желая также видеть свои законы исполняемыми и пожинать благодаря этому либо повиновение, либо плоды конфискаций (чем он к концу жизни стал слишком злоупотреблять), он принял меры и против распространившейся практики приостанавливать преследование по уголовным делам, когда иск предъявлялся по тайному сговору сообщниками преступника, что позволяло вести разбирательство не слишком настойчиво и по желанию прекращать его; в то же время лишая силы тот иск, который бы обеспечил эффективное преследование.

Он издал также законы об упорядочении чеканки монет и о наказаниях за подделку употребительных в Англии иностранных

денег. А также о том, чтобы никакая плата иностранному купцу не производилась золотом — ради сохранения богатств внутри королевства, ибо золото — это металл, занимающий меньше всего места ^{59*}.

Он издал также законы о поддержании торговли тканями и о сохранении шерсти внутри королевства, и, мало того, еще и об ограничении цен на ткани, установив одну цену для более тонкой, другую для более грубой ткани. Я упоминаю об этом как потому, что это было редким делом — устанавливать цены законодательным путем, особенно на наши отечественные товары, так и ввиду мудрости, с которой составлен этот акт, не предписывающий цен ^{60*}, но задающий предел, которого они не должны превышать, так чтобы суконщик мог торговать в соответствии со своими возможностями.

Этим парламентом были приняты и другие добрые законы, но названные были важнейшими. В этой связи я хочу, чтобы те, в чьи руки попадает этот труд, отнеслись благосклонно к тому, что я так много внимания уделил законам, установленным в правлении этого короля; тому были следующие причины: как то, что в этом состояла главнейшая добродетель и заслуга этого короля, чьей памяти я воздаю честь, так и то, что это отвечает моим личным склонностям; главное же то, что, по моему мнению, недостатком даже лучших исторических писателей является нередкое отсутствие у них обзора наиболее памятных законов, принятых в то время, о котором они пишут, законов, являющихся подлинно важнейшими деяниями мирного времени. Ибо хотя их и можно найти в самих сводах законов, но это не столь полезно для развития ума королей, советников и государственных мужей, как видеть их занесенными на скрижали времени и включенными в его изображение.

Примерно в то же время король сделал у Сити заем ^{61*} в четыре тысячи фунтов, каковой был вдвое больше того, что они давали прежде, и был должным образом в срок выплачен, точно так же, как предыдущий, ибо король всегда предпочитал поторопиться с займом, нежели запоздать с уплатой, и тем самым сохранять свой кредит.

Не оставил король также своих забот и надежд, связанных с Бретанью ^{62*}, но, оказавшись несчастлив в военных действиях, думал теперь добиться успеха политическими средствами и лишить французского короля плодов его победы. Суть его плана состояла в том, чтобы побудить Максимилиана продолжить свое сватовство к Анне, наследнице бретонского престола, и помочь ему добиться успеха. Но дела Максимилиана были в это время расстроены мятежным поведением его подданных во Фландрии, особенно жителей Брюгге и Гента. В Брюгге, например, и в то время, когда там находился сам Максимилиан, внезапно вспыхнуло вооруженное восстание, причем восставшие убили кое-кого из его

главных чиновников, а его самого захватили в плен и держали в заточении до тех пор, пока не вынудили его и некоторых его советников дать торжественную клятву простить им все преступления и навсегда отказаться от расследования и возмездия. Но император Фридрих не захотел снести унижение, которому подвергли его сына, и начал против Фландрии жестокую войну, чтобы проучить и наказать мятежников. Однако лорд Равенштейн, главное лицо в окружении Максимилиана, тот, кто вместе со своим господином поклялся не преследовать мятежников^{63*}, притворившись, что действует из религиозных побуждений, в действительности же движимый честолюбием и, как полагали, подстрекаемый и подкупаемый Францией, оставил императора и своего господина Максимилиана, возглавив народную партию и захватил города Ипр и Слейс с обоими замками; и тотчас же послал к лорду Корду, правителю подвластной французскому королю Пикардии, с просьбой о помощи и предложением, чтобы тот от имени французского короля принял под свою защиту эти объединенные города и силою оружия покорил остальное. Лорд Корд с готовностью воспользовался случаем, который был отчасти им же и подстроен, и тотчас же послал на помощь лорду Равенштейну и фламандцам силы, большие, чем он был бы способен собрать внезапно, не ожидая он такого зова заранее, с инструкциями захватывать города между Францией и Брюгге. Французские войска осадили маленький городок под названием Диксмейде, где с ними соединилась часть фламандских войск. В то время как они держали эту осаду, король Англии, под предлогом безопасности английской территории вокруг Кале⁹⁵, но в действительности не желая, чтобы Максимилиан подвергся унижению и был поэтому отвергнут бретонскими штатами в вопросе о браке, послал лорда Морли с тысячью человек к лорду Добиньи, тогда наместнику Кале, с тайными инструкциями помочь Максимилиану и добиться снятия осады Диксмейде. Лорд Добиньи (распустив слух, что все это делается для укрепления английских границ) отобрал из гарнизонов Кале, Амма и Гина еще около тысячи человек, так что вместе со свежими силами, приведенными лордом Морли, они составили две тысячи человек или более того. Эти силы, соединившись с несколькими отрядами немцев, вошли в Диксмейде, не замеченные врагами, и, пройдя сквозь город (несколько пополненные за счет сил, находившихся в городе), напали на вражеский лагерь, который охранялся небрежно, как будто ему ничто не угрожало. Произошло кровавое сражение, в котором англичане и их союзники одержали победу и убили до восьми тысяч человек, при том что потери с английской стороны равнялись сотне человек или около того, в числе которых был лорд Морли. Они захватили также богатое вооружение противника и обильные трофеи и доставили все это в Ньивпорт^{64*}, после чего лорд Добиньи возвратился в Кале, оставив раненых и некоторых добровольцев в Ньивпорте. Однако лорд Корд, находившийся

в Ипре с большим количеством людей и желавший возместить потери и позор битвы в Диксмейде, подошел к Ньивпорту и осадил его. По прошествии же нескольких дней осады он решился попытаться счастья в штурме, что и сделал однажды^{65*}, преуспев в этом настолько, что захватил в этом городе главную башню и форт и установил на нем французское знамя. Вскоре, однако, они были выбиты оттуда англичанами, которым помогло свежее подкрепление из лучников, на счастье (вовремя) прибывших в Ньивпортскую гавань. После чего лорд Корд, упавший духом и сопоставивший подкрепление, которое было невелико, с размерами достигнутого врагом успеха, снял осаду. В результате этих событий возросло взаимное озлобление королей Англии и Франции, ибо вспомогательные силы французов и англичан пролили во Фландрской войне немало крови друг друга; притом полученные раны еще больше бередили тщеславные речи лорда Корда, который объявил себя открытым врагом англичан и за пределами того, что относилось к его нынешней службе, и любил повторять, что согласен семь лет пробыть в аду, лишь бы отвоевать у них Кале.

Король, защитив таким образом репутацию Максимилиана, посоветовал ему теперь поторопиться с завершением своих матримонIALных дел с Бретанью, что Максимилиан и сделал, и, очевидно, преуспел в отношении юной леди и главных лиц ее окружения, поскольку брак был заключен заочно^{66*}, посредством обряда в то время и для этих мест нового. Ибо герцогиня была не только публично обручена, но провозглашена супругой, торжественно возведена на брачное ложе, и, после того как она была уложена, туда взошел посол Максимилиана с верительными грамотами и в присутствии разных благородных лиц, мужчин и женщин, поместил ногу (обнаженную до колена) между брачными простынями с той целью, чтобы обряд можно было считать равносильным совершению брака и действительному познанию супруги. После того как это было сделано, Максимилиан (у которого было свойство бросать дела тогда, когда они приближались к завершению, и довершать их в воображении, подобно лучникам, не дотягивающим тетиву до уровня головы, и которому уложить леди в постель самому^{67*} было бы не труднее, чем делать из этого спектакль), считая, что все теперь обеспечено, пренебрег на время дальнейшими шагами и занимался своими войнами^{68*}. Тем временем французский король (посоветовавшись со своими богословами и обнаружив, что это мнимое бракосочетание было скорее изобретением двора, нежели чем-то, совершенным по законам церкви) приступил к делу более реальным образом и, пользуясь тайными средствами и услугами тайных агентов, как матрон из окружения юной леди, так и ее советников, попытался в первую очередь освободить ум самой юной леди от вопросов, касающихся религии и чести, что требовало двойного труда, ибо не только Максимилиан был обручен с леди, но и дочь Максимилиана была обручена

с королем Карлом, так что задуманный брак хромал на обе ноги и не был свободен от препятствий с обеих сторон. В том, что касалось обручения с королем Карлом, существовало то ясное и убедительное возражение, что дочь Максимилиана не достигла совершеннолетия и потому не была связана юридическими обязательствами, так что за каждой из сторон оставалось право расторгнуть соглашение. В том же, что касалось обручения Максимилиана с самой леди, им было труднее, ибо ссылаться было не на что, кроме того, что оно совершенно без согласия ее государя, короля Карла, под опекой и покровительством которого она находилась и который заменил ей отца, и потому, при отсутствии этого согласия, не имело законной силы. Что до мнимого совершения брака, они потешались над ним и говорили, что, мол, сразу видно, что Максимилиан — вдовец и что он холоден к своей невесте, если согласился сочетаться браком через заместителя и не захотел проделать небольшое путешествие, чтобы не оставалось никаких сомнений. В результате юная леди, под воздействием этих доводов, понемногу прислушиваясь к тому, что со своей стороны говорил французский король (не скупившийся ни на какие награды и обещания), очарованная славой и величием короля Карла (к тому же юного короля и холостяка) и не желавшая сделать свою страну ареной длительной и обещающей столько горя войны, тайно согласилась принять предложение короля Карла. Но в то самое время, как происходили эти тайные переговоры, король Карл, чтобы лучше уберечь их от каких-либо препятствий и противодействий, прибегнул к своей обычной уловке и, думая устроить свой брак так же, как он вел свои войны, то есть вселяя в короля Англии напрасные надежды, отправил торжественное посольство^{69*} в составе Франциска, лорда Люксембургского, Карла Мариньяна и Робера Гагьена, генерала ордена Св. Троицы⁹⁶ для переговоров о мире и союзе с королем, включив в свое послание статью в форме просьбы о том, чтобы, при наличии на то соизволения короля Генриха (в соответствии с его правом сюзерена и опекуна), французский король мог распорядиться в вопросе о замужестве юной герцогини Бретани так, как он сочтет за лучшее, и предлагая законным порядком лишить силы совершенное Максимилианом заочное бракосочетание. Притом он, чтобы отвлечь всеобщее внимание, все это время не прекращал своих ухаживаний и попечения о дочери Максимилиана, ранее присланной к нему для того, чтобы получить воспитание и образование во Франции, не отпускал ее от себя и, напротив, решительно заявлял, что намерен сочетаться браком именно с ней, а что касается герцогини Бретани, то он желает лишь сохранить свое право сюзерена и выдать ее замуж за какого-либо союзника, который бы от него зависел.

Прибыв к английскому двору, послы вручили доставленное ими послание королю, который направил их в свой совет, где, получив через несколько дней аудиенцию, они устами приора Троицы

(который хотя и был третьим по рангу, но считался лучшим среди них оратором) сделали заявление следующего содержания ^{70*}.

«Милорды, государь наш король, величайший и могущественнейший из королей, правивших во Франции со времен Карла Великого, имя которого он носит, не счел тем не менее в настоящее время ущербом для своего величия предложить мир, более того, просить о мире с королем Англии. Для каковой цели он послал нас, своих представителей, наставленных и наделенных всеми необходимыми полномочиями для того, чтобы вести переговоры и принимать решения, предоставив, кроме того, нам право и в некоторых других делах открывать его тайные намерения. И да послужит драгоценным залогом любви между великими королями то, что они будут обсуждать друг с другом истинное состояние их дел и обойдут молчанием щекотливые вопросы чести, которыми не должны определяться наши чувства. Уверяю ваши светлости, что невозможно и вообразить ту подлинную и сердечную любовь, которую наш господин король питает к вашему государю, если не быть к нему в той близости, в какой пребываем мы. Столь велико уважение, с которым он произносит имя вашего короля, столь велико удовольствие, с которым он вспоминает их первую встречу в Париже, что всякий раз, как он заговаривает о нем, он тотчас же начинает сетовать о несчастной доле королей, которые вынуждены обращаться не с равными себе, а со своими слугами. Эту любовь к личности и добродетелям вашего короля в сердце нашего господина вложил Бог — без сомнения, на благо христианского мира и для целей, нам пока неизвестных; иного источника у нее быть не может, ибо она была тою же к графу Ричмонду, что и ныне к королю Англии. Такова первая причина, заставляющая нашего короля желать мира и союза с вашим государем, — добрые чувства, живущие в его сердце. Но эти чувства к тому же упрочены государственными соображениями. Ибо наш король со всей прямою и чистосердечием открывает вам, что, имея благородную, более того, святую цель отправиться в поход в далекие края ⁹⁷, он считает немаловажным для своего предприятия с точки зрения его репутации, чтобы повсюду знали, что он пребывает в добром мире со всеми своими соседями-государями, и особенно с королем Англии, которого он по всей справедливости чтит более всех других.

Ну а теперь, милорды, позвольте мне сказать несколько слов с целью устранить все сомнения и недоразумения между вашим и нашим государями в том, что касается последних событий, которые, если их не разъяснить, могут, пожалуй, и помешать достижению мира — с тем, чтобы ни один из королей не держал зла на другого за прошлое и не думал, что другой держит зло на него. Речь идет о событиях в двух странах — в Бретани и во Фландрии. Верно, что в обоих случаях скрестились мечи подданных того и другого государей и пришли в противоречие образ действий и намерения королей в отношении их союзников.

В том, что касается Бретани, ваш государь король лучше, чем кто-либо, знает, что произошло. Со стороны нашего господина эта война была делом необходимости. И хотя ничто не могло ощущаться острее и болезненнее, чем то, что эту войну вызвало, он вел ее с оливковой, а не с лавровой ветвью в руках, желая больше мира, чем победы. Кроме того, время от времени он обращался к вашему королю с предложением назвать свои условия мира. Ибо при том, что от этого зависели и честь его, и безопасность, он ни то, ни другое не считал слишком драгоценным, чтобы его нельзя было доверить королю Англии. Не стал наш король как-нибудь недружественно истолковывать и посылку вашим королем военной помощи герцогу Бретани, ибо король хорошо знает, что многое короли вынуждены делать для удовлетворения своего народа, и нетрудно отличить то, что исходит от самого короля. Но божьей милостью эта бретонская история ныне закончилась и ушла в прошлое, причем, как надеется король, подобно кораблю на поверхности моря, она не оставит следов в памяти ни того, ни другого из государей; про себя он со своей стороны может сказать это с полной уверенностью.

Что же касается Фландрии, то, если война в Бретани была делом необходимости, эта война была делом справедливости, каковое для доброго короля есть такая же необходимость, как и оборона страны; иначе ему следует отречься от престола. Бургундцы ^{71*} суть подданные французской короны, а их герцог — вассал Франции ⁹⁸. Они оставались добрыми подданными, сколь бы дурно ни обращался с ними в последнее время Максимилиан. Они обратились за помощью к королю в надежде на справедливость и избавление от гнета. В справедливости он не мог им отказать; выгоды он не искал. Лучше было бы для Максимилиана, умей он разглядеть, в чем его благо, сдержат ярость восставших и не дать им впасть в отчаяние. Милорды, быть может, сказанное мною излишне, но мой господин король чувствителен ко всему, что хоть немного касается дружеских отношений с Англией. Дружба между двумя королями без сомнения остается целой и невредимой. И то, что скрестились мечи их подданных, ничего не значит для мира между государствами, ибо это вполне обычное дело, когда вспомогательные силы лучших и ближайших союзников сталкиваются и проливают кровь на поле брани. Более того, пусть одно и то же государство многократно посылает помощь обеим сторонам, и все же это вовсе не значит, что оно распалось надвое.

Мне остается, милорды, поделиться с вами новостью, которую, знаю, все ваши светлости будут рады услышать как нечто, в большей мере затрагивающее христианский мир, чем что-либо из случившегося в нем за долгое время. Господин наш король вознамерился пойти войной на королевство неаполитанское, находящееся ныне во владении внебрачной ветви Арагонского дома, но по

ясному и неоспоримому праву принадлежащее его величеству⁹⁹; так что, если он не попытается восстановить это право путем справедливой войны, он не сможет ни защитить свою честь, ни оправдать это в глазах своего народа. Однако не это составляет главный предмет его благородных и христианских мыслей, ибо, согласно его решению и надеждам, Неаполь должен послужить лишь мостом для переброски его-войск в Грецию, и он не намерен жалеть ни крови, ни денег (даже если придется заложить корону и обезлюдить Францию), пока не сокрушит империю Оттоманов либо не захватит ее по пути в рай. Король прекрасно знает, что такой замысел никогда не мог бы родиться в уме короля, который бы не обращал постоянно своего взора к Богу, к тому, чья это брань и от кого исходят и воля, и деяние. Но к тому же замысел этот отвечает тому имени христианнейшего короля и старшего сына церкви¹⁰⁰, которое он носит (хотя и не будучи его достойным); к осуществлению этого замысла побуждает нашего короля как пример (из времен более давних) короля Генриха IV Английского (первого знаменитого короля из Ланкастерского дома, предшественника, хотя и не предка вашего короля), который к концу своей жизни задался целью (как вам лучше известно) совершить поход в Святую землю, так и пример (ныне стоящий у него перед глазами) той благородной и благочестивой войны за возвращение захваченного маврами королевства Гренада, которую ныне ведет и почти привел к завершению король Испании¹⁰¹. И хотя это предприятие может показаться слишком грандиозным, чтобы королю пытаться осуществить своими силами то, в чем (в прежнее время) нашлось достаточно работы для союза, объединившего большинство христианских государей, все же Его Величество мудро полагает, что иногда меньшие силы, будучи совокуплены под единым командованием, добиваются на деле большего (хотя и обещают в людском мнении меньше), чем крупные силы, связанные многообразными соглашениями и союзами, которые обычно вскоре после своего заключения обращаются в раздоры и междоусобицы. Но, милорды, что, подобно гласу с небес, зовет короля к осуществлению этого предприятия, так это раскол в доме Оттоманов. Я не утверждаю, что прежде не бывало, чтобы в этом доме брат шел против брата, но никогда не было такого, чтобы кто-то из них искал убежища у христиан, как это делает ныне Джем (брат царствующего Баязида)¹⁰², муж, храбрейший из них двоих, тогда как другой представляет собой нечто среднее между монахом и философом и более начитан в коране и Аверроэсе, нежели способен держать в своих руках скипетр столь воинственной империи. Такова достославная и героическая решимость нашего короля начать священную войну. А поскольку он делает это не только как монарх великой земной державы, но и как солдат воинства Христова, он начинает со смирения и готов ради этого дела просить мира из рук других христианских королей.

Остается сказать о том, что является не столько существенным предметом обсуждения, сколько просьбой чисто формального характера, с которой наш король обращается к вашему государю. Наш король (как известно всему миру) является созрелым герцогства Бретань. Вопрос о бракосочетании наследницы престола этого герцогства надлежит решать ему как ее опекуну. Речь идет о частном наследственном праве, а вовсе не о государственном деле. И тем не менее (чтобы ничто не омрачило его отношений с вашим королем Генрихом, в котором он хотел бы видеть свое второе „я“ и быть с ним вполне заодно) он просит о том, чтобы с милостивого дозволения вашего короля он мог распорядиться в вопросе о браке своей подопечной так, как он сочтет за благо, и в соответствии со справедливостью мог считать недействительным навязанный и притворный брак с Максимилианом. Вот, милорды, все, что я имею сказать, и прошу простить мне неискренность моих речей».

Таким образом, французские послы, усердно выказывая благорасположение со стороны их короля и не жалея подслащенных слов, пытались смягчить все разногласия между двумя королями; при этом они преследовали две цели: одна состояла в том, чтобы наш король сохранял спокойствие до тех пор, пока не состоится бракосочетание в Бретани (а оно было ни чем иным, как летним плодом, который, как они полагали, почти созрел и вскоре будет сорван); другая была рассчитана на более длительный срок и состояла в том, чтобы привести его в такое состояние духа, чтобы он никак не мог помешать походу в Италию.

Лорды Совета сохраняли молчание, лишь выразив уверенность, что послы не станут ждать какого-либо ответа прежде, чем они доложат королю. И с этим они покинули Совет.

Король не знал, что и думать о брачных делах в Бретани. Он ясно видел, что французский король стремится подчинить герцогство своей опеке, но его удивляло намерение этого короля связать свой дом браком юридически сомнительным, особенно если учесть, кто был его наследником¹⁰³. Но, взвесив то и другое, он решил, что Бретань потеряна^{72*}, однако при этом вознамерился извлечь для себя выгоду как из бретонских дел, воспользовавшись ими как поводом для войны, так и из дел неаполитанских, используя их как средство обеспечения мира, ибо был прекрасно осведомлен о том, сколь тверды намерения французского короля в этом направлении. Поэтому, посоветовавшись несколько раз с членами своего Совета и не желая вполне раскрывать свои планы, он дал указания канцлеру относительно формального ответа послам, сделав это в присутствии своего Совета. После же этого, позвав к себе одного канцлера, велел ему говорить таким языком, который годен только для переговоров, обреченных на провал, а также специально предупредил, чтобы не было сказано ни слова против похода в Италию. Вскоре после этого послы были приглашены в Совет, и лорд-канцлер обратился к ним с такого рода словами:

«Милорды послы, по королевскому повелению я отвечаю на Ваши, милорд приор, искусные речи, и ответ мой будет краток и недвусмыслен. Король не забывает любви и дружбы, которые в прошлом связывали его с вашим государем. Но нет нужды повторять это, ибо, если все между ними остается по-прежнему, хорошо, если же что-то изменилось, то не словами это можно исправить. Что касается бретонских дел, то король находит несколько странным, что французский король говорит об этом как о своей заслуге. Ибо эта заслуга состояла лишь в том, что он воспользовался нашим королем как инструментом для того, чтобы захватить врасплох одного из его ближайших союзников. Что до вопроса о браке, то король не стал бы в это вмешиваться, если бы ваш господин прибежал для заключения брака к помощи книги^{73*}, а не меча. Что касается Фландрии, то если бы бургундские подданные начали с того, что обратились к вашему королю как к своему сюзерену с жалобой, то в этом была бы видимость законности. Но сначала лишитъ свободы своего государя и умертвить его слуг, а затем обратиться в жалобщиков — это что-то новое в судопроизводстве. Король говорит, что, как он твердо помнит, когда французский король и он обращались к шотландцам (поднявшим меч на своего короля), оба они говорили иным языком и подобающим монархам образом выразили свое отвращение к покушениям подданных не персону или авторитет государей. Но, милорды послы, в итоге суждение короля по этим двум вопросам сводится к следующему. С одной стороны, он никоим образом не получил от вас удовлетворения в связи с ними, а с другой — он не относится к ним настолько серьезно, чтобы из-за них отказываться от переговоров о мире, если удастся договориться по всем остальным вопросам. Что же касается неаполитанской войны и задуманного похода на турок, то король повелел мне заявить ясно и определенно, что он всем сердцем желает любезному своему брату, французскому королю, чтобы все ему удавалось в соответствии с его надеждами и благородными намерениями, и как только он услышит, что французский король готов к походу в Грецию, то, как ныне ваш господин изволил сказать, что он просит мира у нашего короля, так и король тогда будет просить его о возможности участвовать в этой войне. Но сейчас, милорды послы, я должен предложить на ваше рассмотрение кое-что от королевского имени. Ваш господин король научил нашего короля тому, что говорить и чего требовать. Вы говорите (милорд приор), что ваш король вознамерился вернуть себе незаконно отнятые у него права на Неаполь и что если он этого не сделает, то он не сможет ни защитить свою честь, ни дать ответ своему народу. Представьте себе, милорды, наш господин король то же самое повторяет вам, но в отношении Нормандии. Гиени, Анжу, да и самого королевства Франции. Я не могу выразить этого лучше, нежели вашими собственными словами. Если поэтому французский

король согласится, чтобы права нашего господина короля на Францию¹⁰⁴ (или, по крайней мере, выплата денежной компенсации за эти права) стали предметом переговоров, то король согласен продолжить обсуждение других вопросов, в противном случае он отказывается вести переговоры».

Послы, будучи приведены в некоторое замешательство этим требованием, с горячностью отвечали, что они не сомневаются в том, что меч короля, их государя, сможет защитить его скипетр, и что они убеждены, что он бы не смог и не пожелал согласиться на какое-либо умаление французского королевства, будь то в территории или в суверенитете. Но, как бы то ни было, эти предметы слишком важны, чтобы они могли обсуждать их, не имея особых указаний. Было отвечено, что король и не ждал от них иного ответа и что он немедленно отправит своих послов к французскому королю. Прозвучал за столом переговоров и еще один вопрос: согласился ли бы французский король получить право распорядиться браком герцогини Бретани с тем изъятием, что он не должен жениться на ней сам? На что послы отвечали, что мысли короля столь далеки от этого, что они не получили на этот счет никаких инструкций. На этом послы были отпущены, все, кроме приора, и за ними тотчас последовали Томас, граф Ормонд¹⁰⁵, и Томас Голденстон, приор храма Христа в Кентербери, отправленные во Францию. Тем временем к обоим королям для их примирения был в качестве нунция папы Александра VI^{74*}¹⁰⁶ послан Лионель, епископ Конкордии¹⁰⁷. Ибо папа Александр, оказавшись окруженным лигой и союзом главных государств Италии, между которыми он был зажат, и не видя для себя возможности раздвинуть пределы собственного дома (к чему он сверх всякой меры стремился), жаждал замутить в Италии воду, чтобы успешнее ловить в ней рыбу, закидывая сети не из ладьи св. Петра, а из ладьи Борджиа¹⁰⁸. И, опасаясь, как бы угроза со стороны Англии не удержала французского короля от похода в Италию, отрядил этого епископа для того, чтобы по возможности уладить все разногласия между двумя королями; нунций сначала направился к французскому королю и, встретив с его стороны благорасположение (как ему казалось), двинулся в направлении Англии и встретил английских послов в Кале на пути к королю Франции. Побеседовав некоторое время с ними, он был с почетом доставлен в Англию, где имел аудиенцию у короля. Но, несмотря на то, что его имя¹⁰⁹ было хорошим предзнаменованием для его миротворческой миссии, она окончилась ничем. Ибо к этому времени уже нельзя было скрывать намерение французского короля жениться на герцогине. По этой причине английские послы (увидев, как идут дела) откланялись и возвратились на родину. В то же время было велено покинуть Англию и приору. Последний, пускаясь в обратный путь, распространил (ступая скорее как книжник, нежели как посол) латинские стихи^{75*}, содержащие злую клевету на короля, на которые по повелению

короля (хотя в нем-то не было ничего от книжника) был дан ответ подобными же стихами и притом написанными от лица самого короля, но в стиле презрительном и насмешливым.

Примерно в это время у короля родился второй сын, Генрих ^{76*}, позднее царствовавший. А вскоре после этого состоялась церемония бракосочетания между Карлом и Анной, герцогиней Бретани ^{77*}, за которой он взял герцогство Бретань в качестве приданого, тогда как дочь Максимилиана была незадолго перед тем отослана домой. Когда все это дошло до слуха Максимилиана (который никогда бы не поверил в такую возможность, пока она не стала действительностью, ибо всегда был главным в отношении себя обманщиком, хотя и имел в этом деле прекрасного помощника в лице французского короля) и ему не давала покоя мысль, что одним ударом (а это вдвойне унижительно) ему нанесли поражение как в том, что касалось бракосочетания его дочери, так и в отношении его собственного брака (а в обоих случаях он связывал с браком большие ожидания), он тогда потерял всякое терпение и, отбросив учтивость, которую королям подобает сохранять друг по отношению к другу (даже тогда, когда у них кровь кипит от бешенства), предался злобной брани в адрес персоны и действий французского короля и (тем больше орудуюя словами, чем меньше имел возможности действовать) осыпал Карла всеми оскорблениями, какие только мог измыслить, называя его вероломнейшим человеком на земле и утверждая, что брак его есть нечто среднее между прелюбодейством и изнасилованием и что он совершился по справедливому божьему приговору ради того, чтобы (притом, что его недействительность очевидна всему миру) род столь недостойного человека перестал править во Франции. И тотчас же отправил послов ^{78*} как к королю Англии, так и к королю Испании, чтобы побудить их к войне и к заключению наступательного союза против Франции, обещая и со своей стороны участие крупными силами. Вслед за этим король Англии (который, однако, шел своим путем) созвал парламент, что произошло на седьмом году его правления ^{79*}, и в первый день его работы (сидя на троне) обратился к лордам и членам палаты общин со следующими словами:

«Милорды, и вы, представители общин; когда я собирался вести войну в Бретани, поручив командование своему военачальнику, то объявить об этом я поручил своему канцлеру. Но теперь, когда я предполагаю вести войну с Францией самолично, я сам и объявляю вам об этом. Целью той войны была защита права другого, цель этой — восстановление нашего собственного права, и, пусть та окончилась неудачей, мы надеемся, что эта закончится победой.

Французский король вносит в христианский мир смуту. Ему не принадлежит и то, что у него есть, а он ищет большего. Он вторгся в Бретань. Он поддерживает мятежников во Фландрии;

он угрожает Италии. В отношениях с нами он от притворства перешел к пренебрежению, а от пренебрежения к оскорблению. Он напал на наших союзников; он задерживает платежи; одним словом, он ищет войны. Отец его так не поступал, он искал мира с нами; быть может, нынешний король придет к этому, когда добрый совет или время помогут ему увидеть то, что видел его отец.

Тем временем обратим его честолюбие себе на пользу и не будем держаться за несколько крон дани, но милостию Всемогущего Бога испытаем наше право на самое корону Франции, вспомнив, что был некогда французский король пленником¹¹⁰ в Англии и что король Англии короновался во Франции. наших союзников не убयो. Бургундией ныне правит рука более сильная, чем когда-либо, и никогда еще эта страна не имела столько поводов для войны. Бретань не в состоянии помочь нам, но она может вредить им. Новые приобретения скорее отягощают, нежели усиливают. Его врагами внутри собственного королевства были не чернь и не самозванцы, а люди высокого рода. Король Испании (да не будет у вас на этот счет сомнений) присоединится к нам, ибо он не знает, каков будет предел притязаниям французского короля. Наш святой отец (папа) не любит, когда чужеземцы из-за гор появляются в Италии. Но, как бы то ни было, о союзниках следует позаботиться, но не стоит на них полагаться, ибо избави Бог, чтобы Англия не могла добиться своего от Франции без помощи со стороны.

В битвах при Креси, Пуатье, Азенкуре¹¹¹ мы были сами по себе. У Франции много людей, но мало солдат; у нее нет постоянных пеших войск. Есть у нее какое-то количество доброй кавалерии, но это войска, менее всего годные для оборонительной войны, где выбор действий принадлежит нападающему. Наши раздоры — вот что лишило нас Франции, и (божьей волею) добрый мир, которым мы ныне наслаждаемся, вот то, что вернет ее нам. Бог донныне благословлял мой меч. За время, что я царствую, я очистил страну от моих дурных подданных и отделил от них моих добрых подданных. Мой народ и я знаем друг друга, а это рождает доверие. И если в королевстве и осталась еще дурная кровь¹¹², то благородная война с внешним врагом выпустит или очистит ее. Не лишайте меня в этом великом деле ваших советов и поддержки. Если кто-то из вас собирается посвятить сына в рыцари, то он может по закону рассчитывать на помощь своих держателей. Речь идет о рыцарстве королевства, которому я отец, и мой долг заботиться не только о его сохранении, но и о его приумножении. Что же касается денег, то пусть они будут взысканы не с бедняков, а с тех, кому война пойдет на пользу. Франция — не пустыня, и я, исповедуя бережливость, надеюсь повести дело так, чтобы война (по прошествии первых дней) окупала себя. Именем Господним действуйте сообща и не теряйте времени, ибо я созвал этот парламент единственно ради этого дела».

Так говорил король. Но при всем том, хотя он и выказывал большое рвение к войне, и не только перед своим парламентом и двором, но и перед своим Тайным советом (кроме двух епископов и еще нескольких советников), в глубине души у него не было цели вести войну против Франции. На самом деле угроза войны была всегда лишь товаром, за который он хотел выручить деньги. Он хорошо знал, что Франция пребывает ныне в целостности и единстве и могущественна как никогда раньше. Опыт войск, посланных им в Бретань, показал, что французы прекрасно научились воевать с англичанами, не подвергая исход борьбы риску сражения, а изматывая их вместо этого длительными осадами городов и строительством хорошо укрепленных лагерей. Яков III Шотландский, его подлинный друг и союзник, умер, а Яков IV (наследовавший ему) был всей душой предан Франции и ему враждебен. Что до таких союзников, как Фердинанд Испанский и Максимилиан, то на них он никак не мог положиться. Ибо у одного были силы, но не было воли, у другого же была воля, но не было сил. Кроме того, Фердинанд только недавно перевел дух от войны с маврами и торговался в это время с Францией за возвращение графств Руссильон и Перпиньян, отданных французам в залог¹¹³. Не свободен он был и от страха перед недовольными и врагами внутри королевства; имея обыкновение подавлять и усмирять их лично, он не желал, чтобы они обнаружили себя в ситуации, когда он находится далеко за морем и занят войной. Поняв таким образом, что продолжение войны связано с определенными неудобствами и трудностями, он размышлял над тем, как достичь двух целей. Во-первых, как извлечь для себя прибыль из объявления войны и начала военных действий. Во-вторых, как выйти из войны, сохранив свою честь. Что касается прибыли, то ее он собирался извлекать двумя путями: от своих подданных — торгуя войной, и от врагов — торгуя миром, подобно хорошему купцу, получающему доход от вывозимых и обратно ввозимых товаров. Что же касается его чести, которая могла пострадать от прекращения войны, то он здраво рассудил, что поскольку он не мог рассчитывать на военную помощь со стороны Фердинанда и Максимилиана, то бессилие одного и двойная игра другого служили ему достаточными предложениями для того, чтобы согласиться на мир.

Все это он мудро предвидел и столь же искусно осуществил, благодаря чему все падало ему в руки в полном соответствии с его желаниями.

Что касается парламента, то он тотчас же загорелся, будучи расположен (издавна) к войнам с Францией и охвачен желанием (с недавних пор) возместить урон, нанесенный, как считали депутаты, королевской чести потерей Бретани. Поэтому они рекомендовали королю (с большим подъемом) предпринять войну с Францией. И хотя парламент состоял из высшего и низшего дворянства (вместе с именитыми горожанами)^{80*}, члены его,

по справедливости больше уважавшие народ (представителями которого они были), чем свои особы, и заключившие из речи лорда-канцлера ^{81*}, что таково и желание короля, выразили согласие с тем, чтобы были посланы уполномоченные для сбора пожертвований у людей с достатком. Этот налог (названный «пожертвованием») был изобретен Эдуардом IV и вызвал много недобрых чувств в его адрес. Он был отменен парламентским актом при Ричарде III, стремившемся снискать таким образом расположение народа; теперь король возродил его, но с согласия парламента ^{82*}, чего не было при короле Эдуарде IV. Этим путем он собрал исключительно большие суммы. Так, город Лондон (в те дни) ^{83*} пожертвовал более девяти тысяч фунтов, причем собранных главным образом у тех, кто побогаче. Существует предание о дилемме, к которой прибегал епископ Мортон (канцлер) для того, чтобы повышать суммы пожертвований; некоторые называли это еговилкой, другие — его рогатиной. В инструкцию уполномоченным по сбору пожертвований он включил пункт, гласивший, что если они встретят людей, которые живут бережливо, то пусть говорят им, что у них должно быть все необходимое, поскольку они копили; если же те окажутся расточителями, то они должны быть обеспечены необходимым, поскольку это видно из их образа жизни; так что ни те, ни другие не имеют причин уклоняться от жертвования.

Этот парламент был чисто военным парламентом, ибо он по существу ограничился объявлением войны Франции и Шотландии ^{84*} и принятием нескольких законов, необходимых для ее ведения: о суровом наказании командиров за «выплату мертвым» и присвоение их жалования; о столь же суровом наказании солдат за самовольное оставление службы; об усилении предусмотренных общим правом мер защиты интересов тех, кто находился на королевской службе; о предоставлении желающим возможности беспрепятственно продавать или закладывать свои земли без выплаты фэйнов ¹¹⁴ за отчуждение, чтобы обеспечить себя деньгами для участия в войне; и, наконец, о высылке всех шотландцев из Англии.

Был также принят статут о распространении по всей Англии установленных казначейством эталонов весов и мер, и еще два или три статута меньшего значения.

После роспуска парламента (а заседал он недолго) король продолжил свои приготовления к войне с Францией, но в то же время не пренебрегал и делами Максимилиана, т. е. умиротворением Фландрии и восстановлением его власти над подданными. В это время лорд Равенштейн, бывший не только мятежным подданным, но и взбунтовавшимся слугой (а потому особенно злобным и неистовым), с помощью Брюгге и Гента захватил (как мы уже говорили) город Слейс и оба его замка и, собрав какое-то количество судов (ибо в городе была гавань), предался своего рода

пиратству, грабя и захватывая суда всех стран, проплывающие вдоль этого берега на пути к Антверпену или в какой-либо из районов Брабанта, Зеландии или Фрисландии. Его прекрасно снабжали из Пикардии, помимо продовольствия, которое он получал из Слейса и его окрестностей, и того, что захватывал сам. Французы все еще тайком помогали ему, и он (как всякий, кто участвовал в противоборстве на обеих сторонах) не чувствовал себя в безопасности, если не найдет себе опору в ком-то третьем. Примерно в двух милях от Брюгге в сторону моря был небольшой городок под названием Дам, служивший для Брюгге фортом и воротами в этот город и связанный также со Слейсом. Этим городком король римлян неоднократно пытался завладеть (не потому, что он сам по себе представлял какую-либо ценность, а поскольку это помогло бы отрезать Брюгге от моря), но всегда неудачно. Однако через этот городок во Фландрию проник герцог Саксонский¹¹⁵, взявший на себя роль посредника в улаживании конфликта между Максимилианом и его подданными, но (на самом деле) полностью преданный Максимилиану. Под этим предлогом, как лицо нейтральное и для участия в переговорах, он и направился в Брюгге, требуя, чтобы ему дали возможность мирно вступить в город с вооруженной свитой в количестве, отвечающем его достоинству, т. е. (как он сказал), чем больше, тем лучше, чтобы охранять его в стране, охваченной восстанием; при этом он лживо убеждал жителей, что для их же блага собирается обсудить с ними ряд важнейших вопросов. Получив согласие, он отправил вперед свой обоз и квартирьеров для приготовления резиденции, так что его солдаты вошли в город в правильном боевом порядке, но мирно, а за ними последовал и он сам. Прошедшие раньше продолжали спрашивать о гостиницах и квартирах, как если бы они собирались оставаться там всю ночь, и таким образом двигались дальше, пока не пришли к воротам, ведущим прямо к Даму, а жители Брюгге лишь главели на них и уступали им дорогу. Военачальники Дамы и его жители также не ждали ничего дурного от кого-либо проходящего через Брюгге и, заметив вдали войска, предположили, что это подкрепление, присланное их друзьями, знающими о какой-то угрожающей им опасности, и, ничего не заподозрив, пока не стало слишком поздно, дали им войти в свой город. Так, благодаря скорее небрежению, нежели военному искусству, был взят Дам, а Брюгге совершенно блокирован, что привело его жителей в большое уныние. Герцог Саксонский, захватив Дам, немедленно послал к королю дать ему знать, что главное, чем живо фландрское восстание, это Слейс и лорд Равенштейн, и что если король соизволит осадить его с моря, то он также осадит его с суши и таким образом они уничтожат главный источник мятежа. Король, желая поддержать авторитет Максимилиана (чтобы держать Францию в большом страхе)^{85*}, а также одолеваемый жалобами своих купцов на то, что моря кишат

судами лорда Равенштейна, сразу же послал сэра Эдварда Пойнингса^{86* 116}, мужа доблестного и с большими заслугами, с двенадцатью кораблями, на которых было достаточно солдат и пушек, очистить море и осадить Слейс с этой сторочы. Англичане не только заперли лорда Равенштейна, не давая ему двинуться с места, и держали в жестокой осаде прибрежную часть города, но к тому же штурмовали один из замков, ежедневно возобновляя нападение все последующие двадцать дней (бесшумно сходя со своих кораблей во время отлива), так что перебили множество защитников замка, которые упорно сражались, отбивая их атаки; впрочем, и на стороне англичан был убит брат графа Оксфорда и еще около пятидесяти человек. Но, поскольку осада продолжалась и притом становилась все более суровой, поскольку оба замка (которые составляли главную силу города) были разрушены, один герцогом Саксонским, другой англичанами, и поскольку лодочный мост, устроенный лордом Равенштейном между двумя замками, так чтобы подкрепление могло переходить из одного в другой, был однажды ночью подожжен англичанами, лорд Равенштейн, отчаявшись удержать город, сдал (наконец) по соглашению замки англичанам, а город — герцогу Саксонскому. Когда это было сделано, герцог Саксонский и сэр Эдвард Пойнингс начали переговоры с жителями Брюгге о том, чтобы те покорились своему господину Максимилиану, что те через некоторое время и сделали, оплатив существовную долю военных расходов; это позволило отпустить немцев и подкрепление, присланное из-за границы. Примеру Брюгге последовали другие мятежные города, так что Максимилиан избавился от опасности, хотя (такова уж была его манера вести дела) отнюдь не от стеснительных обстоятельств. А сэр Эдвард Пойнингс (пробыв в Слейсе довольно долгое время, пока все не было улажено) вернулся к королю, стоявшему тогда под Булонью^{87*}.

Примерно в это же время^{88*} пришло послание от Фердинанда и Изабеллы, короля и королевы Испании, сообщавшее об окончательном освобождении Гренады от мавров, каковое деяние, само по себе весьма достойное, король Фердинанд (никогда не упускавший возможности выставить напоказ какую-либо доблесть) странно описал в своем послании — со всеми теми подробностями и тонкостями религиозных церемоний, которыми сопровождалось вступление во владение этим городом и королевством. Среди прочего там сообщалось, что король ни в коем случае не желал лично войти в город, прежде чем издали не увидел креста, воздвигнутого над высочайшей башней Гренады, благодаря чему она стала христианской землей; что, прежде чем вступить в город, он возблагодарил Всевышнего, провозгласив устами глашатая с высоты этой башни свою веру в то, что он вернул это королевство благодаря всемогущему Богу и Преславной Деве, и праведному апостолу Иакову¹¹⁷, и святому отцу Иннокентию VIII, равно как

и благодаря участию, деньгами и службой, прелатов, дворянства и простого народа; что при всем том он не двигался из своего лагеря, пока не увидел, как перед его взором прошла небольшая толпа мучеников, из семисот или более христиан (живших в узах рабства у мавров), которые пением псалма благодарили за свое избавление; и что всех их он оделил милостыней, воздав этим благодарение Богу за дарованную ему возможность войти в город. Обо всем этом наряду со многими другими церемониями, являвшимися собой показное благочестие, и говорилось в послании. Король, готовый подыграть и подпеть всякому проявлению религиозности и, естественно, с большой любовью относившийся к королю Испании (насколько один король может любить другого), частью за его добродетели, частью видя в нем противовес Франции, получив послание, торжественно повелел всем находившимся при нем дворянам и прелатам, вместе с мэром и олдерменами Лондона, собраться в соборе св. Павла и выслушать то, что им объявит лорд-канцлер, теперь уже кардинал. Когда они собрались, кардинал, стоя на верхней ступени или возвышении, перед хором, тогда как все дворяне, прелаты и городские власти расположились у нижней ступени, обратился к ним с речью, сообщив, что их собрали в этом освященном месте, чтобы они пропели Богу новую песнь. Ибо (сказал он) вот уже многие годы христиане не добывали новых земель у неверных и не расширяли границ христианского мира. Ныне же это совершено доблестью и рвением Фердинанда и Изабеллы, короля и королевы Испании, которые к своей бессмертной славе вернули обширное и богатое королевство Гренаду и многонаселенный и могущественный город того же имени, отобрав их у мавров, которые владели ими на протяжении более семисот лет, за что собравшиеся здесь и все христиане должны воздать хвалу и благодарение Богу и восславить это благородное деяние короля Испании, который явил себя в нем не только победоносным, но и исполняющим апостольское служение, ибо приобрел для христианской веры новые области, тем более что это завоевание совершено без большого пролития крови, почему можно надеяться, что, кроме новых земель, будут обретены и бессмертные души для церкви Христовой, которым Всемогущий (как можно думать) даровал жизнь, чтобы они обратились. После чего он сообщил некоторые из наиболее памятных подробностей войны и победы. А после его речи все собравшиеся совершили торжественный крестный ход, и был пропет *Te Deum*.

Сразу же после торжества король справил майский праздник в своем дворце в Шайне (ныне Ричмонд), где для того, чтобы разогреть кровь у своих дворян и рыцарства ввиду предстоящей войны, он весь этот месяц устраивал торжественные поединки и турниры. В это-то время и случилось так, что сэру Джеймсу Паркеру и Хью Вогену, одному из джентльменов, бывших в числе королевских привратников, поссорившимся из-за некоторых дета-

лей герба, который герольдмейстер ¹¹⁸ дал Вогену, было присуждено скрестить несколько раз копыя друг с другом, и по той несчастливой случайности, что на Паркере оказался поврежденный шлем, он в первом же столкновении получил удар в рот, от чего язык его вышел через заднюю часть черепа, и он тут же на месте умер, что, ввиду предшествовавшей этому ссоры и последовавшей смерти, простыми людьми было итолковано как суд божий.

К концу лета король, приведя свои силы, с которыми он предполагал вторгнуться во Францию, в состояние готовности (хотя они еще не были собраны воедино), послал Урsvика, назначенного к этому времени распорядителем королевской милостыни, и сэра Джона Рейсли к Максимилиану сообщить, что он готов выйти в море и плыть во Францию и ждет лишь известия от Максимилиана, где и когда тот к нему присоединится согласно обещанию, данному через посла Контибальда.

Английские послы, прибыв к Максимилиану, обнаружили, что его возможности весьма далеки от его обещаний, поскольку он совершенно не обеспечен ни людьми, ни деньгами, ни оружием, которых требовало подобное предприятие. Дела обстояли таким образом, что Максимилиан, не имея ни одного из двух необходимых для полета крыльев, — ибо наследуемая им Австрия была не у него в руках (его отец был еще жив), тогда как полученные в качестве приданого земли Фландрии частично составляли вдовью долю его тещи, а частично от них не было пользы из-за недавних мятежей, — был поэтому лишен средств, необходимых для вступления в войну. Послы хорошо это видели, но мудро решили, что лучше сначала сообщить королю и не уезжать, пока не станет известной воля короля относительно дальнейших действий, тем более что сам Максимилиан говорил столь же велеречиво, как всегда, и тянул время, потчугя их уклончивыми ответами, так что формальные обстоятельства их посольства вполне оправдывали их дальнейшее здесь пребывание. В своем ответном письме король, который и раньше сомневался и с самого начала хорошо знал, что ему нужно, похвалил послов за то, что они благоразумно не возвратились, и повелел им хранить в тайне то состояние, в котором они нашли Максимилиана, пока они не получат дальнейших указаний; а тем временем он продолжил подготовку к походу во Францию, скрывая пока известие о бедности и бессилии Максимилиана.

К этому времени в Лондоне была собрана большая и сильная армия, в которой были Томас, маркиз Дорсет, Томас, граф Арундел, Томас, граф Дерби, Джордж, граф Шрюсбери, Эдмонд, граф Суффолк, Эдвард, граф Девоншир, Джордж, граф Кент, граф Эссекс, Томас, граф Ормонд ¹¹⁹, а также большое число баронов, рыцарей и лучших из числа дворян, и среди них Ричард Томас, привлечший к себе много внимания теми доблестными войсками, которые он привел из Уэльса. В целом численность армии до-

стигала двадцати пяти тысяч человек пешими и шестисот всадников, во главе которых король (постоянный в своем доверии и назначениях) поставил Джаспера, герцога Бедфорда, и Джона, графа Оксфорда, под своим общим началом. Девятого сентября, на восьмом году своего правления, он отправился из Гринвича к морю; причем все удивлялись тому, что для начала войны он выбрал это время года (зима была совсем близко), и некоторые считали это знаком того, что война не будет длительной. Король, однако, заявил противоположное, а именно, что, поскольку он замыслил не летнюю прогулку, а упорную войну (без предварительно назначенных сроков), целью которой является возвращение Франции, постольку не слишком важно, когда ее начать, особенно имея позади себя Кале, где он сможет перезимовать, если обстоятельства этого потребуют. Шестого октября он сел на корабль в Сэндвиче и в тот же день высадился в Кале, где должны были соединиться все его силы. Но в этой своей поездке к побережью (какое, по причинам, о которых сейчас пойдет речь, тянулась гораздо дольше, чем требовалось) он получил послание от лорда Корда (чем горячее тот сражался против англичан во время войны, тем больше оказывали ему доверия в переговорах о мире, считая его к тому же мужем открытым и чистосердечным), где от имени французского короля делались мирные предложения на условиях, которые были королю в какой-то мере по вкусу; поначалу, однако, все это удивительно строго содержали в тайне. Король едва успел прибыть в Кале, как тотчас повеяло миром. Прежде всего возвратились английские послы от Максимилиана из Фландрии и уверили короля, что ему не следует надеяться на какую-либо помощь от Максимилиана, ибо тот не имеет для этого никаких возможностей. У него были добрые пожелания, но не было денег. Эти сведения распространили в армии. И хотя англичане нисколько не были напуганы, ибо солдатам свойственно при получении дурных вестей еще больше храбриться, но все же это было своего рода подготовкой к миру. Сразу же после этого (как и было подстроено королем) пришло известие, что Фердинанд и Изабелла, король и королева Испании, заключили мир с королем Карлом, что Карл вернул им графства Руссильон и Перпиньян, которые некогда были заложены Франции Иоанном¹²⁰, королем Арагонским, отцом Фердинанда, за триста тысяч крон, и что от взыскания долга Карл по этому миру также полностью отказался. Это тоже оказалось весьма на пользу миру, как потому, что отпал столь могущественный союзник, так и по тому, что это был прекрасный пример купленного мира, и король, следовательно, оказывался не единственным торговцем этим товаром. Овеваемый дыханием мира, король был рад, что епископу Эксетерскому и лорду Добиньи (губенатору Кале) предстояло встретиться с лордом Кордом для переговоров о мире, но сам он тем не менее со своей армией пятнадцатого октября выступил из Кале и, проделав четырехдневный переход, осадил Булонь.

За время этой осады Булони (которая длилась около месяца) не было ни достопамятных деяний, ни военных потерь. Единственно только был убит сэр Джон Сэвидж, доблестный офицер, с целью осмотра объезжавший верхом стены города. Город был хорошо укреплен и имел достаточный гарнизон, но жители его были измучены и ждали штурма, так что если бы таковой был предпринят (как ожидалось), то он стоил бы много крови, но в конечном счете город был бы взят. Тем временем представителями двух королей был заключен мирный договор на время, пока оба они живы. В этом договоре не было ни одной важной статьи, так что это был не столько договор, сколько сделка. Ибо все осталось по-прежнему, кроме того, что королю Генриху тогда же уплачивались семьсот сорок пять тысяч дукатов в покрытие его расходов во время похода, и двадцать пять тысяч крон ежегодно — в возмещение расходов, понесенных им при оказании помощи бретонцам^{89*}. Что касается этих ежегодных выплат, то, хотя прежде он возлагал их на Максимилиана, но перемену дающей руки он счел основанием для того, чтобы присовокупить их к основной сумме; к тому же срок прекращения выплат точно установлен не был^{90*}, что давало англичанам возможность рассматривать их как по праву получаемую ими дань. И действительно, она выплачивалась как королю, так и его сыну, Генриху VIII, дольше, чем полагалось бы при любом способе подсчета расходов. Французским королем были назначены большие пенсии всем главным советникам нашего короля, помимо богатых подарков; для того ли король дозволил все это, чтобы избавить свой кошелек от затрат на вознаграждение или чтобы они разделили с ним ответственность за это дело, столь неугодное его народу, — это толковалось по-разному, ибо, несомненно, король вовсе не желал, чтобы этот мир целиком приписывали ему, и поэтому незадолго до его заключения он тайно призвал к себе кое-кого из своих лучших военачальников для того, чтобы они в форме прошения за собственноручной подписью высказали ему свое искреннее желание мира. Но, по правде говоря, этот мир был желанным для обоих королей: для Карла, поскольку мир обеспечивал ему владение Бретанью и освобождал руки для неаполитанского предприятия; для Генриха, потому что мир наполнял его сундуки и потому что он уже тогда предвидел надвигающуюся на него грозу потрясений внутри страны, которая вскоре и разразилась. Но в то же время этот мир вызвал большое недовольство дворянства и главных мужей в армии, многие из которых продали или заложили свои имения в надежде на военную добычу. Они позволяли себе говорить, что король не постеснялся ошипать дворянство и народ себе на оперение. А некоторые потешались над словами, которые король произнес в парламенте — если война начнется, то он не сомневается, что она окупится, — и говорили, что король сдержал обещание.

Покинув Булонь, король отправился в Кале, где оставался некоторое время и откуда написал послание^{91*} (одно из проявлений учивости, к которым он иногда прибегал) мэру Лондона и «своим братьям», олдерменам, где слегка хвастался тем, сколь большие суммы он выручил за мир, хорошо зная, что полные сундуки короля всегда радуют Лондон и что эта радость стала бы еще большей, если бы их пожертвование оказалось всего лишь займом. А 17 сентября он вернулся в Вестминстер, где отпраздновал Рождество.

Вскоре после своего возвращения король послал Альфонсу, герцогу Калабрии¹²¹, старшему сыну короля неаполитанского Фердинанда¹²², орден Подвязки¹²³ — честь, которой добивался этот государь и которая должна была поднять его авторитет в глазах итальянцев; они ожидали нападения со стороны Карла и сильно рассчитывали на дружбу с Англией как на средство обуздать Францию. Награда была принята Альфонсом со всеми церемониями и торжественностью, какие только можно измыслить, как и делаются обычно вещи, рассчитанные на то, чтобы о них говорили. Повез ее Урsvик, на которого король возложил это посольство, в качестве пособия после многих бесприбыльных поручений.

В это время короля вновь стали преследовать духи; виною тому были колдовство и чары леди Маргариты, которая вызвала призрак Ричарда, герцога Йоркского (второго сына короля Эдуарда IV), дабы он являлся и мучил короля. Этот камень был подделан куда искуснее, чем Ламберт Симнел: лучше сработан и носили его более могущественные руки, ведь, помимо герцогини Бургундской, его позднее удостоили ношения король Франции и король Шотландии. К тому же Симнел не выделялся ничем, кроме того, что был хорош собой и умел держаться с достоинством; тогда как этот юноша (о котором мы сейчас поведем речь) был такой пройдоха, какого редко видел свет, и мог играть свою собственную роль всякий раз, как оказывался на людях. Поскольку его жизнь являет собой один из самых удивительных примеров перевоплощения, когда-либо случавшихся в древние и нынешние времена, она заслуживает того, чтобы о ней узнали и рассказали во всех подробностях, хотя из-за обыкновения короля показывать вещи по частям, в тусклом свете, ее окутывает столь плотный покров, что она остается загадкой и по сей день.

Леди Маргарита, — которую друзья короля называли Юноной, ибо, подобно гонительнице Энея¹²⁴ Юноне, она не оставляла в покое ни неба, ни преисподней лишь бы навредить ему, — желая обосновать свои против него происки, беспрестанно всеми возможными средствами поддерживала и распространяла поверье о том, что Ричард, герцог Йоркский (второй сын Эдуарда IV), не убит в Тауэре (как было объявлено), а остался в живых, так как по умерщвлении старшего брата те, кого послали исполнить это страшное злодеяние, были охвачены раскаянием и сострада-

нием к младшему и скрытно выпустили его на свободу искать свою долю. Эту приманку она бросила за границу в надежде, что толки (вкупе со свежим примером Ламберта Симнела) рано или поздно привлекут птиц, которые на нее клюнут. Кроме того, чтобы не доверяться всецело случаю, она и сама вела поиски, имея за границей тайных агентов (подобных турецким вербовщикам, собиравшим дань детьми), которые высматривали красивых и стройных юношей, годных для изготовления Плантагенетов и герцогов Йоркских. Наконец, ей попался некто, в ком как нельзя лучше соединилось все необходимое, чтобы ее резец принял за работу над поддельным Ричардом, герцогом Йоркским. Это был Перкин Уорбек, к описанию приключений которого мы сейчас и приступаем. Во-первых, хорошо совпадали годы. Во-вторых, этот юноша был наделен прекрасной внешностью и изяществом; мало того, он обладал даром столь тонкого и пленительного обхождения, что без труда возбуждал жалость и внушал доверие; он словно очаровывал тех, кто его видел или слышал. В-третьих, с раннего детства он так много странствовал или (как говорил король) бродяжничал, что было крайне трудно выследить его гнездо и родителей, да и после общения с ним никто не мог с точностью сказать или установить, кто он такой, — настолько часто он порхал с места на место. И наконец, существовало обстоятельство (упоминаемое одним из писателей того времени), которое, весьма вероятно, имело какое-то влияние на эту историю, а именно то, что король Эдуард IV был его крестным отцом^{92*}. Ведь если о распутном государе начинают сплетничать в столь низменном доме, это рождает подозрения и кое-кому может и заронить в душу мысль, что в нем, возможно, и впрямь течет кровь рода Йорков; поэтому кто-кто, а этот юноша, которого называли крестным сыном короля Эдуарда, а может быть, в шутку и его сыном, имел причины (хотя и безосновательные) лелеять подобные надежды. Наставников у него, в отличие от Ламберта Симнела, сколько известно, не было, покуда он не попал к леди Маргарите, которая и стала его поучать.

Итак, вот как это произошло. В Турне жил горожанин по имени Джон Осбек, крещеный еврей, женатый на Екатерине де Фаро и состоявший в этом городе на службе. По своим делам он вместе с женой в правление короля Эдуарда IV приехал в Лондон и поселился там на некоторый срок, в каковое время жена родила ему сына, а поскольку его знали при дворе, то Эдуард IV, либо из религиозного великодушия, так как Осбек был выкрестом, либо по чьему-то частному представлению, оказал ему честь и стал крестным отцом его ребенка, которого назвал Питером^{93*}. Но впоследствии все стали называть мальчика, росшего хрупким и изнеженным, его уменьшительным именем Питеркин, или Перкин. Что же до фамилии Уорбек, то ее ему дали наугад до того, как начались расследования. Однако он сделался под нею столь

известен, что она пристала к нему и после того, как узнали его настоящую фамилию Осбек. Еще ребенком он с родителями вернулся в Турне. Немного погодя его отдали в дом родственника по имени Джон Стенбек в Антверпене, и потому он немало времени странствовал между Антверпеном и Турне и другими городами Фландрии, подолгу жил среди англичан, вследствие чего в совершенстве овладел английской речью. Именно в ту пору один из тайных агентов привез Перкина, ставшего милостивым юношей, к леди Маргарите, которая хорошо его рассмотрела и, увидев, что лицом и осанкой он походит на человека благородного происхождения, и, кроме того, обнаружив в нем возвышенный дух и подкупающие манеры, подумала, что наконец-то она отыскала прекрасную глыбу мрамора, из которой изваяет образ герцога Йоркского. Она надолго задержала его при себе, окружив его существование глубокой тайной. За это время, в ходе многочисленных бесед с глазу на глаз, она обучала его сначала царственному поведению и приемам, наставляя, как соблюсти величие, но не утратить печати смирения, наложенной перенесенными невзгодами; затем поведала все обстоятельства и подробности, касавшиеся особы Ричарда, герцога Йоркского, которого ему предстояло играть: описала нрав, приметы и внешность короля и королевы — его мнимых родителей, его брата и сестер, и многих других людей, составлявших в детстве его ближайшее окружение, а также все происшествия, — как скрытые от посторонних глаз, так и общеизвестные, — которые случились до смерти короля Эдуарда и могли удержаться в памяти ребенка. К этому она позже добавила события, случившиеся после смерти короля и до его с братом заключения в Тауэр: как те, что происходили пока он оставался на воле, так и те, что происходили, когда он был в святом убежище. Что до заточения в Тауэре, обстоятельства гибели брата и его собственного побега, то она знала, что в этом его могут уличить очень немногие и потому ограничилась тем, что научила рассказывать гладкую и правдоподобную историю и предупредила, чтобы он от нее не отклонялся. Они также условились о том, что он будет говорить о своих скитаниях на чужбине. В этот рассказ они для достоверности включили много правдивых подробностей, которые, как они знали, могли засвидетельствовать другие, но опять же подобрали их так, чтобы они сочетались с его будущей ролью. Она также научила его, как обходить всевозможные каверзные и коварные вопросы, которые ему, может быть, зададут. Впрочем, при этом она открыла в нем столько природной изворотливости и сметливости, что во многом положила на его собственные ум и находчивость и потому употребила на это меньше трудов. Наконец, она распалила его воображение несколькими пожалованиями в настоящем и посулами большего в будущем, живописуя главным образом славу и богатство, какие принесет ему корона, если все удастся хорошо, и обещала надежное при-

бежище при своем дворе, если выпадет худшее. Когда прошло достаточное, по ее мнению, время, чтобы он окончательно затвердил урок, она стала прикидывать, над каким берегом и в какое время должна впервые появиться эта блистательная звезда. Это должно было случиться на горизонте Ирландии, ибо и прежде подобный метеор имел там сильное влияние. Время появления — когда король вступит в войну с Францией. Впрочем, она хорошо знала, что все исходящее от нее будет вызывать подозрение. Поэтому если из Фландрии он сразу направится в Ирландию, то могут подумать, что это произошло не без ее участия. Кроме того, еще не пришло время, так как в ту пору оба короля вели переговоры о мире^{94*}. Поэтому, чтобы отвести от себя всякие подозрения и не желая еще сколь-нибудь долго задерживать его при себе (ибо у всех тайн, как она знала, короткий век), она выбрала окольный путь и под чужим именем послала его в Португалию с леди Брэмpton, английской дамой (в то время туда как раз направлявшейся) и со своим *privado*¹²⁵, которому было поручено за ним присматривать. Там ему надлежало оставаться, пока он не получит от нее дальнейшие указания. Между тем она не упустила случая подготовить условия для его приема и признания не только в Ирландском королевстве, но и при французском дворе. Он провел в Португалии около года; к тому времени (как уже говорилось) король Англии созвал парламент^{95*} и объявил войну Франции. Теперь небесные созвездия благоприятствовали Перкину. Поэтому герцогиня немедленно послала сказать ему, чтобы он, как было первоначально задумано, отправлялся в Ирландию. В Ирландии он прибыл^{96*} в город Корк. Объявившись там, он, по его собственным словам (на позднейших допросах), был окружен толпой ирландцев, которые, увидев его богатое платье, стали внушать ему, будто он герцог Кларенс, который бывал в тех местах прежде, потом — будто он незаконнорожденный сын Ричарда III, и наконец, будто он Ричард, герцог Йоркский, второй сын Эдуарда IV, а он якобы отвергал все их увещевания и вызвался поклясться на святом Евангелии, что он и не первый, и не второй, и не третий, но они в конце концов принудили его и сказали ничего не бояться, и тому подобное. На деле же сразу по прибытии в Ирландию он надел личину герцога Йоркского и всеми средствами, какие он только мог придумать, начал вербовать сторонников и последователей. Он зашел так далеко, что написал письма графам Десмонду¹²⁶ и Килдеру^{97*}, в которых призывал их прийти к нему на помощь и примкнуть к его партии, — их подлинники целы по сей день.

Несколько ранее этого времени^{98*} герцогиня привлекла на свою сторону доверенного слугу короля Генриха, некоего Стефена Фрайона, который был у него французским секретарем, — человека деятельного, но беспокойного и недвольного. Фрайон перебежал от него к королю Франции Карлу и поступил к нему

на службу как раз в то время, когда тот начал затевать открытую вражду с королем^{99*}. Король Карл, постигнув сущность и цели Перкина и будучи сам не прочь использовать любую возможность во вред королю Англии, по внушению Фрайона и подготовленный леди Маргаритой, немедленно отправил некоего Лукаса и Фрайона послами к Перкину, дабы те уведомили его, что король хорошо к нему расположен и желает помочь ему отстоять свое право перед королем Генрихом, узурпатором английского престола и врагом Франции, и хотел бы, чтобы он приехал к нему в Париж. Теперь, когда столь почетным образом его пригласил столь великий король, Перкин почувствовал себя в раю. Сообщив своим друзьям в Ирландии, дабы их ободрить, что он услышал зов судьбы и о своих больших надеждах, Перкин тотчас отплыл во Францию. По приезде к французскому двору он был с великими почестями принят королем, который приветствовал и величал его титулом герцога Йоркского, поселил и устроил в великолепных покоях и, чтобы в еще большей степени придать ему облик государя, приставил к его особе почетную охрану, капитаном которой был лорд Конгрессол. Придворные примкнули к королевской игре (хотя и плохо преуспели в лицедействе), ибо видели, что на это есть государственные причины. В ту же пору у Перкина объявились многие знатные англичане: сэр Джордж Невилль¹²⁷, сэр Джон Тейлор и около сотни других. Между ними был и Стефен Фрайон, о котором мы уже говорили; он и тогда и много позже разделял его судьбу и по существу был главным советником и участником всех предприятий. Но со стороны французского короля все это было лишь уловкой, нужной ему, чтобы легче склонить короля Генриха к миру. Поэтому, как только на алтарь мира в Булони была пожертвована первая крупница благовоний¹²⁸, Перкин растаял в воздухе вместе с дымом. Впрочем, дорожа своей честью, король Франции не пожелал выдать его королю Генриху (о чем его настоятельно просили), но предупредил об опасности и отослал от двора. Со своей стороны Перкин и сам был готов уехать, опасаясь как бы его не похитили тайно. Поэтому он поспешил во Фландрию к герцогине Бургундской и там представился изгнанником, который после многих превратностей судьбы направил свой челн в те края в надежде обрести безопасную гавань. При этом он ничем не выдал, что уже бывал там прежде, и вел себя так, как если бы он попал туда впервые. Со своей стороны, и герцогиня держалась так, словно видела перед собой чужака и незнакомца и, заявив поначалу, что она хорошо проучена и стала умнее после истории с Ламбертом Симнелом, — и надо же ей было не распознать подделки (впрочем, сказала герцогиня, мало ей и такого урока), она дала понять (все это от начала до конца происходило в присутствии других), что сперва ей хотелось бы расспросить и испытать его и тем самым удостовериться, действительно ли он герцог

Йоркский. Однако вскоре, изобразив полное удовлетворение его ответами, она сделала вид, будто ее переполняет нечто подобное изумлению, смешанному с радостью и боязнью поверить в его чудесное избавление, и приветствовала его как восставшего из мертвых, воскликнув, что Бог недаром столь дивным образом уберег его от гибели, уготовив ему великое и счастливое будущее. Что до изгнания из Франции, то они выдали его не за следствие того, что Перкина изобличили или не захотели изобличать как обманщика и самозванца, а напротив, за ясное свидетельство его большого значения, ведь мир (в сущности) стал возможен только после того, как Карл от него отрекся, а следовательно, несчастного принца просто принесли в жертву удобству и честолюбию двух могущественных монархов. Да и сам Перкин неизменно излучал столько любезности и царственного величия, он так убедительно отвечал на любые вопросы, так удовольствовал и ублажал всех, кто к нему являлся, так изящно скорбел и колот презрением всякого, кто выказывал ему неверие — короче, столь изрядно он со всем справился, что все (как вельможи, так и простолюдины) поверили, что он и есть герцог Ричард. Более того, от долгой привычки выдавать себя за другого, от частого повторения лжи, он и сам почти сжился со своей ролью и уверовал в собственный обман^{100*}. Поэтому герцогиня, как бы отрешившись от последних сомнений, оказывала ему все почести, подобающие государю, всегда называла его именем своего племянника, присвоила ему возвышенный титул Белой розы Англии и назначила ему почетную охрану из тридцати человек — алебардчиков, облаченных в двуцветные ливреи, на которых багрец сочетался с голубишной. Не менее почтительны в обращении с ним были и все ее придворные, будь то фламандцы или иноземцы.

Весть о том, что герцог Йоркский наверняка жив, нависла над Англией, подобно грозовой туче. К тому же имя Перкина Уорбека тогда еще не вышло на свет, и все донесения твердили о герцоге Йоркском: что сначала его приютили в Ирландии, а потом купили и продали во Франции, и что ныне он открыто признан и живет в большой чести во Фландрии. Слухи эти соблазнили многих — кого из честолюбия, кого из легкомыслия и желания перемен, кое-кто был движим убеждениями, большинство же — простодушием, а кое-кто — потому, что был зависим от людей более сильных, которые втайне поддерживали и питали эти сплетни. И вот вскоре молва, принесшая эту новость, уже породила другую, полную злословия и ропота против короля и правительства. Его винили в том, что он обирает народ и унижает знать. Не забыли ему и потерю Бретани и мир с Францией. Но больше всего ему пеняли за зло, причиненное королеве, и за то, что не признана первичность ее прав на престол. Теперь, говорили они, когда Бог явил свету мужского отпрыска дома Йорков, ему несдобровать, как бы он ни притеснял свою бедную супругу. Однако (как бывает

с делами, в которые вовлечена чернь и на ход которых она влияет) эти слухи распространились столь широко, что те, кто их выдумал, затерялись среди множества других, ибо слухи подобно блуждающим плеведам, лишены верного корня, или пуганице следов, в которой не найти ни входа, ни выхода. Впрочем, вскоре эти дурные соки пошли в голову и не приметно скопились в нескольких видных особах, каковыми были лорд-камергер королевского двора сэр Уильям Стенли, лорд Фитцутер¹²⁹, сэр Саймон Маунтфорд и сэр Томас Твейтс. Они вступили в тайный сговор в пользу герцога Ричарда, однако никто из них не выдал себя открытым участием в этом деле, кроме двоих — сэра Роберта Клиффорда и господина Уильяма Барли, которые по поручению партии заговорщиков отплыли во Фландрию, чтобы на месте убедиться в истинности всего, что там происходило. Уезжали они не с пустыми руками, а с суммой денег, которую (если увидят и уверятся, что в тех притязаниях есть правда) они должны были передать как предварительную помощь. Особенно порадовал леди Маргариту приезд сэра Роберта Клиффорда (прославленного и родовитого дворянина). Переговорив с ним, она привела его к Перкину, с которым он потом часто и подолгу беседовал. Наконец, то ли поддавшись убеждениям герцога, то ли поверив Перкину, он написал в Англию, что знает Ричарда, герцога Йоркского, как самого себя, и что сей молодой человек — несомненно он. Таким образом, все в этой стране готовилось к смуте и мятежу, а между заговорщиками во Фландрии и в Англии установились сношения.

В то же время не дремал и король. Однако он полагал, что преждевременным набором и вооружением войска он лишь выкажет страх и окажет слишком много чести этому кумиру. Впрочем, он все же закрыл порты или, во всяком случае, держал их под наблюдением, чтобы и оттуда не впустить и отсюда не выпустить никого подозрительного. В остальном он предпочитал действовать исподволь. Перед ним стояли две цели: во-первых, выявить обман и, во-вторых, разрубить узел заговорщиков. Чтобы установить обман, было всего два пути: первый — убедить весь мир, что герцог Йоркский действительно убит, и второй — доказать, что Перкин — самозванец (независимо от того, жив или мертв герцог). С первым все обстояло так. Засвидетельствовать убийство герцога Йоркского могли только четыре человека: сэр Джеймс Тиррелл (человек, нанятый королем Ричардом), Джон Дайтон и Майлз Форрест, слуги последнего (двое палачей, или мучителей), и священник Тауэра, похоронивший убитых. Из этих четверых Майлз Форрест и священник были мертвы, а в живых оставались сэр Джеймс Тиррелл и Джон Дайтон. Этих двоих король приказал заключить в Тауэр^{101*} и допросить о гибели невинных принцев. Оба они (как объявил король) дали одинаковые показания о том, что король Ричард направил указ об умерщвлении принцев команданту Тауэра Брэкенбери, но тот отказался повиноваться, тогда

король направил указ сэру Джеймсу Тирреллу, чтобы тот принял у коменданта ключи от Тауэра для исполнения особого королевского поручения (все это происходило на протяжении одной ночи). Сэр Джеймс Тиррелл в темноте тотчас поспешил в Тауэр, сопровождаемый вышеупомянутыми слугами, которых он выбрал для этой цели. Оставшись у подножия лестницы, он послал этих негодяев наверх исполнить задуманное. Они задушили принцев во сне и, сделав это, позвали хозяина посмотреть на их нагие тела, выложенные на обозрение. Их зарыли под лестницей и сверху завалили камнями. Когда королю Ричарду доложили, что его воля исполнена, он осыпал сэра Джеймса благодарностями, однако не одобрил места погребения, ибо счел его слишком низким для сыновей короля. Поэтому, на следующую ночь, по новому указанию короля священник Тауэра выкопал тела и захоронил их в другом месте, которое (по причине смерти священника, вскоре за тем последовавшей) осталось неизвестным. Вот и все, что удалось выяснить в ходе дознания, но король тем не менее не использовал эти показания ни в одном из своих заявлений. Из-за этого, как кажется, дело после допросов оставалось несколько запутанным. Что до сэра Джеймса Тиррелла, то его много времени ^{102*} спустя обезглавили во дворе Тауэра за другую измену. Но Джона Дайтона, чьи показания, как кажется, были для короля более выигрышными, немедленно отпустили на волю, и именно он способствовал распространению этой легенды. Итак, поскольку такое средство доказательства было ненадежным, король с тем большим усердием принялся за другое, силясь выяснить происхождение Перкина. Того ради он отправил в несколько стран, а особенно во Фландрию, множество сметливых лазутчиков и соглядатаев. Из них одни выдали себя за перебежчиков и, явившись к Перкину, примкнули к его окружению, другие под разными предлогами стали выспрашивать, выискивать и раскапывать все обстоятельства и подробности, касавшиеся родителей Перкина, его происхождения, нрава и странствий, короче, всего, что помогло бы составить (как бы) журнал его жизни и дел. Он щедро снабдил своих агентов деньгами, которые те должны были употребить на привлечение и вознаграждение осведомителей, обязав их также постоянно сообщать ему обо всем, что они узнают, и ни в коем случае не прекращать поисков. Поскольку же одно сообщение и открытие всегда влекло за собой другое, он, когда того требовало дело, использовал все новых людей. Некоторых других он использовал в особом качестве и с особой целью: им надлежало вести его главную интригу. Этим было приказано вкрасься в доверие к первейшим особам фландрской партии и узнать, кто их сообщники и поверенные либо в Англии, либо за границей; насколько каждый из них вовлечен в заговор; кого еще они намерены свратить или привлечь впоследствии, а также, если удастся, обнажить до конца подоплеку всех тайн Перкина

и заговорщиков, их планов, надежд и козней и притом разузнать как об исполнителях, так и о самих делах. Кое-кто из наиболее доверенных шпионов имел дальнейшие указания войти в доверие к лучшим друзьям и слугам Перкина и переманить их на сторону короля, внушив, сколь шатки расчеты и надежды Перкина и с каким дальновидным и могущественным королем им приходится тягаться, а затем примирить с королем, пообещав прощение и хорошую награду. Однако более всех прочих им надлежало штурмовать, подкапывать и расшатывать верность сэра Роберта Клиффорда, чтобы (если удастся) его залучить, ибо этот человек знал почти все их тайны и его отпадение ввергло бы остальных в величайший страх и растерянность и в какой-то мере расстроило бы заговор. Существует странное предание о том, что король, потерявшийся в чаще подозрений и не знавший, кому доверять, установил сношения с духовниками и капелланами многих вельмож, а также своеобразно использовал один обычай тех времен, приказав наряду с врагами поименно предавать анафеме у Св. Павла своих заграничных шпионов, чтобы противники его уверовали в их полную благонадежность. Эти шпионы исполняли свое назначение столь исправно, что король мог теперь видеть нутро Перкина без всякого вскрытия. Он был хорошо осведомлен и о каждом из участников заговора в Англии. К тому же раскрылись многие другие загадки, но особенно хорошо было то, что удалось завоевать приверженность сэра Роберта Клиффорда и склонить его с охотой и усердием служить королю. Поэтому король (которому его старания принесли богатый барыш и большое удовлетворение в некоторых частностях) сперва разгласил и разнес по всему королевству обстоятельные сведения, разоблачавшие шарлатанство Перкина и его ложь о своем происхождении и скитаниях, — сделано это было не посредством прокламаций (потому что в ту пору расследования еще продолжались и могли что-то прибавить или убавить), но с помощью придворных сплетен, каковые обыкновенно запечатлевают все куда лучше, нежели печатные прокламации. Тогда же он решил, что настало время отправить посольство к великому герцогу Филиппу¹³⁰ во Фландрию, дабы убедить его отступить от Перкина и отослать его от двора. Это дело он поручил сэру Эдварду Пойнингсу и доктору канонического права сэру Уильяму Уорэму^{103*}. Великий герцог был тогда молод и подчинялся руководству Совета. Перед этим-то Советом и получили аудиенцию послы. И вот доктор Уорэм повел такую речь:

«Милорды, король, наш повелитель, весьма опечален тем, что после того, как Англию и Фландрию столь долгое время почитали как бы мужем и женой, именно вашей стране суждено стать сценой, на которой низкий самозванец разыгрывает роль короля Англии, тем самым не только принося беспокойство и бесчестье его милости, но возбуждая презрение и укоризну всех державных

владык. Подделка неживого королевского изображения на монетах есть по всем законам тяжкое преступление. Но подделка живой особы короля есть величайшая ложь, сравнимая разве что с деяниями Магомета или Антихриста, каковые обманом присваивают само божественное достоинство. Король имеет слишком высокое мнение об этом мудром совете и не думает, что кто-либо из вас введен в заблуждение сей басней (хотя вы и могли уступить страстям неких особ), — столь невероятна она сама по себе. Оставим в стороне свидетельства о смерти герцога Ричарда, о которой у короля есть ясные и надежные показания (ведь могут подумать, что во власти короля их изготовить); пусть дело говорит само за себя. Ведь никакая власть не прикажет здравому смыслу и рассудку. Возможно ли (как вы полагаете), чтобы, решившись предать душу проклятию и осквернить свое имя столь гнусным убийством, король Ричард не стал бы действовать наверняка? Или же вы думаете, что кровавые убийцы (которые были его орудиями) вдруг разжалобились в пылу злодеяния, тогда как свирепых и лютых зверей, равно как и людей, первый глоток крови всегда приводит лишь в еще большее исступление и неистовство. Разве не ведомо вам, что кровавые палачи тиранов идут на подобные дела с удавкой вокруг шеи, сознавая, что в случае неудачи их ждет верная смерть. Неужели вы думаете, что такие люди пожертвуют собственной жизнью ради спасения чужой? Допустим, они спасли его, — что бы им было с ним делать? Выпустить на улицы Лондона? Чтобы сторож или первый попавшийся прохожий оттащил его к судье и таким образом все бы вышло наружу? Или втайне держать у себя? Это наверняка было бы сопряжено с большими заботами, расходами и постоянными страхами. Однако, милорды, я чересчур усердствую в этом и без того ясном деле. Король столь мудр и имеет столько добрых друзей за границей, что теперь он знает о герцоге Перкине все с самой колыбели. Поскольку же он великий государь, а у вас здесь наверняка найдется хороший поэт, король готов помочь ему сведениями для его жизнеописания, в котором тот сравнит его с Ламбертом Симнелом, нынешним королевским сокольничим. Посему, скажу вашим светлослям начистоту, — нет на свете ничего более удивительного, чем то, что именно теперь, постарев и достигнув возраста, когда другие женщины оставляют деторождение, леди Маргарита (да простится нам, что мы называем имя этой женщины, чья злоба на короля столь же беспричинна, сколь и бесконечна) перодила двух подобных чудовищ, ибо вынашивала она их не девять или десять месяцев, а много лет. К тому же если другие матери порождают детищ слабыми и беспомощными, то эта приносит рослых молодцов, которые вскоре после вступления в мир способны вызвать на бой могущественных королей. Милорды, мы без охоты задерживаемся на этом пункте; уповаем на то, что Господь когда-нибудь даст этой леди вкусить

радостей материнства через лицемерие того, как ее племянница царствует в великой чести, окруженная многочисленным потомством, каковое, будь ей то угодно, она могла бы считать своим собственным. Король мог бы просить великого герцога и ваши светлости, чтобы, по примеру короля Карла, который уже избавился от этого недостойного юнца, вы изгнали его из ваших владений, Но так как от старинного союзника король по справедливости может ожидать большего, чем от недавно замирившегося врага, его просьба к вам — о том, чтобы вы выдали его головой, ибо такого рода разбойники и самозванцы достойны почитаться общими врагами человечества и никак не могут находиться под защитой законов какой-либо страны».

После недолгого совещания Совет дал послам следующий короткий ответ: великий герцог из любви к королю Генриху никоим образом не станет помогать мнимому герцогу, но во всем сохранит дружбу с королем. Что же касается вдовствующей герцогини, то она самовластна в землях, отошедших к ней в приданое, и он не может заставить ее поступиться своим именем.

Короля по возвращении послов такой ответ отнюдь не удовлетворил, ибо он-то хорошо знал, что приданое не заключает в себе суверенных прав, таких, как право набора войска. Кроме того, послы без обиняков сказали ему, что, по их наблюдениям, герцогиня имеет в совете великого герцога сильных сторонников, и, хотя великий герцог пытается представить дело так, будто он лишь не препятствует герцогине укрывать Перкина, в действительности он сам исподволь подает ему помощь и содействие. Поэтому король (отчасти всердцах, отчасти из политических соображений) немедленно изгнал из королевства всех фламандцев (вместе с их товарами), приказал своим подданным (а именно купцам — искателям приключений)¹³¹, проживавшим в Антверпене, воротиться назад, перевел ярмарку (которая обычно бывала там, где продавали английские ткани) в Кале и на будущее запретил всякую дальнейшую торговлю^{104*}. Король сделал это, чтобы оградить свою честь, не желая терпеть открытого оскорбления от искателя английской короны столь близко к своему дому и поддерживать дружественные отношения со страной, где тот обосновался. Кроме того, он имел и дальнюю цель, ибо хорошо знал, что фландрские подданные извлекают из торговли с Англией большую выгоду и его запрет вскоре заставит их тяготиться Перкином и что недавние волнения во Фландрии еще слишком свежи и государю не время вызывать неудовольствие народа. Тем не менее великий герцог изгнал из Фландрии англичан, что его по существу принудили сделать.

Имея верные сведения, что Перкин больше полагался на друзей и сообщников в королевстве, чем на иностранное оружие, король решил, что ему следует воздействовать лекарством на то место, где гнездится болезнь, и сурово наказать нескольких глав-

ных заговорщиков внутри королевства, дабы тем самым очистить Англию от гнилых соков и охладить надежды фландрской партии. С тем он приказал почти в один и тот же миг схватить Джона Рэтклиффа, лорда Фитцуотера, сэра Саймона Маунтфорда, сэра Томаса Твейтса, Уильяма Добени¹³², Роберта Рэтклиффа, Томаса Крессенора и Томаса Эствуда. Все они были судимы, обвинены и осуждены за государственную измену, а именно за связь с Перкином и обещание ему помощи. Одного из них: лорда Фитцуотера, перевезли в Кале, где его заключили в крепость, но поддерживали в нем надежду на сохранение жизни. Однако вскоре (либо от нетерпения, либо вследствие предательства) он убил своего тюремщика и пытался бежать, за что был обезглавлен. Сэра Саймона Маунтфорда, Роберта Рэтклиффа и Уильяма Добени обезглавили сразу по осуждению. Всех же остальных простили вместе с многими другими, как духовными, так и мирянами, а среди них монахов-доминиканцев и Уильяма Уорсли¹³³, декана собора св. Павла^{105*}, которых допросили, но до суда дело не дошло^{106*}.

Лорда-камергера в то время еще не трогали. То ли король не хотел возмущать слишком много соков сразу и по обыкновению хороших лекарей решил очистить голову в последнюю очередь, то ли Клиффорд (от которого исходило большинство разоблачений) приберег этот кусочек на свое возвращение, покуда лишь намекнув королю, что он боится, как бы в деле не был замешан кто покружнее, о ком он подробно доложит государю, когда сможет сделать это лично.

В канун дня всех святых, на десятый год правления короля¹³⁴, второй сын короля Генрих стал герцогом Йоркским и вместе со многими другими — пэрами, рыцарями-бакалаврами¹³⁵ и высокородными дворянами — при соблюдении всех церемоний посвящен в кавалеры ордена Бани¹³⁶. Наутро после святок король переехал из Вестминстера (где он праздновал Рождество^{107*}) в лондонский Тауэр. Он сделал это, как только получил известие о прибытии в Англию сэра Роберта Клиффорда (который хранил в своем сердце большинство тайн Перкина). Тауэр же был избран на тот случай, чтобы, если Клиффорд обвинил бы кого-нибудь из вельмож, можно было, не вызывая подозрений, без шума, не рассылая указов о поимке, тотчас же взять их под стражу, ибо недаром двор и тюрьма находились в пределах одной стены. День или два спустя король призвал к себе избранных советников и позволил явиться Клиффорду, который, войдя, первым делом повалился у его ног и самым смиренным образом взмолился о прощении, которое король ему тут же и даровал^{108*}, впрочем, в действительности ему втайне обещали жизнь еще раньше. Затем, вняв повелению рассказать все, что ему известно, он в числе многих других (не будучи даже спрошен) донес на сэра Уильяма Стенли, лорда-камергера королевского двора.

При звуке имени этого лорда король изумился, как если бы до него дошла новость о некоем неведомом и ужасном чуде. Каково ему было слышать, что человек, имевший перед ним столь высокие заслуги, спасший ему жизнь, возложивший на его голову корону, тот, который его милостью и поощрением снискал столь большие почести и богатства, которого привязывали к нему столь тесные узы свойства, так как его брат был женат на матери короля, тот, наконец, кому он доверил уход за своей особой, сделав его своим камергером, — что такой человек, не ведавший опалы, не ведавший недовольства, не ведавший страха, ему изменил. Клиффорда просили вновь и вновь повторять подробности обличения, предупреждая при этом, что в столь невероятном деле, которое к тому же касается столь высокого слуги короля, ему никак не следует заходить слишком далеко. Однако, видя, что он с грустью и постоянством (без колебания и разноречий, но с приличествующими случаю учтивыми оговорками) стоит на том, что он сказал, предлагая в доказательство поклясться своей душой и жизнью, король распорядился его увести. Выказав перед советом немалую свою скорбь, король отдал приказание запереть сэра Уильяма Стэнли в той самой комнате четырехугольной башни, которую он занимал. На другой день его допрашивали лорды. При допросе он отклонил немного из того, в чем его обвиняли, и не слишком старался оправдать или умалить свой грех. Тем самым, (не очень мудро) рассчитывая ослабить кару признанием, он способствовал своему осуждению. Как видно, он сильно надеялся на свои прежние заслуги и на влияние, которое имел на короля его брат. Но эти преимущества превешивали различные соображения не в его пользу, которые главенствовали в уме и душе короля. Во-первых, он имел чрезвычайные заслуги, тогда как королям больше по нраву обычные заслуги, легко вознаграждаемые. Затем он сознавал свою силу; король же думал, что особо опасен тот, кто возвел его на престол, ибо он способен и свергнуть. В-третьих, перед королем забрезжила возможность конфискации, ибо Стэнли слыл самым богатым подданным королевства: в его замке Холт хранилось сорок тысяч марок в наличных деньгах и посуде, не считая драгоценностей, домашней утвари, стад скота и земледельческих орудий в его угодьях и прочего непомерно большого имения; кроме того, с земель и поместий он ежегодно получал доход в три тысячи фунтов в старой ренте, что по тем временам составляло огромную сумму^{109*}. Наконец, против него были обстоятельства, ибо, если бы король не испытывал страха за свое государство, он, может быть, и пощадил бы его жизнь, но ввиду того, что над его головой нависла туча столь крупного восстания, ему пришлось действовать наверняка. Поэтому, после шестинедельной отсрочки, король по чести решил соблюсти, дабы позволить брату Стэнли ходатайствовать за него и показать миру, что его душа пребы-

вает в разладе, лорд-камергер был судим за государственную измену, осужден и вскоре после того обезглавлен^{110*}.

Впрочем, и состав преступления, за которое пострадал этот благородный муж, и основания и причины его отступничества и отчуждения его сердца от короля донны остаются лишь темным преданием. Говорят, его преступление состояло в том, что в разговоре с сэром Робертом Клиффордом он сказал, что если бы он наверное знал, что этот молодой человек — сын короля Эдуарда, он никогда бы не поднял против него оружия. Вывести из этого обвинительное заключение представляется довольно трудным, как отправляясь от условной частицы, так и от других слов. В том, однако, что касалось условной формы предложения, судьи (которые были учеными мужами, а трое главных входили в Тайный совет) заключили, что приписывать всем этим «если—то» способность смягчать изменнический смысл слов опасно, поскольку кто угодно мог употребить их при выражении своей злобы и этим застраховаться от опасности. В последующие времена по такому же делу привлекалась Елизавета Бартон, святая дева из Кента¹³⁷, которая сказала, что, если король Генрих VIII не возьмет назад свою жену Екатерину, он достоин лишиться короны и умереть собачьей смертью. Можно привести в пример бесконечное число дел подобного рода, и, как кажется, суровые судьи, в них разбиравшиеся, ни разу не постановили об измене на основании условного предложения. Что до утвердительных слов о том, что он не поднимет оружия против сына короля Эдуарда, то, хотя, казалось бы, в них нет ничего мятежного, по сути они открыто и прямо опровергают права короля, как по линии дома Ланкастеров, так и по акту парламента, а это, без сомнения, уязвило короля больше, чем если бы Стенли напал на него с копьем на поле битвы. Ибо уж если Стенли, лицо столь влиятельное и приближенное к королю, будет держаться мнения, что у сына короля Эдуарда всегда больше прав не престол, то вслед за ним то же самое станет говорить и вся Англия. А времена тогда были такие, что речи задевали за живое. Впрочем, некоторые писатели рассеивают сомнения на этот счет, утверждая, что Стенли без обиняков обещал помогать Перкину и послал ему денежную помощь^{111*}.

Теперь о причинах его отпадения от короля. Правда, что на Босуортском поле король был обложен и в некотором роде взят в окружение войсками короля Ричарда, и его жизнь подвергалась явной опасности. Именно тогда Стенли, посланный братом ему на выручку при трех тысячах воинов, так отличился, что король Ричард был убит на месте. Воистину смертные не способны на большее благодеяние, чем то, которое король, — разом обретший спасение и корону, — получил из рук Стенли, ибо оно под стать благодеянию Христа. За эту службу король осыпал его великими дарами, сделал своим советником и камергером и (несколько

вопреки своей натуре) закрыл глаза на то, что огромная добыча с Босуортского поля почти полностью попала во владение этого мужа, бесконечно его обогатив. Тем не менее, исполненный гордости от сознания своих действительных и мнимых заслуг, он полагал, что все еще не получил от короля достаточного вознаграждения, во всяком случае, против ожидания, не все давалось ему по первому мановению его руки. Честолюбие его было столь непомерно и безгранично, что он стал домогаться у короля графства Честер. Поскольку же оно всегда составляло своего рода удел в княжестве Уэльс и обычно отходило к сыну короля, его домогательства в итоге повлекли за собой не только отказ, но и неудовольствие, ибо благодаря им король постиг, что его желания неумеренны, а планы обширны и беспорядочны и что он мало ценит его прежние благодеяния. После этого король затаил к нему неприязнь, а поскольку и от крупицы закваски нового неудовольствия зачастую киснет весь ком прежних заслуг, ум короля стал внушать его страсти, что хотя на Босуортском поле Стенли подоспел вовремя и тем спас его жизнь, но он же достаточно долго медлил, чем подверг ее опасности. Однако доказательств против него не было, и он оставался в своей должности до самого падения.

После него лордом-камергером сделали Жилия, лорда Добени¹³⁸, мужа больших дарований и доблести, каковые качества были тем более драгоценны, что нрава он был кроткого и умеренного.

По общему мнению, сэр Роберт Клиффорд (который стал государственным доносителем) с самого начала был шпионом короля и во Фландрию бежал с его согласия и ведома. Но это едва ли вероятно как потому, что он никогда уже не вернулся вполне того к себе благоволения, какое король оказывал ему до его отъезда, так и главным образом потому, что сделанное им разоблачение лорда-камергера (в чем и состояла его основная заслуга) не основывалось на чем-либо, что дошло до него лишь за границей, ибо все это он знал и прежде.

Эти казни, в особенности же казнь лорда-камергера, главной опоры заговорщиков, которого к тому же выдал сэр Роберт Клиффорд, — а они ему очень доверяли, — быстро остудили Перкина и его сообщников, ибо повергли их в уныние и посеяли в них сомнения. Они теперь были, как песок без извести, худо скреплены воедино, особенно англичане, которые жили настороже, глядели друг на друга отчужденно, не зная, кто на чьей стороне, и думая про себя, что король обещаниями или обманом переманит к себе всякого, кто хоть чего-нибудь стоит. Так оно и получилось в действительности: беглецы потянулись прочь вереницей, сегодня один, завтра другой. В числе последних исчез Барли, приехавший с тем же поручением, что и Клиффорд: этот оставался, пока Перкин полностью себя не исчерпал, но в конце концов помирился с коро-

лем и он ^{112*}. Однако падение этого (как полагали) влиятельного и обласканного королевским благоволением вельможи, разбирательство его дела, при взгляде на которое казалось, что о нем уже давно ведется тайное дознание, и вина, за которую он пострадал, состоявшая лишь в том, что он сказал, будто права Йорка лучше прав Ланкастера, — а это мог сказать, или хотя бы подумать, почти всякий, — возбудили среди слуг и подданных короля столь великий страх, что едва ли были такие, кто считал себя в безопасности: люди не осмеливались разговаривать друг с другом, повсюду водворилась подозрительность, отчего, впрочем, положение короля не стало более прочным, хотя он и увеличил свою власть. Ведь быстрее всего губят и более всего гнетут внутренние кровоизлияния и стесненные испарения.

Вскоре появились тучи печатных пасквилей (прорывы скованной свободы слова и семена мятежа), содержавших ядовитую хулу и клевету на короля и некоторых его советников. Чтобы рассеять их, схватили и (после весьма усердного дознания) предали казни пятерых негодяев.

Король тем временем не забывал и про Ирландию, так как именно на ее земле лучше всего приживались грибы и сорняки, растущие по ночам. Поэтому (чтобы уладить там свои дела) он послал туда уполномоченных от обоих сословий: канцлером королевства приора Лэнтони ¹³⁹, а военным начальником сэра Эдварда Пойнингса, который получил под свое начало отряд солдат и был наделен правом набирать войско и осуществлять гражданскую власть наместника ^{113*} с условием, что граф Килдер обязан ему повиноваться. Но неподвластные Англии, или дикие ¹⁴⁰, ирландцы, которые и были главными преступниками, по своему обыкновению укрылись в лесах и болотах, а к ним из наместничества сбежались и все те, кто знал за собой вину. Поэтому сэру Эдварду Пойнингсу пришлось устроить на диких ирландцев дикую охоту, которая в горах была не слишком удачной. Это обстоятельство он (либо из-за досады на свою неудачу, либо из желания защитить себя от немилости) поневоле должен был приписать помощи, которую мятежники тайно получали от графа Килдера, ибо память о том Килдере, что воевал за Ламберта Симнела и погиб при Стоукфилде ¹⁴¹, позволяла подозревать графа даже по самому легкому поводу. Поэтому он приказал схватить графа и отправил его в Англию, где тот на допросе столь убедительно очистил себя от обвинений, что был восстановлен в должности. Тогда Пойнингс, стремясь мирными подвигами искупить скудость заслуг на войне, созвал парламент, принявший достопамятный акт, и по сей день именуемый законом Пойнингса, по которому в Ирландии вступали в силу все статуты Англии. Прежде так не было, да и теперь в Ирландии не действует ни один закон, принятый в Англии с тех пор, а случилось это в десятый год правления короля.

Тогда же в короле обнаружилась склонность, которую впоследствии вскормили и разожгли дурные советники и министры, вследствие чего она обернулась позором его времени, а именно его пристрастие выжимать деньги из кошельков подданных путем конфискаций по уголовным законам. В то время она привела людей в еще больший трепет, ибо они ясно увидели, что это не вызвано необходимостью, а вытекает из характера короля, так как он тогда купался в богатстве, получив деньги по миру с Францией, добровольные приношения подданных и богатую добычу от конфискации имущества лорда-камергера и многих других. Первым из дел такого рода было рассмотрено дело лондонского олддермена сэра ¹⁴² Уильяма Кейпела ^{114*}, которому по разным уголовным законам присудили уплатить две тысячи семьсот фунтов, но он помирился с королем на тысяче шестистах; однако и позже Эмпсон ¹⁴³ отрезал бы у него еще немало, если бы не умер король.

Следующим летом ^{115*} король, чтобы успокоить свою мать, которую он всегда нежно любил и почитал, и показать миру, что расправа с сэром Уильямом Стенли (навязанная ему государственной необходимостью) ни в коей мере не ослабила расположения, которое он питал к его брату Томасу, отправился в Лэтэм развеяться в обществе матери и графа и пробыл там несколько дней.

Когда король медленно продвигался в глубь страны, Перкин Уорбек понял, что промедление и выжидание были ему на руку, пока его заговор оставался в тайне и все хорошо складывалось в Англии, но теперь, когда он раскрыт и разгромлен, это ему больше ни к чему (ибо дела, перевалив через вершину, катятся вниз все быстрее и быстрее), и решил испытать удачу в каком-нибудь предприятии на земле Англии, по-прежнему рассчитывая на привязанность простого народа к дому Йорков. Простонародью не нужно столько обещаний, как знатным особам, думал он, и чтобы возбудить его привязанность, достаточно воздвигнуть в поле штандарт. Местом своей будущей вылазки он избрал берег Кента.

К тому времени король приобрел столь прочную славу человека хитрого и дальновидного, что любой случай, любое событие, имевшее удачный исход, уже приписывали и ставили в заслугу его предусмотрительности, как если бы он сам их и подстроил. Так было и на этот раз, когда Перкин задумал высадиться в Кенте. Ведь впоследствии мир отказывался верить во что-либо иное, кроме того, что король, получив тайную весть о намерении Перкина, решил получить заманить его и с тем нарочно уехал подальше на север, чтобы, открыв Перкину фланг, заставить его подойти вплотную и напасть на него предварительно уверившись в надежности Кента.

В действительности же дело было так. Перкин собрал разноплеменную рать, совсем не ничтожную и числом, и отчаянностью солдат, которых по их нраву и образу жизни стоило бояться как

друзьям, так и врагам, ибо были они разорившиеся гуляки, а многие — воры или грабители. С ними он вышел в море и в начале июля ^{116*} стал близ кентского берега между Сэндвичем и Дилом.

Там он бросил якорь и, чтобы испытать привязанность народа, послал на сушу отряд своих людей, которые стали хвалить войско, которое сойдет следом. Поняв, что за Перкином не следует никто из именитых или знатных англичан и что силы его состоят из чужеземцев, в большинстве своем негодяев и грабителей, способных скорее обчистить окрестности, чем отвоевать королевство, жители Кента обратились к первейшим дворянам графства и, поклявшись в верности королю, пожелали, чтобы ими располагали и распоряжались так, как лучше для блага короля. Посовещавшись, дворяне отрядили часть сил в достаточном числе выйти к воде и знаками выманивать солдат Перкина на сушу, как бы для того, чтобы с ними соединиться, а прочим велели появляться в разных местах берега и создавать видимость поспешного отступления, чтобы тем самым вернее побудить их к высадке. Однако Перкин, играя роль принца, а может быть наученный секретарем Фрайоном, стал уже достаточно сведущ, чтобы знать, что народ, послушный власти, сперва совещается, а потом наступает в походном порядке, тогда как повстанцы сбегаются к главарю беспорядочной толпой, Перкин, говоря я, рассудив о их промедлении и заметив, что вооружены они ни чем поплое, а одинаковым оружием, заподозрил неладное. Поэтому лукавый юнец положил и шагу не ступить с корабля, пока не увидит, что все надежно. Тогда, поняв, что больше им никого не выманить, силы короля набросились на тех, кто уже высадился, и порубили их на куски прежде, чем те успели спастись на кораблях. В этой стычке (помимо убитых во время бегства) было схвачено около ста пятидесяти пленников. Поскольку король полагал, что покарат не скольких в назидание другим было бы расплатой, приличествующей дворянину, а такой сброд, как они, должно перерезать до последнего человека, в особенности в начале предприятия, а также зная, что силы Перкина отныне будут состоять из подобного отребья, он для устрашения приказал их всех повесить. Их пригнали в Лондон, связанных веревками, как упряжку лошадей в повозке, и казнили, кого в Лондоне и Вэппинге, кого в разных местах на побережье Кента, Сэссекса и Норфолка, расставив их там вместо вех и маяков, чтобы людям Перкина впредь было не покладно ступить на берег. Король, которого известили о высадке мятежников, хотел было прервать свое путешествие, но, уверившись на следующий день, что они частью перебиты, частью бежали, продолжил свой путь, отправив с поручением в Кент сэра Ричарда Гилдфорда ¹⁴⁴. Тот созвал жителей графства и, весьма похвалив (от лица короля) их верность, мужество и сообразительность, передал им всем благодарность, а некоторым наедине пообещал награду.

16 ноября (в одиннадцатый год правления короля) в Илийском дворце был дан пир для коллегии адвокатов¹⁴⁵, на который пришли девять юристов этой профессии. Чтобы почтить пир, король присутствовал вместе с королевой; этот государь был всегда готов обласкать и ободрить ученых законовевов и немного красовался тем, что управляет подданными посредством законов, так же как законами — посредством юристов.

В том же году король заключил с итальянскими правителями лигу для защиты Италии от Франции. Ведь, завоевав Неаполитанское королевство, король Карл, охваченный своего рода счастливым забвением, утратил его вновь. Он прошел Италию из конца в конец, не встречая сопротивления, так что правду говорил папа Александр, будто французы пришли в Италию не с мечом, чтобы биться, а с мелком — помечать квартиры для постоя. Точно так же он вступил и в Неаполитанское королевство, которое захватил полностью, по существу не нанеся ни единого удара. Но сразу после этого он совершил и повторил такое множество ошибок, что справиться с ними было не под силу даже самой большой удаче. Он не пожаловал неаполитанских баронов из партии анжевинов¹⁴⁶, а раздавал награды в угоду корыстным желанием некоторых своих приближенных. Он захватил и удерживал Остию, а также оградил свободу Пизы, чем заставил насторожиться всю Италию, ибо все начали подозревать, что его планы простираются дальше овладения правами на Неаполь. Он слишком быстро повздорил с Лодовико Сфорца¹⁴⁷, который владел ключами, отомкнувшими для него дверь Италии и закрывшими ее за ним. Он не поторопился затушить угли войны. И наконец, из-за легкости своего беспрепятственного похода по Италии он проникся столь чрезмерным презрением к вооруженной силе итальянцев, что, отлучившись из Неаполитанского королевства, оставил его еще более неустроенным, чем прежде. Так что вскоре все королевство восстало в пользу младшего Фердинандо и французы были полностью изгнаны. Тем не менее Карл не только грозился снова вторгнуться в Италию, но и делал для этого большие приготовления. Поэтому, по настоянию многих итальянских государств (а в особенности папы Александра), упомянутый папа, римский король Максимилиан, король Англии Генрих, король и королева Испании Фердинанд и Изабелла (именно так они именуются на всем протяжении договора), герцог Венеции Аугустино Барбадико и герцог Милана Лодовико Сфорца заключили между собой союз для совместной обороны своих государств, в который, без сомнения, как лен церкви негласно входило^{117*} и Неаполитанское королевство, хотя имя Фердинанда Неаполитанского среди его главных участников не названо.

В том же году умерла герцогиня Йоркская Цецилия¹⁴⁸, мать короля Эдуарда IV, скончавшаяся в своем замке Баркэмстед в глубокой старости, пережив коронавание трех рожденных ею принцев

и убийство четырех. Она была погребена в Фодерингэме ее супругом.

В том же году король созвал парламент ^{118*}, который принял законы по природе своей столь частные и простые, что они недостойны задерживать внимания читателей этой истории. Однако дальнейшее по справедливости позволяет заподозрить, что король, который отличился созданием прекрасных законов, преследовавших всеобщее благо, все же имел тайный умысел воспользоваться ими как для стяжания богатств, так и для улучшения нравов и потому, имея намерение с их помощью терзать свой народ, тем охотнее их накапливал.

Главным же из законов, принятых этим парламентом, был закон странного свойства, — скорее справедливый, нежели отвечающий нормам права, и скорее великодушный, нежели дальновидный. Этот закон повелевал, чтобы ни один человек, который оружием или иначе какое-то время помогал королю, не был позже за это осужден или приговорен ни в судебном порядке, ни актом парламента, а если и случалось когда-либо такому приговору быть, то полагать его недействительным и без последствий, ибо по государственным соображениям не годится, чтобы подданный вопрошал о справедливости королевских прав, а по совести не годится, чтобы подданный (каким бы ни был исход войны) страдал за свое повиновение. Закон этот был проникнут чудесным, благочестивым и благородным духом, подобным (в том, что касалось войны) духу моления Давида о чуме. Давид же сказал: «Если я согрешил, порази меня, но что сделали эти овцы?» ¹⁴⁹ Доставало в нем и частей, исполненных благоразумной и глубокой предусмотрительности. Ведь он наилучшим образом отнимал у людей причину заниматься выяснением королевских прав, поскольку (что бы ни выпало) их безопасность была заранее обеспечена. Кроме того, он не мог не привлечь к королю большую любовь и сердца народа, потому что, казалось, о людях он заботится больше, чем о самом себе. И тем не менее он совлек с партии его приверженцев те крепчайшие узы необходимости, которые понуждали их идти на бой и выходить победителями, ибо теперь они полагали, что их жизнь и состояния находятся вне опасности и надежно ограждены, стоят ли они за партию короля или ее покинули. Впрочем, сила и обязательность этого закона в последней его части (позволявшей более ранним актом парламента обусловить или не допустить акт более поздний) сами по себе были призрачными. Ибо верховная абсолютная власть не может ограничить самое себя, а то, что по природе своей подлежит отмене, не может быть установлено навек; это так же немислимо, как если бы некто в своем завещании назначил и объявил, что, если он в дальнейшем составит другое завещание, считать его недействительным. Что касается акта парламента, то примечательный случай произошел с ним во времена короля Ген-

риха VIII, который, опасаясь, что не доживет до совершеннолетия сына, провел через парламент закон, по которому король и его наследники освобождались от обязанности соблюдать все статуты, принятые до его совершеннолетия, если только сам король по достижении полного возраста не подтвердит их под большой печатью. Однако первым же актом, принятым в правление короля Эдуарда VI, был акт, отменивший этот прежний акт, хотя в то время король был еще несовершеннолетним. Впрочем, необязательные вещи какое-то время могут быть полезными.

Тогда же был принят акт, подводивший опору под обычай добровольных пожертвований: позволялось в судебном порядке взимать суммы, которые жертвователи согласились заплатить, но так и не внесли. Посредством этого акта не только собрали недоимки, но и по существу узаконили само это дело, а приняли его якобы по желанию тех, кто уплатил все до срока.

Этот же парламент принял хороший закон, в силу которого стало возможным привлекать к отчету за ложный вердикт; ведь прежде вердикт был чем-то вроде евангелия и не подлежал отмене. Это не распространялось на уголовные дела — как потому, что они по большей части открываются по королевскому иску, так и потому, что при их рассмотрении и вынесении приговора сменяется два состава присяжных: обвинители и осуждающие, а стало быть, не двенадцать человек, а двадцать четыре. Но, как кажется, это не единственная причина, поскольку на апелляцию она не влияла. Главная причина заключалась в том, что возможность подвергнуться судебному преследованию в случае успешного обжалования не должна останавливать присяжных, решающих вопросы жизни и смерти. Это также не распространялось на иски о выплате менее чем сорока фунтов, ибо издержки на повторное рассмотрение столь мелкой тяжбы превзойдут саму спорную сумму.

Тогда же был принят закон против попользований неблагодарных женщин, которые, получив во вдовью часть земли от мужа или предков мужа, стремятся к их отчуждению, тем самым разоряя наследников или тех, кто владеет остатком полученных ими земель. Ближайшим родственникам было даровано право подавать на конфискацию, как средство противодействия.

Тогда же прошел благотворительный закон, позволявший бедным истцам *in forma pauperis*¹⁵⁰ бесплатно пользоваться услугами адвоката, атторнея или клерка, в силу которого бедняки скорее получили возможность досаждать, чем не судиться. Как мы уже говорили, этим парламентом были приняты и многие другие законы, но мы по-прежнему соблюдаем наше правило останавливаться только на тех из них, что не просты по своей природе.

Все это время король заседал в парламенте, как в пору полного мира, и, казалось, придавал замыслам Перкина, который вернулся во Фландрию, не больше значения, чем майским игрищам¹⁵¹. Но, будучи мудрым королем, внешне невозмутимым, но внутренне

преисполненным тревоги, он отдал приказ наблюдать за прибрежными маяками и воздвигнуть дополнительные там, где они стояли слишком редко, а сам внимательно следил, где разразится дождем эта странствующая туча.

Перкин же, которому посоветовали беспрестанно раздувать свой огонь (питавшийся до сих пор как бы сырыми дровами), снова отплыл в Ирландию^{119*}, откуда он некогда уехал больше из-за надежд на Францию, нежели оттого, что не нашел у ирландцев готовности и поощрения. Но за истекшее с тех пор время усердием короля и трудами Пойнингса дела там пришли в такой порядок, что на долю Перкина не осталось ничего, кроме привязанности дикого и нагого народа. Поэтому совет надумил его искать помощи у короля Шотландии, молодого и доблестного государя, жившего в ладу со знатью и народом и недоброжелателя короля Генриха¹⁵². В то же время к королю затаили неприязнь Максимилиан и король Франции Карл — первый потому, что был недоволен королевским запретом на торговлю с Фландрией, второй — оттого, что король внушил ему подозрения своим недавним вступлением в лигу с итальянцами. По этой причине, помимо помощи герцогини Бургундской, которая открыто осуществляла и воплотила замыслы Перкина, у него не было недостатка в тайной поддержке от Максимилиана и Карла, которые настолько беспокоились о его судьбе, что оба тайными письмами и грамотами рекомендовали его королю Шотландии.

С этими надеждами Перкин приехал в Шотландию^{120*} с богатой свитой и был с почестями встречен шотландским королем (который заранее к этому хорошо подготовился). Вскоре после прибытия его торжественно ввели к королю, который оказал ему царственный прием, восседа в тронной зале в окружении многих своих вельмож. Перкин вошел в сопровождении большой свиты, состоявшей как из тех, кого король послал навстречу ему, так и из приехавших вместе с ним. Приблизившись к королю и слегка наклоняясь обнять его, он затем отступил на несколько шагов назад и громким голосом, так, чтобы его слышали все присутствующие, произнес речь^{121*}.

«Высокий и могущественный король, да соблаговолит Ваша Милость вместе со знатными пэрами, здесь присутствующими, выслушать рассказ о злой участи молодого человека, которому по праву полагалось бы держать в руке державный символ королевства, но который сам превращен судьбою в мяч, бросаемый от несчастья к несчастью, с места на место. Здесь перед собой вы видите Плантагенета, который из детской попал в святое убежище, из убежища в тюрьму, из тюрьмы в руки жестокого палача, а из этих рук в бескрайнюю пустыню (как я воистину могу назвать его), ибо такой пустыней был для меня мир. И вот тот, кто рожден повелевать великим королевством, не имеет и клочка земли, куда бы поставить ногу, кроме того, на котором он стоит

ныне по вашей государевой милости. Эдуард IV, покойный король Англии (как Ваша Милость не мог не слышать), оставил двух сыновей, Эдуарда и Ричарда, герцога Йоркского, обоих в малолетстве. Старший, Эдуард, наследовал корону отца под именем короля Эдуарда V. Но их жестокосердный дядя Ричард, герцог Глостер, который из честолюбия сначала жаждал стать королем, а после из желания упрочить свой трон жаждал их крови, послал нанятого им человека (преданного ему, как он полагал) убить их обоих. Однако, жестоко умертвив короля Эдуарда, старшего из двоих, человек, посланный совершить это гнусное злодеяние, был подвигнут отчасти раскаянием, отчасти иным средством к спасению его брата Ричарда, хотя и донес тирану, будто он исполнил его повеление над обоими братьями. Этому донесению как раз поверили и объявили о нем всенародно. Тогда миром и овладела уверенностью, что от них обоих безжалостно избавились, хотя правда всегда подает о себе весть, как бы искрами, что летают повсюду, пока не наступит ей срок раскрыться, как и случилось на сей раз. Но всемогущий Бог, остановивший львов¹⁵³, спасший малолетнего Иоаса от тирании Гофолии, избивавшей детей царя¹⁵⁴, спасший Исаака, когда над ним была занесена рука, чтобы принести его в жертву¹⁵⁵, уберег и второго брата. Ибо я, ныне стоящий здесь перед вами, и есть тот самый Ричард, герцог Йоркский, брат несчастного государя, короля Эдуарда V, и сегодня самый законный здравствующий наследник по мужской линии славного и благороднейшего Эдуарда, четвертого из носивших это имя, покойного короля Англии.

Как совершился мой побег — то лучше обойти молчанием, или по крайней мере рассказать в большей тайне, ибо моя повесть может затронуть кое-кого из живущих и память тех, кто уже мертв. Пока же довольно напомнить, что тогда была жива моя матушка, королева, которая из дня в день ожидала, что тиран велит убить ее детей. Итак, после того, как милостью божьей я в нежном возрасте бежал из Лондона, меня тайно перевезли за море, где спустя некоторое время люди, меня опекавшие (из-за новых ли страхов, перемены ли намерения или козней, — бог знает), неожиданно меня покинули и я был вынужден скитаться на чужбине и искать скудные средства для поддержания жизни. Разрываемый несколькими чувствами, из коих одно был страх оказаться узанным и навлечь на себя еще одно покушение тирана, другое же — горечь и печаль оттого, что приходится пребывать в безвестности и влачить недостойное и жалкое существование, я решил дожидаться смерти тирана, а после отдать себя в руки моей сестры, очередной наследницы короны. В ту же пору из Франции явился и вступил в королевство некий Генрих Тиддер^{122*}, сын Эдмунда Тиддера, графа Ричмонда, который коварным обманом завладел его короной, мне по праву принадлежащей: так что один тиран лишь сменил другого. Этот Генрих,

мой злейший и смертельный враг, как только узнал, что я жив, замыслил мою окончательную погибель и с тем придумал и испробовал все возможные ухищрения. Ведь мой злейший и смертельный враг не только объявил меня самозванцем и давал мне прозвища, вводя тем в заблуждение весь мир, но также, чтобы отсрочить и отратить мой приезд в Англию, предлагал в подкуп большие суммы денег государям и министрам тех стран, где меня принимали, и дерзко преследовал некоторых слуг, окружавших мою особу, подговаривая одних убить или отравить меня, других же предать и оставить меня и мое правое дело и покинуть мою службу, — таких, как сэр Роберт Клиффорд и другие. Ибо всякий рассудительный человек легко поймет, что Генриху, называющему себя королем Англии, не было бы нужды расточать столь большие суммы денег и обременять себя беспрерывными трудами и хитросплетениями, к моей смерти и гибели устремленными, если бы я был таким самозванцем. Но правота моего дела столь очевидна, что она подвигла христианнейшего короля Карла и госпожу вдовствующую герцогиню Бургундскую, мою дражайшую тетушку, не только признать ее, но и с любовью подать мне помощь. Только мнится мне, что Всевышний Бог, ради блага всего этого острова и соединения, через столь большое обязательство, обоих королевств, Англии и Шотландии, в тесный союз и содружество, предоставил возвести меня на трон Англии оружием и помощи Вашей Милости. Да и не впервые шотландский король помогает тем, у кого вырвали и отняли английское королевство, как недавно на нашей памяти было с особой Генриха VI¹⁵⁶. Потому, зная, что Ваша Милость дали ясные доказательства того, что ни одним благородным качеством он не уступает своим царственным предкам, я, многонесчастный принц, явился сюда и отдал себя в ваши королевские руки, взывая о помощи в овладении моим королевством Англией и преданно обещая относиться к Вашей Милости не иначе, как к родному брату. По возвращении же моего наследия я с радостью отблагодарю так, как только будет в моей власти».

Перкин закончил свой рассказ, и король Яков ласково и мудро отвечал ему, что, кто бы он ни был, он не раскается, что отдал себя в его руки. С того самого времени (хотя вокруг не было недостатка в тех, кто пытался уверить его, что все это обольщение) он, то ли очарованный любезным и пленительным обхождением Перкина, то ли склонившись на рекомендации великих чужеземных государей, то ли желая воспользоваться поводом к войне с королем Генрихом, стал во всем угождать ему, как подобало особе Ричарда, герцога Йоркского, принял участие в его деле и, чтобы устранить последние сомнения в том, что он принимает его за великого государя, а не за подставное лицо, дал согласие, чтобы этот герцог взял в жены леди Екатерину Гордон, дочь графа Хантли и близкую родственницу самого короля — молодую девственницу редкой красоты и добродетели.

Вскоре ^{123*} король шотландцев, сопровождаемый Перкином, с большим войском (состоявшим, впрочем, больше из пограничного люда, несколько неожиданно поднятого по тревоге) вступил в Нортамберленд. Перкин же, чтобы возвещать о себе по мере своего продвижения, велел рассылать впереди себя прокламацию следующего содержания ^{124*}, составленную от имени Ричарда, герцога Йоркского, истинного наследника короны Англии.

«Богу, который низводит с престола могучих и возводит смиренных и не попускает упованиям праведных пропадать втуне, стало угодно, чтобы мы наконец обрели средство явить себя во всеоружии нашим ленникам и народу Англии. Но не с тем помыслом пришли мы, чтобы нанести им вред, ущерб или пойти против них войной, а единственно ради того, чтобы избавить себя и их от тирании и угнетения. Ибо наш смертельный враг Генрих Тиддер, вероломный узурпатор английской короны, нам по праву рождения и наследования принадлежащей, сам в глубине сердца признавая наше несомненное право (поскольку мы и есть тот самый Ричард, герцог Йоркский, младший сын и ныне единственный наследник по мужской линии благородного и славного Эдуарда IV, покойного короля Англии), не только лишил нас королевства, но также всеми бесчестными и коварными способами попытался заполнить нас и лишить жизни. Но если бы его тирания простиралась только на нашу особу (хотя наша королевская кровь учит нас воздавать за обиды), мы скорбели бы не так сильно. Этот же Тиддер, который похваляется, что он сверг тирана, с первого дня вступления на узурпированный им престол, мало в чем преуспел, кроме как в тирании и в ее подвигах ^{125*}.

Ведь даже король Ричард, наш жестокосердный дядя (хотя его и ослепляла жажда власти), во всех прочих своих поступках, как подобает истинному Плантагенету, был благороден, хранил честь королевства и довольство и спокойствие знати и народа. Наш же смертельный враг, сообразно низости своего рождения, попрал под ногами честь народа, продавая за деньги наших лучших союзников и превращая в товар кровь, поместья и состояния наших пэров и подданных, — мнимые ли войны, позорный ли мир ^{126*}, лишь бы обогащалась его казна. Ничем не лучше были его ненавистное самоуправство и злостные происки в родных пределах. Во-первых, дабы упрочить свое неправо ^{127*}, он обрек на жестокую смерть многих дворян нашего королевства (которых он подозревал и страшился), а среди них наш кузен лорд-камергер ^{128*} сэр Уильям Стенли, сэр Саймон Маунтфорд, сэр Роберт Рэтклифф, Уильям Добени, Хэмфри Стаффорд и многие другие, и это помимо тех, кто дорого выкупил свою жизнь, внося непомерный выкуп, а некоторые из этих дворян и поныне пребывают в святом убежище. Кроме того, он долго держал и продолжает держать в тюрьме нашего достопочтенного и возлюбленного кузена Эдварда, сына и наследника нашего дяди

герцога Кларенса, и других, не давая им вступить во владение законным наследством, чтобы они, обретя силу и власть, не стали помогать нам в нашей нужде, как подобает вассалам. Он также принудил нескольких наших сестер и сестру нашего упомянутого кузена графа Уорика и нескольких других дам королевской крови выйти замуж за своих родичей и друзей простого и низкого звания и, отстранив от себя всех благонамеренных дворян, наделил благосклонностью и доверием лишь епископа Фокса, Смита, Брея, Ловела, Оливера Кинга^{129*}, Дэвида Оуэна, Ризли, Турбервиля, Тайлера, Чоумли, Эмпсона, Джеймса Хоберта, Джона Катта, Гарта, Генри Уайета¹⁵⁷ и прочих худородных злодеев и негодников, подобных этим, которые через свои воровские выдумки и поборы с народа стали главными зачинщиками, устроителями и вдохновителями беззакония и беспорядка, царящих теперь в Англии^{130*}.

Памятуя о вышеказанном, а кроме того, о великих и святотатственных преступлениях, которые наш упомянутый великий враг и его приспешники в угоду нечестивой и языческой политике всегда совершали против свобод и привилегий матери нашей святой церкви к негодованию всемогущего Бога, о многочисленных предательствах, ужасных убийствах, избиениях, грабежах, вымогательствах, о ежедневном ограблении народа посредством десятин, налогов, податей, принудительных займов и прочих незаконных обложений и вопиющих поборов и о многих других мерзостных преступлениях, ведущих к поруганию и разорению всего королевства, мы, милостью божьей, с помощью первейших лордов нашей крови и по совету других упомянутых особ позаботимся, чтобы товары нашего королевства употреблялись к наибольшей выгоде его; чтобы обмен товарами между королевствами осуществлялся и производился с большей пользой для благосостояния и процветания наших подданных, чтобы все вышеперечисленные десятины, налоги, подати, принудительные займы, незаконные обложения и вопиющие вымогательства были запрещены и отставлены и обращались бы к ним отныне только в таких случаях, в каких издревле имели обычай наши благородные прародители, короли Англии, когда им требовались помощь и поддержка их подданных и верных ленников.

И далее: настоящим мы из милости и милосердия также объявляем и обещаем всем нашим подданным отпущение и полное прощение всех прошлых преступлений против нас или нашего государства, совершенных из приверженности нашему упомянутому врагу, которым как нам хорошо известно, они были введены в заблуждение, если они в должный срок явят себя перед нами. А кто придет среди первых помочь нашему правому делу, тем мы столь щедро окажем нашу государственную благосклонность и милость, что удовлетворим все чаяния их и их ближних и при жизни, и после смерти. Кроме того, мы будем поступать так, чтобы всеми

средствами, какие Бог вложит нам в руки, дать королевское удовлетворение всем разрядам и сословиям нашего народа: оберегать свободы святой церкви в их целостности, ограждать почести, привилегии и преимущества наших пэров от неуважения и умаления соответственно достоинству их крови; кроме того, мы снимем с нашего народа ярмо всех тяжких нош и подтвердим хартии и вольности наших городов и местечек, кои расширим там, где то заслужено, и во всем подадим нашим подданным повод думать, что в нас возродилось благословенное и любезное правительство последних лет нашего благородного отца короля Эдуарда.

Поскольку же предание смерти или поимка живым нашего упомянутого смертельного врага могут дать способ отвратить большее пролитие крови, которое может последовать, если он принуждением или щедрыми посулами увлечет за собой для сопротивления нам какое-то число наших подданных, чего мы желаем избежать (хотя нас, конечно, оповестили, что наш упомянутый враг намерен и готов бежать из страны и уже отправил за границу огромные богатства, нашей короне принадлежащие, чтобы тем лучше прожить на чужбине), настоящим мы объявляем, что всякий, кто схватит или задержит нашего упомянутого врага, будь он сколь угодно низкого звания, получит от нас в награду 1000 фунтов деньгами, которые ему тотчас и будут выложены, а также сто марок годового дохода; помимо того, что он и перед Богом и перед всеми добрыми людьми заслужит за уничтожение такого тирана. Наконец, да будет всем ведомо (и мы призываем Господа в свидетели), что хотя Бог и подвиг сердце нашего дражайшего кузена короля Шотландии собственной особой прийти нам на помощь в нашем правом деле, это случилось без уговора или обязательства, или даже требования чего бы то ни было, что могло бы повредить нашей короне или подданным, а напротив, по обещании со стороны нашего упомянутого кузена, что как только увидит он нас в достаточной силе, дабы взять верх над нашим упомянутым врагом (а это, мы надеемся, случится очень скоро), то он не медля с миром возвратится в свое королевство, удовольствовавшись одной лишь славой столь почетного предприятия и нашей верной и преданной любовью и приязнью, каковые мы и утвердим отныне милостью Всемогущего Бога к великому удовольствию обоих королевств».

Но прокламация Перкина мало к чему побудила народ Англии. Кроме того, едва ли он стал желаннее, когда явился с такими спутниками. Поэтому, видя, что к Перкину никто не спешит, что нигде не поднимается возмущение в его пользу, король Шотландии обратил свое предприятие в набег и огнем и мечом опустошил и разрушил графство Нортамберленд. Однако, прослышав, что против него высланы войска и не желая, чтобы они настигли его людей, когда их отягощает ноша награбленного добра, он с большой добычей вернулся в Шотландию, отложив дальнейшие действия на другой раз. Говорят, что, когда Перкин, исправно игравший

роль принца, увидел, что шотландцы принялись опустошать местность, он, пылая негодованием и громко сетуя, явился к королю и потребовал, чтобы война не велась таким образом, ибо его разуму не мила корона, добытая ценой крови и разорения его страны. На это король не без насмешки отвечал, что сомневается, заботит ли его чужая собственность, и что он был бы своему врагу чересчур добрым управителем, если бы сберег для него страну.

К тому времени, а шел одиннадцатый год правления короля, перерыв в торговле между англичанами и фламандцами стал весьма чувствительно досаждал купцам и того и другого народа, что подвигло их употребить все, какие они могли придумать, средства, к тому, чтобы воздействовать на своих государей и расположить их к возобновлению сношений. В этом им способствовало время. Ибо великий герцог и его совет стали убеждаться, что Перкин оказался не более чем бродягой и гражданином мира, а ссориться из-за кукол могут только дети. В свою очередь король после нападения на Кент и Нортамберленд^{131*} придавал делу Перкина меньшее значение и даже не представлял его к отчету на совещаниях государственной важности. Но больше всего этому королю, любившему достаток и богатство, нужна была здоровая торговля, а он не мог терпеть каких-либо заторов в воротной вене, распределяющей эту кровь¹⁵⁸. Однако он пока сохранял величавую внешность, как тот, кого должны упрашивать первым. Да и купцы — искатели приключений (компания в то время сильная и крепкая богатыми людьми и внутренним устройством) держались уверенно и по-прежнему забирали английские товары, хотя из-за отсутствия вывоза они лежали у них на руках мертвым грузом. Наконец, в Лондоне между уполномоченными обеих сторон начались переговоры. От короля выступали лорд-хранитель печати епископ Фокс, виконт Уэллс, приор монастыря св. Иоанна Кендалл, начальник архивов¹⁵⁹ Уорэм (который приобретал все большее влияние на мнения короля), Урsvик, бывший мастером на все руки, и Райзли. От великого герцога выступали адмирал лорд Беверс, президент Фландрии лорд Верунделл и другие. Они заключили превосходный договор^{132*} о дружбе и взаимоотношениях между королем и великим герцогом, содержащий статьи о государственных делах, торговле и свободном рыболовстве. Это был тот самый договор, который фламандцы по сей день называют *intercursus magnus*, — во-первых, потому, что он полнее договоров третьего и четвертого годов правления короля, и, во-вторых, чтобы отличать от договора, принятого на двадцать первый год правления короля, который они называют *intercursus malus*. В этом договоре была особая статья, воспевавшая каждому из государей принимать мятежников другого. В ней говорилось, что если любой такой мятежник будет востребован у союзного государя государем этого мятежника, то государь обязан незамедлительно посредством прокламации приказать ему покинуть страну, а если тот не сделает

этого в пятнадцатидневный срок, он должен быть поставлен вне закона и лишен защиты. Впрочем, Перкин в этой статье не упоминался; не вошел же он в нее, видимо, потому, что не был мятежником. Таким способом ему подрезали крылья, отняв у него последователей-англичан. Договор включал особое положение, распространявшее его действие на земли вдовствующей герцогини. После того как взаимоотношения были восстановлены, английские купцы вернулись в свой особняк в Антверпене, где их встретили шествием и изъявлениями великой радости.

Той же зимой, на двенадцатый год своего правления, король снова созвал парламент^{133*}, выступая в котором сильно преувеличил враждебность короля Шотландии и размеры жестокого грабительского набега, который тот недавно совершил: этот король, по его словам, хотя и жил с ним в дружбе и не терпел от него никаких обид, горит к нему столь великой ненавистью, что до дна испил чашу пьяной браги Перкина, которого повсюду изобличили и отовсюду изгнали, и когда он постиг, что не в его силах причинить какой-либо вред королю, он обратил оружие против беззащитных людей, единственно для того, чтобы ограбить и обезлюдить его владения, вопреки законам войны и мира. Король заключил, что и во имя чести, и во имя безопасности людей, которых он обязан защитить, он не может оставить эти злодеяния безнаказанными. Парламент хорошо его понял и предоставил ему субсидию, ограниченную суммой в 120 000 фунтов, помимо двух пятнадцатых: поистине его войны всегда оборачивалась для него подобием богатой жилы, дававшей удивительную разновидность руды: сверху железо, а снизу золото и серебро. Никаких достойных упоминания законов этот парламент не принимал, ибо много времени на создание законов ушло в прошлом году, да и созван он был лишь по причине войны с Шотландией. Правда, был принят закон по иску купцов—искателей приключений Англии против купцов Лондона за то, что те установили монополию и поборы на товары, а сделано это было, по-видимому, для того, чтобы они могли немного оправиться после лихого времени, которое они пережили по причине перерыва в торговле. Все эти нововведения были устранены парламентом.

И все же королю суждено было сражаться за свои деньги. Он избежал встречи с врагами на чужой земле, но ему пришлось бороться с мятежниками в родных пределах. Ибо, как только начали взимать субсидию в Корнуолле, там стали выражать недовольство и роптать, — а корнуэльцы были народом не робкого десятка, могучие телом, хотя и жили в скудости на бесплодной земле, а многие, кто добывал олово, от нужды жили под землей. Они говорили, что нельзя терпеть, чтобы из-за малого наскока шотландцев, которых скоро и след простыл, их стирали в порошок податями; что платить должны те, у кого всего в избытке и кто живет в бездельи, а они едят хлеб, заработанный в поте лица своего, и никто его у них

не отнимет. И если взволновался человеческий прибор, то, как всегда, нет недостатка в мятежных ветрах, от которых он шумит еще больше. Вот и этот лорд вскоре выдвинул двух зачинщиков или главарей возмущения. Один был Майкл Джозеф, кузнец и коновал из Бодмина, большой говорун и оттого не менее желавший, чтобы говорили про него. Другой был Томас Флэммок, адвокат, который приобрел среди соседей большой вес, при всяком удобном случае убеждая их, будто закон на их стороне. Этот человек изъяснялся ученым языком и говорил так, словно знал, как поднять восстание, но не нарушить мира. Он внушал людям, что в данном случае, т. е. в случае войны с Шотландией, нельзя ни предоставлять, ни взимать субсидий, поскольку для отражения набегов законом предусмотрена щитовая служба¹⁶⁰; тем более этого делать нельзя, когда все спокойно, а война — лишь предлог для того, чтобы обирать и грабить народ. А потому незачем им стоять, как овцам перед стригалиями, пусть надевают доспехи и берутся за оружие, но не с тем, чтобы причинить вред хоть одной душе, а чтобы идти и доставить королю петицию о сложении с них непосильных платежей и наказании тех, кто подал ему такой совет, другим же в науку, чтобы знали, как поступать в будущем. От себя он добавил, что ему неведомо, могут ли они исполнить долг истинных англичан и добрых ленников иначе, как избавив короля от злоумышленников, которые погубят и его и страну. Они метили в архиепископа Мортон и сэра Реджиналда Брея, которые в этой распре служили для короля заслоном.

После того как эти двое, Флэммок и кузнец, своей болтовней, обращенной когда ко многим, когда к единицам, вызвали в толпе изъяснения согласия, они предложили себя в главари на тот срок, пока не объявятся лучшие, которые, сказали они, не заставят себя ждать, и далее заверили толпу, что будут не более чем ее слугами и первыми встретят любую опасность, они же не сомневаются, что столь доброе дело объединит запад и восток Англии и что (если посмотреть правильно) все это — такая же королевская служба.

Наслушавшись этих подстрекательств, народ вооружился, — большинство луками со стрелами, бердышами и прочими орудиями грубого деревенского люда, — и под водительством своих главарей (что в таких случаях всегда по нраву черни) тотчас выступил из Корнуолла^{134*}. Без убийств, насилий и грабежей они прошли через Девоншир и остановились у Тонтона, что в Сомерсетшире. В Тонтоне они в запале убили рачительного и усердного уполномоченного по сбору субсидии^{135*}, которого они называли проводом¹⁶¹ Перкина. Оттуда они направились в Уэльс, где к ним вышел лорд Одли (с которым их главари заблаговременно тайно снеслись), дворянин древнего рода, но бунтарь, искатель народной любви и ниспровергатель, которого они с величайшим удовольствием и радостью поставили над собой военачальником, гордые тем, что теперь их возглавляет дворянин. Лорд Одли увел их из

Уэльса к Солсбери, а от Солсбери к Винчестеру. Там глупому люду (который, в сущности, сам вел своих главарей) взбрело на ум, что их надо вести в Кент, ибо вопреки всякому разуму и здравому рассуждению они вообразили, что к ним примкнут его жители, хотя лишь недавно те выказали великую верность и любовь королю. Однако этот грубый люд слышал, как Флэммок говорил, будто никому еще не удавалось завоевать Кент и потому там живут самые вольные люди Англии. Под влиянием этой пустой болтовни они стремились приложить руку к великим делам, полагая, что выступают за свободу подданных. Но благодаря недавней королевской доброте, а также доверию и власти, которыми пользовались граф Кент и лорд Абергавенни¹⁶² и лорд Кубэм, в графстве к их приходу было так спокойно, что они не получили пополнений ни от дворян, ни от йоменов. Многих, кто был попроще, это настолько обескуражило и привело в такое уныние, что некоторые потихоньку бежали от войска и вернулись домой. Но самые стойкие и замешанные больше других не отступались и скорее даже возгордились, нежели утратили надежды и мужество. Ибо, пусть сначала их несколько напугало, что к ним не идут люди, вскоре они приободрились, видя, что, хотя они прошли с запада на восток Англии, на них до сих пор не напали королевские войска. Поэтому они продолжали путь и стали лагерем на пустоши Блэхит^{136*} между Гринвичем и Элтэмом, грозясь либо вызвать на битву короля (ибо теперь море вздыбилось повыше голов Мортонна и Брея), либо у него на глазах взять Лондон, где они предполагали найти столько же трусости, сколько и богатства.

Но вернемся к королю. Весть о волнениях в Корнуолле, вызванных сбором субсидии, повергла его в сильную тревогу, причиной которой было не это возмущение само по себе, а то, что оно случилось именно в такое время, когда над ним нависли другие угрозы. Ибо он опасался, как бы на него разом не обрушились война с Шотландией, мятеж в Корнуолле и интриги и заговоры Перкина и его приспешников, так как он хорошо знал, сколь опасен для монархии тройственный союз оружия иностранца, недовольства подданных и притязаний самозванного государя. Тем не менее это событие застало его отчасти хорошо подготовленным. Сразу по роспуске парламента король набрал сильное войско, с которым хотел напасть на Шотландию. Со своей стороны и король Шотландии Яков делал большие приготовления, намереваясь либо обороняться, либо вновь вторгнуться в Англию. Но в отличие от его сил войско короля не просто собиралось в поход, а было готово немедленно выступить под водительством лорда-камергера Добени. Однако, едва проведав о мятеже в Корнуолле, король задержал выступление этих сил и оставил их при себе для несения службы и ради своей безопасности. Одновременно он отправил на север графа Суррея¹⁶³, поручив ему оборонять и укреплять те края в случае нападения шотландцев. Но образ действий, принятый им

в отношении мятежников, полностью отличался от его прежнего обыкновения, которое всегда состояло в том, чтобы со всей решительностью и быстротой преградить им путь или напасть на них, едва они выступят. Так он привык, но ныне, помимо того, что годы умерили его нрав, а длительное царствование уменьшило любовь к опасностям, перед его мысленным взором снова и снова возникали спешащие с разных концов многоликие призраки бед, и потому он посчитал самым лучшим и надежным собрать силы воедино в центре королевства, в согласии с древним индийским образом: чтобы ни одна из сторон надуваемого пузыря не раздувалась сверх меры, руку надобно держать посередине пузыря. К тому же ничто не заставляло его изменять этому замыслу. Ведь мятежники не грабили страну, — тогда было бы бесчестьем оставить народ без защиты, — а силы их не прибывали, что заставило бы его поторопиться и ударить по ним, пока они не слишком выросли. И наконец, такой образ действий, по-видимому, соответствовал логике вещей и логике войны. Ведь восстания простонародья обычно яростны лишь в начале. Кроме того, они давали ему над собой преимущество, поскольку их утомил и измучил долгий переход, и полнее отдавались на его милость, поскольку они были отрезаны от родных краев и не могли, ударившись в бегство и отступив, возобновить смуту.

Поэтому, когда мятежники стали лагерем на холме у Блэкхит, откуда им открывался вид Лондона и окружающей его живописной долины, король, зная, что теперь в его же интересах разделиться с ними столь же быстро, сколь долго он отсрочивал столкновение, ибо следовало показать, что промедление объясняется не безучастной нерасторопностью, а мудрым расчетом в выборе времени, вознамерился со всей поспешностью напасть на них, однако действовать настолько предусмотрительно и наверняка, чтобы ничего не оставить на волю случая или судьбы. Поскольку у него были весьма большие и мощные силы, он, чтобы обезопасить себя от всяких случайностей и неожиданностей, разделил их на три части. Первую возглавил граф Оксфорд, а помогали ему графы Эссекс и Суффолк¹⁶⁴. Этим перам было назначено при нескольких эскадронах конницы, пеших отрядах и достаточном числе пушек обойти холм, на котором стояли мятежники, и, поместившись позади него, охватить подножие и перерезать все спуски, кроме тех, что вели в сторону Лондона, тем самым как бы поставив на этих диких зверей ловушку. Вторую часть войска (а именно ту, которая должна была участвовать в деле более других и с которой он связывал наибольшие надежды) он отдал под командование лорда-камергера, которому надлежало ударить мятежникам в лоб со стороны Лондона. Третью часть своих сил (тоже многочисленное и доблестное войско) он оставил при себе, чтобы быть готовым к любому повороту событий, поддержать бой, довершить победу, а заодно и заслонить город. С этой целью он сам расположился

лагерем на полях св. Георгия, став между городом и мятежниками.

В Лондоне же, когда поблизости появился лагерь мятежников, началось великое смятение, как обычно в богатых и многолюдных городах, особенно в таких, которые благодаря своей величине и зажиточности царят над местностью и чьим жителям нечасто приводится видеть из окон своих домов и с башен стен неприятельское войско. Больше всего лондонцев тревожила мысль о том, что им противостоит грубая толпа, которую невозможно, если понадобится, склонить к соглашению, на уступки или к правильным переговорам, но которая, скорее всего, намерена предаться грабежам и разбою. И хотя они слышали, будто в походе мятежники вели себя тихо и скромно, они сильно опасались, что воздержание продлится недолго и внушит им тем больше голод и охоту наброситься на добычу. По этой причине в городе поднялся изрядный шум: кто бежал к воротам, кто к стенам, кто к реке, и все без конца возбуждали себя тревогой и паническим страхом. Тем не менее лорд-мэр Тейт и шерифы Шоу и Хэддон решительно и исправно исполняли свой долг, вооружая и расставляя людей; к тому же для совета и в помощь горожанам король прислал нескольких испытанных в войне капитанов. Впрочем, скоро, уразумев, что король так распорядился делом, что, прежде чем приблизиться к городу, мятежникам падо будет выиграть три сражения, что он сам встал между мятежниками и ними и что главная задача состояла скорее в том, чтобы всех их, никого не упустив, поймать в ловушку, а уж в победе сомнения не было, они понемногу успокоились и утратили страх, тем более что они питали доверие (и немалое) к трем военачальникам — Оксфорду, Эссексу и Добени, людям славным и любимым в народе. Что касается Джаспера, герцога Бедфорда, которого король обычно в числе первых призывал на свои войны, то он в то время был болен и вскорости умер.

Сражение состоялось двадцать второго июня ^{137*}, в воскресенье (день недели, который выбрал сам король), хотя со всем доступным ему искусством он старался посеять ложное мнение, будто готовится дать мятежникам бой в понедельник, чтобы застать их врасплох. Лорды, назначенные в окружение, еще несколько дней назад расположились в удобных (для перехвата мятежников) местах вокруг холма. Пополудни, ближе к вечеру (ибо следовало окончательно уверить мятежников, что в тот день им не драться) на них двинулся лорд Добени и первым делом выбил их заставу с Дептфордского моста. Мятежники сражались с большим мужеством, но, находясь в малом числе, были тут же отброшены и бежали на холм к основному войску, которое, прослышав о приближении королевских сил, в большом замешательстве выстраивалось в боевые порядки. Однако они не поставили заслон на первой же высоте перед мостом, чтобы тот поддерживал отряд, занимавший мост, равно как не вывели главный полк (который стоял в глубине пустоши)

к подъему на холм, так что граф вместе со своими силами поднялся на холм и без боя овладел вершиной. Лорд Добени ударил на них столь яростно, что лишь по случайности не ступил удачи всего дня. Сражаясь во главе своих воинов, он неосмотрительно выступил вперед и был захвачен мятежниками, но его тут же отбили и вызволили. Мятежники выдерживали бой недолгое время и сами по себе не выказали недостатка в личной храбрости. Но они были худо вооружены, не имели хороших командиров, конницы и артиллерии и потому их без труда рассекли на части и обратили в бегство, а их вожди — лорд Одли, кузнец и Флэммок — сдались в плен живыми (поскольку обыкновенно главари возмущений суть не слишком мужественные люди). Число убитых со стороны мятежников доходило до двух тысяч ^{138*}, а все их войско, как говорили, насчитывало шестнадцать тысяч ^{139*}. Почти все остальные были захвачены в плен, поскольку холм (как уже говорилось) окружали королевские войска. Со стороны короля погибло около трехсот человек, причем большинство из них пали от стрел, которые, как сообщают, были в длину с портновский аршин ^{140*}: вот какой большой и мощный лук могли, по рассказам, натянуть корнуэльцы.

Как только была добыта победа, король посвятил многих дворян в рыцари: кого на Блэкхит, где враг был разбит его военачальником (и куда он приехал совершить церемонию), кого на полях св. Георгия, где стоял лагерем он сам. Кроме того, в качестве награды он открытым эдиктом даровал имущество пленников тем, кто их захватил, чтобы получили его либо натурой, либо в любом другом виде, как сумеют договориться. После почестей и наград настал черед суровости и казней. Лорда Одли в порванном бумажном балахоне, разрисованном его перевернутыми гербами, провели от Ньюгейтской тюрьмы до Тауэра и там обезглавили ^{141*}. Флэммока и кузнеца пытали на дыбе и вытягиванием, а затем четвертовали в Тайберне. На повозке смертников кузнец (как можно судить по словам, которые он произнес) ублажал себя мыслями о том, что он будет славен во все последующие времена. Какое-то время королю хотелось отправить Флэммока и кузнеца в Корнуолл, чтобы казнить там для вящего страха. Но, получив донесение, что графство еще не замирилось и народ бурлит, он счел за лучшее не раздражать его еще сильнее. Все прочие мятежники были помилованы прокламацией и получили грамоту о прощении за малой печатью. Итак, во искупление этого крупного мятежа король, помимо крови, пролитой на поле боя, удовольствовался жизнью лишь трех преступников.

Странно было видеть, сколь различны и неравномерны королевские приговоры о казни и помиловании: сначала можно было подумать, будто все здесь решает своего рода лотерея или случай. Однако при более пристальном взгляде становится ясно, что на это были свои причины — причины, может быть, более важные, чем мы теперь, отделенные столь долгим временем, способны разли-

чить. После кентского возмущения (в котором участвовала лишь горстка людей) было казнено до ста пятидесяти человек, тогда как после такого мощного восстания — всего трое. Возможно, король поставил в зачет погибших в бою или не хотел выказывать суровость по отношению к взбунтовавшемуся простонародью, или безобидное поведение этого люда, прошедшего с запада на восток Англии без насилий и грабежей, несколько смягчило его и подвигло к состраданию, или, наконец, он проводил большое различие между людьми, восставшими из прихоти, и теми, кто восстал из нужды.

После победы над корнуэльцами к королю из Кале явилось почетное посольство от французского короля, которое прибыло в Кале еще за месяц до того, но было там задержано ввиду смуты и содержалось в почете на королевском обеспечении. Едва узнав об их прибытии, король отправил к ним гонца с просьбой потерпеть, пока не уляжется небольшой дым, поднявшийся в его стране, что не замедлит о том, что его всерьез беспокоило, он (по своему обычаю) отзывался на людях пренебрежительно. Повод для посольства был не слишком значительный: испросить отсрочку платежей и уладить некоторые частности в отношении границ; на деле оно приехало засвидетельствовать дружбу и ласковыми речами утвердить короля в доброй приязни. Что же до недавнего договора короля с итальянцами, то его отмены не потребовали ни устно, ни вручением грамот.

Однако тем временем, пока корнуэльцы шли на Лондон, король Шотландии, хорошо осведомленный обо всем происходящем и знавший, что стоит улечься этим волнениям, и ему не миновать войны с Англией, не стал упускать благоприятной возможности и, рассудив, что королю теперь не до него, снова перевел войско через английскую границу и с частью сил осадил Норэмский замок, а другую часть отправил грабить окрестности. Но епископ Даремский Фокс, человек мудрый и способный в настоящем провидеть будущее, заранее предполагая, что так оно и будет, распорядился сильно укрепить свой Норэмский замок и доставить в него всевозможные припасы, а кроме того, разместил в нем множество отборных солдат: по величине замка несоразмерно много, так как рассчитывал скорее на бешеный приступ, нежели на долгую осаду. Он, далее, распорядился, чтобы окрестные жители укрыли скот и имущество в крепких и труднодоступных местах и отправил гонца к графу Суррею (который расположился лагерем неподалеку в Йоркшире) с просьбой поспешить на подмогу. Так что и шотландский король ничего не смог поделать с замком и его люди вернулись^{142*} лишь со случайной добычей. Когда же он понял, что на него с большими силами идет граф Суррей, он вернулся в Шотландию. Граф, увидев, что осада снята, а неприятель отступил, со всей быстротой пустился в преследование, надеясь перехватить короля и дать ему бой. Но, не догнав его вовремя, он

осадил замок Атон, одну из сильнейших (как тогда считалось) крепостей между Бервиком и Эдинбургом, и вскоре ее взял. Немного спустя, ввиду того, что шотландский король все дальше отступал в пределы своей страны, а погода стояла чрезвычайно ненастная и бурная, граф вернулся в Англию^{143*}. Так что (по существу) с обеих сторон походы свелись к осаде одного замка и взятию другого, а такой итог не соответствовал ни мощи войск, ни пылкости ссоры, ни величине ожиданий.

В разгар этих бедствий, как внутренних, так и внешних, из Испании в Англию приехал Питер Хайалас, которого некоторые называли Элиасом (без сомнения, он был предтечей тех благоприятных обстоятельств, которыми мы наслаждаемся в наши дни, ибо через посредство его посольства между Англией и Шотландией установилось перемирие, перемирие повлекло за собой мир, мир — бракосочетание, а бракосочетание — союз королевств), — человек большой мудрости и (по тем временам) не без учености, а послали его король и королева Испании Фердинанд и Изабелла вести переговоры о браке их второй дочери Катерины с принцем Артуром. С договором этим он управился весьма неплохо и почти довел его до завершения. Но между тем так случилось, что после одной из бесед, которые он вел с королем об этом предмете, король (который обладал большим умением быстро проникать в душу послов чужеземных государей, если эти люди ему нравились, и подолгу совещался с ними о своих собственных делах и даже использовал их на своей службе) между прочим завел речь и о том, как бы положить конец распрям и разногласиям с Шотландией. Ибо король, естественно, не любил бесплодных войн с Шотландией, хотя и наживался на слухах об их приближении, и в государственном совете Шотландии у него было немало людей, советовавших своему королю пойти ему навстречу и оставить войны с Англией; выдавая себя за добрых друзей отечества, они на самом деле пеклись об интересах короля. Только он был слишком умен, чтобы самому предлагать шотландцам мир. С другой стороны, он нашел союзника в лице Фердинанда Арагонского, который как нельзя лучше подходил для его целей. Ведь после того как король Фердинанд, имея доверительное сообщение, что брак безусловно состоится, взял бы на себя роль союзника короля, но со свойственной испанцам приверженностью долгу не уклонился бы от советов королю в его делах. Король же, не по недостатку самостоятельности, но употребляя себе во благо настроения всякого человека, воспользовался этим, дабы исполнить то, что, как он считал, ему либо неприлично, либо неприятно производить от своего лица, перекладывая ответственность на Фердинанда, по чьему совету он якобы действовал. Поэтому, ему угодно, чтобы Хайалас (как бы по собственному почину и предложению) поехал в Шотландию для переговоров о примирении обоих королей. Хайалас взялся за это дело, и явившись к королю шотландскому Якову, сначала весьма искусно

склонил его прислушаться к более осторожным и смиренным советам, а потом отписал королю, что, как он надеется, мир упрочится и утвердится без особого труда, если он пришлет мудрого и умеренного советника, который мог бы договориться об условиях. Король тотчас же направил епископа Фокса (находившегося в то время в своем замке Норэм) для совещания с Хайаласом, после чего они оба должны были начать переговоры с представителями шотландского короля. Представители обеих сторон встретились^{144*}. Однако после долгих споров о статьях и условиях мирного договора, предложенных с той и с другой стороны, они так и не смогли заключить мира. Главным препятствием было требование короля выдать ему Перкина как источник бесчестья для всех королев и лицо, не охраняемое международным правом. Король же Шотландии наотрез отказался это сделать, говоря, что сам он плохой судья правам Перкина, но он принял его как просителя, защитил как беглеца, искавшего убежища, дал ему в жены свою близкую родственницу, помогал ему силой оружия в уверенности, что он — государь, и теперь по чести не может выдать его врагам, ибо это означало бы перечеркнуть и признать ложью все, что он перед тем говорил и делал. Не добившись выдачи Перкина, епископ (получивший от короля известные гордые инструкции^{145*} — такими они, как бы там ни было, представлялись, хотя в конце имелась оговорка, которая передавала все на усмотрение епископа и повелевала ему ни в коем случае не доводить дело до разрыва) перешел ко второму пункту инструкций, который был о том, что шотландский король лично встретится с королем в Ньюкасле. Когда об этом доложили шотландскому королю, он ответил, что хочет договариваться о мире, а не ехать его выпрашивать. В соответствии с другой статьёй инструкций епископ потребовал возратить добычу, захваченную шотландцами, или выплатить за нее возмещение. Но шотландские представители ответили, что добыча эта все равно, что вода, пролитая на землю, которую невозможно собрать, и что подданные короля куда лучше способны снести свою утрату, чем их господин ее возместить. В конце концов, как люди разумные, и те и другие скорее сделали подобие перерыва, чем разорвали переговоры, и заключили перемирие на несколько последующих месяцев^{146*}. Тем временем король Шотландии, не меняя своей официальной позиции в отношении Перкина, которой он придерживался до сих пор, стал вследствие частых бесед с англичанами и многих других предупреждений подозревать, что он самозванец, и потому благородным образом призвал его к себе и, перечислив все благодеяния и милости, которые он ему оказал (сделал своим союзником, вот уже два года бросает вызов могущественному и богатому королю, ведя наступательную войну за его дело, более того, отказался от почетного мира, который ему предлагали на хороших условиях, если только он выдст его головой, а также глубоко оскорбил своих вельмож и народ, чьего недоволь-

ства он не может вызывать слишком долго), посоветовал ему самостоятельно подумать о своей судьбе и выбрать более пригодное место изгнания, прибавив, что он не должен был бы этого говорить, но англичане разоблачили его перед шотландцами, ибо он уже два раза опрашивал всех своих приближенных и никто из них не принял его сторону; тем не менее он исполнит то, что сказал при их первой встрече, а именно, что он не раскается, отдав себя в его руки, ибо он не покинет его, а предоставит ему суда и все, что еще нужно, чтобы доставить его, куда ему будет угодно.

Перкин, никогда не сходявший с подмостков своего величия, отвечал королю в нескольких словах: он видит, что его время еще не пришло, но, как бы ни сложилась его судьба, он будет думать и говорить о короле по чести. Уезжая, он даже не помыслил направиться во Фландрию, ибо опасался, что с тех пор, как год назад великий герцог заключил с королем договор, эта страна превратилась для него в западню, но вместе с женой и теми из сторонников, кто не захотел его оставить, переправился в Ирландию.

В двенадцатый год правления короля, немного раньше описываемого времени ^{147*}, папа Александр, который более других любил тех государей, чьи страны лежали дальше от Италии и с кем у него было меньше всего дел, а также весьма признательный королю за его недавнее вступление в лигу защитников Италии, наградил его освященным мечом и венцом ¹⁶⁵, которые доставил его нунций. Папа Иннокентий некогда сделал то же самое, но его награду приняли не столь торжественно ^{148*}. Ибо король послал мэра и его собратьев встретить папского посланца на Лондонском мосту, а вдоль всех улиц, ведущих от подножия моста к дворцу при соборе св. Павла (в котором тогда расположился король), стояли одетые в ливреи горожане. Наутро, в День всех святых, король, следуя за мечом и венцом, которые несли перед ним, в сопровождении многих прелатов, пэров и первейших придворных прошествовал в собор св. Павла. После шествия он сел на хорах, а лорд-архиепископ, стоя на ступеньках хоров, произнес длинную проповедь, в которой он говорил о том, какую большую и высокую честь оказал королю папа (поднеся эти награды и знаки благословения), и о том, как редко и за какие высокие заслуги их даруют, а затем перечислил главные деяния и добродетели короля, которые в глазах его святейшества сделали его достойным этой большой чести.

Все это время восстание в Корнуолле (о котором мы говорили), казалось, не имело никакого отношения к Перкину, за тем исключением, может быть, что его прокламация, обещавшая упразднить поборы и платежи, затронула верную струну, и корнуэльцы, случалось, поминали его добром. Но теперь распространяющиеся волнения привели к тому, что пузыри стали встречаться друг с другом, как это бывает и на поверхности воды. Королевское милосердие (к тому времени корнуэльские мятежники, взятые в плен и получившие прощение, а многие, как уже говорилось, выкуп-

ленные у захвативших их солдат по два шиллинга двенадцать пенсов каждый, вернулись в свое графство) придало им скорее смелости, чем благоразумия, так что они сговорились не говорить соседям и землякам, что, простив их, король сделал доброе дело, ибо ему ли не знать, что если он повесит всех, кто думает так же, как они, в Англии останется слишком мало подданных, и начали подбивать и подзадоривать друг друга возобновить смуту. Самые смышленные из них, прослышав, что Перкин в Ирландии, нашли способ послать к нему с известием, что, если он к ним придет, они будут ему служить. Услышав эту весть, Перкин воспрял духом и стал совещаться со своими главными советниками, которых у него было трое: Херн, бежавший от долгов торговец шелком и бархатом, портной Скелтон и писец Эстли (ибо секретарь Фрайон его покинул). Они сказали ему, что и по дороге в Кент, и по дороге в Шотландию его видело чересчур много глаз, поскольку первый слишком близко от Лондона, прямо под носом у короля, а вторая — родина народа, внушающего англичанам столь сильное отвращение, что, любя они его куда сильнее, то и тогда никак не приняли бы его сторону из-за компании, в которой он явился. Вот если бы ему повезло оказаться в Корнуолле при первом возмущении, когда народ стал братья за оружие, его к этому времени уже короновали бы в Вестминстере, ибо все эти короли (как он уже успел убедиться) продадут бедных принцев за пару башмаков, а ему следует полностью опереться на народ, и потому они посоветовали ему со всей доступной быстротой плыть в Корнуолл, что он и сделал, переправившись туда на четырех маленьких барках с семьюдесятью или восьмьюдесятью воинами. Он причалил в бухте Уитсэнд-бей в сентябре и без промедления явился в Бодмин, родной город кузнеца^{149*}, где к нему собралось до трех тысяч грубых мужланов.

Там он выпустил новую прокламацию, в которой убажрал народ щедрыми обещаниями и разжигал его выпадами против короля и правительства. И, как бывает с дымом, который не растворится, пока не достигнет наибольшей высоты, ныне, перед своим концом, он поднял свой титул и начал величать себя уже не Ричардом, герцогом Йоркским, а Ричардом IV, королем Англии^{150*}. Советники надоумили его во что бы то ни стало овладеть каким-нибудь хорошим укрепленным городом, чтобы, во-первых, дать своим людям изведать сладость богатой добычи и надеждами на такую же поживу привлечь к нему всех распущенных и пропавших людей, и, во-вторых, иметь надежное убежище, куда бы его силы могли отступить в тяжелый момент или при неудаче на поле боя. Поэтому они собрались с мужеством и осадили Эксетер^{151*}, самый сильный и богатый город в тех краях. Подойдя к Эксетеру, они поначалу воздерживались применять силу, а стали кричать и горланить, рассчитывая напугать жителей, а также в нескольких местах из-под стены окликали и убеждали их примкнуть к ним и стать

на их сторону, говоря, что, если их город первым признает короля, он превратит его в новый Лондон. Однако им не хватило ума сколько-нибудь регулярно посылать своих агентов или отобранных людей, чтобы их прельщать и вести с ними переговоры. Со своей стороны, горожане выказали себя стойкими и преданными подданными. Более того, между ними не только не произошло хоть малого смятения или разлада, но все приготовились дать доблестный отпор и отстоять город. Ибо они прекрасно видели, что мятежники пока не столь многочисленны и сильны, чтобы их бояться; и у них были все основания надеяться, что прежде, чем тех станет больше, к ним самим подоспеет королевская подмога. Да и без того они почитались за крайнее зло отдаться на милость этому голодному и беззаконному люду. Поэтому, приведя внутри города все в добрый порядок, они тем не менее в нескольких местах стены незаметно спустили на веревках нескольких гонцов (чтобы, случись неудача с одним, дошел бы другой), которые должны были предупредить короля об опасности и воззвать о помощи. Перкин и сам опасался, что вскорости следует ждать подмоги и потому решил бросить все силы на приступ. С этой целью, послав людей, вооруженных штурмовыми лестницами в нескольких местах взобраться на стену, он в то же время попытался взломать одни из ворот. Но у него не было ни пушек, ни осадных орудий, и, после того, как он увидел, что их не взять ни таранами из бревен, ни железными ломами, ни прочими подручными средствами, ему не оставалось ничего иного, как их поджечь, что он и сделал. Но горожане, хорошо осознавшие опасность, не стали дожидаться, пока огонь поглотит ворота, а изнутри нагромоздили у них и на некотором пространстве вокруг вязанки хвороста и другое топливо. Тем временем они возвели земляные валы и выкопали глубокие рвы, которые должны были заменить стену и ворота. Приступ также закончился весьма неудачно: мятежники были сброшены со стен, двести человек было убито^{152*}.

Прослышав, что Перкин осадил Эксетер, король развеселился и сказал окружающим, что на западе высадился король проходимцев и теперь, он надеется, ему доведется воочию его увидеть, какой чести он до сих пор не удаивался. Те, что был тогда рядом с королем, явственно заметили, что он и правда весьма обрадован вестью о том, что Перкин на английской земле, где ему некуда отступить. Он подумал, что наконец излечится от этой давно мучившей его болезни. Чтобы воспламенить сердца всех мужей, он всеми возможными средствами разгласил, что те, кто ныне послужит ему и положит конец этим бедствиям, будут любезны ему никак не меньше, чем тот, кто подоспел в одиннадцатом часу и получил плату за весь день¹⁶⁶. И вот, как бывает в конце представлений, на сцену разом вышло множество исполнителей. Он приказал лорду-камергеру, лорду Бруку и сэру Райсу ап Томасу¹⁶⁷

с наличными силами поспешить на выручку городу и распустить слух, что за ними следует королевское войско под водительством самого короля. Граф Девоншир с сыном, семейства Керью и Фулфордов и другие первейшие особы Девоншира (которые не были званы от двора, но прослышали, что сердце короля столь жаждет этой службы) с наспех собранными войсками поторопились первыми подать помощь Эксетеру, предупредив подмогу короля. То же и герцог Бекингем со многими храбрыми дворянами, которые, не дожидаясь, пока либо король, либо лорд-камергер придут к цели, взялись за оружие и, дабы выделиться своим рвением, сами образовали отряд войск, сообщив королю о своей готовности и пожелав узнать его волю. Так что, как говорится в пословице, в паденье всяк святой пособник.

Когда сразу со стольких сторон до него донесся лязг оружия и шум враждебных приготовлений, Перкин снял осаду^{153*} и двинулся к Тонтону, не отрывая одного глаза от короны, но другим уже начиная косить в сторону святого убежища, хотя корнуэльцы, ставшие теперь, как железо, которое после многократного разогрева и закалки делается неподатливым — скорее сломается, чем согнется, — клялись и божились оставаться с ним до последней капли крови. Уходя от Эксетера, он имел от шести до семи тысяч человек, многие из которых, привлеченные молвой о столь крупном предприятии и в расчете на поживу, явились, когда он уже стоял перед Эксетером, хотя по снятии осады некоторые улизнули. Подступив к Тонтону, он, изображая бесстрашие, весь день делал вид, что усердно распоряжается приготовлениями к бою, но близ полуночи в сопровождении трех десятков всадников бежал в Бьюли, что в Нью-Форесте, где вместе со многими из своей свиты отдался под защиту святого убежища, покинув корнуэльцев на произвол судьбы. Впрочем, тем самым он освободил их от клятвы и выказал обычную для него жалостливость, удалившись, чтобы не видеть, как прольется кровь его подданных. Едва прослышав о бегстве Перкина, король немедленно выслал пятьсот всадников догнать и перехватить его прежде, чем он достигнет моря или того малого островка, который называли святилищем. Но к последнему они прискакали слишком поздно. Поэтому им оставалось лишь окружить убежище и поддерживать вокруг него крепкую охрану, дожидаясь, пока не станет известна дальнейшая воля короля. Что до других мятежников, то они (лишенные своего предводителя) без единого удара сдались на милость короля. Король же, который (подобно лекарям) имел обыкновение пускать кровь скорее для спасения жизни, нежели ради кровопролития, и никогда не проявлял жестокости, если был в безопасности, увидев, что угроза миновала, в итоге простил их всех, кроме нескольких отпетых злодеев, которых повелел казнить, чтобы тем оттенить свою милость к прочим. Кроме того, несколько всадников были спешно посланы к горе св. Михаила в Корнуолле, где Перкин оставил леди Екате-

рину Гордон, которая и в счастье и в горе безгранично любила мужа, добродетелями супруги умножая добродетели своего пола. Король отправил их столь поспешно, так как не знал, беременна ли она, ибо в этом случае дело не закончилось бы на одном Перкине. Когда ее доставили к королю, он, как передают, принял ее не только с состраданием, но и с любовью, поскольку жалость лишь усиливала впечатление от ее изумительной красоты. Обласкав ее, он во имя радости лицезреть эту красоту и во славу себе отослал ее в свиту королевы и назначил ей весьма почтенное содержание, которым она пользовалась и при жизни короля и много лет после его смерти. Вскоре из-за ее истинной красоты все придворные начали называть ее именем Белой розы, некогда украшавшим фальшивый титул ее мужа.

Король продолжал свой поход и, встреченный ликованием, вступил в Эксетер^{154*}, где он раздал большие похвалы и благодарности горожанам и, сняв меч, висевший у него на боку, отдал его мэру и повелел, чтобы отныне его всегда носили перед ним. Он также приказал казнить нескольких зачинщиков корнуэльского бунта, принесенных им в жертву горожанам за страх и лишения, которые те им причинили. В Эксетере король спросил свой совет, должно ли ему пообещать Перкину жизнь, если тот покинет убежище и добровольно сдастся. Мнения совета разделились. Некоторые предлагали королю силой изъять его из святилища и предать смерти, что дозвоительно в случае необходимости, при которой обходится и без самих освященных мест и предметов. Они также не сомневались, что папа окажется сговорчивым и согласится либо заявлением, либо в крайнем случае индульгенцией одобрить его поступок. Другие высказывали мнение, что, поскольку все и без того спокойно и не сулит беды, то и не следует навлекать на короля новых поношений и нападков. Третьи стояли на том, что король никогда не сумеет уверить мир в том, что касается самозванства Перкина, и узнать всю подоплеку заговора, если обещанием жизни и прощения и другими честными средствами не заполучит его в свои руки. Впрочем, все они в своих речах много сокрушались о королевской доле и со своего рода негодованием корили его судьбу, пожелавшую, чтобы этого мудрого и добродетельного государя столь давно и столь часто испытывали и тревожили призраки. На это король отвечал им, что испытание призраками ниспосылает ему сам всемогущий бог и что сие не должно беспокоить его друзей; сам же он всегда презирал их и скорбит лишь о том, что они подвергли такому горю и страданиям его народ. Однако в итоге он склонился к третьему мнению и потому отправил нескольких лиц для переговоров с Перкином, который с радостью согласился на такое условие, видя, что он в плену и лишен всяких надежд, ибо, попытав счастья и с государями, и с простонародьем, и с великими, и с малыми, он повсюду встречал только ложь, слабость или невезение. Пребывая в Эксетере, король также назна-

чил лорда Дарси ¹⁶⁸ и еще нескольких представителей, которые должны были обложить штрафами всех тех, кто имел хоть какое-нибудь имущество и каким-либо образом предоставлял или оказывал помощь или пособничество Перкину или корнуэльцам, будь то на поле боя или во время бегства. Эти представители исполняли службу столь неукоснительно и сурово, что обильные денежные кровопускания, ими учиненные, сильно омрачили впечатление, произведенное милостивым отказом короля от кровопролития. Перкина доставили ко двору, но не привели перед лицо короля, хотя тот, чтобы удовлетворить любопытство, порой наблюдал за ним из окна или когда проходил мимо. Внешне он пользовался свободой, но сторожили его со всей возможной заботой и бдительностью, чтобы повезти вслед за королем в Лондон. Всякий может вообразить, какому осмеянию он подвергался, стоило ему выйти на сцену в новой роли приживала и шута, на которую он сменил прежнюю роль государя. В этом усердствовали не только придворные, но и простой люд, который увивался вокруг него на каждом шагу, так что по стае птиц уже издали можно было сказать, где сова: кто глумился над ним, кто ему дивился, кто бранил, кто рассматривал его лицо и движения, чтобы было потом о чем посудачить. Словом, за показное почтение и почести, которыми он столь долго пользовался, ему сполна перепало насмешек и презрения. Как только прибыл в Лондон, король потешил и город таким майским празднеством. Его неторопливо, но без какого-либо унижения, провезли верхом через Чипсайд и Корнхилл ^{155*} до Тауэра, а оттуда назад в Вестминстер, посреди тысячеголосого гула насмешек и упреков. Но, как бы в дополнение к зрелищу, на некотором удалении от Перкина на лошади везли его ближайшего советника, который в прошлом был королевским кузнецом и коновалом. Когда Перкин укрылся в святилище, этот молодец променял священное место на священное одеяние, оделся отшельником и в таком наряде скитался по стране, пока не был опознан и схвачен. Этот ехал связанный по рукам и ногам и не вернулся вместе с Перкином в Вестминстер, а остался в Тауэре, где его через несколько дней казнили. Вскоре Перкина с усердием допросили, ибо кто лучше него мог рассказать о себе самом. После того, как была записана его исповедь, из тех ее частей, которые, как полагали, были пригодны для обнародования, сделали выдержки и в таком виде напечатали и распространили в королевстве и за границей, чем король себе нимало не помог, ибо насколько пространно и подробно она рассказывала о происхождении отца и матери Перкина, его деда и бабки, дядей и двоюродных братьев, а также о том, из каких мест и куда он странствовал, настолько же мало или не по существу — обо всем, что касалось его замыслов или предприятий с его участием, и уж вовсе ни словом, ни намеком не упоминала о самой герцогине Бургундской, которая, как известно всему свету, как раз и вложила жизнь и душу в эту затею, — так что люди, не найдя

в ней того, чего искали, принимались сами выискивать неведомо что и сомневались больше прежнего. Но король предпочитал скорее не удовлетворить любопытство, чем раздувать угли. В то время не было ни новых дознаний, ни тюремных заключений, которые позволяли бы думать, что изобличен или осужден кто-либо из знатных особ, хотя из-за скрытности короля всегда оставалось дремлющее сомнение.

В ту же пору ^{156*}, ночью, во дворце короля в Шайне рядом с собственными королевскими покоями неожиданно вспыхнул сильный пожар, поглотивший большую часть здания и много дорогой утвари, что дало королю повод возвести великолепный Ричмондский дворец, который стоит по сей день.

Несколько ранее этого времени произошло еще одно памятное событие. Жил тогда в Бристоу некто Себастьян Габато ¹⁶⁹, венецианец, муж сведущий и искусный в космографии и мореплавании. Этот муж, видя успехи Христофора Колумба и, может быть, ревнуя о предприятии, подобном тому, что позволило генуэзцу лет за шесть до того ^{157*} сделать славное открытие на юго-западе, проникся уверенностью, что земли можно открыть также на северо-западе. И ўж, наверно, у него были на этот счет более твердые и веские основания, нежели поначалу у Колумба. Ибо, поскольку оба великих острова Старого и Нового света по виду и очертаниям шире к северу и ўже к югу, возможно, что первое открытие было сделано там, где земли сходятся всего ближе. А еще прежде того были открыты некие земли, которые открыватели приняли за острова, а на деле оказалось, что это северо-западная часть Американского континента. Быть может, кое-какие сообщения подобного рода, впоследствии дошедшие до Колумба и им утаенные (ибо ему хотелось, чтобы его открытие предстало как дитя его знаний и удачи, а не последствие предыдущего плаванья), вселили в него уверенность, что к западу от Европы и Африки в сторону Азии простирается не одно лишь море, — уверенность большую, нежели могли дать предсказание Сенеки, или предания, сообщенные Платоном, или природа течений и ветров и тому подобные домыслы, выдававшиеся за те основания, на которые якобы должен был опираться Колумб, хотя мне также небызвестно, что его успех приписывали случайному открытию, сделанному на потерявшем управление корабле неким испанским капитаном, который умер в доме Колумба. Габато же, поручившись королю, что найдет остров, наполненный богатыми товарами, побудил его снарядить в Бристоу корабль для открытия этого острова, вместе с которым вышло три малых корабля лондонских купцов ^{158*}, нагруженных крупными и мелкими изделиями, пригодными для торговли с дикарями. Он уплыл, как он утверждал по возвращении (и представил в доказательство сочиненную им карту), весьма далеко на запад с уклоном в четверть градуса к северу на северную сторону Terra de Labrador, пока не достиг широты шестидесяти семи с половиной

градусов, где море было все еще открытым ^{159*}. Достоверно известно также, что судьба была готова предложить королю всю обширную Вест-Индскую империю и лишь случайная задержка, а не отказ со стороны короля, лишила его столь огромного приобретения. Ведь, получив отказ от короля Португалии (которому не под силу было объять сразу и восток и запад), Христофор Колумб послал своего брата Варфоломея Колумба сговориться о своем плавании с королем Генрихом. Но вышло так, что в море его захватили в плен пираты и из-за этой случайной помехи он явился к королю слишком поздно, — так поздно, что еще прежде, чем выговорил у короля условия для брата, тот успел завершить свое предпрятие, и, таким образом, Вест-Индия волей providения досталась тогда Кастильской короне. Однако это столь раздосадовало короля, что не только на это путешествие, но и в шестнадцатый год своего правления и потом снова в восемнадцатый он даровал все новые полномочия на открытие и присоединение неизведанных земель.

В четырнадцатый год ^{160*} чудесным providением Господа, который все преклоняет на свою волю и великое готовит в ничтожном, случилось пустячное и досадное происшествие, которое повлекло великие и счастливые последствия. Во время перемирия с Шотландией в город Норэм развлечься в компании тамошних англичан приехали молодые шотландские дворяне, которые от праздности повадились ходить к замку и подолгу его оглядывать. За этим занятием их два или три раза заметил кто-то из гарнизона замка, и, поскольку из памяти еще не изгладилась недавняя вражда, в них либо заподозрили шпионов, либо таковыми обругали. Тут же завязалась перебранка; от брани перешли к потасовке, так что многие с той и с другой стороны получили раны, а так как шотландцы были в городе чужаками, то им и досталось больше, — до того, что некоторые из них были убиты, а остальные поспешно бежали. Уцелевшие подали жалобу и о деле этом неоднократно спорили перед губернаторами приграничья с той и с другой стороны, однако никаких положительных мер не приняли, вследствие чего король Шотландии решил взяться за него сам и, будучи в большом запале, послал к королю герольда сделать заявление, что, если шотландцы по условиям перемирия не получают возмещения, он объявит войну. Король, который уже довольно испытывал судьбу и был склонен к миру, отвечал, что происшедшее случилось полностью вопреки его воле и без его ведома, но если виноваты солдаты гарнизона, то он позаботится, чтобы их наказали, а перемирие будет соблюдено по всем пунктам. Но такой ответ показался шотландскому королю всего лишь провололочкой, нужной, чтобы жалоба сама собой выдохнулась со временем, и не удовлетворил, а скорее ожесточил его. Епископ Фокс, который узнал от короля, что шотландский король по-прежнему недоволен и раздражен, и встревожился, что повод к разрыву перемирия будет исходить

от его людей, слал к шотландскому королю, дабы умиротворить его, смиренные и покаянные письма. Король Яков, смягченный покорностью и красноречием епископа, написал ему, что, хотя он отчасти и тронут его письмами, он все же не получит полного удовлетворения, пока не поговорит с ним сам: и о том как уладить нынешние разногласия, и о других делах, способных послужить благу обоих королевств.

Посоветовавшись с королем, епископ отправился в Шотландию. Встреча состоялась в Милроссе, аббатстве монахов-цистерианцев¹⁷⁰, в котором тогда жил король. Сперва король в резком тоне изложил епископу свою обиду, возникшую из-за дерзкого нарушения перемирия людьми из замка Норэм, на что епископ Фокс дал смиренный и гладкий ответ, который маслом пролился на открытую рану, вследствие чего она стала заживать. Это происходило перед королем и его советом. После король говорил с епископом наедине и открылся ему, сказав, что все эти временные перемирия и миры быстро заключаются и быстро нарушаются, а он желал бы более тесной дружбы с королем Англии, и тут же посвятил его в свои мысли о том, что если бы король дал ему в жены леди Маргариту, свою старшую дочь, то их союз стал бы нерасторжимым: он хорошо знает, какое место епископ заслуженно занимает при своем господине и каким пользуется влиянием, поэтому, если бы он принял это дело близко к сердцу и прилежно похлопотал о нем, у него нет сомнений, что оно удастся. Епископ скромно отвечал, что он скорее счастлив, нежели достоин быть посредником в таком начинании, но он приложит все усилия. Вернувшись, епископ дал королю отчет обо всем, что произошло, и, увидев, что он отнесся к этому более чем благосклонно^{161*}, дал королю совет сперва приступить к заключению мира, а потом постепенно перейти к брачному договору. После этого был заключен мирный договор, опубликованный незадолго до Рождества^{162*}, в четырнадцатый год правления короля. В соответствии с ним мир должен был длиться сколько будет жизни обоих королей и еще год после смерти того, кто проживет дольше. Этот договор содержал статью о том, что ни один англичанин не может вступить в Шотландию и ни один шотландец в Англию, не имея при себе рекомендательного письма от короля своей страны. На первый взгляд могло показаться, что ее цель — сохранить отчуждение между двумя народами, но в действительности ее ввели для того, чтобы приковать к месту пограничные кланы.

В тот же год у короля родился третий сын, которому при крещении дали имя Эдмонд, однако вскоре он умер^{163*}. Тогда же пришло известие о смерти короля Франции^{164*} Карла, по которому отслужили торжественную и пышную панихиду.

Прошло немного времени и Перкин, который был сделан из ругути (а ее трудно ухватить или удерживать в затворе), начал затевать смуту. Обманув своих стражей^{165*}, он сбежал и во всю прыть

пустился к морскому берегу ^{166*}. Но на него тотчас поставили все мыслимые ловушки и учинили за ним столь усердную погоню и розыск, что ему поневоле пришлось повернуть обратно. Он проник в Вифлеемский дом, называемый Шайнским приорством (которое имело привилегию святилища), и сдался приору этого монастыря. Приор слыл святым и был в те дни окружен всеобщим почитанием. Он явился к королю и стал умолять его лишь сохранить Перкину жизнь, во всем остальном предоставляя его судьбу усмотрению короля. Многие из окружения короля снова еще жарче, нежели прежде, убеждали его схватить и повесить Перкина. Однако король, которому высокомерие не позволяло ненавидеть тех, кого он презирал, решил схватить проходимца и забить его в колодки. Итак, обещав приору его жизнь, он велел его выдать. Спустя два или три дня ^{167*} его заковали в железа и забили в колодки на эшафоте, воздвигнутом во дворе Вестминстерского дворца, и продержали так весь день. На следующий день то же самое повторилось на перекрестке в Чипсайде, и в обоих местах он вслух читал свою исповедь, о которой мы упоминали ранее. Из Чипсайда его перевели и заточили в Тауэр. Несмотря на все это, король (чего мы уже отчасти касались) настолько вырос во всеобщем мнении, что его стали считать участником распоряджений судьбы, так что никто уж не мог сказать, какие дела принадлежат одной, а какие другому. Ведь все верили, что Перкина предали, а его побег случился не без тайного ведома короля, у которого он во все время своего бегства был на крючке, и что король подстроил это, дабы иметь повод предать его смерти и наконец-то с ним развязаться. Впрочем, это маловероятно, ибо те же соглядатаи, что следили за его побегом, могли бы преградить ему путь в святилище.

Однако этому плющу, обвиншему древо Плантагенетов, суждено было погубить самое дерево. Ибо, недолго пробив в Тауэре, Перкин принялся вкрадываться в доверие и задабривать своих стражей — слуг коменданта Тауэра сэра Джона Дигби, которых было четверо: Стрейнджвейз, Блюэт, Эствуд и Лонг-Роджер. Он нагромождал горы обещаний, чтобы совратить этих людей и добиться побега. Но, хорошо зная, что его собственная судьба столь презренна, что он не может питать чьих-либо надежд, а действовать ему следует только с их помощью, ибо награда у него не было, он сам с собой выстроил обширный и роковой заговор, чтобы привязать к себе Эдуарда Плантагенета, графа Уорика, тогдашнего узника Тауэра, который под гнетом томительной жизни в долгом заключении, а также непрестанно возвращающегося страха, что его казнят, стал без меры податлив всему, что сулило ему свободу. Если слуги не польстятся на него самого, думал Перкин, то польстятся на этого молодого принца. Поэтому после того, как он записками, переданными через одного или двух из них, заручился согласием графа, было условлено, что эти четверо ночью тайком убьют своего господина, коменданта Тауэра, завладеют деньгами и имуществом, какие

окажутся под рукой, достанут ключи от Тауэра и выпустят Перкина и графа. Но этот заговор был раскрыт до его осуществления. И снова мнение о великой мудрости короля возвело на него злую славу о том, что Перкин лишь послужил ему приманкой, дабы завлечь в ловушку графа Уорика. И надо же было такому случиться, чтобы в тот самый миг, когда составлялся заговор (в этом тоже видели происки короля), как по волшебству объявился поддельный граф Уорик, сын сапожника именем Ральф Уилфорд, молодой человек, которого подучил и наставил монах-августинец Патрик. Вместе они откуда-то из Суффолка пришли в Кент, где не только исподволь тайно внушали всем, будто Уилфорд настоящий граф Уорик, но монах, обнаружив в народе легковірие, имел смелость провозгласить это с амвона и подстрекал народ оказывать ему помощь. После этого их обоих немедленно изловили и Уилфорда казнили^{168*}, а монаха присудили к пожизненному заключению. Все это — и то, что эти события совершились столь своевременно и позволили королю увидеть, какую опасность для него в его положении представляет граф Уорик, а это извинило его последующую суровость; и безрассудство монаха, который столь напрасно и отчаянно обнаружил заговор прежде, чем он успел хоть сколько-нибудь окрепнуть; и спасение его жизни, которое на деле составляло привилегию его ордена; и жалость простонародья (которая, если она сливается в мощный поток, всегда несет с собой сплетни и злословие) — заставило всех скорее говорить, нежели верить, что все это лишь уловка короля. Как бы там ни было, после того, что случилось, Перкина (который согрешил против помилования в третий раз), наконец подвергли суду. Он был обвинен в Вестминстере^{169*} судьями, получившими поручение слушать и решать, и на основании многих измен, совершенных и осуществленных им после высадки на сушу в пределах королевства (ибо судьи посоветовали, что его следует судить как иностранца), приговорен к смерти, а через несколько дней казнен в Тайберне, где он снова вслух читал свою исповедь и перед смертью подтвердил ее истинность. Так кончил свою жизнь этот королек-василиск¹⁷¹, способный уничтожить всякого, кто не заметил его первым. Эта пьеса была одной из самых длинных на памяти истории и, возможно, имела бы другой исход, не встретясь ему столь мудрый, решительный и удачливый король.

Что до трех советников Перкина, то они в свое время прибегли к защите святилища так же, как и их господин, но то ли в силу полученного прощения, то ли из-за того, что не вышли из убежища, не попали под суд.

Вместе с Перкином казнили мэра Корка и его сына, главных попустителей его измен. Немного спустя были вынесены приговоры восьми участникам тауэрского заговора, из которых четверо были слугами коменданта. Впрочем, из этих восьмерых казнили только двух. Сразу же после этого суд под председательством графа

Оксфорда (в то время отправлявшего должность стюарда Англии) предъявил обвинение несчастному принцу, графу Уорику, которого вменялось в вину не то, что он пытался бежать (ибо попытка не осуществилась, да и побег по закону нельзя было приравнять к измене, поскольку граф содержался в тюрьме не за измену), но то, что он вместе с Перкином замыслил поднять смуту и уничтожить короля. Тот признал обвинение справедливым и был вскоре обезглавлен на Тауэр-Хилл ^{170*}.

Вместе с жизнью этого благородного и достойного сострадания мужа, Эдварда графа Уорика, старшего сына герцога Кларенса, пресеклась мужская линия дома Плантагенетов, который в царственном величии и славе процветал со времен знаменитого короля Англии Генриха II. Притом отпрыскам этого дома нередко доводилось омыться собственной кровью. С той поры сохранились лишь те ветви, что были привиты другим родам, — как царствующим, так и другим из числа знатных. Однако потушить злобу, которую король навлек на себя его казнью, не могли ни ссылки на преступления графа, ни доводы о государственной необходимости. Тогда король рассудил за благо перенести все это дело за границу и возложить его на своего нового союзника, короля Испании Фердинанда. Эти короли понимали друг друга с полуслова и скоро кое-кому были показаны письма из Испании, где, между прочим, шла речь о брачном договоре, по поводу которого Фердинанд прямо писал королю, что он не видит гарантии того, что его сын унаследует престол, пока жив граф Уорик, и что он не склонен обречь свою дочь на беды и опасности. Но, хотя этим король отчасти и отвел от себя злобу, он, сам того не ведая, как бы дурным пророчеством навлек на этот брак проклетие и несчастье, которое потом сбылось, поскольку и принц Артур лишь очень недолго прожил после свадьбы, и сама леди Екатерина ¹⁷² (печальная и набожная дама) много позже, когда ей впервые объявили волю короля Генриха VIII развестись с ней, обронила слова о том, что ее греха в том нет, но, видно, так Бог судил, ибо ее прежний брак был запятнан кровью, что было намеком на кровь графа Уорика ^{171*}.

В этот пятнадцатый год правления короля в Лондоне и в разных частях королевства была сильная чума. Поэтому, переменяв много мест жительства, король, то ли для того, чтобы избежать опасности недуга, то ли для того, чтобы иметь случай встретиться с великим герцогом, то ли для того и другого вместе, отплыл с королевой в Кале. По его прибытии туда великий герцог отправил к нему почетное посольство, чтобы приветствовать его в тех краях и оповестить, что, если королю угодно, он придет оказать ему почтение. Вдобавок к тому послы спросили короля, не будет ли ему угодно назначить место вне стен городов и крепостей, поскольку именно по этой причине он некогда отказался встретиться с французским королем. Хотя, как он сказал, он проводит между двумя

королями большое различие, все же ему не по сердцу создавать прецедент, по которому того же самого от него впоследствии будет ожидать кто-нибудь другой, кому он доверяет меньше. Король принял знаки вежливости, согласился с извинением и назначил местом встречи церковь св. Петра близ Кале. Между тем королевское посещение великого герцога состоялось; его посетили личные послы короля лорд Сент-Джон и секретарь, которым великий герцог (отправляясь к мессе в церковь Сент-Омер) оказал честь, поместив лорда Сент-Джона по свою правую руку, а секретаря по левую, и так между ними поехал в церковь. В день, назначенный для встречи, король верхом приехал к месту неподалеку от церкви св. Петра, где хотел принять великого герцога. Когда они сблизились, великий герцог торопливо спешил и вызвался поддерживать королю стремя, чего король не захотел позволить, а сошел с лошади без помощи, и оба они обнялись с большой приязнью. В церкви, где для них было приготовлено место, между ними состоялась долгая беседа, касавшаяся не только подтверждения прежних договоров и облегчения торговли, но и возможности перекрестных браков между вторым сыном короля герцогом Йоркским¹⁷³ и дочерью великого герцога, а также между Карлом¹⁷⁴, сыном и наследником великого герцога, и второй дочерью короля Марией¹⁷⁵. Впрочем, эти брачные пустоцветы выросли единственно из дружественных мечтаний и соревнования в любезности, хотя впоследствии один из браков был заключен договором, но не осуществился на деле^{172*}. Однако на протяжении всего времени, что оба государя беседовали и совещались в пригородах Кале, и с той, и с другой стороны было довольно изъявлений сердечной приязни, особенно со стороны великого герцога, который (помимо того, что он был государем замечательно доброго нрава) сознавал, сколь сухо обошелся с королем его совет в истории с Перкином и силился всеми средствами восстановить короля в былой приязни. К тому же отец и тесть, ревностно ненавидевшие французского короля, постоянно штурмовали его слух советами положиться на дружбу короля Генриха Английского, и поэтому он был рад случаю воплотить в действительность их наставления, называя короля покровителем, отцом и заступником (теми самыми словами, которые король повторил, удостоверяя городу любовное отношение к нему великого герцога^{173*}) и другими именами, какие он только мог придумать, чтобы выразить свою любовь и уважение королю. Короля также посетили губернатор Пикардии и бейлиф¹⁷⁶ Амьена, посланные от короля Франции Людовика засвидетельствовать ему почтение и сообщить о своей победе и завоевании герцогства Миланского. Король, по-видимому, был весьма доволен почестями, которые он, будучи в Кале, получил из тех краев, ибо в посланном из Кале личном письме мэру и олдерменам Лондона он со всеми подробностями изложил новости и события, с ними связанные, что, без сомнения, вызвало немалые пересуды в городе. Ибо, хотя король и не умел,

подобно Эдуарду IV, поддерживать в горожанах благорасположение, он тем не менее всегда их весьма привечал и с ними считался, наделяя благодушием и другими государевыми милостями.

В тот же год умер Джон Мортон^{174*}, архиепископ Кентерберийский, канцлер Англии и кардинал. Он был мудр и красноречив, но по натуре своей суров и заносчив, весьма любезен королю, но нелюбим знатью и ненавидим народом. Не обошли его имя из какого-то особого к нему благоволения и в прокламации Перкина, хотя в ней его не отнесли к ретивым королевским счетоводам, поскольку в своем сане кардинала он нес на себе образ и подобие папы. Он незримо и усердно мирволил королю, но так делал больше потому, что был его старинным слугой еще в годину лишений, а также оттого, что его привязанности были замешаны на неистребимой злобе к дому Йорков, в правление которых он подвергся преследованиям. К тому же его стремление избавить короля от людской злобы превышало стремление короля от нее избавиться. Ибо тому не было свойственно уклоняться от злобы, он предпочитал сносить ее и действовать от своего лица в любом угодном ему деле, отчего неприязнь к нему все возрастала, становилась всеобщей, хотя и менее дерзкой в своих проявлениях. Впрочем, что до королевских вымогательств, то впоследствии время показало, что, потакав склонностям короля, епископ скорее их умерял. Ричард III посадил его в своего рода заключение в доме герцога Бекингема, которого он втайне подстрекал восстать против короля. Когда же герцог дал обязательство и уже думал, что в бурю епископ будет его главным кормчим, тот сел в лодку и бежал за море. Но чем бы еще ни был он знаменит, он заслуживает самой счастливой памяти, ибо главным образом благодаря ему стало возможным объединение обеих Роз. Он умер преклонных лет, но крепкий здоровьем и духом.

Следующий год, шестнадцатый год короля и лето господне одна тысяча пятисотое, был в Риме юбилейным^{175*177}. Но, чтобы избавить верующих от опасностей расходов, связанных с путешествием в Рим, папа Александр рассудил за благо переслать благословения тем, кто, видя, что не может приехать за ними лично, заплатит взамен по сходной цене. С этой целью в Англию был направлен папский уполномоченный испанец Джаспер Понс — избранник более достойный, нежели уполномоченные папы Льва, которые впоследствии орудовали в Германии¹⁷⁸, ибо он исполнял дело с большой мудростью и подобием святости и столь преуспел, что собрал для папы по всей стране изрядные суммы денег и притом почти ни в чем не провинился. Полагали, будто часть денег присвоил себе король. Но из письма^{176*}, которое несколько лет спустя написал королю из Рима его пенсионер кардинал Адриан, явствует, что эта не так. Ибо кардинал, который по поручению короля должен был убедить папу Юлия¹⁷⁹ поторопиться с изданием буллы на брак принца Генриха с леди Екатериной и нашел, что папа весьма несговорчив, в качестве главного доказательства заслуг короля

перед Святым престолом приводил довод о том, что он не притрунулся к казне, собранной Понсом в Англии. Впрочем, дабы создать видимость (для успокоения простого народа), что деньги предназначены для святого дела, тот же нунций привез королю послание папы, в котором тот заклинал и призывал его лично пойти на турок. Ибо, побуждаемый долгом вселенского отца, и едва ли не своими глазами видя успехи и достижения этих великих врагов веры^{177*}, папа многократно держал в конклаве при послах чужеземных государей совет о священной войне и общем походе христианских властителей против турок. На этих совещаниях было решено, что венгры, поляки и богемцы должны воевать с Фракией, французы и испанцы — с Грецией, а папа (готовый пожертвовать собой ради столь славного дела) вместе с королем Англии, венецианцами (и другими могучими морскими державами) через Средиземное море поведет к Константинополю мощный флот. И будто для того и послал его святейшество нунциев ко всем христианским государям, чтобы прекращали между собой распри и ссоры и немедленно начинали готовить войска и деньги на осуществление этого священного предприятия. Король (который хорошо понимал римский двор) дал на это скорее торжественный, нежели серьезный ответ. Он сказал, что нет на свете государя, который, подобно ему, столь радостно и послушно стремился бы собственной особой и со всеми наличными силами и казной вступить в священную войну. Но расстояние до места таково, что какой бы величины ни собрал он войско для морского похода, на его набор и снаряжение ему потребуется по меньшей мере вдвое больше средств и времени, чем другим государям, чьи страны расположены поблизости. Кроме того, и устройство его кораблей (у него не было галер), и навыки лоцманов и мастеров не слишком годятся для плавания в тех морях. Поэтому не лучше ли, если на море его святейшество будет сопровождать кто-либо из королей, кому это более удобно ввиду близкого местоположения их стран, ведь это позволило бы скорейшим образом и с меньшими издержками подготовить все и мудро избежать соперничества и разделения власти, каковые возникли бы между королями Франции и Испании, случись им обоим идти по суше войной на Грецию. Он же со своей стороны не поспешил на помощь и жертвования. Но если все же эти короли откажутся, то пусть лучше его святейшество дожидается времени, когда будет готов король, нежели выступает в одиночку. Но прежде он все-таки должен увидеть, что христианские государи полностью оставили и уладили все разногласия между собой (у него самого таких нет). И чтобы ему передали в пользование несколько добрых городов на побережье Италии, куда его люди могли бы отступить и укрыться. С таким ответом Джаспер Понс, нимало не раздосадованный, вернулся восвояси.

Тем не менее благодаря этому заявлению (каким бы поверхностным оно ни было) король приобрел за границей такую высокую

репутацию, что недолго спустя родосские рыцари¹⁸⁰ избрали его покровителем их ордена; так все помогает умножению славы государя, снискавшего столь большое уважение за свои мудрость и умение.

В эти последние два года случились гонения на еретиков, что в царствование этого короля бывало редко, да и тогда дело чаще кончалось наложением епитимьи, нежели сожжением. Одного из них^{178*} король (хотя и был неважным богословом) имел честь обратить в ходе диспута в Кентербери.

В том же году, хотя духи больше не преследовали короля, ибо, покротив где кровью, где водой, он прогнал их прочь, его посетили некие тревожные видения, по-прежнему явившиеся с той стороны, где был дом Йорков. Было же так: графу Суффолку, сыну Елизаветы, старшей сестры короля Эдуарда IV и ее второго мужа Джона, герцога Суффолка, и брату Джона, графа Линкольна, погибшего при Стоукфилде, человеку нрава несдержанного и вспыльчивого, как-то случилось в припадке ярости убить человека. Король даровал ему прощение, но, желая то ли бросить на него тень, то ли заставить глубже прочувствовать свою милость, вынудил его принатродно молить о прощении. Как водится с гордецами, это привело графа в исступление. Ибо бесчестие оставляет более глубокие следы, чем милость. Он впал в недовольство и тайком бежал во Фландрию^{179*} к своей тетке герцогине Бургундской. Короля это насторожило. Однако, наученный испытаниями умело и своевременно применять противосредства, он так обработал его посланиями (да и сама леди Маргарита из-за частых неудач в алхимических опытах начала от них уставать и, кроме того, была отчасти благодарна королю, ибо он не тронул ее имени в исповеди Перкина), что тот на хороших условиях вернулся и примирился с королем.

В начале следующего года, семнадцатого года правления короля, в Англию, в Плимут, второго октября прибыла леди Екатерина, четвертая дочь короля и королевы Испании Фердинанда и Изабеллы, и четырнадцатого ноября в возрасте около восемнадцати лет^{180*} была в соборе св. Павла обвенчана с принцем Артуром, которому тогда было около пятнадцати. Ее встреча, въезд в Лондон и свадебные торжества были устроены с большой и неподдельной пышностью, о чем свидетельствуют и их стоимость, и живописность, и порядок. Все заботы об устройстве празднеств легли на епископа Фокса, который был не только достойным советником в делах войны и мира, но также добрым распорядителем работ и добрым церемониймейстером и кем угодно еще, в зависимости от того, какая служба была нужна двору и государству великого короля. Переговоры об этом браке продолжались почти семь лет, что отчасти объяснялось малолетством брачной пары, в особенности принца. Но истинной причиной было то, что оба государя -- мужи, наделенные большой политической мудростью и глубокой прони-

цательностью, долгое время наблюдали каждый за превратностями счастья другого ^{181*}, хорошо зная, что между тем такие переговоры сами по себе создавали за границей впечатление о тесном союзе и дружбе между ними, отчего обе стороны, по-прежнему оставаясь независимыми, много выигрывали при осуществлении своих раздельных целей. Однако в конце концов, когда положение обоих государей начало день ото дня становиться все завиднее и прочнее и они, оглядевшись вокруг, не увидели лучшей партии, договор этот скрепили.

Денег, принесенных принцессой в приданое (которое она актом отречения передала королю), было двести тысяч дукатов, из которых сто тысяч вносились десять дней спустя после венчания, а остальные сто тысяч двумя годичными платежами, однако часть их поступала в виде драгоценностей и посуды, и поэтому были приняты должные меры для их справедливой и беспристрастной оценки. Во вдовью часть или наследство леди выделили по одной трети княжества Уэльс, герцогства Корнуолл и графства Честер, каковые земли впоследствии должны были перейти в ее безраздельную собственность. Долю ее вдовьего наследства на случай, если она станет королевой Англии, оставили неопределенной, однако положили бы ей не меньше, чем у любой другой королевы Английской земли.

В эмблемах и аллегориях, украшавших свадебные празднества, было множество астрономических иносказаний. Леди уподобляли Геспере, а принца Арктуру, а старого короля Альфонса ¹⁸¹, величайшего астронома среди королей и предка леди Екатерины, изображали прорицателем этого брака. Кто бы ни составлял тогда такие забавы, ни у кого они не выходили вполне одинаковыми. Но можете быть уверены, что ни один не забыл так или иначе помянуть короля Артура ¹⁸² и родство леди Екатерины с домом Ланкастеров ¹⁸³. Впрочем, как видно, — не к добру это низводить счастье со звезд. Ибо несколько месяцев спустя в начале апреля юный принц (который в то время привлек к себе не только надежды и любовь своей страны, но также взоры и ожидания иноземцев) скончался в замке Лудлоу, где у него, как у принца Уэльского, были резиденция и двор. Ввиду того, что он умер столь молодым, а также по причине воспитательных приемов его отца, который не любил окружать детей известностью, о нем не осталось сколько-либо заметной памяти. Известно лишь, что он был не по летам усерден и сведущ в науках и не по примеру большинства государей равнодушен к внешнему величию.

В последующие времена, когда мир столь сильно занимал развод короля Генриха VIII с леди Екатериной, возникли споры, разделял ли Артур ложе со своей супругой, имевшие целью приобщить это обстоятельство (плотскую близость) к делу. Правда, сама леди Екатерина это отрицала, или во всяком случае на том стоял ее адвокат, который не хотел поступаться таким преимуще-

ством, хотя главный вопрос заключался в том, обладает ли папа достаточной полнотой власти, чтобы расторгнуть этот брак. Споры продолжались и тогда, когда на престол вступили наследницы Генриха, королевы Мария и Елизавета, чьи легитимации были несовместимы¹⁸⁴, хотя парламент своим актом и утвердил их права престолонаследия. Во времена, благоприятствовавшие легитимации королевы Марии, ее сторонники пытались посеять уверенность, что между Артуром и Екатериной не было плотской близости, — не то чтобы они старались из желания поставить под сомнение неограниченную власть папы расторгнуть брак даже в таком случае, но единственно чести ради и чтобы представить это дело в более выигрышном свете. Во времена же, благоприятствовавшие легитимации королевы Елизаветы (которые длились дольше и наступили позже), утверждалось обратное. Однако в памяти осталось лишь то, что между смертью принца Артура и провозглашением Генриха принцем Уэльским пропустили полгода^{182*}, а это, как полагали, было сделано ради того, чтобы выждать полное время, по которому стало бы ясно, понесла ли леди Екатерина от принца Артура. Опять же, для лучшего подтверждения этого брака сама леди Екатерина заполучила буллу, где был пункт, которого не было в первой булле. Когда излагались причины иска о разводе, в качестве улики приводили такую игривую историю о том, как однажды поутру, поднявшись с ее ложа, принц Артур спросил напиться, чего раньше с ним не водилось, и, поняв по улыбке дворянина, его постельничего, принесшего ему пить, что он это отметил, со смехом сказал ему, что он побывал в глубине Испании, где очень жарко, и совсем иссох от этого путешествия и что если бы тот сам посетил столь знойные края, то иссох бы еще больше, чем он. К тому же принц умер около шестнадцати лет от роду^{183*} рано возмужавшим и крепким телом.

В феврале следующего года Генриху герцогу Йоркскому, были пожалованы титулы принца Уэльского и графа Честера и Фланта. Ибо герцогство Корнуэльское отходило к нему по статусу. Король, будучи скуповат и не желая расставаться со вторым приданым, но более всего (и по своей натуре, и из политических соображений) радея о продолжении союза с Испанией, убедил принца, хотя и не без сопротивления^{184*} с его стороны (а это было возможно в те годы, когда тому не исполнилось и двенадцати лет), жениться на принцессе Екатерине: тайным предопределением господа этому браку суждено было стать причиной великих событий и перемен.

В том же году король Шотландии Яков женился на леди Маргарите¹⁸⁵, старшей дочери короля, каковой брак состоялся заочно. Об этом объявили у Креста св. Павла двадцать пятого января, вслед за чем был торжественно пропет *Te Deum*. Известно, что радость, которую при этом выказал город, изъявивший ее колокольным звоном, светом костров и прочими знаками народного благоволения, превзошла все, что можно было ожидать после столь

большой и столь недавней вражды, да еще не где-нибудь, а в Лондоне, который лежит достаточно далеко от места событий и не испытал бедствий войны, в поэтому ее следовало бы по праву приписать тайному озарению и наитию (каковые часто проникают не только в сердца государей, но также в кровь и жилы народа) относительно грядущего счастья, из этого воследовавшего. В августе брак осуществился в Эдинбурге. Король провозжал дочь до самого Коллиэстона, где поручил ее попечению графа Нортамберленда, который с большой свитой из лордов и придворных дам доставил ее в Шотландию к мужу королю. Переговоры об этом браке длились почти три года^{185*}, с того самого времени как шотландский король открыл свой замысел епископу Фоксу. Король дал за дочь десять тысяч фунтов, а вдовья часть и наследство, выделенные ей шотландским королем, равнялись двум тысячам фунтов годовых после смерти короля Якова и одной тысячи годовых в настоящем на ее иждивение или содержание: все это заключалось в землях, дававших наилучший и наивернейший доход. Рассказывают, что, пока шли переговоры, король передал это дело на рассмотрение в совет и кто-то за столом с привычной советникам свободой (в присутствии короля) высказал соображение, что, случись господу забрать обоих сыновей короля бездетными, английское королевство перейдет к королю Шотландии, а это нанесет ущерб английской монархии. На это ответил сам король, сказавший, что даже если это и произойдет, то не Англия присоединится к Шотландии, а Шотландия к Англии, ибо меньшее притягивается большим, и что для Англии такой союз более безопасен, нежели союз с Францией. Это прозвучало как пророчество и заставило умолкнуть тех, кто поднял этот вопрос.

В тот год судьба послала не только свадьбы, но и смерти, притом тех и других поровну. Так что празднества и пиры, посвященные обоим бракам, были уравновешены погребальными торжествами по принцу Артуру (о котором мы уже говорили) и королеве Елизавете, умершей родами в Тауэре; недолго прожил и новорожденный младенец. В тот же год умер сэр Реджиналд Брей, который был замечателен тем, что из всех советников пользовался от короля наибольшей свободой, но эта свобода лишь сильнее оттеняла лезть; впрочем, ему досталась более тяжелая, нежели он заслуживал, ноша негодования, поднявшегося из-за вымогательства.

Это время было порой великого процветания королевских владений: их ограждала дружба Шотландии, усиливала дружба Испании, хранила дружба Бургундии; все домашние неурядицы были подавлены, а шум войны (подобно далеким раскатам грома) удалялся в сторону Италии. И тут натура, которая во многих случаях благополучно сдерживается узами судьбы, стала брать свое, и словно сильным потоком понесла влечения и помыслы короля в сторону стяжания и накопления богатства. А так как орудия для желаний и прихотей короля найти всегда легче, нежели для служе-

ния и чести, то он в своих целях, вернее, свыше своих целей, привлек двух исполнителей, Эмпсона и Дадли, слывших в народе королевскими кровососами и обиралами, — мужей беззастенчивых, равнодушных к дурной славе и к тому же получавших свою долю хозяйского дохода. Дадли был хорошего роду и красноречив, — один из тех, кто способен благопристойной речью выставить в добром свете любое ненавистное дело. Эмпсону же, сыну решетника, главное было добиться своего, не важно какими средствами. Итак, эти двое, по образованию юристы и тайные советники по должности (а ведь хуже всего, когда извращено лучшее) обратили закон и правосудие в источник бедствий и средство грабежа. У них было обыкновением обвинять подданных в различных преступлениях, придерживаясь поначалу видимости закона; когда же в суд поступал иск, они тотчас же приказывали заключить ответчика в тюрьму, однако проходили разумные сроки, а его не призывали держать ответ, но подолгу томили в темнице и с помощью разнообразных ухищрений и запугиваний вымогали огромный штраф или выкуп, говоря при этом о полюбовном соглашении и смягчении наказания.

Под конец же, предъявляя обвинение, они перестали соблюдать даже видимость правосудия, а рассылали предписания схватить людей и доставить их к себе на дом, где заседал чрезвычайный суд, состоявший из них самих, да кое-кого еще, и посредством одного лишь допроса, без присяжных, вершили скорую расправу, присвоив себе право разбирать как иски короны, так и гражданские тяжбы.

К тому же они распространяли королевскую власть на земли подданных, обременяя их держаниями *in capite*¹⁸⁶. Для этого они сначала подыскивали ложные обвинения, а потом с их помощью навязывали опеки, ливреи¹⁸⁷, передачу права на доход первого года держания и отчуждение собственности (таковы плоды подобных держаний), при том, что одновременно (под разными предложениями или посредством проволок) лишали людей возможности протестовать эти ложные доказательства по закону.

Лицам, пребывающим под опекой короля, далее по достижении совершеннолетия не позволялось вступить во владение их землями, иначе как по внесении огромного выкупа, много превосходившего любые разумные ставки.

Кроме того, они досаждали людям совершенно бесосновательными исками по поводу нарушения границ королевских земельных владений.

Людям, объявленным вне закона за совершенные ими преступления, предоставлялась возможность получить помилование лишь ценой уплаты чудовищных сумм денег; гонители настаивали на строгом соблюдении закона, который в таких случаях предписывает конфискацию имущества. Более того, вопреки закону и здравому смыслу они утверждали, что объявленные вне закона должны

понести наказание, предоставив королю в пользование на целых два года половину своих земель и рент. Они также запугивали присяжных, заставляя тех выносить требуемые вердикты, если же те ослушивались, заключали в тюрьму и штрафовали.

Этими и многими другими способами, которым не дай Бог повториться, они и терзали народ, уподобившись ручным соколам, которые охотятся для хозяина, и диким, промышляющим для себя, что и позволило им скопить большие богатства. Однако главным их орудием были уголовные законы; тут уж они не щадили ни великого, ни малого, не разбирались, применим закон или не применим, в силе он или устарел, пуская в ход все новые и старые статуты, притом что многие из них были приняты скорее ради устрашения, чем для строгого их применения. Под рукой у них всегда была толпа доносчиков, сыщиков и лжесвидетелей, так состряпать можно было что угодно: и состав преступления и обвинительное заключение.

По сей день бытует рассказ о том, как король гостил у графа Оксфорда (первейшего своего слуги и в мирное, и в военное время), который со всем радушием и великолепием принимал его в своем замке Хэннингем. Когда король уезжал, слуги графа, одетые в ливреи с гербами, подобающим образом выстроились по ту и другую сторону от входа и создали королю живую улицу. Король подозвал графа и сказал ему: «Милорд, я много наслышан о вашем гостеприимстве, но то, что я вижу, превзошло молву. Эти благородные дворяне и йомены, которых я вижу по обе стороны от себя, конечно же, ваши слуги». Граф улыбнулся и ответил: «С позволения Вашей Милости, эти люди не состоят в моем услужении. Большинство из них — мои вассалы, которые ради такого случая явились помочь мне; а больше для того, чтобы увидеть Вашу Милость». Король едва заметно отпрянул и сказал: «Клянусь честью, милорд, благодарю вас за отменный прием, но я не могу потерпеть, чтобы у меня на глазах нарушались мои законы. С вами должен поговорить мой поверенный». Тот же рассказ сообщает, что граф откупился не менее чем пятнадцатью тысячами марок^{186*}. Чтобы нагляднее изобразить то внимание, с которым король относился к этим делам, скажу, что в давние времена мне приводилось видеть приходную книгу Эмпсона, где почти на каждой странице имелись собственноручные подписи короля, а в некоторых местах поля были испещрены замечаниями, подобными вот этому, сделанному напротив следующей памятки:

«Также: получено от имярек пять марок исхлопотать прощение; если же прощение не будет получено, деньги вернуть, если только проситель не удовлетворится иным».

А напротив этой памятки (собственной рукой короля): «Удовлетворен иным образом».

Я упоминаю об этом, пожалуй, потому, что это избличает в короле скарденность, соединенную, однако, с подобием справед-

ливости. Такие вот мелкие песчинки и зерна золота и серебра (по-видимому) немало помогают в накоплении больших богатств.

Впрочем, тем временем, чтобы поддержать в короле бдительность, граф Суффолк, который слишком предался веселью на свадьбе ^{187*} принца Артура и глубоко увяз в долгах, еще раз возымел намерение стать странствующим рыцарем и поискать приключений в чужих краях и потому, взяв с собою брата, снова бежал во Фландрию. Смелости ему, без сомнения, придало то, что в народе слышался громкий ропот против королевского правительства. Как муж легкомысленный и скоропалительный, он думал, что всякое испарение соберется в грозу. Были у него и сторонники в королевском окружении, ибо ропот в народе пробуждает недовольство в знати, а это обыкновенно приводит к тому, что у смуты появляется предводитель. Воспользовавшись своими привычными и проверенными приемами, король побудил сэра Роберта Керсона, коменданта замка в Гамме (который был в то время за морем и потому с меньшей вероятностью пострадал от короля), оставить свою службу и выдать себя за приверженца графа. Этот рыцарь, проникнув в тайны графа и узнав от него, на кого он больше всего надеялся и кем мог располагать, под великой тайной сообщил об этом королю, однако в то же время сохранил свою репутацию и доверие графа. На основании его сообщений король арестовал графа Девоншира Уильяма Кортни, его шурина, женатого на леди Екатерине, дочери короля Эдуарда IV; Уильяма де Ла Поля, брата графа Суффолка; сэра Джеймса Тиррелла ¹⁸⁸; сэра Джона Уиндэма и некоторых лиц помельче и заключил их под стражу. Тогда же были схвачены Джордж лорд Абергавенни и сэр Томас Грин; но подозрений о них было меньше, содержались они не так строго, и вскоре их выпустили на свободу. Граф Девоншир, в котором текла кровь Йорков (что само по себе пугало короля, хотя тот был вполне безобиден), как человек, чье имя могло стать знаменем других заговоров и козней, оставался узником Тауэра на протяжении жизни короля. Уильям де Ла Поль также долгое время пребывал в заключении, хотя и не столь суровом. Что же до сэра Джеймса Тиррелла (об отмщении которому по-прежнему взывала из-под алтаря кровь невинных принцев, Эдуарда V и его брата), сэра Джона Уиндэма и других лиц помельче, то они были судимы и казнены ^{188*}; обоим рыцарям отрубили головы. Тем не менее, чтобы упрочить доверие к Керсону (который, вероятно, еще не завершил всех своих подвигов), у Креста св. Павла в пору упомянутых казней была обнародована ^{189*} папская булла об отлучении и проклятии графа Суффолка и сэра Роберта Керсона и некоторых других, названных по имени, а также всех пособников упомянутого графа, — здесь следует признать, что небеса были в этом случае принуждены слишком поклониться к земле, а религия — к политике. Впрочем, вскоре ^{190*}, увидев, что его дело сделано, Керсон вернулся в Англию и вновь обрел милость короля, однако снискал

худую славу в народе. Его возвращение привело графа в замешательство и, поняв, что он лишен надежд (леди Маргарита по прошествии времени и по причине испытанных неудач также охладела к таким опытам), после недолгих скитаний по Франции и Германии и кое-каких затей, свойственных изгнанникам (в них больше шума, чем дела), он, утомившись, вновь удалился во Фландрию под покровительство великого герцога Филиппа в то время, когда смерть Изабеллы сделала его королем Кастилии по праву его жены Хуаны.

В тот девятнадцатый год своего правления ^{191*} король созвал парламент. Можно легко догадаться, насколько возросло всевластие короля над парламентом, если столь ненавистный всем Дадли был назначен спикером палаты общин. Этот парламент принял немного ^{192*} памятных статутов, касавшихся общественного управления, однако те, что были приняты, как и прежде, несли на себе печать мудрости и политической прозорливости короля.

Был принят статут об упразднении всех дарственных или арендных грамот, выданных тем, кто не явился на законный вызов служить королю на войне, против врагов, или мятежников, а также тем, кто покинули королевство без разрешения короля, за исключением некоторых духовных лиц, однако на том условии, что они будут получать королевское содержание с того дня, как выйдут из монастыря и до своего возвращения назад. Ранее был принят такой же закон о должностях, а этим статутом его действие распространялось на земли. Впрочем, по тому, сколь много статутов было принято в правление этого короля, можно легко понять, что король полагал, будто всего безопаснее дополнять законы военного времени законами парламента.

Был принят еще один статут, запрещающий ввоз изделий из чистого шелка и из шелка, смешанного с другой нитью. Однако он касался не целых кусков ткани (поскольку в то время в королевстве еще не было этого производства), а вязаных или плетеных шелковых вещей, таких как ленты, кружева, чепцы, пояса, которые англичане вполне умели делать сами. Этот закон устанавливал верный принцип: там, где иностранные материи суть только излишества, следует запретить ввоз иностранных изделий. Ибо это либо вытеснит излишество, либо пойдет на пользу промышленности.

Был также принят закон о возобновлении выдачи грамот на содержание тюрем и о возвращении их в ведение шерифов, поскольку привилегированные должностные лица препятствуют управлению правосудия не меньше, чем привилегированные должности.

Был также принят закон об учреждении надзора над изданием специальных законов или ордонансов в корпорациях, которыми они, будучи братствами во зле, многократно нарушали прерогативу короля, обычное право королевства и свободу подданного. Поэтому

решили не принимать их к исполнению без дозволения канцлера, казначея, двух или трех старших судей, или двух судей округа, в котором расположена корпорация.

Еще один закон был направлен на то, чтобы свезти серебро королевства на монетный двор, поскольку он запрещал расчеты обрезанной, неполновесной или испорченной монетой без восполнения недовеса, за исключением лишь случаев допустимого износа, который не принимался во внимание ввиду невозможности установить его величину; таким образом предполагалось задать работы монетному двору и начеканить новых серебряных монет взамен старых.

Был также принят длинный статут против бродяг, в котором можно отметить две вещи: во-первых, нежелание парламента держать их в заключении, что было накладно, перегружало тюрьмы и не служило в назидание другим. Во-вторых, то, что в статутах времен этого короля (а этот закон девятнадцатого года не единственный в своем роде) преследование бродяг всегда сочеталось с запрещением для слуг и людей низкого звания игры в кости, карты и т. п., и с разорением и закрытием питейных заведений, как если бы они были побегами единого корня и подавление одного было бы бесполезно без другого.

Что до мятежей и вассалов, то редко какой парламент в то время не принимал против них законов, поскольку король всегда настороженно следил и за ростом могущества вельмож и за настроением толпы.

Этот парламент предоставил королю субсидию ^{193*} от мирян и от духовенства. Однако еще прежде, чем истек год, были изданы полномочия на сбор добровольного пожертвования ^{194*} — хотя тогда не было войны, не было страхов. В том же году Сити уплатил пять тысяч марок за подтверждение свобод горожан, что больше пристало делать в начале царствования короля, чем под его конец. Немало выиграл от недавнего статута и монетный двор, перечеканивший четырехпенсовые и двухпенсовые монеты в двенадцатипенсовые и шестипенсовые. Что до мельниц Эмпсона и Дадли, то они замолели пуще прежнего. Даже удивительно видеть, сколько золотых дождей разом проливались над королевской казной. Последняя выплата испанского приданого. Субсидия. Добровольное пожертвование. Перечеканка. Выкуп городских свобод. Разные другие доходы. Это тем более изумительно, что тогда король совсем не имел таких предлогов, как войны или бедствия. Теперь у него оставались один сын и одна незамужняя дочь. Он был мудр. Он был высокомерен. Ему не было нужды прославляться богатством: он обладал столькими иными совершенствами; впрочем, жадность всегда найдет пищу для честолюбия в самой себе. Возможно, он хотел оставить сыну такое королевство и такое состояние казны, с какими тот мог бы выбирать свое величие там, где ему будет угодно.

В том же году ^{195*} состоялся пир ордена адвокатов, что при этом короле случилось уже во второй раз.

В ту же пору ^{196*} скончалась королева Кастилии Изабелла, достопочтенная и благородная дама, украшение своего пола и времени, основа последующего величия Испании. Король воспринял это событие не просто как новость, но счел, что оно в большой степени влияет на его собственные дела, особенно в двух отношениях: в отношении примера и в отношении последствий.

Во-первых, он понимал, что после смерти королевы Изабеллы Фердинанд Арагонский оказался в таком же положении, в какое попал он сам после смерти королевы Елизаветы, а положение Хуаны, наследницы Кастилии, было таким же, каким положение его собственного сына Генриха. Ибо королевства, доставшиеся обоим королям по праву их жен, не оставались за мужьями, а переходили к наследникам. И хотя у него в запасе было больше стали и пергамента, нежели у другого, т. е. победа на поле боя и акт парламента, тем не менее естественное право наследования по крови (даже в сознании мудрого человека) порождало сомнение в их надежности и достаточности. Поэтому он проявил замечательное усердие, выведывая и наблюдая, как обстоят дела у короля Арагона, после того как тот удержал Кастильское королевство за собой и продолжал им править: владел ли он им самостоятельно или как управитель своей дочери, и похоже ли было, что он удержит его на деле или его подменит зять. Во-вторых, в уме он примеривался к мысли о том, что недавнее событие способно совершить переворот в христианском мире. Ибо если прежде он сам в союзе с Арагоном и Кастилией (которые тогда были единым целым) и в дружбе с Максимилианом и его сыном великим герцогом Филиппом был чересчур сильным противником для Франции, то теперь он начал опасаться, что французский король (который был весьма заинтересован в дружбе молодого короля Кастилии Филиппа), сам Филипп, ставший теперь королем Кастилии (и не ладивший с тестем из-за нынешнего управления Кастилией), и, в-третьих, отец Филиппа Максимилиан (который всегда был переменчив, и самое большее, что можно было предугадать в его действиях, — это то, что в другой раз он не станет медлить так же долго, как в прошедший) — все трое могущественные государи, образуют между собой некую тесную лигу и конфедерацию, в силу чего он не то чтобы подвергнется опасности, но останется при одной лишь дружбе бедного Арагона, и если до того он был в некотором роде вершителем судеб Европы, то теперь ему надлежало поступиться и позволить встать над собой столь сильному союзу. Он также (как кажется) имел склонность жениться и подыскивал себе подходящую партию за границей. В частности, он прослышал о красоте и добродетельном поведении молодой королевы Неаполя, вдовы младшего Фердинанда ¹⁸⁹, которая пребывала тогда в почтенном возрасте двадцати семи лет: он рассчиты-

вал, что по этому браку в его руки будет помещена какая-нибудь часть Неаполитанского королевства, которое одно время было предметом раздора между королями Арагона и Франции и лишь незадолго до того обрело новое правление, — а заклады он сохранять умеет. Поэтому он отправил с посольством и поручением трех доверенных лиц — Фрэнсиса Марсина, Джеймса Брейбука и Джона Стейла — скорее разузнать о двух разных вещах, нежели вести переговоры^{197*}: во-первых, о натуре и нравах молодой королевы Неаполя; во-вторых, о всех подробностях положения Фердинанда, касающихся его будущности и намерений. А чтобы им было удобнее наблюдать за теми, кто сам избегает наблюдения, он послал их под правдоподобными предложениями, дав им любезные и хвалебные письма от принцессы Екатерины к ее тетке и племяннице, старой и молодой королевам Неаполя¹⁹⁰, и снабдив также книгой с новыми мирными статьями. Хотя ее уже доставили для пересылки постоянному послу Испании в Англии доктору де Пуэбла, тем не менее, давно не получая известий из Испании, король рассудил за благо поручить своим посланникам воспользоваться посещением обоих королей, дабы передать книгу ко двору Фердинанда, и потому дал им с собой ее копию. Инструкции касательно королевы Неаполя были столь подробны и обстоятельны, что напоминали указания о ее осмотре или о составлении описания ее особы, включая вопросы о ее нраве, внешности, сложении^{198*}, осанке, здоровье, возрасте, привычках, поведении, состоянии ее дел и ее имуществе. Будь король молод, можно было бы подумать, что он влюблен, но так как он находился в преклонных годах, это следует объяснить тем, что он наверняка был весьма целомудрен, ибо хотел найти все сразу в одной женщине и таким образом без долгих поисков утвердиться в своих привязанностях. Но вскоре он остыл к этой партии, услыхав от своих посланников, что некогда во вдовью часть молодой королевы входили значительные владения в Неаполитанском королевстве, которые давали хорошую прибыль во времена ее дяди Фридриха¹⁹¹, как, впрочем, и во времена французского короля Людовика, но по его разделе доходы упали; с тех же пор, как королевство в руках Фердинанда, все идет на содержание войска и гарнизонов, а она получает лишь пенсию или иждивение из его казны.

Другая часть расследования принесла веские и обстоятельные сведения, из которых король во всех подробностях узнал о нынешнем положении короля Фердинанда. Из этого доклада королю стало ясно, что Фердинанд продолжал править Кастилией как управитель своей дочери Хуаны в силу завещания королевы Изабеллы и отчасти в силу обычая королевства (как он утверждал); все указы издавались именем его дочери Хуаны и его собственным именем, как управителя, без упоминания ее мужа Филиппа. И что, хотя король Фердинанд и поступился титулом короля Кастилии, он намерен владеть королевством без отчета и всевластно.

Из него также явствовало, что он тешит себя надеждами, будто король Филипп позволит ему править Кастилией в течение жизни, и что у него есть план как побудить его к этому, а именно через некоторых его близких советников, преданность которых принадлежала Фердинанду, а главным образом с помощью угрозы, что, если Филипп на это не пойдет, он женится на какой-нибудь молодой даме и тем самым, если у него родится сын, отстранит его от наследования Арагона и Гренады; и, наконец, показав ему, что испанцы не станут терпеть правления бургундцев до тех пор, пока Филипп от долгой жизни в Испании не сделается похож на прирожденного испанца. Но во всем этом, несмотря на то, что доводы были мудро изложены и рассмотрены, Фердинанд потерпел неудачу; впрочем, Плутон был ему милее Паллады¹⁹².

В том же докладе посланники, будучи людьми невысокого звания и оттого чувствуя себя вольнее, затронули струну, касаться которой было довольно опасно, ибо они ясно заявили, что испанский народ, как знать, так и простолюдины, больше склоняется на сторону Филиппа (с условием, что он привезет с собой жену), чем к Фердинанду, а причиной назвали многочисленные налоги и подати, которыми он его обложил, совершенно так же, как в случае с самим Генрихом и его сыном.

В том же докладе содержалось известие, что секретарь Фердинанда Амасон под великой тайной сделал послам предложение о браке между принцем Кастильским Карлом и второй дочерью короля Марией и заверял короля, что шедшие тогда переговоры о браке между упомянутым принцем и незаконнорожденной дочерью французского короля будут прекращены и что упомянутую дочь должны выдать за наследника французского престола Ангулема¹⁹³.

В нем также было кое-что по поводу разговоров о женитьбе Фердинанда на мадам де Фуа¹⁹⁴, родственнице французского короля, которая впоследствии действительно состоялась. Но это, как сказано в докладе, стало им ведомо во Франции, а в Испании о том умалчивают.

С возвращением посольства, пролившего яркий свет на его дела, король получил надежные сведения и понял, как ему держаться между королем Арагонским Фердинандом и его зятем королем Кастильским Филиппом. Он решил сделать все от него зависящее, чтобы они были заодно друг с другом, но, удастся это или нет, поддерживать с ними ровные отношения и носить личину их общего друга, чтобы не потерять дружбы ни того, ни другого, хотя с королем Арагонским находиться в более доверительном общении, а с королем Кастилии в более изысканном и любезном. Однако его очень привлекло предложение о браке с его дочерью Марией, — как потому, что это был величайший брак христианского мира, так и потому, что им он привязывал к себе обоих союзников. И вот, в помощь его союзу с Филиппом, ветры принесли ему свидание

с ним. Ибо Филипп, чтобы вернее застигнуть врасплох короля Арагона, избрал для этого зиму и в январе на двадцать первый год правления короля с большим флотом отплыл из Фландрии в Испанию. Но тут его самого застигла врасплох жестокая буря, рассеявшая его корабли и прибывшая их к разным местам на побережье Англии. Что же до короля с королевой, то, спасаясь от неистовства непогоды, их потрепанный и близкий к гибели корабль в сопровождении лишь двух небольших барков стрелой влетел в порт Веймута. Король Филипп, который был по-видимому, непривычен к морю, сильно измученный и совсем больной, вынужден был сойти на берег, чтобы восстановить силы, хотя, делая так, он поступал вопреки мнению совета, полагавшего, что высадка ведет к промедлению, тогда как его обстоятельства требуют поспешности.

Слух о том, что к берегу пристал мощный флот, позвал страну к оружию. Еще не ведая толком в чем дело, к Веймуту с наскоку собранными силами подступил сэр Томас Тренчард, однако, разобравшись в сути происшествия, он в высшей степени покорно и величественно пригласил короля и королеву в свой дом и тотчас отрядил гонцов ко двору. Вскоре подоспел сэр Джон Кэроу, тоже с большим отрядом хорошо вооруженных людей, но и он, узнав, что случилось, отнесся к королю с тем же покорством и почтением. Король Филипп, рассудив, что они всего лишь подданные и не посмеют отпустить его в путь без ведома и разрешения короля, сдался на их мольбы задержаться, пока не придет ответ от двора. Услышав такую новость, король сейчас же приказал графу Арунду ехать к королю Кастилии и дать ему понять, что он столь же опечален его несчастьем, сколь рад его избавлению от опасностей пучины, а вместе с тем и случаю самому оказать ему почтение; он желает, чтобы тот чувствовал себя как в своей собственной стране, а король со всей возможной поспешностью едет обнять его. Граф явился к нему с великой пышностью в сопровождении блестящего эскорта из трехсот всадников и для вящего величия — при зажженных факелах. Когда он передал поручение короля, король Филипп, увидев, куда клонится дело и желая поскорее уехать, поскакал к королю в Виндзор, а королева последовала за ним с частыми остановками. При встрече оба короля употребили все мыслимые знаки любви и благоволения, а король Кастилии шутиливо заметил нашему королю, что теперь он наказан за нежелание вступить в стены его города Кале, когда они виделись в последний раз. Но король ответил, что и стены, и моря — ничто там, где открыты сердца, и что здесь он оказался не для чего иного, как для того, чтобы повелевать. После одного—двух дней отдыха король завел речь о возобновлении договора, сказав, что, хотя особа короля Филиппа осталась прежней, его ранг и положение повысились, а в таких случаях между государями принято возобновлять договоры. Пока же для этого готовилось все необходимое, король,

выбрав подходящее время, увлек короля Кастилии в уединенную комнату, учтиво дотронулся до его руки и, сменив выражение лица на несколько более озабоченное, сказал: «Сир, Вы спаслись на моем берегу; я надеюсь, Вы не допустите, чтобы я разбился о Ваш». Король Кастилии спросил, что он имеет в виду. Я имею в виду, ответил король, того самого повесу, моего подданного графа Суффолка, который нашел покровительство в Вашей стране и начинает разыгрывать шута, когда всем прочим это уже надоело. Король Кастилии отвечал: я полагал, сир, что Ваше благополучие выше таких мыслей. Но если это Вас беспокоит, я его прогоню. Король отвечал, что лучше всего, когда подобные шершни остаются в своем гнезде, и хуже всего, когда они летают на воле, и что он желал бы, чтобы его ему доставили. На это король Кастилии, чуть смутившись, с некоторым замешательством отвечал: этого я не могу сделать ни по своей чести, ни, еще меньше, по Вашей, ибо все подумают, что Вы обошлись со мной, как с пленником. Король тут же сказал: тогда и дело с концом. Ибо я приму бесчестье на себя и Ваша честь будет спасена. Король Кастилии, который высоко ценил короля и, кроме того, помнил, где он находится, и не знал еще, на что ему может пригодиться дружба короля, ибо ему самому была внове его испанская держава и предстояло сходитья и с тестем, и с народом, приняв спокойный вид, сказал: сир, Вы ставите мне условие, но то же самое сделаю и я. Вы получите его; но поручитесь честью, что Вы не лишите его жизни. Обнимая его, король сказал: согласен. Снова сказал король Кастилии: Вам также, верно, не будет в неудовольствие, если я напишу к нему таким образом, чтобы он приехал отчасти по своей воле. Король ответил, что это хорошо придумано, и если ему будет угодно, то он сам присоединится к нему и отошлет графу подобное послание. Они отправили письма по отдельности, а тем временем продолжали пировать и развлекаться, поскольку король стремился заполучить графа до того, как уедет король Кастилии, а король Кастилии не менее сильно стремился показать, что действует по принуждению. Кроме того, приводя многие мудрые и превосходные доводы, король убеждал короля Кастилии руководствоваться советами его тестя Фердинанда, столь благоразумного, столь опытного и столь удачливого государя. Король Кастилии (который был в не слишком хороших отношениях со своим тестем) отвечал, что, если и его тесть потерпит, чтобы он правил его королевствами, он будет им и править.

От обеих королев немедленно отправились гонцы звать графа Суффолка, который вскоре попал под обаяние обращенных к нему ласковых слов и, получив заверения, что ему сохранят жизнь, а также надеясь на свободу, согласился вернуться на родину. Его провезли через Фландрию в Кале, оттуда доставили в Лувр и под достаточной охраной препроводили и сдали в Лондонский Тауэр^{199*}. Между тем, чтобы потянуть время, король Генрих

устраи́вал все новые пиры и развлечения и, после того, как он принял короля Кастилии в братство Подвязки, а тот взамен сделал его сына принца кавалером ордена Золотого руна¹⁹⁵, он сопровождал короля Филиппа и его супругу королеву в Сити, где им оказали самый великолепный прием, какой только можно было приготовить в столь короткий срок. Но едва графа Суффолка примчали в Тауэр (что и было самое главное), как увеселениям наступил конец и короли расстались. Тем не менее за это время они в основном заключили договор, датированный в Виндзоре, который фламандцы называют «intercursus malus»¹⁹⁶, ибо кое-что в нем более выгодно англичанам, чем им самим, в особенности то, что он не подтверждает их право на свободное рыболовство у берегов и в морях Англии, каковое было даровано им договором «undecimo»¹⁹⁷, поскольку все его статьи, подтверждавшие прежние договоры, точно и осмотрительно сведены единственно к вопросам торговли и ими ограничены, а не наоборот.

Было замечено, что сильная буря, занесшая Филиппа в Англию, сорвала со шпиля собора св. Павла золотого орла, который при падении рухнул на фигуру черного орла, находившуюся во дворе собора, где теперь стоит школа, и разбил на куски — своеобразный случай нападения сокола на домашнюю птицу. Это было истолковано как дурное знамение, сулившее беду императорскому дому; это толкование сбылось также и в отношении сына императора Филиппа, — сбылось не только в бедствии недавней бури, но и в том, что последовало дальше. Ведь после того как он прибыл в Испанию и беспрепятственно вступил во владение Кастильским королевством — поскольку Фердинанда, который рассуждал столь уверенно прежде, с трудом допустили переговорить с зятем — Филипп вскоре занемог и скончался. Впрочем, времени прошло достаточно много и наиболее мудрые придворные успели заметить, что, останься он жив, его отец подчинил бы его своей воле в такой степени, что повелевал бы если и не его привязанностями, то во всяком случае замыслами и планами. Итак, вся Испания в прежнем составе вернулась под власть Фердинанда; впрочем, главным образом это произошло ввиду нездоровья его дочери Хуаны, которая горячо любила мужа (и имела от него много детей) и была не менее горячо любима им (хотя ее отец, чтобы навлечь на Филиппа нелюбовь испанского народа, распускал слухи, будто он плохо с ней обращается) и потому, не в силах снести скорби от его кончины, она впала в помешательство^{200*}, от какой болезни ее отец, как полагали, даже не пытался ее излечить, ибо она только способствовала укреплению его королевской власти в Кастилии. Так что, как говорила молва, и счастье Карла III, и невзгоды Фердинанда походили на сон, ибо и то и другое пролетело столь быстро.

В ту же пору король возымел желание привлечь в дом Ланкастеров небесную благодать и стал ходатайствовать перед папой Юлием о причислении короля Генриха VI к лику святых, — главным образом по причине его знаменитого предсказания, что наш король обретет корону. Юлий (как принято) передал дело нескольким кардиналам, да уверятся, действительно ли он совершил святые деяния и чудеса, но оно угасло под проверкой. Общее мнение было таково, что папа Юлий запросил чересчур дорого, а король не захотел платить по его цене. Но скорее всего папа, который крайне ревновал о достоинстве римского престола и его дел, и знал, что король Генрих VI слывет в мире не более чем обыкновенным человеком, убоялся, что, не соблюдая расстояния между невинными и святыми, можно уронить почтение к этой чести как таковой.

В том же году продолжались переговоры о браке между королем и леди Маргаритой¹⁹⁸, вдовствующей герцогиней Савойи, единственной дочерью Максимилиана и сестрой короля Кастилии, дамой мудрой и славной добродетелью. Об этом предмете оба короля говорили во время своей встречи и вскоре речь о нем возобновили: в качестве главной фигуры в этом деле король использовал своего тогдашнего капеллана, а впоследствии великого прелата Томаса Уолси^{201*199}. В конце концов дело завершилось с большими и обширными выгодами для короля, но лишь с обещанием *de futuro*²⁰⁰. Возможно, что к этому короля побуждали все разрастающиеся слухи о предстоящей женитьбе на мадам де Фуа его большого друга и союзника Фердинанда Арагонского, отчего этот последний начал сближаться с французским королем, с которым он прежде всегда был в разладе. Так уж устроен мир, что самые прочные и нелицемерные привязанности королей рано или поздно понемногу уступают место другим. К тому же существует предание (передаваемое в Испании, не у нас), что короля Арагона (после того, как он узнал, что открыто готовится брак между Карлом, юным кастильским принцем, и Марией, второй дочерью короля — брак, план которого хотя и принадлежал королю Арагона, но был поддержан и доведен до совершенства Максимилианом и друзьями с этой стороны) стали мучить подозрения, что король Генрих стремится править в Кастилии^{202*} в качестве регента во время малолетства своего зятя. Казалось, что трое соперничают за власть над этой страной: Фердинанд, дед с материнской стороны, Максимилиан, дед с отцовской стороны, и король Генрих, тесть юного принца. Нет, разумеется, ничего невероятного в том, что правление короля Генриха было бы для испанцев предпочтительнее правления двух других монархов. Ибо кастильская знать, которая недавно предпочла короля Филиппа королю Арагона и так далеко раскрыла свои склонности, не могла втайне не питать недоверия и отвращения к этому королю. Что до Максимилиана, то он

по двадцати причинам не мог быть нужным им человеком. Впрочем (учитывая осторожность короля, за которым никогда не замечали опрометчивости или любви к риску), мне кажется не слишком вероятным, чтобы у него было такое намерение, — разве что, болея грудью, он хотел дышать более теплым воздухом.

Брак с Маргаритой не раз откладывали ввиду нездоровья короля^{203*}, которого теперь, на двадцатом году его правления, стала беспокоить подагра, но, кроме того, его легкие подтачивала мокрота, скопившаяся в груди, и трижды в год, в особенности весной, у него были тяжкие приступы астмы. Несмотря на это, он продолжал заниматься делами с неменьшим усердием, чем раньше, когда был здоров. В то же время, как бы вняв такому предупреждению, он серьезно задумался о будущем мире и о том, как с помощью казны, употребленной с большей пользой, чем на оплату услуг папы Юлия, стать святым самому и сделать таковым короля Генриха VI. Ибо в тот год он давал большую, чем обычно, милостыню и выпустил из тюрем города всех узников, сидевших за долги до сорока шиллингов. Он также поспешил с основанием благотворительных заведений, и на следующий год, который был двадцать третьим годом его правления, завершил Савойскую больницу. Кроме того, услышав громкие жалобы народа на притеснения Дадли, Эмпсона и их сообщников, дошедшие до него отчасти через посредство преданных приближенных, отчасти из публичных проповедей (которые считали своим долгом произносить проповедники), он был охвачен великим раскаянием. Впрочем, Эмпсон и Дадли, которые не могли не слышать об угрызениях королевской совести, продолжали бесчинствовать с прежним размахом, как если бы деньги короля и его душа относились к разным епархиям. В тот же двадцать третий год был подвергнут (уже во второй раз) жестокому судебному преследованию сэр Уильям Кейпел; ему вменили в вину плохое управление в должности мэра, но больше то, что, узнав, будто некие платежи сделаны фальшивыми деньгами, он не постарался узнать, кто были преступники. За этот и другие проступки его присудили к уплате двух тысяч фунтов, но, будучи человеком неробким и закаленным прежними невзгодами, он отказался платить, и к тому же говорил о суде оскорбительные речи, за что его взяли в Тауэр, где он оставался до смерти короля. Равным образом и Кнесворт, незадолго до того бывший мэром Лондона, а также его шериф, за злоупотребления в должности подверглись дознанию и заключены были в тюрьму, откуда их освободили за тысячу четыреста фунтов. Хэуиса, лондонского олдермена, довели до беды, и он умер, томимый думами и душевным страданием, не дождавшись окончания своего дела. Сэра Лоуренса Эймера, который также бывал мэром Лондона, и обоих его шерифов присудили к штрафу в тысячу фунтов. А сэра Лоуренса за отказ платить бросили в тюрьму, где он пребы-

вал до тех пор, пока на его место не посадили самого Эмпсона.

Неудивительно (когда проступки были столь легки, а взыскания столь тяжелы), что накопления короля, оставленные им после смерти, — по большей части хранившиеся в Ричмонде, в тайниках под его собственным ключом, — исчислялись (как утверждает предание) примерно в миллион восемьсот тысяч фунтов; даже по нынешним временам — деньги огромные.

Последним из государственных дел, завершивших собою земное блаженство короля, было заключение достославного брака между его дочерью Марией и принцем Кастильским Карлом, впоследствии великим императором, — оба находились пока в нежных летах. Этот договор был совершен епископом Фоксом и другими уполномоченными в Кале за год до смерти короля. Как видно, ему самому этот союз доставил столь большое удовольствие, что в написанном сразу же после этого события письме городу Лондону, в котором повелевается ответить на него всеми возможными изъявлениями радости, он высказывается в том смысле, что ныне, имея зятями короля Шотландии и принца Кастильского и Бургундского, он полагает, что воздвигнул вокруг своего королевства стену из меди. Итак, теперь, когда этот великий король находился на вершине мирского блаженства, устроив высокие браки для своих детей, снискав громкую славу по всей Европе, накопив едва вообразимые богатства, пользуясь неизменным постоянством своих знаменитых удач, к его счастью могла прибавиться лишь своевременная смерть, способная предохранить его от любого удара судьбы в будущем, каковой, бесспорно, вполне мог его постигнуть (ввиду великой ненависти к нему его народа^{204*} и прав его сына, стоявшего тогда на пороге восемнадцатилетия, бывшего принцем смелым и щедрым и покорявшего всех одним своим видом и обличем).

Чтобы увенчать последний год своего правления подобно первому, он совершил деяние благочестивое, редкое и достойное подражания. Ибо, как бы в предвидении второго коронования в лучшем царстве, он даровал всеобщее прощение преступникам. Кроме того, он объявил в завещании свою волю о возвращении сумм, несправедливо собранных его чиновниками.

С тем сей Соломон Англии (ибо Соломон тоже облагал свой народ чрезмерно тяжелыми поборами), прожив пятьдесят два года, из коих он правил страной двадцать три года и восемь месяцев, будучи в полной памяти и в благословеннейшем уме, с великой кротостью снося снедающий недуг, отошел в лучший мир двадцать второго апреля одна тысяча пятьсот восьмого года^{205*} в Ричмондском дворце, каковой он сам же и построил.

Этот король^{206*} (если говорить о нем так, как он того заслуживает) был загадкой наилучшего свойства — загадкой для мудрецов. Было (и в его добродетелях и в его судьбе) нечто достойное не столько книги увещаний, сколько созерцания.

Он был бесспорно религиозен, что проявлялось как в чувстве, так и в набожности. Но, хотя он и умел верно (по тем временам) разглядеть суеверие, его порой приводило в ослепление человеческое лукавство. Он благоволил к церковникам. Он оберегал привилегии святых убежищ, хотя и претерпел из-за них немало зла. Он построил много богоугодных заведений, помимо достопамятной Савойской больницы, и вместе с тем был втайне великий милостынник, что свидетельствует о том, что его публичные начинания были скорее во славу божию, нежели в его собственную. Он всегда проявлял любовь к миру и искал его, а его обычным предисловием ко всем договорам были слова о том, что, когда Христос явился в мир, звучала песнь мира, когда же он его оставил, мир был им заповедан^{207*}. Эта добродетель не могла проистекать из страха или мягкости, ибо он был храбр и деятелен, и потому, без сомнения, была истинно христианской и нравственной. Однако он знал, что мира не добиться, выказывая желание избежать войны. Поэтому он грозил войной и распускал воинственные слухи до тех пор, пока не выговаривал выгодных условий мира. Немало значило и то, что столь большой почитатель мира был столь удачлив в войне. Ведь его оружие брало верх, будь то в войнах с чужеземцами или гражданских, да и сам он не знал, что такое поражение. Война, начатая его высадкой на берег Англии, а также восстания графа Линкольна и лорда Одли закончились его победой; войны с Шотландией и Францией — миром, о котором просил противник; война в Бретани — смертью герцога^{208*}. Мятеж лорда Ловелла и экстерский и кентский мятежи Перкина — бегством бунтовщиков еще до начала боевых действий. Словом, ратная удача никогда ему не изменяла. Она была тем более надежной оттого, что усмирять возмущения подданных он предпочитал лично — порой его участие ограничивалось помощью и содействием военачальникам, но он постоянно находился в деле. Впрочем, в этом им руководила не только отвага, но отчасти и недоверие к другим.

Он много заботился и радел о законах, что тем не менее не мешало ему поступать по собственной воле. Ведь ее осуществлял таким образом, что от этого не страдали ни прерогатива короля, ни его доход. Впрочем, так же как законы порой подгонялись под прерогативу, он и прерогативу подчинял парламенту. Ведь вопросы чеканки денег, войны и военной дисциплины (входившие в компетенцию абсолютной власти) он передавал в парламент. В его время хорошо отправлялось правосудие, за исключением тех случаев, когда одной из сторон был сам король, а также когда адвокаты чересчур вторгались в область *meum et tuum*²⁰¹. Ведь в его правление суд был поистине правым, в особенности поначалу. Но больше всего заслуг у него в той области права и политики, которая наиболее долговечна и, так сказать, претворена в медь и мрамор, а именно в создании

хороших законов. К тому же при всей своей строгости он был милосердным государем: в его время пострадало всего трое вельмож — граф Уорик, лорд-камергер и лорд Одли, хотя первые два потеряли вместо многих других, заслуживших нелюбовь и дурную славу у народа. Однако никогда прежде рука правосудия не проливала столь мало крови во искупление столь больших восстаний, как после Блэкхита и Эксетера. Что до суровости, с какой обошлись с теми, кто был захвачен в Кенте, то она постигла лишь самое отребье народа. Его помилования шли как впереди, так и по пятам его меча. Но вместе с тем у него было странное обыкновение перемежать большие и непредвиденные помилования с жестокими казнями, чего (принимая в расчет его мудрость) нельзя приписать непостоянству или неровности его нрава. Объяснить это можно либо тем, что он имел на это причину, о которой мы теперь не знаем, либо тем, что он положил себе за правило не быть однообразным и пользоваться обоими способами по очереди. Но чем меньше он проливал крови, тем больше взимал денег, так что кое-кто даже высказывал предположение, что он потому столь бережлив в одном случае, чтобы выжать побольше денег в другом, ибо все вместе было бы невыносимо. От природы он бесспорно стремился скопить состояние и был не очень расположен радоваться чужому богатству. Люди (которые ради сохранения монархий проникнуты естественным желанием обелять своих государей, пусть даже несправедливо обвиняя их советников и министров) приписывали это влиянию кардинала Мортона и сэра Реджиналда Брея, которые, как выяснилось впоследствии (будучи его старейшими и самыми влиятельными советниками), столь же потакали его прихотям, сколь и умеряли их. Тогда как сменившие их Эмпсон и Дадли (будучи личностями, которые могли выслужиться перед ним, не иначе как рабски следуя его склонностям) не только уступали ему (что делали и их предшественники), но также прокладывали ему путь к этим крайностям, за которые он сам при смерти испытывал раскаяние и которые его наследник отверг и стремился исправить. Для его крайней алчности в то время придумывали множество оправданий и объяснений.

Одни полагали, что беспрерывно досаждавшие ему восстания побудили его возненавидеть свой народ. Другие — что все это делается для того, чтобы сбить с них спесь и содержать в принижении. Третье — что он хочет оставить сыну золотое руно. Четвертые подозревали, что у него большие замыслы в отношении заморских стран. Но, пожалуй, ближе других к истине были те, кто не простирали свои объяснения столь далеко, а скорее приписывали это характеру, возрасту, миру и состоянию ума, сосредоточенного только на достижении одной цели. К последнему я должен добавить, что, имея каждый день возможность наблюдать нужду в деньгах других государей и ухищрения, к которым

они прибегали с целью их раздобыть, он по сравнению с ними еще больше убеждался, сколь счастлив обладатель полной казны. Что касается затрат, то он никогда не скупился на расходы, которых требовали его дела; возводившиеся им здания блистали великолепием, но его награды были весьма ограниченными. Словом, он употреблял свои щедроты скорее на возвеличение короны и памяти о себе, нежели на вознаграждение чужих заслуг. Он был высокомерен и любил во всем поставить на своем и все сделать на свой лад, как поступает всякий, кто чтит самого себя и хочет властвовать на деле. Будь он частным лицом, его назвали бы гордецом, но он был мудрым государем и таким образом лишь соблюдал расстояние между собой и другими. Здесь он ни для кого не делал исключения, не допуская ни малую, ни большого посягательства на свою власть или тайны. Ведь им не руководил никто. Королева (несмотря на то что она подарила ему много детей, а также и корону, хотя последнее он предпочитал не признавать) ничего не могла с ним поделать. Он весьма почитал свою мать, но мало ее слушал. Людей, общество которых было бы ему приятно (таких, как Гастингс при короле Эдуарде IV, а позднее Чарлз Брэндон при короле Генрихе VIII), у него не было, если не считать таких людей, как Фокс, Брей и Эмпсон, потому что они столь подолгу находились при нем. Это напоминало инструмент, подолгу употреблявшийся работником. В нем не было и следа тщеславия, однако наружное великолепие и величие он выдерживал неукоснительно, ибо сознавал, что величие заставляет людей склоняться перед ним, тогда как тщеславие склоняется перед ними.

Своим союзникам за границей он был верен и с ними справедлив, но не откровенен. Скорее, он так усердно выведывал про них, а сам был настолько замкнут, что они для него стояли как бы на свету, а он для них — в темноте; впрочем, между ними не было отчуждения и соблюдалась видимость взаимной осведомленности о делах. Что же до мелкой зависти к иностранным государям и соревнования с ними (что часто встречается среди королей), то этого за ним никогда не водилось, — напротив, он предпочитал заниматься собственными делами. Хотя его слава была велика дома, она была намного большей за границей. Ведь иностранцы, не имевшие возможности следить за развитием событий и судившие о них по их итогам, отмечали, что он все время с кем-то сражается и все время побеждает. Кроме того, она проистекала также из сообщений, которые зарубежные государи и государства получали от своих постоянных послов в Англии и от агентов, которые во множестве посещали двор и которых он не только жаловал любезностью, наградами и доверительным обхождением, но и (во время бесед) приводил в восхищение своим всеобъемлющим пониманием мировых дел: хотя все эти суждения он извлекал главным образом

из разговоров с ними самими, но сложенные воедино они казались достойными восхищения каждому в отдельности. Потому-то в письмах к своим повелителям они всегда столь высоко отзывались о его щедрости и искусном правлении. Более того, даже вернувшись домой, они обыкновенно продолжали поддерживать с ним сношения, — столь ловок он был в умении создавать прочную привязанность иностранцев.

Он пекся о том, чтобы получать надежные сведения из всех зарубежных краев и щедро за них платил. Для этого он использовал не только свое влияние на постоянных послов чужеземных государей в Англии и на своих пенсионеров при римском дворе и других дворах христианского мира, но также расторопность и бдительность своих послов в иностранных державах. Его инструкции на этот счет всегда были подробными и четкими и содержали гораздо больше статей относительно сбора сведений, нежели ведения переговоров, причем от послов требовалось в каждой отдельной статье дать особый ответ на каждый его вопрос.

Что до тайных агентов, которые и дома и за границей раскрывали заговоры против его, то поистине в его положении это было необходимо: ведь под него постоянно вели подкоп столько кротов. Нельзя это и порицать, ибо если правомерно подсылать лазутчиков к отъявленным врагам, то тем более это оправданно по отношению к заговорщикам и предателям. Однако оказывать им доверие на основании присяг или проклятий — это, пожалуй, непростительно, ибо это слишком святые одежды для маскарада. Впрочем, наверняка польза от шпионов и инквизиторов была еще и в том, что (помимо того, что их труды послужили раскрытию многих заговоров) молва о них и подозрительность, ею вызываемая без сомнения, удержали многих от новых заговоров.

С королевой он был несколько не угодлив и отнюдь ее не баловал, но обходился с ней дружески, уважительно и без ревности. К детям он был полон родительской любви, заботился об их воспитании, стремился выделить им долю наследства побольше, постоянно следил, чтобы они не терпели недостатка в должном почете и уважении, но не слишком желал, чтобы их озарял свет народной приязни.

Он часто обращался в свой Совет и нередко заседал в нем сам, ибо знал, что таким путем он укрепляет свою власть и проверяет свое суждение; он был также терпим к свободе высказывания и обсуждения, которой пользовались советники, пока сам не объявлял своей воли.

Знать он держал в кулаке и предпочитал выдвигать на государственные должности церковников и юристов, которые были более послушны ему и менее заинтересованы в расположении народа, что увеличивало его всевластие, но не безопасность. Более того, именно это, по моему убеждению, было одной из

причин волнений его беспокойного царствования. Ибо знать, хотя и была лояльна и послушна, тем не менее не объединялась с ним и не мешала всякому идти своим путем. Он не боялся способных людей, как Людовик XI. Напротив, ему служили самые способные люди того времени, без которых он не смог бы столь успешно устроить свои дела. На войне — Бедфорд, Оксфорд, Суррей, Добени, Брук, Пойнингс. В прочих делах — Мортон, Фокс, Брей, приор Лэнтони, Уорэм, Урsvик, Хасси²⁰², Фровик²⁰³ и другие. При чем его не заботило, насколько хитры были те, кого он нанимал, поскольку он полагал себя гораздо изворотливее их. Он был столь же и верен в своем выборе сколь верен своему выбору. Ибо, как это ни странно, хотя сам он был замкнутым государем и бесконечно подозрительным, а его время изобиловало тайными заговорами и тревогами, тем не менее за двадцать четыре года своего правления он не сместил и не уволил ни одного советника или дворцового слугу, за исключением лорда-камергера Стенли. Что касается отношения к нему его подданных в целом, то здесь дело обстояло так: из трех чувств, которыми природа привязывает сердца подданных к суверену, — любви, страха и почтительности — более всего ему принадлежало последнее; второе — в добрую меру, а первое и совсем мало, ибо он отдавал предпочтение двум другим.

Был он государем печальным, самоуглубленным, полным дум и тайных наблюдений, писал собственной рукой множество заметок и памяток, особенно таких, которые касались людей: кого взять на службу, кого наградить, о ком справиться, кого опасаться, кто от кого зависит, какие были партии, и тому подобное, тем самым (как бы) ведя дневник своих мыслей. По сей день бытует забавная история о том, как его обезьянка (подрученная, как полагают, кем-то из приближенных) порвала на куски его главную записную книжку, случайно оставленную без присмотра, из-за чего двор, не любивший этих многомысленных помет, едва не умер от веселья.

Он был действительно полон страхов и подозрений. Но сдерживал и подчинял он их с той же легкостью, с какой им поддавался, и поэтому они не представляли опасности, тревожа его самого больше, чем других. Правда, что замыслов у него было такое множество, что они всегда вязались между собой, правда и то, что, с одной стороны, они приносили пользу, а с другой — доставляли вред. Кроме того, порой он не мог правильно взвесить соотношение того и другого. Ясно, что поначалу он сам питал слух, причинивший ему позже столько неприятностей (о том, что герцог Йоркский, вероятно, спасся и жив): тогда у него было бы больше причин не царствовать по праву своей жены. Он был приветлив, любезен и красноречив и становился необыкновенно ласков и лъстив на слова, когда желал кого-либо убедить или добиться того, к чему лежало его сердце. Он был

скорее прилежен, чем умен, и читал большинство сколько-нибудь достойных книг на французском языке. Впрочем, он понимал и по-латыни, как явствует из того, что кардинал Адриан и другие, которые вполне могли писать по-французски, обычно писали к нему на латыни.

О его удовольствиях сведений нет. Впрочем, из инструкций Марсину и Стейлу касательно королевы Неаполя видно, что он знал толк в красоте. К развлечениям он относился так же, как великие государи к пирам, — приходил, бросал на них взгляд и удалялся. Ибо никогда еще не жил государь, который столь полно отдавался бы делам и был бы в них настолько самим собой: ведь даже в разгар ристаний и турниров, балов и маскарадов (которые тогда называли игрищами с личиной) он скорее оставался царственным и терпеливым зрителем, чем обнаруживал заметное участие.

Без сомнения, как и у всех мужей (а более всего у королей) его судьба воздействовала на его натуру, а натура — на судьбу. К обладанию короной его привела не просто судьба частного лица, которая могла наделить его умеренностью, но судьба изгнанника, развившая в нем все задатки наблюдательности и предприимчивости. Поскольку же его времена были скорее благоприятными, нежели спокойными, они успехом подняли его уверенность в себе, но почти испортили его характер тревогами. Его мудрость, часто помогавшая ему избегать бед, обратилась скорее в умение избавляться от опасностей, когда они уже наседали, чем в дальновидность, способную предотвратить и устранить их издали. Даже по природе зоркость его ума походила на одну из разновидностей зрения, позволяющую видеть лучше вблизи, нежели вдаль. Ибо его изобретательность возрастала в зависимости от обстоятельств, особенно когда положение становилось опасным. Опять же независимость того, чем вызывались непрерывные тревоги его жизни, его ли недалевидностью, упрямством, ослепляющей его подозрительностью или чем-то еще (поскольку им больше неоткуда было проистекать), конечно же, они не могли не быть связаны с какими-то большими недостатками и коренными изъянами в его характере, обычаях и поступках, которые он достаточно старательно скрывал и поправлял с помощью тысячи мелких уловок и предосторожностей. Но они лучше всего видны из самого повествования. Однако если его при всех недостатках сравнить с современными ему королями Франции и Испании, то окажется, что его отличала большая гибкость в политике, чем Людовика XII Французского, и большие цельность и чистосердечие, чем Фердинанда Испанского. Впрочем, если Людовика XII заменить на Людовика XI, который жил несколько раньше, тогда сочетание венценосца получится более совершенным. Ибо Людовика XI, Фердинанда и Генриха можно назвать

tres magi²⁰⁴ тех времен. В заключение скажем, что если и не совершил этот король ничего более великого, то он тем и не задался, ибо всего задуманного он достиг.

Внешне он был привлекателен, чуть выше среднего роста, хорошего телосложения, но худощав. Его лицо выражало благочестие, что делало его немного похожим на монаха: не будучи отчужденным и замкнутым, оно не было и подкупающим и приятным, а скорее принадлежало человеку благожелательному. Однако оно проиграло бы под кистью художника, ибо выглядело всего лучше, когда он говорил.

К рассказу о его достоинствах можно присовокупить одну—две истории, придающие ему даже некоторую святость.

В ту пору, когда к его матери леди Маргарите сватались многие знатные женихи, ей однажды ночью приснилось, что некто в облике епископа, облаченный в священнические ризы, прочит ей в мужья Эдмунда графа Ричмонда (отца короля). Более того, она не имела других детей, кроме будущего короля, хотя сменила трех супругов. Как-то раз, умывая руки на большом пиру, король Генрих VI (чья невинность придавала его лику святость) остановился взглядом на короле Генрихе, тогда еще молодом юноше, и сказал: «Вот тот, кто будет мирно владеть тем, из-за чего мы ныне сражаемся». Но истинно благословенной оказалась его судьба доброго христианина, равно как и великого короля, — счастье при жизни и раскаяние при смерти. Так он вышел победителем из обоих сражений — греха и креста.

Он родился в Пемброкском замке²⁰⁵, а похоронен в Вестминстере. Саркофаг и часовня над ним представляют собой один из великолепнейших и красивейших памятников Европы. Его посмертный памятник-усыпальница стала для него более богатым жилищем, нежели при жизни его были Ричмонд и другие дворцы. Я могу лишь уповать, что таковым будет для него и сей памятник его славы.

О ДОСТОИНСТВЕ И ПРИУМНОЖЕНИИ НАУК

Фрагмент

Глава I

Разделение всего человеческого знания на историю, поэзию и философию в соответствии с тремя интеллектуальными способностями: памятью, воображением, рассудком; это же разделение относится и к теологии.

Наиболее правильным разделением человеческого знания является то, которое исходит из трех способностей разумной души, сосредоточивающей в себе знание. История соответствует памяти, поэзия — воображению, философия — рассудку. Под поэзией мы понимаем здесь своего рода вымышленную историю, или вымыслы, ибо стихотворная форма является в сущности элементом стилия и относится тем самым к искусству речи, о чем мы будем говорить в другом месте. История, собственно говоря, имеет дело с индивидуумами, которые рассматриваются в определенных условиях места и времени. Ибо, хотя естественная история на первый взгляд занимается видами, это происходит лишь благодаря существующему во многих отношениях сходству между предметами, входящими в один вид, так что если известен один, то известны и все. Если же где-нибудь встречаются предметы, являющиеся единственными в своем роде, например солнце и луна, или значительно отклоняющиеся от вида, например чудовища, то мы имеем такое же право рассказывать о них в естественной истории, с каким мы повествуем в гражданской истории о выдающихся личностях. Все это имеет отношение к памяти.

Поэзия — в том смысле, как это было сказано выше, — тоже говорит о единичных предметах, но о данных с помощью воображения, похожих на те, которые являются предметами подлинной истории; однако при этом довольно часто возможны преувеличение и произвольное изображение того, что никогда не могло бы произойти в действительности. Точно так же обстоит дело и в живописи. Ибо все это дело воображения.

Философия имеет дело не с индивидуумами и не с чувственными впечатлениями от предметов, но с абстрактными понятиями, выведенными из них, соединением и разделением которых на основе законов природы и фактов самой деятельности занимается эта наука. Это полностью относится к области рассудка.

Что это именно так, можно легко убедиться, обращаясь к источникам мыслительного процесса. Ощущение, служащее как бы воротами интеллекта, возникает от воздействия только единич-

ного. Образы или впечатления от единичных предметов, воспринятые органами чувств, закрепляются в памяти, при этом первоначально они запечатляются в ней как бы нетронутыми, в том самом виде, в каком они явились чувственному восприятию. И только потом человеческая душа перерабатывает и пережевывает их, а затем либо пересматривает, либо воспроизводит их в своеобразной игре, либо, соединяя и разделяя их, приводит в порядок. Таким образом, совершенно ясно, что история, поэзия и философия вытекают из этих трех источников — памяти, воображения и рассудка — и что не может быть ни каких-либо иных, ни большего числа форм деления науки. Дело в том, что историю и опытное знание мы рассматриваем как единое понятие, точно так же, как философию и науку.

Мы считаем, что и теология не нуждается в каком-то ином типе деления. Конечно, существует различие между информацией, получаемой через откровение, и информацией, идущей от чувственных восприятий, как по самому существу, так и по способу передачи, но дух человеческий един и его способности и части одни и те же. Это похоже на то, как разные жидкости разными путями вливаются в один и тот же сосуд. Поэтому и теология складывается из священной истории, из притч, являющихся своего рода религиозной поэзией, и из поучений и догматов — некоей вечной философии. Что же касается той части теологии, которая остается и после такого деления (я имею в виду пророчества), то это по существу род истории, ибо божественная история имеет то преимущество перед человеческой, что сообщение о каких-то событиях в равной мере может как следовать за ними, так и предшествовать им.

Глава II

Разделение истории на естественную и гражданскую, включая в последнюю и историю церковную и историю научную. Разделение естественной истории на историю явлений обычных, явлений исключительных и искусств.

История делится на естественную и гражданскую. В естественной истории рассматриваются явления и факты природы, в гражданской — деятельность людей. Божественное начало, вне всякого сомнения, проявляется и в той и в другой, но главным образом это относится к гражданской истории; более того, оно образует свой собственный вид истории, который мы обычно называем священной, или церковной историей. В свою очередь роль наук и искусств представляется нам столь значительной, что мы считаем необходимым выделить их в особый вид истории, которая подобно церковной истории, должна, по нашему мнению, входить в состав истории гражданской. Разделение естественной истории

на три вида мы будем проводить, исходя из состояния и условий самой природы, которая выступает перед нами в трех видах и развивается как бы по трем направлениям. Ведь природа или является свободной и развивается своим обычным, естественным путем, как это имеет место по отношению к небесным явлениям, животным, растениям и вообще ко всем природным явлениям, или же под влиянием искажений и косности непокорной материи, под действием мощных препятствий утрачивает свое естественное состояние (как в случае чудовищ), или же, наконец, уступает труду и искусству человека, подчиняется его воле и как бы рождается вновь, как это происходит во всех созданиях рук человеческих. Поэтому мы и будем делить естественную историю на историю обычных явлений, историю исключительных явлений и историю искусств, которую мы обычно называем также механической и экспериментальной историей.

Первая из этих дисциплин исследует природу в ее естественном, свободном проявлении, вторая — отклонения от естественного состояния, третья — взаимоотношения природы и человека. Мы с особым удовольствием рассматриваем историю искусств как вид естественной истории, потому что глубоко укоренилось ошибочное мнение, по которому искусство и природа, естественное и искусственное есть что-то совершенно различное, а это убеждение приводит к тому, что исследователи считают свою задачу полностью выполненной, если они изложили историю животных, растений и минералов, даже не упомянув об экспериментах в области механических искусств. Результатом этого ошибочного противопоставления явилась пагубная идея, согласно которой искусство — лишь некий придаток природы, годный только на то, чтобы довести до конца дело, начатое самой природой, или исправить какие-то возникающие недостатки, или устранить те или иные препятствия, мешающие ее свободному развитию, но совершенно неспособный глубоко изменить ее, преобразовать или потрясти до основания. Такое убеждение заставляет человека слишком поспешно отчаиваться в своих способностях. В действительности же люди должны проникнуться глубоким убеждением в том, что искусственное отличается от естественного не формой или сущностью, а только действующей причиной: ведь вся власть человека над природой ограничивается властью над движением, т. е. способностью соединять и разъединять природные тела. Поэтому если имеется возможность сближения или удаления природных тел, то, соединяя, как говорят, активное с пассивным, человек может все, если же такой возможности нет, он ничего не может. И если вещи располагаются в определенном порядке для данного результата, то не имеет никакого значения, произойдет ли это с участием человека или без него. Иногда золото плавят на огне, иногда же его находят в чистом виде в золотоносном песке, и здесь его создает сама природа. Точно

так же радуга образуется в небе благодаря прохождению света через влагу облаков, но она же может возникнуть и на земле, при прохождении света через рассеянные водяные пары. Таким образом, всем управляет природа, ей же подчиняются указанные выше три направления: развитие самой природы, отклонения от ее естественного развития и искусство (т. е. человек в его отношении к природе). Поэтому есть все основания включить в естественную историю все эти три направления, что в значительной мере сделал еще Гай Плиний, единственный, кто рассматривал естественную историю так, как этого требовало ее истинное значение; но, включив в нее все эти направления, он излагал их совсем не так, как следовало, более того — совершенно неправильно.

Из этих трех областей первая более или менее разработана, остальные две исследованы столь слабо, что их следует отнести к разряду требующих разработки. Ведь не существует ни одного достаточно документированного и полного описания таких явлений природы, которые бы отклонялись от обычного хода ее развития, будь то какие-то исключительные создания, появляющиеся в определенных странах и местностях, или необычные по времени явления, или же, как говорит Плиний, игра случая, или проявления каких-то неизвестных свойств, или явления, уникальные в своем роде. Я, пожалуй, не стану отрицать, что можно найти слишком много книг, наполненных всякими баснословными сообщениями, фантастическими тайнами, беззастенчивым обманом и написанных лишь для развлечения и удовлетворения пустого любопытства, но серьезной и строгой систематизации всех чудесных явлений природы, тщательно проверенной и подробно изложенной, у нас нет, а тем более нет должных попыток отбросить и, так сказать, публично подвергнуть остракизму получившие распространение всевозможные живые измышления и басни. Ведь, судя по тому, как обстоят сейчас дела, если ложные и фантастические представления относительно явлений природы укрепятся и (потому, что так велико уважение к древности, или потому, что не хочется вновь исследовать явления, или потому, что подобные вещи представляются замечательными украшениями речи благодаря тем сравнениям и аналогиям, которые из них можно извлечь) получат распространение, то потом их уже никогда не искоренить и не исправить.

Целью сочинения такого рода (а этот род сочинений освящен примером самого Аристотеля) менее всего будет удовлетворение пустого любопытства, к чему стремятся чудотворцы и фокусники. Наоборот, такое произведение поставит перед собой прежде всего две важные и серьезные задачи: первая из них — исправить ошибочность некоторых аксиом, которые в большинстве своем основываются на избитых и широко известных примерах; вторая — найти более удобный и легкий переход от чудес природы к чудесам искусства. Самое важное в этом деле — зорко следить

за природой, когда она везапно отклоняется от естественного хода своего развития, чтобы в результате таких наблюдений можно было в любой момент восстановить по своей воле упомянутый ход развития и заставить природу подчиниться. И я не собираюсь советовать полностью исключить из этой истории чудесных явлений все суеверные рассказы о колдовстве, ворожбе, чарах, сновидениях, предсказаниях и тому подобном, если совершенно точно известно, что соответствующее событие действительно произошло. Ведь еще неизвестно, в каких случаях и до какой степени то, что приписывается суеверию, может быть объяснено естественными причинами. И поэтому мы, хотя и считаем, что занятия такого рода деятельностью безусловно заслуживают осуждения, однако уверены, что в результате внимательного наблюдения и тщательного изучения этих вещей получим отнюдь не бесполезные знания о них, и не только для того, чтобы должным образом разобраться в преступлениях людей, обвиняемых в подобного рода деятельности, но и для того, чтобы глубже проникнуть в тайны самой природы: Следовательно, нужно без колебания вступать во все такого рода тайники и пещеры, если только перед нами стоит одна цель — исследование истины. Вы, Ваше Величество, подтвердили правильность этого собственным примером, ибо обоими прекраснейшими и ясновидящими глазами, оком религии и оком естественной философии, столь мудро и прозорливо проникли в кромешный мрак и доказали, что нет никого более похожего на солнце, которое, освещая даже клоаки, остается незапятнанным¹. Однако я хотел бы напомнить о том, что эти рассказы вместе со всеми суевериями следует излагать отдельно и не смешивать с рассказом о подлинных и ясных явлениях природы. Что же касается религиозных рассказов о знамениях и чудесах, то они либо не во всем истинны, либо вообще не имеют никакого отношения к явлениям природы, а потому не должны рассматриваться в естественной истории.

Остановимся теперь на истории покоренной и преобразованной природы, которую мы называем обычно историей искусств. Здесь мне, правда, известны некоторые работы о земледелии и даже о многих механических искусствах, но что в этой области самое плохое — это то, что постоянно остаются без внимания и игнорируются наиболее известные и распространенные опыты в тех или иных практических дисциплинах, хотя они дают познания природы столько же (если не больше), чем вещи менее распространенные. Ведь считается, что наука будет едва ли не осквернена и унижена, если ученые обратятся к наблюдениям и исследованиям вопросов, относящихся к механике, если только это не какие-то тайны искусства или же вещи, слышущие весьма редкими и утонченными. Над этой пустой и высокомерной заносчивостью с полным основанием смеялся Платон, выведя хваст-

ливого софиста Гиппия, беседующего с Сократом, честным и глубоким исследователем истины. Когда разговор зашел о красоте, Сократ в соответствии со своим непринужденным и свободным методом рассуждения воспользовался примером сначала прекрасной девушки, затем прекрасной лошади, наконец, прекрасной и великолепно выполненной глиняной вазы. Возмущенный этим последним примером, Гиппий сказал: «Я бы, конечно, с негодованием отказался спорить с любым, кто приводит столь низкие и грязные примеры, если бы меня не удерживали правила вежливости». На что Сократ с иронией заметил: «Ну, конечно, как же ты можешь вынести их, если ты одет в такое великолепное платье и прекрасные сандалии»². Во всяком случае можно, пожалуй, утверждать наверняка, что великие примеры дают нам не самое лучшее и не самое надежное знание. Именно об этом не без остроумия говорится в известном рассказе о философе, который, созерцая звезды на небе, упал в воду³: ведь если бы он посмотрел под ноги, то смог бы увидеть звезды в воде, но, глядя на небо, он не мог увидеть воды в звездах. Точно так же часто случается, что вещи мелкие и незначительные дают нам больше для познания великих вещей, чем великие — для познания малых. Поэтому очень хорошо заметил Аристотель: «Природа любой вещи лучше всего обнаруживается в ее мельчайших частях»⁴. Поэтому природу государства он ищет прежде всего в семье и в простейших формах социальных связей (мужа и жены, родителей и детей, господина и раба), которые встречаются в любой хижине. Совершенно аналогично природу этого великого государства (т. е. Вселенной) и управление им следует искать как в любом первичном соединении, так и в мельчайших частях вещей. Пример этого мы видим в том, что известная тайна природы (считавшаяся величайшей) — способность железа под влиянием магнита направляться к полюсам — раскрылась не в больших железных брусках, а всего лишь в иголках.

Для меня же, если только мое мнение что-то значит, совершенно ясно, что история искусств имеет для естественной философии в высшей степени важное и основополагающее значение. Я имею в виду такую естественную философию, которая не стремится погрузиться в туман возвышенных и утонченных спекуляций, но действительно помогает людям в преодолении трудностей и невзгод жизни. И она принесет не только непосредственную пользу в данный момент, соединяя наблюдения разных наук и используя наблюдения одной науки в интересах других и тем самым получая новые результаты (а это неизбежно происходит тогда, когда наблюдения и выводы различных наук становятся предметом размышления и исследования одного человека), но и зажжет такой яркий факел, освещающий путь к дальнейшему исследованию причин сущего и открытию научных истин, какой еще никогда и нигде не загорался. Ведь подобно тому как

характер какого-нибудь человека познается лучше всего лишь тогда, когда он приходит в раздражение, а Протей принимает различные обличья лишь тогда, когда его крепко свяжут, так и природа, если ее раздражить и потревожить с помощью искусства, раскрывается яснее, чем когда ее предоставляют самой себе.

Прежде чем покончить с этой частью естественной истории, которую мы называем механической и экспериментальной историей, необходимо добавить следующее: нужно включить в изложение этой истории не только собственно механические, но и практическую часть свободных наук, а также и многообразные формы практической деятельности, чтобы ничто не было пропущено из того, что служит развитию человеческого разума. Таково первое разделение естественной истории.

Глава III

Второе разделение естественной истории в зависимости от ее применения и цели: на повествовательную и индуктивную. Важнейшая цель естественной истории состоит в том, чтобы служить философии и давать материал для ее формирования; это и является предметом индуктивной истории. Разделение истории природных явлений на историю небесных явлений, историю метеоров, историю земного шара и моря, историю масс, или больших собраний, и историю видов, или меньших собраний.

Естественная история по своему объекту делится, как мы уже сказали, на три вида, по практическому же применению — на два. Ибо она используется либо для познания самих вещей, являющихся предметом истории, либо как первоначальный материал для философии. И этот первый вид истории, который либо доставляет удовольствие занимательностью изложения, либо приносит пользу своими экспериментами и который получил распространение именно благодаря такого рода удовольствию и пользе, должен быть признан значительно менее важным по сравнению с тем, который служит основой и материалом истинной и подлинной индукции и является первым кормильцем философии. Поэтому мы установили еще одно деление естественной истории — на историю повествовательную и индуктивную. А эту последнюю отнесем к тем областям науки, которые требуют разработки. И пусть ни величие авторитета древних, ни огромные фолианты современных ученых не мешают никому острым умом проникать в неизведанное. Мы достаточно хорошо знаем, что естественная история весьма обширна по своему объему, занимательна благодаря разнообразию своего материала и нередко является результатом большого и тщательного труда. Но если исключить из

нее небылицы, свидетельства древних, ссылки на авторов, пустые споры, наконец, словесные украшения и прикрасы — все то, что гонится скорее для застольных вечерних бесед и забав ученых, чем для формирования философии, то она теряет почти все свое значение. Конечно же, в таком виде она весьма далека от той истории, о которой мы мечтаем. Ведь прежде всего остаются неразработанными те две части естественной истории, о которых мы только что говорили, т. е. история исключительных явлений природы и история искусств, которым мы придаем очень большое значение. Далее, в остающейся третьей части нашего основного деления, т. е. в истории естественных явлений, достаточно удовлетворительно разработана лишь одна из пяти частей, ее составляющих. Дело в том, что история естественных явлений складывается из пяти взаимосвязанных частей. Первая из них — история небесных явлений, которая охватывает только сами эти явления как таковые и совершенно не связана с теорией. Вторая часть — история метеоров (включая кометы) и того, что называют атмосферой, однако пока невозможно найти сколько-нибудь серьезное и ценное исследование природы комет, огненных метеоров, ветров, дождей, бурь и т. п. Третья часть — история земли и моря (насколько они являются едиными частями Вселенной), гор, рек, приливов и отливов, песков, лесов, островов, наконец, самих очертаний континентов и их протяженности; но во всех этих явлениях важно прежде всего наблюдать и исследовать природу, а не ограничиваться их простым описанием. Четвертая часть посвящена истории общих масс материи, которые мы называем большими собраниями и которые обычно именуют элементами: ведь не существует описаний огня, воздуха, воды, земли, их природы, характера движения, действия, влияния на окружающее, которые могли бы составить их подлинную историю. Пятая и последняя часть посвящена истории особенных собраний материи, которые мы называем меньшими собраниями и которые обычно именуют видами. Только в этой последней части проявилась достаточно полно деятельность ученых, однако результатом ее было скорее изобилие ненужных сведений (например, всевозможные описания внешнего вида животных и растений), а не обогащение науки основательными и тщательными наблюдениями, которые одни только и должны составлять содержание естественной истории. Короче говоря, вся естественная история, которой мы располагаем в настоящее время, как по состоянию исследовательской работы, так и по тому материалу, который в ней имеется, ни в коей мере не соответствует той цели, которую мы перед ней поставили, — служить основой для развития философии. Поэтому мы заявляем, что индуктивная история еще ждет своей разработки. Итак, о естественной истории сказано достаточно.

Глава IV

Разделение гражданской истории на историю церковную, научную и собственно гражданскую. Необходимость создания научной истории. Принцип ее построения.

Мы считаем, что гражданская история с полным основанием делится на три вида: во-первых, священную, или церковную историю, затем собственно гражданскую историю, и наконец, историю наук и искусств. Мы начнем наше изложение с того вида, который мы назвали последним, ибо два остальных уже существуют, а этот, как мне кажется, еще предстоит создать. Это история науки. Действительно, если бы история мира оказалась лишенной этой области, то она была бы весьма похожа на статую ослепленного Полифема, так как отсутствовало бы именно то, что как нельзя лучше выражает гений и талант личности. Хотя мы считаем, что эта дисциплина еще только должна быть создана, нам тем не менее прекрасно известно, что в отдельных науках, например в юриспруденции, математике, философии, даются краткие упоминания об их истории или сухое перечисление различных школ, учений, имен ученых или же поверхностное изложение этих наук; встречаются даже отдельные трактаты — впрочем, весьма скудные и бесполезные — о создателях этих наук. Однако я с полным правом заявляю, что подлинной всеобщей истории науки до сих пор еще не создано. Поэтому мы скажем здесь о ее предмете, способе создания и практическом назначении.

По предмету она не выходит за рамки всего того, что основывается на памяти, и связана с тем, какие науки и искусства, в какие эпохи, в каких странах мира преимущественно развивались. Здесь нужно сказать о состоянии науки в древности, о ее развитии, распространении по разным частям света (ведь знания путешествуют так же, как и сами народы); далее следует сказать о тех или иных ошибках, периодах забвения и возрождения. В то же время необходимо показать в каждом виде искусства и науки повод для их возникновения и источники их происхождения, традиции преподавания и изучения, методы исследования и формы применения. Важно также назвать отдельные школы и наиболее известные споры, возникавшие среди ученых, рассказать о том, какую клевету приходилось терпеть ученым и какой славой и почестями они бывали увенчаны. Должны быть названы основные авторы, наиболее значительные книги, школы, традиции, университеты, общества, колледжи, организации, наконец, все, что имеет отношение к состоянию и развитию науки. Прежде всего мы хотим, чтобы было восполнено то, что составляет достоинство и как бы душу гражданской истории, а именно, чтобы одновременно с перечислением событий говорилось и о причинах, их породивших, т. е. чтобы было сказано о природе стран и народов, об их больших или меньших способностях и дарованиях к тем

или иным наукам, о тех или иных исторических обстоятельствах, способствовавших или мешавших развитию науки, о ревности и вмешательстве религий, о законах, направленных против науки, и о законах, благоприятствовавших ее успехам, наконец, о замечательных качествах и деятельности отдельных лиц, способствовавших развитию науки и просвещения и т. п. Мы хотим предупредить, что весь материал следует излагать не так, как это делают критики, тратя время на восхваление и порицание, а строго исторически, излагая преимущественно сами факты и как можно осторожнее прибегая к собственным оценкам.

Относительно же способа построения такого рода истории прежде всего стоит помнить слудующее: фактический материал для нее следует искать не только у историков и комментаторов; прежде всего следует привлечь к изучению важнейшие книги, написанные за время существования науки, начиная с глубокой древности, изучая их последовательно по отдельным векам и даже по более коротким периодам времени, чтобы из общего знакомства с ними (прочитать их все было бы невозможно, ибо число их бесконечно) и наблюдений над их содержанием, стилем и методом изложения перед нами возник, словно по волшебству, сам дух науки того времени.

Что касается практического применения, то история науки создается не для того, чтобы восславить науки и устроить торжественную процессию из множества знаменитых ученых, и не потому, что охваченные пылкой любовью к наукам, мы стремимся узнать, исследовать и сохранить все, что так или иначе касается их состояния вплоть до мельчайших деталей. Наша цель значительно важнее и серьезнее. Она, коротко говоря, сводится к убеждению в том, что с помощью такого изложения, какое мы описали, можно значительно увеличить мудрость и мастерство ученых в самой научной деятельности и в организации ее и, кроме того, оттенить движения и изменения, недостатки и достоинства в истории мысли. как и в гражданской истории, а это, в свою очередь, даст возможность найти наилучший путь руководства ими. Ведь, по нашему мнению, труды блаженного Августина и блаженного Амвросия не могут принести такой пользы для образования епископа или теолога, какую может принести тщательное изучение церковной истории. Мы не сомневаемся, что аналогичный результат даст ученым история наук. Ведь всякое толкование, которое не основывается на фактах и исторической памяти, неизбежно оказывается во власти случайности и произвола. Это все, что мы хотели сказать об истории наук⁵.

Глава V

О значении гражданской истории и о трудностях, связанных с ее созданием.

Далее следует собственно гражданская история, значение и авторитет которой превосходит значение и авторитет остальных человеческих творений. Ведь ей доверены деяния предков, смена событий, основания гражданской мудрости, наконец, слава и доброе имя людей. Но огромное значение этой науки влечет за собой и не меньшие трудности. Ведь во всяком случае требуется огромный труд и мудрость для того, чтобы при создании истории мысленно погрузиться в прошлое, проникнуться его духом, тщательно исследовать смену эпох, характеры исторических личностей, изменения замыслов, пути свершения деяний, подлинный смысл поступков, тайны правления, а затем свободно и правдиво рассказать об этом, как бы поставив это перед глазами читателя и осветив лучами яркого повествования. Это тем более трудно, что все события древности известны нам плохо, а занятия историей недавнего прошлого сопряжены с немалой опасностью. Поэтому-то большинство сочинений по гражданской истории так неудачно. Очень многие исследователи излагают события как-то очень бледно и бездарно, и их сочинения недостойны этой науки, другие поспешно и беспорядочно соединяют вместе отдельные сообщения и значительные заметки современников; третьи бегло перечисляют лишь основные события; четвертые, наоборот, роются во всяких мелочах, не имеющих никакого значения для понимания сущности событий; некоторые, слишком уж переоценивая силу своего таланта, бесстрашно фантазируют и придумывают многие события; другие же оставляют на всем изложении отпечаток не столько своего таланта, сколько своих чувств, и, думая об интересах своей партии, оказываются не слишком достоверными свидетелями событий; кое-кто всюду вводит излюбленные политические доктрины и, пытаясь найти повод для того, чтобы похвастаться, слишком легко прерывает повествование различными отступлениями; другие, не зная никакой меры, без разбору нагромождают в своих сочинениях множество всякого рода речей и обращений. Итак, совершенно очевидно, что среди всех сочинений, созданных людьми, ничто не встречается реже, чем истинная, совершенная во всех отношениях история. Впрочем, в настоящий момент мы даем лишь классификацию наук, чтобы указать на то, что было упущено, а не оценку и критику ошибочности выводов. Поэтому приступим теперь к установлению различных типов разделения гражданской истории на специальные области. Ведь будет меньше возможностей смешения ее видов, если вместо одного-единственного, настойчиво проводимого, будут установлены различные типы разделения.

Глава VI

Первое разделение гражданской истории.

Воспользовавшись аналогией с тремя родами картин или статуй, гражданскую историю можно разделить на три раздела. Картины и статуи могут быть незаконченными — им кисть или резец художника еще не придали окончательного вида, могут быть законченными и совершенными и, наконец, испорченными и обезображенными временем. Пользуясь этой аналогией, мы разделим гражданскую историю (являющуюся своего рода образом событий и времен) на три вида, соответствующие указанным трем видам картин. Эти виды мы назовем мемориями, адекватной историей и древностями. Мемории — это незавершенная история, или как бы первоначальные и необработанные наброски истории. Древности же — это «деформированная история», или обломки истории, случайно уцелевшие от кораблекрушения в бурях времен.

Мемории, т. е. подготовленные материалы для истории, делятся на два рода, первый из которых мы будем называть комментариями, второй — перечнями. Комментарии излагают голые факты в их хронологической последовательности, не касаясь причин и поводов событий и действий, не упоминая того, что их сопровождало, не приводя речей, не рассказывая о планах и замыслах исторических деятелей и обо всем остальном, сопровождавшем сами события. Такова сущность и природа этого жанра, хотя Цезарь по своей великодушной скромности и назвал комментариями самое выдающееся сочинение из всех существующих. Перечни бывают двоякого рода: они либо содержат перечень событий и лиц, расположенных в хронологическом порядке, и называются фастами⁶ или хронологиями, либо представляют собой сборники официальных документов, каковыми являются указы государей, постановления сенатов, документы судебных процессов, официальные речи, дипломатические послания и т. п., не сопровождаемые при этом последовательным изложением и толкованием.

Древности имеют дело со своего рода останками истории, похожими, как мы уже сказали, на обломки корабля, потерпевшего крушение. Когда воспоминания о событиях уже исчезли и сами они почти полностью поглощены пучиной забвения, трудолюбивые и проникательные люди, несмотря на это, с какой-то удивительной настойчивостью и скрупулезной тщательностью пытаются вырвать из волн времени и сохранить хотя бы некоторые сведения, анализируя генеалогии, календари, надписи, памятники, монеты, собственные имена и особенности языка, этимологии слов, пословицы, предания, архивы и всякого рода документы (как общественные, так и частные), фрагменты исторических сочинений, различные места в книгах совсем не исторических. Эта работа, конечно, требует огромного труда, однако она и приятна людям, и вызывает к себе известное уважение, и раз уж мы отвергаем мифы о проис-

хождении народов, безусловно может заменить такого рода фантастические представления. Однако она не имеет достаточного веса, потому что, будучи объектом исследования незначительного числа людей, неизбежно оказывается в зависимости от произвола этой немногочисленной группы.

Я не считаю необходимым отмечать какие-то недостатки во всех этих видах незавершенной истории, так как они являются чем-то вроде несовершенной связи и такого рода недостатки вытекают из самой их природы. Что же касается всевозможных аббревиатур⁷, этих настоящих короедов и гусениц истории, то их (по нашему мнению) следует гнать от себя как можно дальше (и в этом с нами согласны очень многие весьма разумные люди), ибо эти черви изъели и источили множество великолепнейших исторических трудов, превратив их в конце концов в бесполезную труху.

Глава VII

Разделение адекватной истории на хроники, жизнеописания и повествования. Содержание этих трех частей.

В зависимости от характера своего объекта адекватная история делится на три вида. Ведь история может рассказывать о каком-то более или менее продолжительном периоде времени, либо о той или иной выдающейся личности, представляющей интерес для потомков, либо о каком-то исключительном событии или подвиге. В первом случае перед нами хроники или летописи, во втором случае — жизнеописания и, наконец, в третьем — повествования. Среди этих трех жанров наибольшей известностью и популярностью пользуются хроники; жизнеописания лучше других способны обогатить людей полезными примерами; повествования же отличаются своей правдивостью и искренностью. Хроники излагают лишь значительные события общественной жизни, дают лишь внешнее представление о личности исторических деятелей, показывая их, так сказать, со стороны, обращенной к публике, и оставляя без внимания и обходя молчанием все менее значительное как в самих событиях, так и в людях. А так как только божеству доступно искусство «великое связывать с малым», то весьма часто оказывается; что такого рода история, стремясь к изложению только великих событий и фактов, изображает лишь эффективную и помпезную их сторону, не выявляя истинные их причины и внутреннюю связь между собой. И даже если эта история и рассказывает при этом о самих замыслах и планах событий, она все-таки, увлекаясь все тем же величием изображенного, приписывает человеческим поступкам гораздо больше важности и мудрости, чем они имеют в действительности, так что иная сатира может оказаться более истинной картиной человеческой жизни, чем некото-

рые из подобного рода исторических сочинений. Наоборот, жизнеописания, если только они написаны добросовестно и умно (мы не говорим здесь о панегириках и тому подобных пустопорожних восхвалениях), дают значительно более правдивую и истинную картину действительности, поскольку они посвящены описанию жизни отдельных людей и здесь автору неизбежно приходится сопоставлять и перечислять поступки и события важные и несерьезные, великие и незначительные, рассказывать о фактах личной жизни и о государственной деятельности этого человека; и все это, конечно, гораздо легче и с большим успехом может послужить в качестве примера и образца для читателя. Сочинения же, посвященные тем или иным отдельным историческим событиям (как, например, «Пелопоннесская война» Фукидида, «Поход Кира» Ксенофонта, «Заговор Катилины» Саллюстия и т. п.), вполне естественно отличаются во всех отношениях гораздо большей искренностью, безупречностью и правдивостью повествования по сравнению с историей, рассказывающей о целых периодах, поскольку авторы такого рода сочинений могут выбрать себе материал достаточно обозримый и удобный, дающий возможность как точного и надежного его изучения, так и исчерпывающего изложения. История же целой эпохи (особенно если она значительно удалена от времени жизни самого исследователя) весьма часто страдает от недостатка материала и неизбежно содержит известные пробелы, которые обычно писатели совершенно произвольно восполняют своей фантазией и догадками. Вместе с тем то, что было сказано нами об искренности отдельных исторических повествований, не следует понимать буквально. Во всяком случае, нужно признать (поскольку вообще все человеческое не является во всех отношениях совершенным и почти всегда те или иные преимущества сопровождаются какими-то потерями), что такого рода сочинения, особенно если они написаны в то же самое время, о котором они повествуют, с полным основанием считаются наименее надежными источниками, ибо они нередко запечатлевают на себе симпатии и антипатии самого автора. Но, с другой стороны, существует средство и против этого порока: дело в том, что подобные повествования почти всегда создаются сторонниками не одной какой-либо партии, но пишутся деятелями и той и другой партии и выражают при этом партийные пристрастия и стремления авторов и, таким образом, открывают и укрепляют дорогу для истины, находящейся где-то посередине между двумя крайностями. Когда же улягутся страсти и стихнет борьба, эти сочинения могут дать добросовестному и проницательному историку не самый худший материал для создания более совершенной истории.

Если говорить о том, что мне представляется желательным в этих трех родах истории и что не вызывает сомнений, то до сих пор все еще не существует очень многих историй отдельных государств, и это неизбежно наносит немалый ущерб королев-

ствам и республикам, вместо того чтобы увеличить их славу и достоинство (разумеется, мы имеем в виду такого рода сочинения, которые могли бы представлять какую-то действительную ценность или, по крайней мере, более или менее сносные). Перечислять их было бы слишком долго. Впрочем, оставляя заботу об истории других народов им самим (дабы не показаться слишком заинтересованным в чужих делах), я не могу не посоветовать перед Вашим Величеством на то, как плохо и несерьезно написана существующая в настоящее время истории Англии в целом, и также на то, сколь необъективен новейший блистающий эрудицией автор истории Шотландии⁸. Я считаю, что для Вашего Величества будет весьма почетным, а для потомства — весьма приятным, если, подобно тому, как этот остров Великобритании будет существовать отныне как единая монархия, так и вся его история от древних веков будет изложена в едином сочинении, так же, как Священное Писание излагает историю десяти колен царства Израильского и двух колен царства Иудейского. Если же Вам кажется, что трудности, встающие перед такого рода историей, — а они действительно весьма велики — могут помешать точному и достойному изложению событий, то я Вам укажу на пример памятного периода истории Англии, хотя и значительно более краткого, чем вся ее история, а именно периода от союза Алой и Белой розы до объединения королевства Англии и Шотландии⁹. Этот период, по крайней мере по моему мнению, значительно богаче разнообразными событиями (обычно редкими), чем любой другой, равный по времени период истории любой из наследственных монархий. Этот период начинается с принятием короны, добытой отчасти с помощью оружия, отчасти же — законным путем, ибо путь к ней был проложен мечом, брак же упрочил добытую власть.

А затем последовали времена, соответствующие такому началу, более всего похожие на волны моря после сильного шторма, — они еще огромны и мощны, но страшная буря уже улеглась, и мудрость кормчего, единственного выдающегося по своему уму среди предшествующих королей, помогла одолеть их¹⁰. Ему наследовал король, деятельность которого оказывала значительное влияние на дела всей Европы, давая перевес тем силам, которые он поддерживал, хотя сам он действовал, руководствуясь скорее своими настроениями, чем мудрыми планами¹¹. Именно в период его царствования берет свое начало та великая церковная реформа, подобной которой весьма редко случается видеть. Далее царствовал несовершеннолетний король, а затем последовала попытка установления тирании, хотя и весьма непродолжительная, которую можно сравнить с однодневной лихорадкой¹². Затем наступило правление женщины, вышедшей замуж за чужеземного короля, а потом — снова царствование женщины, на этот раз одинокой¹³. И наконец, все это завершает счастливое и славное событие — объединение нашего отделенного от всего остального мира острова Британия.

Тем самым то древнее пророчество, данное Энею, которое указывало на ожидающий его покой: «Отыщите древнюю мать!»¹⁴, исполнилось применительно к славным народам Англии и Шотландии, уже объединившимся под именем Британии, своей древней праматери, и это объединение служит залогом и символом того, что положен предел и наступил исход скитаний и странствий. Мне представляется вероятным, что, подобно тому, как тяжелые глыбы, приведенные в движение, прежде чем остановиться в неподвижности, некоторое время дрожат и колеблются. Божественное Провидение пожелало, чтобы эта монархия, прежде чем укрепиться и упрочиться под властью Вашего Величества и Ваших потомков (а я надеюсь, что под властью Вашего потомства она упрочится на вечные времена), испытала все эти многочисленные изменения и превратности судьбы, послужившие ей как бы предвестником ее будущей прочности.

Думая о жизнеописаниях, я невольно испытываю удивление, видя, что наше время совсем не знает того, что составляет его принадлежность: ведь так мало жизнеописаний людей, прославившихся в наш век. Хотя королей и других правителей, пользующихся неограниченной властью, очень мало, да и руководителей в свободной республике (ведь столько республик стало теперь монархиями) тоже немного, однако и под властью королей не было недостатка в выдающихся людях, заслуживших нечто большее, чем беглое и смутное упоминание о себе или пустое и бесплодное восхваление. В связи с этим мне вспоминается довольно изящный образ, созданный одним из новейших поэтов, которым он обогатил древнее сказание¹⁵. Он говорит, что к концу нити Парок прикреплена какая-то круглая пластинка (или медальон), на которой написано имя умершего. Время поджидает удара ножа Атропы, и, как только нить обрывается, оно выхватывает пластинку и, унеся ее, некоторое время спустя выбрасывает в Лету. Над рекой носится множество птиц, которые подхватывают эти пластинки и носят некоторое время их повсюду в своих клювах, а потом, забыв о них, роняют в реку. Но среди этих птиц есть несколько лебедей: если они схватывают какую-то пластинку с именем, то сейчас же относят ее в некий храм, посвященный Бессмертию. В наше время эти лебеди почти совсем исчезли. Правда, большинство людей, дела и заботы которых еще более смертны, чем их тело, пренебрегают памятью о своем имени, видя в ней не более чем дым или ветер,

...которым не нужна великая слава¹⁶,

поскольку философия их и их строгость произрастают из следующего принципа: «Мы только тогда презрели похвалы, когда перестали совершать достойное хвалы». Однако это не опровергает нашего мнения, ибо, как говорит Соломон, «да восславится память о человеке справедливым, имя же нечестивых сгинет»: первая

вечно цветет, второе тотчас же уходит в забвение или, разлагаясь, дает отвратительное зловоние. И поэтому в тех обычных выражениях и формулах речи, которые вполне правильно применяются по отношению к умершим («счастливой памяти», «блаженной памяти», «доброй памяти»), мы узнаем, как мне кажется, то, что сказал Цицерон (заимствуя это в свою очередь у Демосфена): «Добрая слава — это единственная собственность умерших»¹⁷. И я не могу не отметить, что это богатство в наше время, как правило, остается заброшенным и никем не используется.

Что же касается повествований, то здесь весьма желательно уделить им гораздо больше внимания. Ведь едва ли случается какое-то более или менее значительное событие, которое бы не нашло для себя прекрасного пера, способного заметить и описать его. А поскольку тех, кто мог бы достойно написать адекватную историю, очень мало (это достаточно ясно уже в силу немногочисленности даже посредственных историков), постольку, если удастся запечатлеть отдельные события в достаточно сносных сочинениях еще в тот самый период времени, когда они происходят, можно надеяться, что появятся когда-нибудь те, кто сможет на этом материале написать адекватную историю. Ведь эти повествования могли бы послужить как бы питомником, из которого, когда это будет необходимо, можно будет насадить огромный и великолепный сад.

Глава VIII

Разделение истории времен на всеобщую и частную историю; достоинства и недостатки каждой из них.

История времен может быть или всеобщей, или частной. Последняя охватывает события в каком-нибудь одном государстве, республике или пароде, первая излагает всемирную историю. Никогда не было недостатка в людях, похвалявшихся тем, что они написали историю всего мира чуть ли не с самого его возникновения, выдавая при этом за историю беспорядочную мешанину из событий и обрывков сокращенных повествований. Другие убеждены, что они могут охватить в форме адекватной истории все замечательные события своего времени, происшедшие во всех странах мира: попытка, бесспорно великая и сулящая немалую пользу. Ведь эти события в нашем мире разделены по странам и государствам, словно между ними не существовали многочисленные связи, поэтому во всяком случае интересно рассматривать судьбы какого-то века или поколения как бы собранными и изображенными на одной картине. Кроме того, большое число сочинений, заслуживающих внимания (например упомянутые выше повествования), которые в противном случае могли бы погибнуть или не издаваться долгое время, используются в такого рода общей истории или полностью, или

хотя бы в основных своих частях и таким образом сохраняются для потомства. Однако, если рассмотреть этот вопрос глубже, легко заметить, что законы подлинной истории настолько строги, что они лишь с большим трудом применимы к столь обширному материалу, так что в результате великое значение истории скорее уменьшается с разрастанием ее объема. Ведь тот, кто стремится охватить как можно больше самых разнообразных фактов и событий, мало-помалу перестает заботиться о точности получаемых сведений и, растратив все свое внимание на множество приводимых частных фактов, в конце концов начинает хвататься за всевозможные слухи и легенды и пишет историю, основываясь на такого рода малодостоверных сообщениях и тому подобном гнилом материале. Мало того, чтобы его произведение не разрослось до бесконечности, он неизбежно будет вынужден сознательно опускать очень многое, заслуживающее упоминания, и в конце довольно часто скатывается до уровня сочинителя аббревиариев. Существует и другая весьма значительная опасность, диаметрально противоположная тем задачам, которые ставит перед собой всеобщая история: ведь если всеобщая история способствует сохранению некоторых сведений, которые иначе, возможно, погибли бы, то она же, с другой стороны, и весьма часто губит другие, весьма интересные сообщения, которые в противном случае могли бы сохраниться, а здесь вынуждены пасть жертвой столь любезных людям сокращений.

Глава IX

Другой вид деления истории времен — на летописи и на повседневную хронику.

Историю времен можно еще с полным основанием разделить на летописи и дневники (повседневную хронику), и, хотя, это деление основывается лишь на разных периодах времени, оно тем не менее имеет отношение и к отбору материала. Ведь Корнелий Тацит, упомянув о великолепии каких-то сооружений, тут же совершенно правильно замечает: «Согласно с достоинством римского народа установлено, что выдающиеся события занесены в летописи, а подобные тем, о которых я только что упомянул, — в повседневную хронику», относя к содержанию «летописей» лишь дела государственной важности, а все остальные события и незначительные происшествия считая достоянием лишь повседневной хроники, или дневников¹⁹. Во всяком случае, мне представляется вполне целесообразным с помощью своего рода геральдики установить среди сочинений такую же иерархию, какая существует и среди людей. Ведь ничто не наносит большего ущерба гражданским делам, чем смешение сословий и степеней, и точно так же ничто так не подрывает авторитета серьезной истории, как стремление смешать политические проблемы с вещами гораздо менее значи-

тельными и серьезными, вроде описаний всякого рода торжественных процессий, празднеств, зрелищ и т. п. И конечно же, в высшей степени желательно, чтобы такого рода разделение материала и жанра сочинений стало обычным и само собой разумеющимся делом. В наше время дневники ведутся только во время морских путешествий и военных походов. У древних же считалось знаком почтения к царям заносить в дневники все, что происходило в их дворцах. Мы знаем, что именно так было при персидском царе Агасфере, который, страдая однажды ночью бессонницей, потребовал, чтобы ему принесли дневники, и таким образом обнаружил разговор внухов. А в дневниках Александра Великого содержались настолько мелкие факты, что туда внесено даже то, что он, например, заснул как-то за столом. Однако это не значит, что если летописи охватывают только серьезные и важные события, то дневники содержат одни лишь пустяки: в действительности они включают в равной мере все — и важное, и неважное.

Глава X

Следующее разделение гражданской истории — на чистую и смешанную.

Наконец, мы можем разделить гражданскую историю на чистую и смешанную. Особенно часто в сочинение исторического характера включается материал, заимствованный как из других гражданских наук, так и в значительной мере из наук естественных. Некоторые писатели создали особый жанр, в котором автор не излагает события в хронологической последовательности, но выбирает их по своему усмотрению, размышляя о них, и, воспользовавшись этим поводом, обращается к рассуждениям на актуальные политические темы. Этот род историко-политических трактатов мы, разумеется, всячески приветствуем, но только в том случае, если автор такой работы заранее скажет, что он пишет именно такого рода сочинение²⁰. Но если кто-то, сознательно ставя перед собой цель создать адекватную историю, в то же время то и дело отвлекается в сторону, старается рассуждать на политические темы и прерывает таким образом нить повествования, то он тем самым делает сочинение совершенно непригодным и весьма тягостным для читателя. Конечно, любая более или менее серьезная историческая тема чревата, если так можно выразиться, политическими уроками и назиданиями, но все же сам писатель не должен уподобляться повивальной бабке. Точно так же к смешанному виду истории относится и космографическая история, имеющая весьма многочисленные точки соприкосновения с другими дисциплинами: ведь из естественной истории она заимствует описание самих стран, характера их местности, географического положения и природных ресурсов; из гражданской истории — описание городов, госу-

дарств, нравов; из математики — описание климата и движения небесных светил над землей. Этот род истории или, точнее, науки составляет, как мне кажется, особую славу именно нашего века. Ведь именно в нашу эпоху земной шар каким-то удивительным образом сделался открытым и доступным для изучения. Правда, древние знали о поясах земли и антиподах:

И лишь задышат на нас, запыхавшись, кони Востока,
Там зажигает, багрян, вечерние светочи Вesper²¹.

Правда, все это было скорее результатом логических рассуждений, чем путешествий и непосредственных наблюдений. Но чтобы какой-то маленький кораблик соперничал с самим небом и обошел весь земной шар, даже по еще более сложному и извилистому пути, чем тот, по которому всегда движутся небесные светила, — это достижение нашего века, так что наше время с полным правом могло бы взять своим девизом не только знаменитое «plus ultra»²², тогда как древние провозглашали «*nes plus ultra*», и, кроме того, *imitabile fulmen* там, где древние говорили *non imitabile fulmen*²³.

То, что нельзя повторить, — грозу и грома раскаты, —
Грохотом меди хотел и стуком копыт он подделать...²⁴

— и, что еще более удивительно, что это стало возможным благодаря морским путешествиям, в результате которых мы все чаще получаем возможность обойти весь земной шар, подобно тому как это делают небесные светила.

И эти удачи в морском деле, в изучении и познании земного шара вселяют в нас большую надежду на дальнейшие успехи в развитие знаний, тем более, что и то и другое, как видно по божественному предначертанию, происходит в одну и ту же эпоху. Ведь именно так предсказывает пророк Даниил, говоря о новейших временах: «Очень многие будут путешествовать, и увеличится знание»²⁵, как бы относя тем самым к одному и тому же веку путешествия, исследования Вселенной и всестороннее развитие знаний. Мы знаем, что в значительной степени это пророчество уже исполнилось, ибо наше время по развитию знаний вовсе не уступает, а в ряде случаев значительно превосходит те два знаменитых начальных периода или переворота в развитии наук, которые выпали на долю греков и римлян.

ИСТОРИЯ ПРАВЛЕНИЯ КОРОЛЯ ГЕНРИХА VIII

После смерти этого мудрого и удачливого короля, короля Генриха VII, скончавшегося на вершине своего процветания, наступил (как обычно бывает при столь безоблачном закате) один из прекраснейших рассветов королевства, когда-либо известных в этой стране или где-либо еще. Юный король в возрасте около восемнадцати лет, ростом, силой, сложением и чертами был одним из красивейших людей своего времени. Будучи склонен к наслаждениям, он, однако, жаждал и славы; так что в душе его был открыт путь через славу к добродетели. Не лишен он был и знаний, хотя и уступал в этом отношении своему брату Артуру. У него никогда не было ни малейших обид, разногласий или зависти по отношению к его отцу, королю, которые могли бы дать повод к изменениям при дворе или в совете при восшествии на престол нового государя; все свершилось в полном спокойствии. Он был первым наследником и Белой и Алой Розы; так что в королевстве не осталось теперь недовольных партий, и сердца всех обратились к нему; и не только сердца, но и взоры, ибо он был единственным сыном в королевском семействе. У него не было брата ¹, а второй ребенок хотя и радуется королей, но слегка отвлекает взоры подданных. То, что он был уже женат в столь юном возрасте, обещало скорое появление наследника короны. К тому же не было королевых матерей, которая могла бы как-то вмешиваться в дела правления или сталкиваться с советниками в борьбе за власть, пока король предается наслаждениям. Не было ни одного выдающегося или могущественного подданного, который мог бы затмить или заслонить собой фигуру короля. Что же касается народа и государства в целом, то они пребывали в состоянии того смиренного повиновения, которое должно было ожидать от подданных, проживших почти двадцать четыре года под властью столь благоразумного короля, как его отец, пришедший к власти не без помощи меча, проявивший столько мужества в отстаивании королевских прав и всегда победоносный при подавлении народных бунтов и мятежей. Корона, чрезвычайно богатая и усеянная драгоценностями, и королевство, обещавшее стать столь же богатым в ближайшее время. Ибо не было войн, не было голода, не прекращалась торговля; корона, правда, высасывала чересчур много, но теперь, когда она была полна и на голове у юного короля, можно было надеяться, что она будет требовать меньше. Наконец, он унаследовал репутацию отца, высоко стоявшую во всем мире. Он состоял

в тесном союзе с двумя соседними государствами, некогда давним врагом и давним другом, Шотландией и Бургундией. У него были мирные и дружеские отношения с Францией, обеспеченные не только договором и союзом, но и тем, что Франция не имела ни нужды, ни возможности вредить ему, если учесть, что планы французского короля целиком были направлены на Италию. Так что можно с полным правом сказать, что едва ли когда-нибудь встречалось столь редкое совпадение примет и предвестников счастливого и процветающего царствования, какое теперь находили в этом юном короле, названном в честь отца Генрихом VIII.

О СЧАСТЛИВОЙ ПАМЯТИ ЕЛИЗАВЕТЫ, КОРОЛЕВЫ АНГЛИИ

Елизавета и по характеру, и по судьбе своей была удивительной личностью среди женщин, достопамятной личностью среди государей. Но не у монахов или кабинетных сочинителей должны мы искать объяснений в подобном случае, ибо люди этого разряда, сильные в стиле, слабые в суждениях и пристрастные в чувствах, не являются надежными свидетелями в том, что касается истинного хода дел. О таких вещах следует судить министрам и другим людям, занимавшим высокие посты, тем, кто держал бразды правления и был знаком с трудностями и тайнами государственных дел.

Правление женщин во все времена было редкостью; еще реже такое правление бывало благополучным; сочетание же благополучия и продолжительности есть вещь наиредчайшая. Эта королева, однако, правила полных сорок четыре года и не пережила своего счастья. Об этом счастье я и собираюсь кое-что сказать, не сбиваясь на славословие, ибо слава — это дань людская, а счастье — дар Божий.

Во-первых, я отношу к ее счастью то, что до вступления на престол она вела жизнь частного лица; не столько из-за того чувства, столь глубоко коренящегося в человеческой природе, в силу которого блага, приходящие к нам неожиданно, всегда ценятся больше, но поскольку принцы, возрастающие в королевском семействе в уверенности, что им предстоит наследовать престол, бывают обычно испорчены излишней свободой и попустительством своих воспитателей и становятся поэтому и менее способными, и менее воздержанными. Вы поэтому обнаружите, что лучшими королями оказываются те, которые прошли обе школы жизни, такие, как Генрих VII у нас и Людовик XII во Франции; оба они в недавние годы и почти в одно и то же время пришли к высшей власти от жизни не только обыкновенной, но беспокройной и несчастливой; и оба замечательно преуспели, прославившись один мудростью, другой справедливостью. Весьма сходным образом обстояло дело и с этой королевой, чьи ранние годы и открывающиеся перспективы сменились неопределенностью, с тем, чтобы позднее, когда она утвердилась на престоле, судьба ее до самого конца сохраняла устойчивость и постоянство. Елизавета от рождения предназначалась к тому, чтобы царствовать, затем ее лишили прав на престол, позднее его занял другой. Судьба ее в правление

брата была благополучна и спокойна, в правление сестры более несчастлива и неопределенна. И все же она не взойшла из тюрьмы на трон внезапно, с умом ожесточенным и переполненным сознанием своего несчастья, но сначала обрела свободу и была утешена надеждами; и так, наконец, спокойно и благополучно, без смут и соперничества, началось ее правление. Обо всем этом я говорю для того, чтобы показать, как Провидение, замыслив создать совершенную королеву, подготовило ее, заставив пройти эти несколько ступеней ученичества. Не следует и беду ее матери рассматривать как повод к сомнениям в достоинстве ее рождения; тем более, поскольку ясно, что Генрих VIII полюбил другую женщину, прежде чем разгневаться на Анну¹, и что он не избег порицания потомков как человек, от природы в высшей степени подверженный как приступам влюбленности, так и приступам подозрительности, и неистовый в том и другом, вплоть до пролития крови. Кроме того, само выдвинутое против нее обвинение было, если только принять во внимание лицо, которого оно касалось, невероятным и основывалось на самых жалких домыслах: об этом тайно перешептывались (как принято в таких случаях) уже тогда, и сама Анна перед смертью торжественно и в памятных словах отрицала свою вину. Найдя посланца, чьей верности и доброй воле она могла, как ей казалось, довериться, она передала королю в тот самый час, когда готовилась взойти на эшафот, послание следующего содержания: он не изменил своему обычаю осыпать ее почестями; из нетитулованной дворянки сделал ее маркизой; затем поднял ее до себя и позволил разделить с ним трон и ложе; и вот теперь, наконец, когда уже не осталось более высокой ступени земной славы, он благоволил увенчать ее невинность мученичеством. Слова эти посланец не осмелился передать королю, пылавшему тогда новой любовью, но молва, защитница правды, донесла их до потомства.

В большой мере также я отношу счастье Елизаветы за счет времени ее правления, которое было не только весьма продолжительным, но и пришлось на ту пору ее жизни, когда человек наиболее пригоден к тому, чтобы руководить делами и держать в своих руках бразды правления. Ей было двадцать пять лет (возраст прекращения опеки), когда началось ее царствование, и продолжалось оно до ее семидесятилетия, так что она никогда не испытывала ни зависимости от чужой воли и других невыгодных обстоятельств, свойственных положению подопечного, ни неудобств томительной и бессильной старости. Старость и обыкновенным людям приносит немало страданий, но у королей она, помимо общих всем несчастий, бывает связана еще и с закатом величия и бесславным уходом со сцены. Ведь едва ли найдется хоть один монарх, который бы правил до наступления старости и дряхлости без ущерба для своей власти и репутации; выдающийся пример тому мы имеем в лице Филиппа II — короля Испании, могуще-

ственного государя, в совершенстве владевшего искусством правления, который в конце своей жизни, утомленный годами, глубоко осознал то, о чем я говорю, и мудро покорился естественному ходу вещей: добровольно пожертвовал территориями, завоеванными во Франции, утвердил там мир, попытался добиться того же и в других местах, с тем чтобы иметь возможность оставить своему преемнику прочное государство и порядок во всех делах. Судьба Елизаветы была, напротив, столь постоянной и благополучной, что ее преклонные, но при этом исполненные бодрости и энергии годы не только не принесли с собой какого-либо упадка в состоянии ее дел, но — как безошибочный знак ее счастья — ей было дано умереть не прежде, чем судьба мятежа в Ирландии была решена победой, чтобы слава ее не показалась в чем-либо омраченной или неполной.

Не следует забывать и о том, каков был народ, которым она правила; ибо доведись ей править среди жителей Пальмиры или в такой миролюбивой и изнеженной стране, как Азия, наше удивление было бы меньшим; женственным народом вполне хорошо может управлять и женщина, но то, что у англичан, народа особенно свирепого и воинственного, все совершалось по мановению женской руки — это заслуживает высочайшего восхищения.

Заметьте также, что этот самый нрав ее народа, всегда жаждущего войны и с трудом переносящего мир, не помешал ей заботиться о достижении и сохранении мира на протяжении всего ее царствования. И это ее стремление к миру, вместе с успехами в его осуществлении, я отношу к величайшим ее заслугам — как то, что составило счастье ее эпохи, подобало ее полу и было благотворным для ее совести. На десятом году ее правления произошли, правда, небольшие волнения в северных графствах, но они были немедленно усмирены и подавлены. После этого до самого конца ее жизни в стране царил мир, прочный и глубокий.

Два обстоятельства сопутствовали этому миру, которые хотя и не имели отношения к его ценности, но сообщали ему особое великолепие. Одним из них были бедствия соседей, которые подобно вспышкам огня усиливали его блеск и славу; другим — то, что выгоды мира не исключали военной славы, так что репутация Англии в том, что касается силы оружия и воинской доблести, была за счет многих благородных деяний не только сохранена, но и упрочена. Ибо помощь, посланная в Нидерланды, Францию и Шотландию, морские экспедиции в обе Индии, некоторые из которых обошли вокруг света, флоты, отправленные в Португалию и для того, чтобы тревожить берега Испании, множество поражений, нанесенных ирландским мятежникам, — все это способствовало сохранению воинских добродетелей нашего народа во всей их силе, а его славы и величия — во всем их блеске.

Ко всему этому величию присоединялось еще и то достоинство, что если, с одной стороны, соседние короли были обязаны ее

своевременной поддержке сохранением своей власти, то, с другой стороны, народы, которые неразумными государями были предоставлены жестокости их министров, неистовству черни и всякого рода грабегам и разорению, воззвав к ней о помощи, получали облегчение в своих страданиях, благодаря чему они и выстояли донныне.

Советы ее были не менее спасительны и благотворны, чем оказываемая ею помощь; свидетельством тому могут служить увещания, с которыми она столь часто обращалась к королю Испании, чтобы он умерил гнев против своих нидерландских подданных и позволил им вернуться под его руку на условиях не слишком невыполнимых, равно как и постоянные предостережения и настойчивые просьбы, обращенные к королям Франции, чтобы они соблюдали свои указы об умиротворении. Я не отрицаю того, что в обоих случаях ее советы не имели успеха. Во-первых, их успеху помешало общее состояние дел в Европе, ибо амбициям Испании, можно сказать, выпущенным из тюрьмы на свободу, ничто не мешало обратиться, как это и произошло, на разрушение королевств и республик христианского мира. Другим препятствием была кровь невинных, тех, кто вместе с женами и детьми был убит у своих очагов и в своих постелях гнуснейшим сбродом, который, подобно собачьей своре, вооружала и направляла государственная власть. Эта невинная кровь взывала о справедливом возмездии, и страна, виновная в столь ужасном преступлении, должна была искупить его гибелью многих от руки друг друга. Но, как бы то ни было, это ничуть не умаляло ее правоты в том, что она исполняла свой долг мудрого и благожелательного союзника.

Есть и еще одна причина восхищаться этим миром, об установлении и сохранении которого столь много заботилась Елизавета, а именно то, что он был следствием не какого-либо особого миролюбия эпохи, а ее собственной осторожности и умелого правления. Ибо в королевстве, страдавшем от религиозных междоусобиц и игравшем роль заслона и оплота в борьбе против непомерных амбиций Испании, в поводах для войны недостатка не было. Елизавета своими войсками и своими советами умела предотвратить ее; это доказало событие, явившееся самым достопамятным примером удачи из всех событий нашего времени. Когда испанский флот, собранный с таким трудом и напряжением, с таким ужасом ожидаемый всей Европой, воодушевленный столь прочной верой в свою победу, начал бороздить воды наших проливов, он не захватил ни единой шлюпки на море, не обстрелял ни одного дома на суше, ни разу даже не подошел к берегу, но был сначала разбит в сражении, а затем рассеян и обессилен в ходе жалкого бегства, потеряв множество кораблей, тогда как на земле и во владениях Англии в это время сохранялись неизменные мир и спокойствие.

В спасении от предательских покушений заговорщиков она

была не менее удачлива, чем при отражении вражеских нападений. Немало заговоров с целью лишить ее жизни было счастливейшим образом раскрыто и уничтожено; жизнь ее, однако, не стала от этого более тревожной и напряженной, численность ее охраны не возросла, она не замкнулась в стенах дворца и не сократила частоту выездов, но по-прежнему спокойная и уверенная в себе и помнящая больше об избавлении, чем об опасности, держалась привычного образа жизни и не вносила в него никаких изменений.

Следует отметить также характер той эпохи, в которую процветала эта королева. Ибо бывают времена столь варварские и невежественные, что людьми тогда править так же легко, как пасти стадо овец. Но жребий этой королевы пал на время в высшей степени просвещенное и культурное, когда невозможно превзойти других и прославиться, не обладая величайшими способностями и исключительным сочетанием добродетелей.

Кроме того, достоинства женского царствования обычно затмеваются браком; заслуги и достижения королевы приписываются ее мужу. Та же из них, кто остается незамужем, целиком и полностью сохраняет свою славу за собой. В ее случае это было тем более так, что у нее не было помощников, на которых можно было бы опереться в деле управления, кроме тех, которыми она сама себя обеспечила: ни брата, ни дяди, ни кого-либо еще из королевского рода, чтобы разделить ее заботы и поддержать ее власть. И даже тех, кого она сама возводила до высокого положения, она столь крепко держала в руках и связывала друг с другом, что, вселяя в каждого величайшее усердие к тому, чтобы угодить ей, сама себе она всегда оставалась полновластной хозяйкой.

Она правда, была бездетной и умерла, не оставив потомства, — судьба, которую она разделила со счастливейшими людьми, такими, как Александр Великий, Юлий Цезарь, Траян и другие. Вопрос этот всегда был предметом спора; обе стороны выдвигали свои доводы: одни считали, что бездетность умаляет счастье, ибо быть счастливым и в качестве индивида, и в продолжении своего рода есть благо, превышающее то, на что может рассчитывать человек; другие считали ее венцом и довершением счастливой участи, ибо лишь то счастье можно считать совершенным, над которым судьба не имеет дальнейшей власти, чего не может быть там, где есть потомство.

Не была она обижена и наружностью: высокий рост, изящная фигура, выражение лица в высшей степени величественное и в то же время мягкое, необычайно удачное и здоровое телосложение; ко всему этому следует добавить, что, до конца сохранив здоровье и энергию и не испытав ни превратностей судьбы, ни невзгод старости, она в легкой и покойной смерти обрела наконец ту *э в т а н а з и ю*, о которой столь усердно молил Август Цезарь и которой, как рассказывают, удостоился этот замечательный император, Антонин Пий, чья смерть напоминала сладкий и

безмятежный сон. Подобным же образом и в последней болезни Елизаветы не было ничего жалкого, ничего ужасающего, ничего отталкивающего для человеческой природы. Ее не мучили ни жажда жизни, ни усталость от болезни, ни приступы боли; ни один из симптомов не был пугающим или отвратительным, в них проявлялась скорее хрупкость природы, чем ее испорченность и унижение. За несколько дней до смерти, по причине чрезмерного усыхания ее тела, истощенного заботами правления и никогда не подкрепляемого вином или более обильной диетой, ее разбил паралич; при этом она все же сохраняла способность говорить (что не слишком обычно при этой болезни), мыслить и двигаться, только более замедленно и вяло. Такое состояние ее тела длилось всего несколько дней, менее напоминая последний акт жизни, нежели первый шаг к смерти. Ибо долго оставаться в живых при нарушенных способностях — это несчастье; но утратить ясность сознания и в этом состоянии быстро умереть — это спокойный и благополучный отрезок и завершение жизни.

В довершение всего, будучи в высшей степени счастливой во всем, что касалось ее самой, она была столь же удачлива и в отношении достоинств своих министров. Ибо ее окружали люди, каких, вероятно, и по сей день не рождает этот остров. Ведь Бог, когда благоволит королям, возвышает и совершенствует также души их слуг.

В ее посмертной судьбе было два счастливых обстоятельства, которые высотой и величием, вероятно, превышали все то, что сопутствовало ей при жизни: ее преемник на троне и оставленная ею память. Ибо преемником ее стал человек², который, хотя и превзошел и затмил ее в том, что касается мужской доблести, потомства и новых территориальных приобретений, вызывает тем не менее благоговейное уважение к ее имени и чести и сообщил в некотором роде непреходящий характер ее деяниям тем, что не стал вносить сколько-нибудь существенных изменений ни в подбор лиц, ни в порядок ведения дел — до такой степени, что сын отцу редко наследовал столь спокойно и с изменениями и перестановками столь незначительными. Что же касается памяти, она столь прочна и свежа и на устах, и в умах людей, что теперь, когда смерть погасила зависть к ней и усилила свет ее славы, успех ее памяти в некотором роде соперничает с успехом ее жизни. Ибо если какой враждебный слух (плод партийных и религиозных раздоров) еще и странствует по свету (да и то робкий и притихший, отвергаемый общественным мнением), то нет в нем правды и не суждена ему долговечность. Главным образом по этой причине я и свел воедино эти наблюдения относительно ее счастливой судьбы и полученных ею знаков божественного попечения, чтобы злонамеренные люди страшились хулить то, что получило столь явное Божье благословение.

И если кто-нибудь скажет в ответ, как было сказано Цезарю: «Здесь и правда немало такого, что достойно удивления и восхищения, но что здесь достойно похвалы?», то я, конечно же, отвечу, что считаю подлинными удивление и восхищение своего рода высшей похвалой. Кроме того, столь счастливая судьба, как я описал, может выпасть на долю лишь таких людей, кто, при всей исключительности получаемых ими свыше поддержки и попечения, являются в силу своих добродетелей в какой-то мере творцами собственного счастья. И все же я считаю полезным добавить несколько замечаний о ее нравственных качествах, ограничивая себя, однако, тем, что особенно вдохновляет клеветников и дает пищу их злословию.

В религии Елизавета была благочестива, умеренна, постоянна и враждебна новшествам. Что касается благочестия, то, хотя самые убедительные его доказательства заключены в ее деяниях, оно проявлялось и в ее повседневных образе жизни и беседах. Молитвы и богослужение, будь то в ее часовне или личных апартаментах, она пропускала редко. Была усердным читателем Священного Писания и творений святых отцов, особенно св. Августина. Ряд молитв на особые случаи сложен ею самой. Если даже в обычной беседе ей доводилось помянуть Бога, она почти всегда именовала Его Создателем и придавала своему взгляду и лицу выражение смиренно-благоговейное — я сам часто наблюдал это. Что же касается того, что, как некоторые утверждают, она будто бы не выносила мысли о конечности человеческой жизни и не терпела каких-либо упоминаний о старости и смерти, то это совершенная ложь. Очень часто, за много лет до смерти, она шутливо называла себя старухой и вела беседы о том, какую эпитафию ей хотелось бы иметь на своей могиле; она говорила, что ее не влекут к себе ни слава, ни пышные титулы и что она предпочла бы надпись в одну-две строки, где в немногих словах сообщались бы сведения о ее имени, девстве, годах ее царствования, реформации религии и деятельности по сохранению мира. Это правда, что, когда ее в самом расцвете лет, еще способную к деторождению, просили назвать наследника, она ответила, что не позволит, пока жива, разворачивать перед своими глазами саван; и между тем, незадолго до кончины, когда она была в задумчивом настроении и, вероятно, размышляла о собственной смертности, то, будучи прервана в своих размышлениях одним из домочадцев, который посетовал, что многие высокие посты в государстве слишком долго остаются незанятыми, она встала и с некоторым неудовольствием сказала, что ее пост не останется пустым и на мгновение.

Что касается ее умеренности в делах религии, то здесь возможны некоторые затруднения ввиду суровости законов, изданных против подданных-папистов. По этому поводу, однако, я хотел бы сообщить некоторые факты, которые сам внимательно наблюдал и в истинности которых уверен.

Ее цель без сомнения заключалась в том, чтобы, с одной стороны, не насиловать совесть подданных, но, с другой — не допускать, чтобы государство подвергалось опасности под предлогом свободы вести и религии. Основываясь на этом, она с самого начала решила, что в народе смелом и воинственном, всегда готовом перейти от борьбы умов к вооруженной борьбе, для государственной власти допустить свободное существование в стране двух религий значило обречь ее на верную гибель. В начале, когда она еще не вполне освоилась на троне и все вызывало ее подозрения, она повелела арестовать и держала под стражей — впрочем, имея на то законные санкции, — нескольких епископов из числа самых беспокойных и непримиримых. По отношению же к остальным, будь то клир или миряне, никаких особых розысков не проводилось, и они пользовались ее милостивым попустительством. Таково было положение дел в первое время. И даже позже, разгневанная отлучением, которому подверг ее папа Пий V (акт, достаточный не только, чтобы возбудить негодование, но и как основание для новой политики), она почти ни в чем не изменила милосердию, оставаясь верной пути, который отвечал ее собственному характеру. Ибо обладая как мудростью, так и силой духа, она мало смущалась звуком подобных угроз, зная, что может рассчитывать на верность и любовь своего народа и на то, что папистская партия внутри страны не может причинить большого вреда, пока ее не поддерживает враг из-за рубежа. Однако примерно на двадцать третьем году ее правления положение изменилось. Речь идет не об искусственной границе, придуманной в целях лучшего изложения событий, а о вехе, отмеченной и запечатленной в официальных документах.

Дело в том, что мучительные наказания, налагаемые прежними законами на подданных-папистов, до этого года не применялись. Но именно к этому времени стал проявляться вынашиваемый Испанией честолюбивый и обширный план покорения нашего королевства. Основной частью этого плана было создание внутри королевства революционной партии из недовольных, которая должна была присоединиться к вторгшемуся врагу; надежды на его осуществление основывались на наших религиозных раздорах. На достижение этой цели и были обращены все силы; это было время, когда начали процветать семинарии и в Англию засылались священники, которые должны были возбуждать и распространять ревность к римско-католической религии, проповедовать, что папское отлучение государя освобождает подданных от повиновения, возбуждать и подготавливать умы, вселяя в них ожидание перемен. Примерно в то же время была совершена попытка открытого вооруженного нападения на Ирландию; имя и правление Елизаветы подвергались многообразной и злобной клевете, а в мире наблюдалось странное брожение и возбуждение, предвестие каких-то более значительных потрясений. И хотя я не утверждаю,

что все священники были знакомы с этим планом или знали о том, что происходит, ибо они могли быть всего лишь орудиями злобы других людей, но все же остается истиной и подтверждено показаниями многих свидетелей, что с упомянутого мною года до тридцатого года правления Елизаветы (когда план Испании и папы был приведен в исполнение с помощью памятной армады сухопутных и морских сил) почти всем священникам, присланным в страну, было наряду с прочими обязанностями, принадлежащими их сану, поручено внушать, что существующее положение не может длиться долго, что следует ожидать в скором времени нового поворота событий и что об английском государстве заботятся и папа, и католические государи, а от англичан требуется лишь оставаться верными самим себе. Кроме того, некоторые из священников открыто занимались деятельностью, прямо направленной на расшатывание и подрыв государства. Наконец, были перехвачены отправленные из разных мест письма, с помощью которых обнаружен план их действий. В этих письмах говорилось о том, как можно обмануть бдительность королевы и ее совета: она думает лишь о том, как помешать католической партии обрести главу в лице какой-нибудь знатной особы, тогда как по нынешнему плану все должно быть организовано и подготовлено действиями частных лиц и людей незначительных; причем между ними не должно быть связей или знакомства; все должно делаться под прикрытием исповеди. Таковы были коварные приемы, которые этим людям (как мы видели позднее в деле достаточно похожем) хорошо знакомы и привычны. Подобное сгущение опасностей вынудило Елизавету наложить ряд суровых ограничений на ту часть ее подданных, которая была восстановлена против нее и безнадежно отравлена указанными средствами и которая в то же время богаче, будучи свободной от государственных обязанностей и тягот. И вот, по мере того, как зло возрастало, причем выяснялось, что источником его являются семинарские священники, которые воспитывались в чужих краях за счет щедрости иностранных монархов, открытых врагов королевства, чья жизнь прошла в местах, где само имя Елизаветы произносилось не иначе как имя отлученного от церкви и проклятого еретика, кто (и не будучи сам запятнан изменой) был известен своей близостью к людям, непосредственно виновным в такого рода преступлениях, и сам коварством и пагубным влиянием растлевал всю массу дотоле добродушных и безвредных католиков и вливал в нее свежую закваску злобы, против этого зла не оставалось иного средства, как вовсе запретить людям этого разряда под страхом смерти вступать в пределы королевства, что и было наконец, на двадцать седьмом году ее правления, сделано. И даже наступившее вскоре после этого событие, когда страшная гроза со всей своей яростью обрушилась на королевство, нимало не смягчило зависть и ненависть этих людей, но скорее усилило ее, как будто они напрочь

отбросили всякое чувство признательности к своей стране, которую они были готовы отдать в рабство врагу. И хотя и справедливо, что страх перед опасностью со стороны Испании, который и был тем, что побуждало к такой суровости, впоследствии исчез или притупился, но поскольку память о прошедшем осталась глубоко запечатленной в умах и сердцах людей, а раз принятые законы нельзя было отменить, не создав впечатления непостоянства, или пренебрегать ими, не оставив впечатления слабости и беспорядка, силою самих обстоятельств Елизавета не могла вернуться к тому положению вещей, которое имело место до двадцать седьмого года ее правления. К этому следует добавить усердие некоторых из ее чиновников в деле пополнения государственной казны и старания вершителей правосудия, видевших единственное опасение страны в соблюдении законов; все они настойчиво требовали казней. И все же ее собственные естественные склонности ясно проявились в том, что она настолько притупила лезвие закона, что лишь небольшая часть священников была подвергнута смертной казни. Все это говорится не для того, чтобы защитить ее действия, ибо они не нуждаются в защите; к ним вынуждала забота о безопасности страны, и все эти преследования — как по характеру, так и по размерам — уступали кровавым примерам, которые показало священство, примерам, едва ли вообразимым в христианской среде и, более того, вызванным в ряде случаев скорее высокомерием и злобой, нежели необходимостью. Но мне, как я полагаю, удалось обосновать свое суждение и показать, что ей действительно была свойственна умеренность в делах религии и что возможные отклонения в этом отношении были порождены не ее характером, а характером эпохи.

Что касается ее постоянства в религии и благочестии, то здесь лучшим доказательством служит ее политика по отношению к папизму, который в правление ее сестры приобрел характер государственного установления, пестовался с величайшей заботой и трудами, пустил глубокие корни в стране и был упрочен поддержкой и рвением всех, кто располагал силой и влиянием; и все же, поскольку он не был в согласии ни со словом Божиим, ни с перво-христианской чистотой, ни с ее собственной совестью, она тотчас же с величайшим мужеством и с ничтожной опорой приступила к его уничтожению и искоренению. Притом делалось это не опрометчиво, не под действием непреодолимого импульса, но осмотрительно и в должное время, как можно заключить из многих обстоятельств и среди прочего из ответа, данного ею по следующему случаю. Через несколько дней после ее восшествия на престол, когда освобождались узники тюрем (поскольку по обычаю начало нового царствования принято ознаменовывать и чествовать дарованием свободы узникам), некий придворный, в соответствии с характером и привычками присвоивший себе права шута, подошел к ней, когда она направлялась в часовню, и, по собственному

ли побуждению или по наущению людей умнее его, подал ей прошение, прибавив во всеуслышание, что осталось еще четверо или пятеро узников, заслуживающих освобождения, о котором он и молит ее, а именно четыре евангелиста и апостол Петр, давно заключенные, так сказать, в темницу непонятного языка, в силу чего они не могут беседовать с народом. На что она мудро ответила, что не мешало бы сначала спросить у них еще и о том, хотят ли они получить свободу, парировав таким образом неожиданный вопрос неопределенным ответом, чтобы целиком и полностью оставить решение за собой. В то же время, осуществляя эти перемены, она не проявляла ни робости, ни порывистости, но, действуя в должном порядке, степенно и зрело, после переговоров между партиями и обсуждения вопроса в парламенте, она наконец в течение всего одного года так упорядочила и благоустроила все, что касается церкви, что до последнего дня своей жизни она не позволила ни в едином пункте отступить от этих установлений. Более того, на каждом заседании парламента она публично предостерегала против новшеств в церковном уставе и обрядах. На этом можно покончить с обсуждением вопросов религии.

Что до менее важных черт ее характера — того, например, что она позволяла лести и ухаживания, и даже проявления влюбленности по отношению к себе, и что ей это нравилось, и что это продолжалось за пределы того возраста, которому естественны такие суетные склонности, то если кто-либо из людей более серьезного склада стал бы придавать этому слишком большое значение, то ему можно было бы заметить, что нечто достойное восхищения есть и в этих вещах, как бы ни смотреть на них. Ведь если смотреть не слишком строго, они очень напоминают истории, которые мы находили в романах про королеву благословенных островов, с ее двором и обществом, позволяющую влюбленное поклонение, но запрещающую вожделение. Если же принимать их всерьез, то они вызывают восхищение другого рода и весьма высокого свойства, ибо, очевидно, что эти вольности мало вредили ее славе и вовсе не вредили ее величию, не ослабляли ее власти и не мешали сколько-нибудь ощутимо ее делу — в то время как нередки случаи, когда подобным вещам позволяют влиять на благополучие общества. И в заключение следует сказать, что она была, несомненно, доброй и нравственной королевой и таковой желала казаться. Пороки она ненавидела и стремилась сиять неподдельным блеском. Говоря о ее нравственности, я хочу вспомнить один относящийся к теме случай. Распорядившись написать письмо своему послу относительно послания, которое должно было быть вручено лично королеве-матери Валуа³, и обнаружив, что ее секретарь вставил пункт, в котором послу повелевалось сказать королеве-матери в порядке комплимента, что от таких двух королев, как они, ждут, хотя они и женщины, в устроении дел, в добродетели и искусстве правления не меньше, чем от величайших мужчин, она не потерпела этого

сравнения и приказала вычеркнуть его, сказав, что методы и принципы, используемые ею в деле управления, совсем иного рода, нежели у королевы-матери. Не была она избалована ни властью, ни долгим правлением, но из желавших похвалить ее наибольшее удовольствие доставлял ей тот, кто умел так повернуть беседу, чтобы ловко намекнуть, что даже если бы она провела жизнь в положении человека низкого звания, она бы не смогла прожить ее, не выделившись чем-нибудь среди людей; так мало она склонна была заимствовать что-либо у своей судьбы в пользу своих достоинств. Если бы я вздумал распространяться о ее достоинствах, нравственных или политических, то мне пришлось бы либо заняться банальным перечислением и описанием добродетелей, что было бы недостойно столь редкой государыни, либо, чтобы придать им блеск и красоту, отвечающие особенностям ее личности, мне пришлось бы углубиться в историю ее жизни — задача, требующая и больше досуга, и более богатых источников информации. Итак, я высказался в немногих словах, в меру своих способностей. Но истина в том, что подлинную хвалу этой женщине воздало время, которое, хотя его и немало утекло с тех пор, не создало в этой половине рода человеческого никого, подобного ей в управлении государственными делами.

НАЧАЛО ИСТОРИИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Со смертью Елизаветы, королевы Англии, иссякло потомство короля Генриха VIII, истощившись в одном поколении и трех царствованиях. Ибо этот король, хотя и был одним из красивейших людей своего времени, оставил от своих шести жен лишь троих детей, которые, сменяя друг друга на престоле и умирая бездетными, уступили место линии Маргариты, его старшей сестры, бывшей замужем за Яковом IV, королем Шотландии. Английский престол поэтому унаследовал Яков VI, в то время король Шотландии, потомок той же Маргариты и по отцу, и по матери; это обстоятельство было столь редким для королевских родословных, что казалось, будто Божественный Промысел, дабы устранить какую-либо печать чужого, влил в него на протяжении одного поколения двойную порцию английской королевской крови от обоих родителей. Это царствование привлекло к себе взоры всех людей, будучи одним из наиболее памятных событий за долгий период истории христианского мира. Ибо, в то время как королевство Франция век тому назад воссоединило все свои прежде разрозненные провинции, а в еще более недавнее время, при Филиппе II, обрело единство и целостность, присоединив Португалию, королевство Испания, недоставало лишь этого третьего и последнего объединения для того, чтобы уравновесить силы этих трех великих монархий и тем привести европейские дела в состояние более надежного и всеобъемлющего мира и согласия. Это событие приковало к себе всеобщее внимание, тем более что остров Великобритания, отделенный от остального мира, никогда прежде не бывал объединен под властью одного короля, хотя население его и говорило на одном языке, не было разделено горами или обширными водными пространствами и хотя в прежние времена объединить его усердно пытались и военной силой, и путем соглашения. Потому это и казалось результатом явного вмешательства Провидения, жребием, выпавшим на долю этой эпохи, причем просто-народе видело в этом исполнение суеверных пророчеств (предмет веры дураков, о котором подчас толкуют и мудрецы) и тех издревле безмолвно лелеяемых ожиданий, которые традиция вселяет в людские умы и укореняет в них. Но поскольку лучший род гадания и пророчества — это трезвый расчет и разумные предположения мудрых людей, то и в этом деле на устах у всех было провидение короля Генриха VII, который, будучи одним из прозорливейших и осмотрительнейших государей мира, сказал, поразмыслив о замужестве своей старшей дочери, отданной в Шотландию, нечто такое, в чем обнаружилось его проницательность и почти предвидение этого события.

Не было при этом недостатка и в разнообразных редких обстоятельствах (помимо достоинств и высокого положения самого героя истории), которые, соединившись, создали превосходную репутацию этому царствованию. Король, находящийся в расцвете сил, опирающийся за рубежом на обширную систему союзов, утвердивший дома свои права на престол, в мире со всем миром, опытный в управлении королевством, которое могло скорее развить способности короля разнообразием происшествий, нежели развратить его богатством или суетной славой; и притом король, обладавший помимо общего ума и рассудительности, немалым опытом в делах религии и церкви, которые в ту эпоху, из-за неразборчивого употребления двух мечей¹, оказались столь тесно переплетены с делами государства, что от них зависело большинство решений, принимаемых монархами и республиками. Но ничто так не наполняло другие народы восхищением и ожиданием его восшествия на престол, как удивительное и (для них) неожиданное согласие всех сословий и подданных Англии принять этого короля — без малейших колебаний, задержек или сомнений. Ибо беглецы за море (которые, отчасти угождая честолюбию иностранцев, отчасти желая придать больше ценности и вес своим услугам, представляли положение в Англии в ложном свете) обычно распространяли слухи, что после смерти королевы Елизаветы в Англии должен наступить период беспорядков, междоусобицы и государственных потрясений, который оставит далеко позади бедствия давних гражданских войн между домами Ланкастеров и Йорков, поскольку междоусобицы принимают много более смертоубийственный и кровавый характер, когда к внутреннему соперничеству добавляется и международное, а к борьбе за престол — религиозные разногласия. В особенности иезуит Парсонс², незадолго до того издавший специальный трактат, в котором — то ли злоба заставила его поверить в собственные фантазии, то ли он видел в этом лучшее средство раздувания мятежа, подобно злым духам, предсказывающим ими же насылаемую бурю, — постарался продемонстрировать и расцветить все пустые притязания и мечты о короне, которые только смог вообразить, и суесловием своим сбил с толку многих людей за границей, не осведомленных о здешних делах. Не было в королевстве также недостатка в людях мудрых и благонамеренных, которые хотя и не подвергали несомненное право сомнению, но, чуткие к волнам, колеблющим души народов (внезапные порывы ветра определяют их направление в неменьшей мере, чем естественное течение вод), не без страха ожидали грядущих событий. Ибо королева Елизавета, будучи крайне осторожным государем, но таким, однако, который поклонение ставит выше безопасности, и зная, что с точки зрения безопасности польза от объявления наследника сомнительна, а с точки зрения поклонения и уважения подданных оно без сомнения ей во вред, с самого начала положила в качестве государственного установления обязать всех к полному

молчанию в том, что касается престолонаследия. Вопрос этот не только составлял государственную тайну, но тайну, ограждаемую суровыми законами, дабы никто не осмеливался высказывать о нем свое мнение или спорить; так что, хотя свидетельство права заставляло всех жителей страны думать одно и то же, страх перед законом не позволял никому из них знать, что думает другой. Все поэтому возрадовались, проснувшись в столь прекрасное утро и ощутив себя в полной безопасности от того, что их прежде страшило, — как человек, очнувшийся от страшного сна. Итак, повсюду в английском королевстве не только удовлетворение, но радость и восхищение по поводу начала нового царствования были бесконечны и невыразимы, причем если удовлетворение (несомненно) можно справедливо объяснить очевидностью прав, то общие радость, воодушевление и взаимные поздравления имели различные причины. Ибо, хотя королева Елизавета имела в своем распоряжении немало как подлинных, так и показных добродетелей, которые могли привлечь и привязать к ней народное сердце, она тем не менее, будучи умеренной в благодеяниях и неумеренной в использовании своих привилегий, не могла вполне удовлетворить просьбы своих слуг или подданных, особенно в последние дни, когда сама продолжительность ее правления (растянувшаяся на сорок пять лет) могла способствовать проявлению в людях естественного для них стремления к переменам; так что новый двор и новое правление не были для многих нежеланными. Многие, особенно люди с прочным положением и достоянием, радовались тому, что миновало время страхов и неопределенности и что жребий уже брошен; другие же, кто связал свою судьбу с королем или предлагал свою службу во времена прежней королевы, считали, что пришло время, к которому они готовились; наконец, все те, кто так или иначе зависел от покойного графа Эссекса³ (скрывавшего свои тайные цели за популярным лозунгом отстаивания прав короля), решили, что их дела поправились. Тех же, кто мог подозревать, что дал королю какой-либо повод для неудовольствия, старались своим рвением и откровенностью показать, что ими двигала лишь верность прежнему правительству и что эти чувства прошли с концом прежней эпохи. Паписты питали свои надежды, сравнивая положение папистов в Англии при королеве Елизавете с их положением в Шотландии при короле, делая вывод, что в Шотландии их судьба не столь бедственна, и связывая с правлением короля соответствующие ожидания; это если не считать утешения, которое они черпали в воспоминаниях о королеве, его матери. Пресвитерианские пасторы и их сторонники считали, что их дело лучше согласуется с шотландским благочинием, чем с иерархическим устройством английской церкви, и потому полагали, что хотя на двой, но приблизились к исполнению своих желаний⁴. Таким образом, каких-то выгод ожидали для себя люди всех состояний; эти ожидания были, возможно, преувеличенными,

как то и свойственно природе надежды, но все же не лишены оснований. И в это самое время в печати появилась книга короля под названием Βασιλικὸν Δῶρον⁵, заключающая в себе наставления принцу, его сыну, о королевских обязанностях; попав в руки каждому, эта книга наполнила все королевство как бы ароматом хороших духов или благовоний, таким, который предшествует появлению короля. Отлично написанная, лишенная какой-либо вычурности, она не только приносила удовлетворение большее, чем от детального изложения королевских намерений, но далеко превосходила любой, какой только можно измыслить, искусно составленный указ или декларацию, из числа тех, к которым прибегают государи в начале своего правления, чтобы придать обаяние своему образу или, по меньшей мере, своей манере выражаться в народном восприятии. Таково было в общих чертах состояние умов после происшедшей перемены. Сами дела развивались таким образом⁶ . . .

ХАРАКТЕР ЮЛИЯ ЦЕЗАРЯ

С ранних лет суждено было Юлию Цезарю вести жизнь, полную трудов, — жизнь, которая обратилась ему на пользу, избавив от гордыни и укрепив телесные силы. Бурный в желаниях и привязанностях, он оставался весьма спокойным в суждениях и мысли; это явствует из той легкости, которая отличала как дела его, так и речи. Не было человека, быстрее принимавшего решения или яснее говорившего; никакое смущение, никакая неясность не были ему свойственны. Что же до воли и природных влечений, то он был из тех, кто никогда не успокаивается на достигнутом, он устремляется все дальше и дальше. Притом он не бросался от одного дела к другому, влекомый скукой, но осуществлял переходы в нужное время, ибо всегда доводил свои действия до полного завершения. Поэтому он, одержав столько побед и столь надежно обезопасив себя, не пренебрег последними вспышками гражданской войны в Испании, но лично отправился туда, дабы положить им конец; как только эта последняя гражданская война была завершена и повсюду воцарился мир, он немедленно затеял экспедицию против парфян. Величием ума он несомненно обладал в очень большой степени, однако стремился скорее к личному возвышению, чем к приобретению заслуг перед народом. Ибо все он подчинял своим интересам и сам был истинным и совершенным центром всех своих действий, что и было причиной его исключительного, почти неизменного успеха. Ни народу, ни религии, ни оказанным услугам, ни родству, ни дружбе не позволял он стать препятствием или уздой для достижения своих целей. Не слишком занимала его и вечность — как человека, который не был творцом нового порядка вещей, не основал и не воздвиг ничего примечательного в виде зданий или учреждений, но все подчинял своим интересам. Так же и мысли его замыкались пределами собственной эпохи. Лишь имя свое желал он прославить, поскольку считал это для себя бесполезным. И, конечно же, в глубине души его более заботила власть, нежели репутация. Ибо он искал репутации и славы не самих по себе, но в качестве инструментов власти. Это значит, что к высшей власти он стремился движимый естественным влечением, а не какими-либо моральными побуждениями; и обладание ею, а не то, чтобы его считали достойным ее, было предметом его стремлений. Именно это снискало ему расположение людей, не имевших чувства собственного достоинства; у людей же благородного происхождения, оберегавших и свое личное достоинство, это обеспечило ему репутацию человека алчного и дерзкого. В этом они, без сомнения, были недалеки от истины, ибо от природы он

был чрезвычайно смел и никогда не выказывал робости, кроме случаев, когда с какою-либо целью притворялся робким. При всем том смелость его была такого рода, что не вызвала обвинений в опрометчивости, не делала его несносным в глазах окружающих, не ставила под сомнение его характер; считалось, что она проистекает от простоты манер, уверенности в себе и благородства его происхождения. То же сохраняло силу и во всем остальном, а именно то, что его ни в коей мере не считали хитрым или лукавым, но честным и откровенным. И хотя в действительности он был искуснейшим мастером притворства и лицемерия и до такой степени был произведением собственного искусства, что на долю его природы не осталось ничего, кроме того, что искусство одобрило, — тем не менее в нем нельзя было усмотреть ничего искусственного, никакого притворства; считалось, что его характер и склонности имеют полную свободу проявления и что он лишь следует им. Что же до тех мелких и низких хитростей и предосторожностей, к которым прибегают для сохранения своего влияния людей неискусные в делах и полагающиеся не на собственные силы, а на поддержку извне, то их он не употреблял вообще, ибо был человеком весьма опытным во всех делах человеческих и сам управлялся со всяким сколько-нибудь для него важным делом, не поручая его другим. Он отлично знал, как умиротворять зависть окружающих и считал это целью, добиваться которой стоило даже ценой потери достоинства; домогаясь реальной власти, он в течение всей своей жизни пренебрегал всеми ее регалиями, мишурой и церемониалом, пока, наконец, насытившись ли властью или развращенный лестью, не устремился и к внешним эмблемам власти, императорскому титулу и короне, что и привело его к гибели. Верховная власть была целью, которую он наметил себе в юности; пример Суллы, близость с Марием, соревнование с Помпеем, упадок нравов и смуты тех времен легко внушали ему эту цель. Но путь к верховной власти он пролагал себе в странной последовательности: сначала посредством силы народа и мятежа, потом посредством военной силы и императорской власти. Ибо сначала необходимо было сломить силу и авторитет сената, при сохранении которых ни один человек не мог пробиться к чрезмерной и чрезвычайной власти. После этого он должен был свергнуть власть Красса и Помпея, что можно было осуществить лишь силой оружия. Так (как искуснейший кузнец своего счастья) выковал он первые звенья цепи с помощью щедрости, подкупа судей, возрождения памяти о Гае Марии и его партии (большинство сенаторов и знати были сторонниками Суллы), аграрных законов, поддержки мятежных трибунов, тайного поощрения безумств Катилины и его заговорщиков, ссылки Цицерона, на чье дело были отвлечены силы сената, и множества подобных хитростей; но больше всего посредством объединения Красса и Помпея, сначала друг с другом, потом с собой — что и было венцом всего дела. Завершив одну часть

своего плана, он немедленно обращался к следующей; обеспечил проконсульство в Галлии на пять лет, затем еще на пять лет и тем получил в свои руки вооружение, легионы и воинственную, богатую провинцию, откуда он мог угрожать Италии. Ибо он хорошо понимал, что как только укрепит свою воинскую мощь, ни Красс, ни Помпей не смогут соперничать с ним — один положился на свое богатство, другой на свою славу и репутацию; одного состарили годы, другого власть; ни тот, ни другой не имели сильной, надежной охраны, на которую могли бы опереться. Что бы с ним ни случилось, все способствовало осуществлению его планов, тем более что он столь сильно обязал и привязал к себе благодеяниями многих сенаторов и судей, а по существу всех лиц, облеченных какой-либо властью, что не было опасности формирования какой-либо оппозиции его планам, прежде чем он открыто вторгнется в республику. И хотя это всегда было его целью и наконец было исполнено, он и тут не сбросил маски, но держал себя так, что разумностью своих требований, притворным желанием мира, умеренным использованием своих успехов обратил зависть против другой партии и создал видимость, что был втянут в вынужденную войну ради собственной безопасности. Неискренность его поведения получила ясное доказательство, когда кончились гражданские войны, когда он достиг верховной власти, а все соперники, могущие причинить ему какое-либо беспокойство, были устранены с его пути; он, однако, и не помыслил о восстановлении республики, нет, он даже не позаботился притвориться, что делает это. Это ясно показывает, что желание и цель достижения верховной власти всегда были в нем и наконец обнаружили себя. Ибо он не просто пользовался представлявшейся ему возможностью; он сам подготавливал эти возможности. Дарования его наиболее заметны были в военном деле и столь велики, что он мог не только возглавить армию, но и создать ее. Управлял умами людей он не менее искусно, чем руководил их действиями; и добивался этого не посредством обычной дисциплины, которая приучала повиноваться командам, пробуждала чувство стыда или насаждалась суровыми мерами, но обращением, которое возбуждало удивительные пыл и рвение и помогало ему выиграть битву чуть ли не до ее начала и внушало при этом солдатам любовь к нему большую, нежели было на благо свободной республики. Более того, опытный во всякого рода войнах, он сочетал гражданские навыки с военными, и поэтому никакая случайность не заставляла его врасплох: всегда он имел наготове какое-то средство; ничто случившееся не бывало столь неблагоприятным, чтобы он не извлек из него какую-либо выгоду. К собственной личности он питал должное уважение: во время сражения сидел в своей палатке и руководил всем через посольных. Из этого он извлекал двойную пользу: во-первых, реже подвергался опасности, а во-вторых, если фортуна начинала отворачиваться от него, его

появление помогало восстановить преимущество подобно свежему подкреплению. В своих военных планах и предприятиях он не руководствовался лишь прецедентами, но искусно изобретал новые схемы, пригодные для данного случая. В дружбе он был достаточно постоянен, чрезвычайно добр и терпим, однако подбирал себе таких друзей, что сразу было видно: их дружба должна служить делу, а не быть помехой. И поскольку в соответствии с характером и принципами он стремился не к тому, чтобы занять место среди великих, а к тому, чтобы повелевать среди сторонников, то друзей он выбирал из числа людей низкого общественного положения, но усердных и деятельных, для кого он был бы все и вся. Отсюда поговорка «Пусть умру я, лишь бы жил Цезарь» и ей подобные. Дружил он по необходимости и с аристократами, и с равными себе, но близости не допускал ни с кем, кроме тех, чьи упования целиком сосредоточивались на нем. Образование он получил неплохое, но знания его были такого рода, какие полезны в делах житейских. Он хорошо разбирался в истории и имел удивительные познания о весомости и достоинстве слов; поскольку же многое он приписывал своей удаче, то постарался стать сведущим в астрологии. Обладал он и красноречием, естественным и безупречным. К наслаждениям был от природы склонен и предавался им без ограничений, что в юности помогало ему скрывать свои намерения, ибо никто не ожидал какой-либо опасности от человека подобных склонностей. Но и в наслаждениях он настолько владел собой, что они не вредили его интересам и основному делу, и они скорее бодрили, чем истощали его душу. За столом он был умерен, в вождениях неразборчив, в общественных развлечениях весел и величествен. Таков был этот человек и конечная его гибель была вызвана тем же, что вначале приносило ему успех; я имею в виду стремление к популярности. Ибо ничто столь не популярно, как прощение своих врагов, и именно последнее, будь оно от добродетели или из хитрости, стоило ему жизни.

О МУДРОСТИ ДРЕВНИХ

Фрагменты

Тифон, или Мятежник

Поэты рассказывают нам, что Юнона, разгневанная на Юпитера за то, что он породил Палладу без ее помощи, стала умолять богов и богинь, чтобы и ей было позволено родить без помощи Юпитера, и когда те, утомленные ее настойчивыми домогательствами, дали согласие, она ударила в Землю, и та, содрогнувшись, раскололась надвое и извергла из своих недр огромное и безобразное чудовище Тифона. Его отдали на воспитание змею, который заменил ему отца. Как только Тифон вырос, он пошел войной на Юпитера и взял его в плен. На своих плечах он отнес его в отдаленный и глухой уголок Земли и, вырезав у него жилы на руках и ногах, унес их с собой, бросив беспомощного и растерзанного Юпитера на погибель. Но тут явился Меркурий, который похитил жилы у Тифона и вернул их Юпитеру. Тот, обретя силы, вновь напал на чудовище. Сначала он поразил его громом, и от крови его ран расплодились змеи; затем, когда Тифон дрогнул и обратился в бегство, метнул в него гору Этна, и та погребла его под своей громадой.

Эта притча придумана в качестве иносказания о переменчивой судьбе королей и о восстаниях, которые время от времени происходят в монархических государствах. Ибо, подобно Юпитеру и Юноне, короли и их королевства суть такие же муж и жена. Однако порой случается, что король, развращенный долговременной привычкой к власти, превращается в тирана и забирает все в свои руки. Не считаясь с советом знатных придворных и сената, он как бы порождает детище из самого себя, иначе говоря, вершит государственными делами по собственному произволу, исходя из своей безраздельной власти. В ответ обиженный народ пробует найти себе предводителя. Обычно это начинается с того, что кто-то втайне обращается к дворянам и вельможам с увещаниями, а после при их попустительстве пытается посеять в народе возмущение. Отсюда в государстве происходит некое брожение, что соответствует младенчеству Тифона. Такое состояние дел поддерживается и углубляется в силу природной развращенности и злонравия подлого народа, который для королей есть то же, что полный злобы и коварства змей. Недовольство распространяется вширь, набирает силу и наконец разражается открытым восстанием, которое по причине бесчисленных бедствий, им навлекаемых и на королей и на подданных, представляется в образе ужасного Тифона, существа о ста головах, олицетворяющих безначалие, из пасть которых пышет пламя — опустошительные пожары, со змеиными шеями —

губительные поветрия, столь частые, особенно при осадах, с железными руками — кровавые бойни, с орлиными когтями — грабежи, с телом, поросшим перьями, — бесконечные слухи, толки и тревоги, и тому подобное. Иногда такие восстания столь разрастаются, что король, которого как бы уносят на плечах восставшие, вынужден оставить столицу и главные города королевства, стянуть силы и удалиться в отдаленную и глухую провинцию, где он пребывает с вырезанными жилами богатства и величия. И все же если он мудро переносит свою судьбу, то вскоре умением и ловкостью Меркурия он вновь обретает эти жилы, иначе говоря, с помощью приветливости, мудрых эдиктов и милостивых речей он примиряет умы подданных, пробуждает в них готовность доставлять ему средства и таким образом восстанавливает свою власть в прежней силе. Тем не менее, наученный благоразумию и осторожности, он обычно не желает вверяться удаче и потому избегает генерального сражения, пытаясь сначала свершить некое достопамятное деяние, которым он обесславил бы мятежников. Если он в этом преуспевает, то мятежники, чувствуя, что их силы подорваны, а уверенность иссякает, сначала прибегают к беспорядочным и пустым угрозам, похожим на шипенье змея, а затем, видя, что их положение безнадежное, обращаются в бегство. Вот здесь, когда их войско станет распадаться на отдельные отряды, и наступит время всеми силами, всей громадой королевства, подобной горе Этна, настичь и раздавить их.

Прометей, или Состав человека

По преданию, Человека сотворил Прометей: сотворил из глины, но только примешал в нее частицы, взятые из разных животных. Желая осчастливить и уберечь свое творение и прослыть не только основателем человеческого рода, но также причиной его распространения и умножения, Прометей прокрался на небо с пучком тростника в руке, зажег его о колесницу Солнца и, спустившись с огнем на Землю, даровал его человечеству. Но, получив из его рук столь великое благо, люди (как говорят) вовсе не обнаружили благодарности. Напротив, они составили заговор и обличили его перед Юпитером. Однако поступок их встретил совсем не тот прием, какого он, казалось бы, по справедливости заслуживал, ибо Юпитеру и другим богам это обвинение доставило большое удовольствие. Они так возликовали, что не только позволили человечеству пользоваться огнем, но и сами поднесли ему дар, из всех даров прельстительнейший и желанный — вечную молодость. Вне себя от радости неразумные люди погрузили дар богов на спину ослы. По дороге домой осел, которого мучила сильная жажда, остановился у колодца, но змей, приставленный охранять его, не давал ему напиться, требуя в уплату груз, который он нес на спине. Бедный осел принял его условие, и так, за глоток воды,

способность вечного обновления перешла от людей к змеям. После того как человечество потеряло свою награду, Прометей помирился с ним, но затаил злобу на Юпитера и, будучи на него в сильном гневе, не счел зазорным провести его, да еще во время жертвоприношения. Заколов (как говорят) двух тельцов, он одну из шкур наполнил мясом и жиром, а другую — костями и, принеся их к алтарю, со смиренным и приветливым видом предложил Юпитеру сделать выбор. Юпитер, питая отвращение к его коварству и неблагочестию, но зная, как следует им противостоять, выбрал шкуру, набитую костями. Позже, раздумывая о способе мести, Юпитер убедился, что наказать дерзость Прометея можно, не иначе как обрушив кары на человеческий род (сотворением которого тот безмерно гордился), и приказал Вулкану создать прекрасную и обольстительную женщину. Когда она была сделана, каждый из богов наделил ее несколькими дарами, за что ее стали именовать Пандорой. Затем ей вложили в руки красивый сосуд, в котором были заключены все несчастья и бедствия человечества и лишь на дне оставалась Надежда. С ним она прежде всего отправилась к Прометею, дабы посмотреть, не захочет ли он взять и открыть его, но осторожный и хитроумный титан этого не сделал. Отвергнутая, она пошла к Эпиметию, брату Прометея, но полной ему противоположности, и тот, не колеблясь, откупорил сосуд. Увидев, как оттуда вихрем вырываются скопища бед, и слишком поздно придя в разум, он поспешил плотнее закрыть крышку, но успел удержать лишь последнего члена сонма, Надежду, лежавшую на дне. Позже Юпитер схватил самого Прометея и, предъявив ему многочисленные и тяжкие обвинения — давнишнее похищение огня, насмешки над величию Юпитера во время обманного жертвоприношения, унижительный отказ от его недавнего подарка и от другого, ранее не упоминавшегося, а также попытку совершить насилие над Минервой, — наложил на него цепи и обрек вечной пытке. По приказанию Юпитера его отвели в Кавказские горы и там столь крепко приковали к скале, что он не мог пошевелиться. Каждый день к нему прилетал орел, который терзал и пожирал его печень. Однако то, что было съедено днем, нарастало за ночь, и потому источник его муки никогда не иссякал. И все же, говорят, что однажды его наказание кончилось, ибо Геркулес, переплыв океан в чаше, доставшейся ему от Солнца, пришел на Кавказ, поразил стрелами орла и освободил Прометея. В честь Прометея некоторые народы учредили игры, именовавшиеся Прометейями, во время которых атлеты состязались в беге с зажженными факелами, и если у кого из них факел угасал, он покидал ристалище, оставляя победу тем, кто бежал следом, а награду получал бегун, первым пришедший к цели с горящим факелом.

В этой басне, как на поверхности, так и в глубине, содержится много верных и глубокомысленных наблюдений. Ибо есть в ней

вещи, которые уже давно замечены, а есть и такие, которых не касались вовсе.

Прометей определенно и явно олицетворяет Провидение: из всех же трудов Провидения древние особо выделяли и отличали сотворение и вочеловечение Человека. Одной из причин этого, без сомнения, было то, что природа Человека включает в себя ум и рассудок, который есть вместилище провидения, а поскольку нелепо и немислимо было бы выводить ум и рассудок из начал грубых и неразумных, то отсюда почти с необходимостью следует, что человеческий дух был наделен провидением не без умысла, воли и согласия великого Провидения. Но это еще не все. Главный смысл притчи, как кажется, состоит в том, что Человека, если взглядеться в конечные причины, можно рассматривать как центр мира, причем в такой степени, что, будь он изъят из мира, все, что оставалось бы там, наверняка пошло бы вразброд без цели и направления, было бы, как гласит пословица, под стать метле без перевязки, и ни во что бы не претворялось. Ибо весь мир дружно трудится на службе у человека и нет ничего такого, из чего бы он не извлекал пользы. Круговращения и ток планет помогают ему различать времена года и разграничивать стороны света. Состояния среднего неба позволяют ему предсказывать погоду. Ветры надувают паруса его кораблей и приводят в движение мельницы и машины. Всевозможные растения и животные созданы для того, чтобы доставлять ему жилище и кров, одежду, пищу и лекарства, облегчать его труд, приносить ему наслаждение и покой, короче, все на свете, как кажется, хлопочет о делах Человека, а не о своих собственных. Так же не без намерения в мифе упоминается о том, что в веществе, из которого сотворен Человек, были примешаны частицы, взятые от различных животных, ибо ничто так не верно, как то, что из всех созданий на свете человек есть самое сложное; ведь недаром древние называли его «малой вселенной». Ибо, хотя алхимики, утверждающие, будто в человеке можно найти любой минерал, любое растение и т. п. или нечто им подобное, толкуют слово *microcosm* в слишком грубом и буквальном смысле, тем самым портя его изящество и искажая значение, все же остается непреложной и неоспоримой истиной, что среди всего сущего тело Человека имеет самый сложный и вместе с тем целостный состав. Именно поэтому оно обладает столь изрядными возможностями и качествами, ибо возможности простых тел, даже если эти тела надежны и быстры, немногочисленны, поскольку они в меньшей степени преломляются, раздробляются и уравниваются смесью; и напротив, изобилие и величие возможностей имеет своим источником смесь и сложносоставность. Тем не менее мы видим, что на первых порах своего существования Человек гол и беззащитен, не знает, чем помочь себе, и терпит множество нужд. Поэтому Прометей со всей поспешностью принялся за изобретение

огня, который во всех человеческих невзгодах и трудах есть первый податель облегчения и помощи, и если душу можно назвать формой форм, а руку орудием орудий, то огонь по праву получит имя пособия пособий и средства средств. Ибо его посредством совершается большинство работ, его посредством на бесконечном множестве путей развиваются механические искусства и сами науки.

Далее, описание того, каким образом была совершена кража огня, вполне под стать и соответствует природе явления. Для получения огня к колеснице Солнца был приложен стебель тростника. Но тростником пользуются и для нанесения ударов, как тростью. То есть это с очевидностью указывает на то, что огонь добывают путем сильных ударов или трения одного тела о другое, отчего вещество, из которого они состоят, размягчается и приходит в движение и становится восприимчивым к жару небесных тел и таким образом, тайком, словно украдкой, как бы похищает огонь с колесницы Солнца.

Далее следует весьма примечательная часть притчи. Люди, говорят нам, вместо того, чтобы обрадоваться и вознести благодарения, пришли в неистовство и набросились на титана с упреками, а после явились перед лицом Юпитера с жалобой на Прометея и Огонь. Более того, этот поступок был ему столь любезен, что в награду он осыпал человечество новыми благодеяниями. Но разве может преступная неблагодарность к своему творцу — порок, который заключает в себе едва ли не все остальные, — заслуживать одобрения? И что за намек содержится в такой выдумке? Впрочем, это совсем не то, что там имеется в виду. Смысл сей аллегории в том, что людские жалобы и сетования на свою природу и мастерство являются следствием прекрасного состояния ума и кончаются добром, тогда как обратное этому ненавистно богам и не приносит удачи. Ибо тем, кто расточает хвалы человеческой природе, какова она есть; и различным искусствам, усвоенным человеком, кто изнуряет себя в любовании тем, что им уже принадлежит, и провозглашает пределом совершенства науки, которыми занимаются и которые развивают их современники, — таким недостает, во-первых, почтительности к божественной природе, с совершенством которой они едва ли не мнят сравниться, а во-вторых, понимания пользы человека, поскольку они полагают, будто уже достигли высот, завершили труды и потому более не имеют нужды в дальнейших поисках. С другой стороны, те, кто жалуется и сетует на природу и искусства, с чьих уст не сходят жалобы, не только (если хорошо разобраться) более скромны в своих чувствах, но постоянно побуждают себя к новым делам и новым открытиям. Тем сильнее все вышесказанное заставляет меня дивиться невежеству и злополучию человечества, которое, подавленное самонадеянной наглостью нескольких личностей, в таком

почете держит философию перипатетиков, коя была лишь частью, и притом небольшой частью, греческой философии, что любая попытка придрасться к ней не только бесполезна, но подозрительна и даже небезопасна. А я полагаю, что уж, конечно, и Эмпедокла и Демокрита, которые сетуют, первый достаточно запальчиво, а второй весьма трезво, что все на свете скрыто от нашего взора, что мы ничего не знаем, что мы ничего не различаем, что истина погружена в глубокие колодцы, что истинное и ложное странным образом соединены и переплелись между собой (ибо новая академия зашла в этом чересчур далеко), следует одобрить более, чем самонадеянную и догматичную школу Аристотеля. Поэтому да будет всем ведомо, что сетования на природу и мастерство весьма угодны богам и тот, кто избирает это, получит новые щедрые награды божественной благодати; и что жалоба на Прометея, пусть он наш творец и повелитель, — жалоба язвящая и злобная, — есть дело более разумное и полезное, нежели безудержное изъявление благодарности: да будет им ведомо, что главная причина нищеты в заносчивости, порождаемой изобилием.

Теперь перейдем к дару, который люди, как известно, получили в награду за свою жалобу, а именно неувядаемый цветок молодости. Из этого, нам кажется, явствует, что древние не теряли веры в существование способов и снадобий, отдаляющих старость и удлиняющих жизнь. Скорее, они причисляли их к давним принадлежностям человечества, которые то по лености и небрежению впоследствии утратило, а не к чему-то такому, чего оно было полностью лишено или никогда не получало во владение. То есть, по-видимому, они хотят сказать, что подобные дары могли достаться человечеству за правильное использование огня, за справедливое и рьяное обвинение и осуждение ошибок мастерства и что не божья благодать обошла их, а сами они обошли себя, поскольку, получив дар богов, они вверили его ленивому и медлительному ослу. Под ослом, видимо, разумеется опыт, существо глупое и мешкотное, чья медленная черепашня поступь породила в древности сетование на то, что жизнь коротка, но долг путь искусства. Что касается меня, то я, конечно же, думаю, что эти две способности — догматическая и эмпирическая — до сих пор не были прочно соединены и связаны друг с другом, но что доставка божьих даров всегда предоставлялась либо абстрактным философиям — легкокрылым птицам, либо непроворному и медлительному опыту — ослу. Впрочем, в пользу осла следует сказать, что он вполне справился бы с поручением, не охвати его по дороге жажда. Ибо если кто-либо полностью поддается руководству опыта и будет неуклонно продвигаться вперед, придерживаясь некоего закона и метода, и не позволит жажде наживы или почестей охватить себя по пути, и превозможет побуждение опуститься наземь и снять с себя ношу, дабы насладиться ими, — тому, как я твердо уверен, вполне можно было бы вверить доставку новых божественных милостей.

Что касается передачи дара змеям, то эта подробность, по моему, добавлена просто для украшения, если только ее не вставили в упрек человечеству, которое, подчинив огонь и освоив множество искусств, тем не менее не способно добыть себе того, чем природа сама собой наделила многих других животных.

Из неожиданного примирения людей с Прометеем, случившегося после того, как была развеяна их надежда, также выводится мудрое и полезное наблюдение. Оно содержит намек на легкомыслие и опрометчивость людей в отношении к новым опытам. Если опыт не приносит успеха с первого раза, как им хотелось, они чересчур поспешно объявляют его неудачным и, откатившись туда, откуда они отправлялись, возвращаются к старым обычаям.

Итак, обрисовав, каким образом человек причастен искусствам и умственной деятельности, притча переходит к Религии, ибо вместе с искусствами появился и культ божественного, которым немедленно завладело осквернившее его лицемерие. Поэтому, в образе двойного жертвоприношения изящно воплотились личности истинного благочестивца и лицемера. Ибо в одном есть жир, составляющий божью долю, поскольку он может гореть и распространяет сладкий запах, а это олицетворяет пламя любви и фимиам веры, возносящийся во славу Господа. В нем же источник благотворительности; в нем — питательное и полезное мясо. В другом нет ничего, кроме сухих и голых костей, которые, однако, так распирают шкуру, что снаружи она имеет вид прекрасно упитанного жертвенного животного: под этим разумеются те внешние и пустые обряды и церемонии, которыми люди перегружают и перенасыщают богослужение; все это делается скорее напоказ, нежели для воспитания благочестия. Но людям недостаточно того, что они предлагают Богу столь оскорбительные подношения, им обязательно надо представить дело так, будто он сам их выбрал и предназначил себе. Именно такой выбор осуждает от имени Бога пророк, сказавший: «Неужели же, наконец, я избрал этот пост для того, чтобы человек в какой-то день терзал свою душу и склонял голову свою, как тростник»¹.

Коснувшись состояния Веры, притча обращается к нравственности человека и образу его жизни. Всеми признано и признано справедливо, что Пандора олицетворяет наслаждение и похоть, которая как бы возгорелась от подаренного огня после водворения гражданских искусств, культуры и роскоши. Следовательно, сотворение наслаждения приписывается Вулкану, который, таким образом, олицетворяет Огонь. От нее на умы, тела и судьбы людей пролились неисчислимые бедствия, сопровождаемые запоздалым раскаянием: это относится не только к отдельным лицам, но также к королевствам и республикам. Ибо из этого же источника возникли войны, гражданские неурядицы и тиранство. Впрочем, стоит труда проследить, сколь изящно и красиво в мифе, посредством образов Прометея и Эпиметея, изложены две разновидности, так сказать,

две картины, или образчика человеческого существования. Последователи Эпиметея — люди непредусмотрительные; они не заботятся о будущем, — но думают лишь о том, что доставляет наслаждение сию минуту. Правда, по этой причине они претерпевают множество несчастий, трудностей и бедствий и постоянно заняты противоборством с ними. И все-таки, между тем, они продолжают потакать своей природе и, более того, в меру собственного невежества тешат свой ум многими пустыми надеждами, коими они упиваются, как сладостными снами, и тем скрашивают нищету жизни. Напротив, школа Прометея, то есть порода людей мудрых и предусмотрительных, своей осторожностью и впрямь отвращает и устраняет со своего пути множество зол и несчастий, но этому благу сопутствует и зло, которое состоит в том, что они лишают себя многих наслаждений и разнообразных радостей жизни, перечеркивают свою природу (что еще хуже), мучают и изнуряют себя заботами, беспокойством и внутренними страхами. Ибо, поскольку они прикованы к скале необходимости, их одолевают бесчисленные мысли (которые из-за своей схожести с птицами воплощены в образе орла) — мысли, что ранят, подтачивают и разъедают их печень. Если же временами они и обретают короткий отдых и умственное спокойствие, как случается ночью, то с приходом утра ими овладевают новые страхи и мучения. Немного есть счастливых, коим выпадает пользоваться преимуществами обоих уделов — сохранять все выгоды предусмотрительности и не подвергаться губительному воздействию забот и волнений. Достигнуть же этого двойного блага можно не иначе как с помощью Геркулеса, то есть с помощью мужества и стойкости духа, который, будучи подготовлен ко всем случайностям, ко всем поворотам судьбы, провидит будущее без страха, наслаждается без прихотей и сносит невзгоды без нетерпения. Следует также отметить, что эта добродетель была присуща Прометею не от природы, а усвоена им извне с посторонней помощью. Ибо врожденное, от природы данное мужество не способно подняться до такой высоты: сия добродетель является из-за океана, ее получают и доставляют нам от Солнца, — ведь она порождение Мудрости, которая подобна Солнцу, и раздумий о непостоянстве и изменчивости человеческой судьбы, которая схожа с плаванием по океану. Оба эти качества удачно выражены в следующих строках из поэмы Вергилия.

Счастливы те, кто вещей познать сумел основы.

Те, кто всяческий страх и Рок, непреклонный к мольням,

Смело повергли к ногам, и жадного шум Ахеронта².

Дабы утешить и ободрить дух мужей, миф упоминает также о том, что сей могучий герой приплыл в чаше или в каком-то другом сосуде. Сделано это для того, чтобы они разуверились в узости и немощи их собственной природы и не ссылались на нее в свое оправдание, как если бы она была полностью неспособна

на такого рода мужество и стойкость, которых истинную природу хорошо угадал Сенека, сказавший: «Признак истинного величия — сочетать в себе немощность человека и невозмутимость бога».

Теперь я должен вернуться к той части мифа, которую я, дабы не нарушать связности предшествующего изложения, намеренно обошел стороной. Я имею в виду последнее преступление Прометея — покушение на целомудрие Минервы. Ведь именно за этот проступок — бесспорно весьма серьезный и тяжкий — он понес наказание от когтей орла, разрывавшего его внутренности. Преступление, на которое намекает миф, есть, по-видимому, не что иное, как попытки, нередкие среди людей, пресыщенных искусствами и многознанием, подчинить господству чувства и разума самое божественную мудрость, попытки, которые неизбежно выливаются в терзания ума и бесконечное, неотступное беспокойство. А посему людям надлежит благоразумно и смиренно различать божественное и человеческое, откровения чувства и веры, если они не хотят исповедовать и еретическую религию, и мифическую философию.

Остается последний пункт, а именно состязания в беге с зажженными факелами, учрежденные в честь Прометея. Опять же, как и огонь, в память о котором праздновались эти игры, они символически обозначают науки и искусства. Из этого символа вытекает весьма мудрое внушение о том, что совершенство наук зиждется не на стремительности или способностях каждого отдельного исследователя, а на преемственности. Ибо самые сильные и быстроногие бегуны, возможно, не лучшим образом приспособлены к тому, чтобы донести горящий факел до конца, поскольку он может погаснуть как на слишком быстром, так и на слишком медленном бегу. Впрочем, похоже на то, что состязания и игрища с факелами уже давно прекратились, ибо первенство во многих науках по-прежнему принадлежит их творцам — Аристотелю, Галену, Эвклиду, Птолемею — тогда как их последователи не сделали, да и не пытались сделать, ничего значительного. А как бы хотелось, чтобы игры в честь Прометея, то есть Человеческой Природы, были возрождены, чтобы победа впредь не зависела от неверного колеблющегося пламени в факеле каждого отдельного мужа, но чтобы на помощь им явились соперничество, соревнование и удача. Поэтому следует призывать людей пробудиться, дабы они, каждый в свою очередь, испытали собственные силы и счастье, а не предоставляли всех трудов усилиям духа и ума немногих личностей.

Таковы идеи, которые, как я полагаю, скрыты в этой, столь привычной и обыденной басне. В ее глубинах немало такого, что имеет замечательное соответствие с таинствами христианской веры. Особенно странствие Геркулеса, его плавание в чаше ради освобождения Прометея. Здесь Геркулес, по-видимому, персонифицирует Слово Господне, поспешающее в утлом челне плоти во имя искупления грехов рода человеческого. Но я намеренно воздерживаюсь от всякой свободы домыслов подобного свойства из боязни занести чуждый пламень на алтарь Господа.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ИСТОРИЗМ ФРЭНСИСА БЭКОНА

Век веку — рознь. История знает века, которые открывают счет только «собственному», «внутреннему» времени. Другие же знаменуют начало новых обширных исторических эпох, включающих ряд столетий. Именно таким — во всемирно-исторической перспективе — предстает перед нами семнадцатый век. Победоносная буржуазная революция в Англии, свершившаяся в середине этого столетия, положила начало крушению — в общеевропейском масштабе — «старого порядка» и утверждению на его развалинах общества буржуазного.

На границе этих двух всемирно-исторических эпох высится фигура Фрэнсиса Бэкона, человека, чья жизнь и деятельность наиболее ярко воплотили всю меру внутреннего напряжения столкнувшихся общественно-политических и духовных сил, столь характерного для переходных эпох истории, всю глубину драматизма назревавшего общественного конфликта, одним словом, поистине эпический масштаб событий, олицетворяющих смену всемирно-исторических времен.

Конец XVI — начало XVII века — переломный период в истории Европы. Новый этап генезиса капитализма сопровождался научной революцией, положившей начало опытному естествознанию. С социально-экономической точки зрения новизна этого периода заключалась в том, что во взаимодействии рыночного спроса и мануфактурного производства ведущая роль переходила к последнему. Судьбы нового способа производства зависели теперь от роста постоянного капитала, источниками которого могли стать торговая прибыль или земельная рента. На этой основе быстро развивались новые отрасли промышленности (производство шелка, бумаги, хлопчатобумажных тканей, сахара и пр.) и усовершенствовались «традиционные». В атмосфере промышленного «грюндерства» и сельскохозяйственного подъема потребность в определяющем развитии прикладной науки, которая отвечала бы запросам «гражданской жизни», была яснее всего осознана Бэконом. Недаром он себя назвал «трубачом» Нового века, призывавшим ученых встать «на борьбу с природой», раздвинуть «границы человеческого могущества»¹.

Новая историческая эпоха, герольдом которой стал Бэкон, была, разумеется, подготовлена научными и производственными дости-

¹ Бэкон Ф. Соч.: В 2 т. М., 1977—1978. Т. 2. С. 66.

жениям XV и в особенности XVI в. Три изобретения XV в. ставит Бэкон во главу предпосылок «новой эпохи»: применение пороха в военном деле, открытие свойств магнитной иглы и книгопечатание.

«Хотелось бы, — писал он, — еще показать силу, достоинство и последствия открытий, которые не были известны древним. . . а именно — искусство печатания, применение пороха и мореходной иглы. Ведь эти три изобретения изменили облик и состояние всего мира. . . Отсюда последовали бесчисленные изменения вещей, так что никакая власть, никакое учение, никакая звезда. . . не смогли бы произвести большее действие и оказать большее влияние на человеческие дела, чем эти механические изобретения»². К этим изобретениям следовало прибавить усовершенствование парусной оснастки кораблей, позволявшее им плыть и против ветра.

Открытие Нового Света — первое крупное потрясение просвещенных Возрождением умов. Подвиг Колумба и путешествие Магеллана не только опровергли традиционные представления о форме и величине «круга земли» — Земля как планета оказалась не только шарообразной, но и гораздо большей, чем было принято считать. Однако последствия этих открытий не ограничились расширением пространственных горизонтов европейцев, не только подтвердились отдельные догадки античных мыслителей о шарообразности земли, но в корне изменились и антропологические представления: взору европейцев предстала несравнимо более богатая картина антропологического и социально-бытового разнообразия населения нашей планеты³.

Переориентация традиционных экономических связей на запад, прорыв европейцев из внутренних морей на океанские просторы — таковы были практические последствия вызова, брошенного убеждениями большинства жрецов науки в непревзойденности античного знания.

Еще большим потрясением умов явилась революция в астрономии, начало которой положил Коперник. Вслед за утверждением гелиоцентризма последовало открытие безграничности вселенной. Это потрясение было столь велико, что вместо гордости за могущество человеческого разума поднялась и распространилась волна страха и отчаяния за «судьбу мира». Этот страх перед последствиями подобного рода интеллектуальных переворотов ярко выразил английский поэт конца XVI в. Джон Донн:

Все говорят, что смерть грозит природе.
Раз в планетах и на небосводе
Так много нового, мир обречен.
Все рушится, и связь времен пропала,
Все относительным отныне стало⁴.

² Там же. С. 78.

³ См.: Там же.

⁴ Донн Дж. Стихотворения. Л., 1973. С. 150.

Формы духовного пессимизма были многоликими: от проповеди «упадка» вселенной и близости конца мира до оживления античного пирронизма (кстати, возрожденного гуманистами) с его неприятием не только в истинность наличных знаний, но и в самую способность человеческого ума адекватно познавать что-либо из окружающего его⁵. Реакция Контрреформации на революцию в астрономии слишком хорошо известна, чтобы специально на ней останавливаться⁶.

Однако волне интеллектуального пессимизма противостояла преодолимая сила человеческой практики, которая именно в XVI в. пробудила тенденцию сближения науки с практикой, включения последней в проблематику науки. Хотя эта тенденция проявлялась только от случая к случаю и развивалась крайне медленно, тем не менее она заявляла о себе в XVI в. довольно громко. Известный гуманист Хуан Вивес еще в 1531 г. утверждал, что ученым было бы в высшей степени полезно изучать «методы механики», такие, к примеру, как строительство, навигация, ткачество. Им было бы полезно наблюдать ремесленников за работой и попытаться проникнуть в «секреты» их занятий⁷. У Рабле Гаргантюа под руководством наставника наблюдал за обработкой металлов, отливкой пушек, за работой ювелиров, гранильщиков алмазов, печатников⁸. Об этой же тенденции сближения науки с производством свидетельствует весьма популярный в свое время труд Георгия Агриколы «De re metallica» (1556). Кстати, его хорошо знал Бэкон⁹. Еще более ярким свидетельством этой же тенденции может служить одиссея французского ремесленника — изобретателя белой глазури Бернара Палисси. Потратив все свое состояние (и в конечном счете полностью разорившись), он устроил в Париже лабораторию, в которой в 1575—1584 гг. читал публичные лекции и демонстрировал свои опыты по агрономии, химии, минералогии, геологии. Не исключено, что Бэкон, находившийся тогда в Париже, посещал его лабораторию и слушал его лекции¹⁰. Характерно, что Палисси, обращаясь к своим вероятным критикам, писал: «Если вы пожелаете узнать, в какой книге по философии я вычитал эти природные тайны. . . я не знаю ни греческого, ни древнееврейского, я не поэт и не теоретик, а только плохо образованный ремесленник. . . но я предпочитаю истину, выраженную на языке простолюдина,

⁵ См.: Popkin R. H. The History of Scepticism from Erasmus to Descartes. Assen, 1960. Характерна позиция Бэкона: «Итак, мы сказали о необходимости отбросить отчаяние, которое является одной из могущественнейших причин замедления развития наук» (Бэкон Ф. Соч. Т. 2. С. 66).

⁶ Прямо противоположной была реакция Бэкона, хотя он не принял гелиоцентризм.

⁷ См.: Baker H. The Rice of time. Toronto, 1967. P. 6.

⁸ См.: Рабле Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль. М., 1966.

⁹ См.: Бэкон Ф. Соч. Т. 1. С. 232.

¹⁰ См.: Там же. С. 50.

лжи, выраженной знатоком риторики». Таково было логическое завершение той линии в истории европейской мысли, начало которой положил Оккам, продолжил Николай Кузанский в XV в. и которая в XVI в. нашла своих наиболее ярких выразителей в философии Телезио, Патрици и в особенности Джордано Бруно.

Однако даже предельно краткий по необходимости очерк той тенденции в экономической и интеллектуальной жизни Европы XVI в., которая подготовила появление на ее сцене Бэкона, должен быть дополнен хотя бы напоминанием о роли книгопечатания. Степень, в какой книгопечатание изменило мир человека, поистине трудно переоценить. Ученому не было теперь необходимо в поисках нужной рукописи предпринимать длительные путешествия к месту ее хранения. Книга доносила все плоды учености прошлого и настоящего во все более или менее крупные города (сделав, в частности, общедоступной всю античную образованность). Но самое важное — книга открыла все эти духовные ценности любознательности «среднего класса», стремившегося, в силу новых общественных условий, к образованию. Книга несказанно ускорила обмен идеями между учеными разных стран и тем сделала более интенсивными все духовные процессы. Наконец — что немаловажно — книга устранила возможность позднейших переделок, вставок в изначальные тексты и — при надлежащей тщательности издателя — устранила необходимость в сличении различных рукописей одного и того же сочинения¹¹.

В итоге Европа оказалась на пороге научной революции. Тесная взаимосвязь ее экономического и духовного подъема имела важное следствие — секуляризацию науки. Все громче раздавались голоса в защиту разума человека, требования выработки инструмента познания, доставляющего истину относительно естественных объектов. И тем самым природа превратилась в единственный и собственный объект человеческого исследования. Одним словом, отделение истины науки от истины теологии (Помпонаци, Телезио) свидетельствовало о полном крушении средневекового «синтеза» разума и веры.

Эти тенденции в сложном мире европейской культуры XVI в. только в трудах Бэкона приобрели целостное философско-историческое обоснование, превратились в философию новой науки. Бэкон положил начало поискам надлежащей методологии знания, которая должна была прийти не только на смену дискредитировавшей себя методологии схоластов, но и заменить абстрактный гуманизм Возрождения — гуманизмом деятельным, т. е. сосредоточением усилий интеллекта на *познании сил природы* с целью приобрести власть над ней. Для Бэкона категория природы потеряла свое былое значение сферы моральных и телеологических

¹¹ См.: Eisenstein E. Some Conjectures about the impact of printing on Western Society // The Journal of Modern History. 1968. Vol. 40, N 1.

вторжений провидения, превратившись в комплекс материи и движения, в котором данные причины приводят к определенным последствиям.

Место Фрэнсиса Бэкона в истории этой эпохи оценивают по-разному: «родоначальник английского материализма», «отец индуктивной философии», «связующее звено между натурфилософией Возрождения и картезианством», «пророк индустриального века», «апостол утилитаризма» и т. д. и т. п. Однако в подобного рода оценках во всех случаях присутствует один и тот же элемент: Бэкон — первооткрыватель новых интеллектуальных горизонтов, великий реформатор философии, отныне и навсегда связанной с опытной наукой.

Имя Бэкона принадлежит поэтому не только истории его родины — Англии. Оно в равной мере принадлежит и истории общеевропейской культуры, истории индустриальной цивилизации в целом. Он был современником Джордано Бруно, Галилея, Кеплера и Кампанеллы. В то же время Бэкона наряду со Спенсером, Марло, Шекспиром, Сиднеем — по культурно-исторической почве, их взрастившей, — правомерно причислить к созвездию «великих элизаветинцев», которые своим творчеством воплотили вершину английского Возрождения и последнюю фазу Возрождения общеевропейского.

То, что выделяло Бэкона в этом ряду, заключалось не только в столь характерной для многих деятелей европейского Возрождения разносторонней одаренности натуры (Бэкон — писатель, философ, политик, историк, психолог, юрист, оратор, великий реформатор науки, видевший конечную цель всех своих трудов в пользе и благе рода человеческого). Бэкон — едва ли не первый в новое время теоретик и пропагандист идеи общественного прогресса на базе прогресса научного и технического. То же обстоятельство, что — как показала в дальнейшем история — лелеемый им гуманистический идеал оказался исторически ограниченным и, главное, социально деформированным буржуазным правопорядком, то оно только подчеркивает всю меру утопизма надежд Бэкона на избавление большей части человечества от проклятия бедности и угнетения благодаря тому только, что лучшие его умы — по единому плану и основываясь на новой философии — поставят силы природы ему на службу.

* * *

Биография Бэкона во многом типична для представителей того «нового дворянства», которое было обязано своим возвышением (и нередко своим аноблированием) милости Тюдоров, создавших себе — с помощью земельных дарений и привлечением на государственную службу — новую социальную опору взамен старой строптивой феодальной знати, по большей части истребленной в ходе войн

Алой и Белой розы и в последующих казнях участников мятежей и заговоров, направленных против первых королей новой династии. Именно таким образом из безвестности провинциального сельского джентри на пьедестал новой придворной знати были подняты роды Сесилей, Расселов, Кавендишей, Бэконов и других сподвижников «великой королевы» Елизаветы¹².

Фрэнсис Бэкон родился в 1561 г. в Лондоне, в семье одного из высших сановников елизаветинской эпохи — Николаса Бэкона (1509—1579). Отец сэра Николаса был всего лишь управляющим (бейлифом) в маноре, принадлежавшем монастырю Бэри Сент-Эдмундс. Однако сам Николас, получив юридическое образование, предпочел карьеру служилую, придворную. И здесь он настолько преуспел, что на протяжении почти двух десятилетий (вплоть до самой своей смерти) являлся лордом-хранителем большой печати, т. е. практически вторым лицом в правительстве Елизаветы I. Его роскошный лондонский дом — скорее дворец — Йорк-Хауз на Стренде, равно как и «родовое» поместье и, наконец, сам титул «сэр», — все это знаки королевских щедрот, и, памятуя об этом, он служил ее величеству королеве верой и правдой¹³.

Мать Фрэнсиса — Энн Кук (вторая жена Николаса) была по тому времени образованной женщиной; помимо новых языков, она знала и древние (в совершенстве переводила латинские тексты) и притом являлась истовой протестанткой, последовательницей Кальвина и до конца жизни горячо интересовалась церковными делами. Поступив, по родовой традиции, в Кэмбриджский университет, двенадцатилетний Фрэнсис проявил наибольшее прилежание в занятиях философией, много времени проводил за изучением античных авторов. Больше всего его привлекали философы-досократики, отождествлявшие философию с наукой о природе и отличавшиеся активным отношением к действительности. Однако Фрэнсис, покинувший (через два года, по воле отца) университет, вынес из него, помимо основательной классической выучки, острую неприязнь к философии Аристотеля, к тому же препарированной схоластами и пригодной, как ему уже тогда казалось, разве что для искусства ведения словесных баталий, но «бесполезной для человеческой жизни». Позднее он напишет: «Мы же отбрасываем доказательство посредством силлогизмов, потому что оно... упускает из рук природу»¹⁴. Подобные настроения Фрэнсиса как нельзя лучше отвечали планам сэра Николаса Бэкона, предназначавшего сына для карьеры юриста и политика. С этой целью Фрэнсис был определен в подворье юристов — Грейвс-Инн, одну из юридических школ Лондона, в которой изучение права (разу-

¹² См.: *Williamson J. The Tudor Age. L., 1957.*

¹³ См.: *Anderson F. H. Francis Bacon. Montpelier, 1962. P. 217.*

¹⁴ *Бэкон Ф. Соч. Т. 1. С. 71.*

меется, прежде всего английского) совмещалось с освоением новой философии и текущей юридической практикой.

Вскоре, однако, сэру Николасу представилась возможность отправить 15-летнего Фрэнсиса в Париж, приписав его к английскому посольству при французском дворе¹⁵. Это отвечало общепринятой в дворянской среде того времени практике — по завершении молодыми людьми образования на родине отправлять их в длительное путешествие за границу для «шлифовки» манер, иностранного языка, наконец, просто для «расширения кругозора». В данном случае речь шла не только об этом. Его выдающиеся способности обнаружили рано и потому отец очень рассчитывал на успешную карьеру сына при дворе Елизаветы I. Пребывание во Франции, помимо знакомства с ее культурой, должно было обеспечить Фрэнсису доступ к новым книгам и рукописям, знакомства в ученых кругах и хорошую школу европейской политики. Во Франции Фрэнсис Бэкон находился с сентября 1576 по март 1579 г., когда известие о смерти отца призвало Фрэнсиса на родину. И здесь он обнаружил, что отныне материальные средства его оказались более чем скромными¹⁶ — доставшаяся ему пятая часть отцовских владений приносила годовой доход, совершенно недостаточный для жизни в условиях столь привычного с раннего детства комфорта¹⁷. Вернуть же их можно было, лишь следуя по стезе отца, т. е. заслужив милость двора. Однако «путь наверх» оказался для Фрэнсиса столь трудным (несмотря на живую еще при дворе память о сэре Николасе и на родственные связи с влиятельными советниками королевы), что нередко приводил его в полное отчаяние.

О причинах столь неожиданного поворота фортуны мы еще сумеем поразмыслить ниже. Здесь же приведем слова самого Бэкона. В 1605 г. после очередного разочарования в надеждах на расположение и милость двора Бэкон признал — в письме к другу, — что совершил «величайшую ошибку». «Зная себя по внутреннему голосу, я был призван держать в руках книгу», но вместо этого, продолжал он, «я посвятил свою жизнь гражданским делам, для которых я не очень пригоден»¹⁸. Однако подобные мысли стали одолевать Бэкона гораздо позднее. В начале же 80-х годов он был

¹⁵ Старший брат Фрэнсиса Энтони после Кэмбриджа также был зачислен в юридическую школу Грейвс-Инн. Однако его заграничное путешествие затянулось на многие годы. Есть основания полагать, что он выполнял осведомительную миссию английского двора.

¹⁶ У сэра Николаса Бэкона было пять сыновей: трое — от первого брака, двое — от второго. Фрэнсис был его младшим сыном.

¹⁷ Как это вообще было свойственно «духу Возрождения», в Бэконе философ уживался с прирожденным царедворцем, любящем княжескую роскошь и великолепие. На вершине его политической карьеры, в бытность его лордом-канцлером, в лондонском дворце Бэкона за обедом прислуживали 40 официантов. Всего же число его слуг достигало 200 человек (см.: *Anderson F. H. Op. cit. P. 101*).

¹⁸ См.: *Bacon F. Letters / Ed. by J. Spedding. L., 1877. P. III*.

еще полон розовых надежд: его дарования были хорошо известны при дворе, о них знала сама королева, на аудиенцию к которой сэр Николас приводил своего «младшего сына, но первого наследника», наконец, родной дядя Бэкона лорд Берли¹⁹ (Burghley) был самым влиятельным лицом при дворе.

Первым шагом на пути к политической карьере было избрание Бэкона, не без помощи дяди, членом палаты общин. В то же время в ходе усиленных занятий философией и юриспруденцией у него созревает план коренной реформы наук, реализация которого станет вскоре смыслом его жизни. Так или иначе, но в молодом юристе стремление к придворной карьере уживалось с рано сложившимися глубокими научно-философскими интересами и нет сомнений, что это соседство не приносило пользы ни той, ни другой его склонности. Так, ставшее вскоре известным направление его мысли настораживало и отпугивало «влиятельных лиц», от которых зависело его продвижение. Заботы о карьере отнимали немало умственных и физических сил, не говоря уже о глубоких душевных страданиях, связанных с неудачами и разочарованиями, поджидавшими его на этом пути.

Между тем на юридическом поприще Бэкон делает успехи: в 1586 г. он становится старшиной юридической корпорации, строит себе новый дом в Грейвс-Инн, его имя приобретает известность, что обеспечивает ему довольно широкую судебную практику. Однако Бэкон отнюдь не желал оставаться в этом положении, не желал, чтобы, по его собственному выражению, «судебная палата стала его катафалком»²⁰. Для свершения задуманного им научного подвига, — а он считал это своим предназначением, — ему нужны были крылья куда большего размаха, ибо речь шла о перевороте в науке не только его родины, но и Европы в целом. Только достижение определенного положения при дворе могло бы, по его глубокому убеждению, превратить мечту одиночки в дело общегосударственной важности. Этих крыльев ему еще долго будет не доставать.

В 1589 г. Бэкону было отказано в должности более чем скромной — «регистратора» Звездной палаты, — но зато несомненно доходной (он получит ее только двадцать лет спустя). Свое состояние — после столь открыто проявленного пренебрежения к его родовому имени, к его общепризнанному талантам — Бэкон выразил в словах достаточно сильных: «Я сейчас в ярости, подобно соколу: вижу случай послужить, но не могут взлететь, так как привязан к руке другого»²¹. Это был прозрачный намек на пре-

¹⁹ Отец Фрэнсиса Бэкона и лорд Берли были женаты на родных сестрах Милдред и Энн Кук, следовательно, Фрэнсис был его племянником.

²⁰ The Works of Lord Bacon // Ed. J. Spedding, L., 1879. Vol. VII. P. 1.

²¹ Ibid. P. 2.

пятствия, чинимые Уильямом Сесилем — лордом Берли — всякий раз, когда заходила речь о предоставлении Бэкону должности, которая могла открыть ему «путь навверх». Разумеется, не за свое «место под солнцем» опасался лорд Берли, он думал о будущем своего сына — помехой на его пути могли стать ум и познания Бэкона.

В этих условиях Бэкону ничто не оставалось, как попытаться объяснить всеильному временщику, почему он с такой настойчивостью добивается государственной должности, и тем отвести от себя подозрения в честолюбивых замыслах. «Моим намерением всегда было, — писал он лорду Берли, — в какой-нибудь скромной должности — насколько это возможно без унижений... — служить ее величеству, не как человек... который любит честь, ибо меня целиком увлекает созерцательная планета... но как человек, рожденный под властью превосходнейшего монарха, который заслуживает посвящения ему всех человеческих сил»²². Далее, Бэкон напоминает адресату, что отец оставил его необеспеченным, между тем ему уже исполнился 31 год, и что, следовательно, большая толика песка «уже просыпалась в его песочных часах», а он все еще находится в жалком положении. «Вместе, с тем, — продолжает Бэкон, — ничтожность моего положения в какой-то степени меня задевает, и хотя я не могу обвинить себя в том, что я расточителен или ленив, тем не менее мое здоровье не должно страдать, а моя деятельность — оказаться бесплодной»²³. В заключение Бэкон решил ввести царедворца в свои сокровенные планы, дабы окончательно отвести от себя подозрения в честолюбивых придворных замыслах и убедить Сесилия в том, что все его помыслы сосредоточены в сфере совершенно иной.

«Наконец, — писал Бэкон, — я признаю, что у меня столь же обширны отвлеченные интересы, сколь умерены гражданские, так как я все существующие знания сделал своей областью. О, если б я мог очистить их от двух родов разбойников, из которых одни — с помощью пустых словопрений, а другие — с помощью слепых²⁴ экспериментов, традиционных предрассудков и прямых обманов добились так много трофеев. Я надеюсь, что в тщательных наблюдениях, обоснованных заключениях и полезных изобретениях и открытиях я достиг бы наилучшего состояния этой области. Вызвано ли это пустым любопытством, или жаждой суетной славы, или природой... но оно настолько овладело моим умом, что он уже не в состоянии от этого освободиться»²⁵. И для меня очевидно, что

²² Ibid.

²³ Ibid.

²⁴ Т. е. экспериментов, поставленных по наитию, при отсутствии научно обоснованной гипотезы, поиска, опирающегося на результаты предшествующих экспериментов.

²⁵ Впрочем, о своем замысле Бэкон впервые поведал миру еще в начале 80-х годов в имевшей хождение рукописи латинского сочинения под довольно-таки

при сколько-нибудь разумном благоволении должность позволила бы распоряжаться большим числом умов. . . Это как раз то, что меня сейчас волнует больше всего. Что же касается Вашей Светлости, то, предоставив такую должность, Вы не найдете большей поддержки и меньшего противодействия, чем любой другой. И если Ваша Светлость подумает сейчас или когда-нибудь еще, что я ищущу и добиваюсь должности, в которой вы сами заинтересованы, то Вы можете назвать меня самым бесчестным человеком»²⁶.

Итак, перед нами письмо-исповедь Бэкона. В нем не только подчеркнут энциклопедический характер научных интересов автора, но и раскрыта суть созревшего в его уме замысла — предприятия «переустройство» существующих наук, осуществление их поворот к служению человеческой практике. Недаром в качестве побудительного мотива подобного замысла названа «филантропия». В том же письме указан и способ его реализации — получение Бэконом государственной должности. Правда, из текста письма еще непонятно, в чем выражалась связь между получением Бэконом должности и «переустройством» наук. Ясно, однако, одно — Бэкону она представлялась прямой и очень важной. Одним словом, масштаб научного замысла Бэкона был таков, что, если он действительно желал увидеть его реализованным, ему не оставалось ничего другого, как попытаться привлечь к нему внимание двора. Государственная поддержка — это, по Бэкону, крылья его научного замысла, иначе ему грозила судьба остаться мечтой одиночки.

Очевидно, что Бэкон глубоко ошибался, если полагал, что изложением своих столь необычных — ранее просто неслыханных — научных планов он успокоит Сесилия, которому больше не надо будет опасаться соперничества в «гражданских делах». Как показалось будущее, реакция была обратной — само недовольство сущим, пусть даже только в сфере науки, воспринималось как замысел, грозивший сохранению *status quo*, да к тому же продиктованный «любовью к ближнему». Все это настораживало придворные круги, убеждало их в нежелательности появления при дворе носителя подобных планов, вносящих беспокойство и «смуту» в устоявшийся порядок вещей.

Опасения придворных Елизаветы I, казалось, оправдывались.

обязывающим названием «Величайшее порождение времени» (*Temporis partus maximus*). Именно таким представлял себе молодой Бэкон историческое значение идеи об основании новой науки, идеи, раскрывавшейся как применение науки к технике и технологии, что должно было в такой степени изменить судьбы человечества, что никакие усилия на этом пути не могут казаться ни чрезмерными, ни до-рогостоящими. Они стоицей окупятся. Многие годы спустя, когда Бэкон вернулся к идее этого давнего своего сочинения, он озаглавит новый вариант так: *Temporis partus masculus* («Рождение сына времени»), что должно было означать: прежняя наука породила дочь времени, т. е. истину, ограниченную рамками данного времени, новая наука родит «сына времени», т. е. истину, не знающую временных границ.

²⁶ The Works of Lord Bacon. Vol. VII. P. 2.

В 1593 г. Бэкон был избран в палату общин, где его вскоре заметили как выдающегося оратора. И здесь он совершил нечто такое, что не только не приближало, но намного отдаляло его от цели. Во время обсуждения в палате общин запроса королевы о предоставлении ей довольно крупной субсидии²⁷ не кто иной как Бэкон, выступил с критическими замечаниями. Он счел испрашиваемые субсидии «ужасающими». Бремя поборов, лежащее на «бедных подданных», указывал он, таково, что они не в состоянии его нести. Если так будет продолжаться, то джентльмены должны будут продать свои столовые приборы, а фермеры — свои медные котлы, прежде чем они смогут выплатить причитающиеся с них суммы. И, в заключение своей речи, Бэкон, обращаясь к членам палаты общин, напомнил: «Что же касается нас, то мы находимся здесь для выявления ран на теле государства, а не для того, чтобы их покрывать. Мы не должны дать себя убедить в том, что подданные богаче, чем они есть в действительности»²⁸.

Разумеется, зачисление джентльменов в разряд «бедных» подданных был всего лишь риторическим приемом оратора, но само по себе выступление против испрашиваемых королевой налогов было, несомненно, актом гражданской смелости Бэкона, актом, принесшим ему, с одной стороны, на долгие годы популярность парламентского оратора²⁹ и знатока конституционного права, а с другой — столь острое недовольство Елизаветы, что она запретила ему появляться в ее присутствии и обращаться к ней письменно. Естественно, в этих условиях о придворной карьере и помышлять нельзя было. Гнев и возмущение королевы «поведением» Бэкона в парламенте не могли умерить ни его верноподданические и «извинительные» письма на ее имя, ни даже ходатайство фаворита Елизаветы, графа Эссекса, выступившего в качестве «покровителя» и «ценителя» таланта Бэкона. Ставшая к тому времени вакантной должность коронного адвоката, которой Бэкон добивался, снова была предоставлена не ему, а другому претенденту. И хотя в последующие годы «эпизод с Бэконом» был Елизаветой «забыт» и ему предоставлено было почетное, но не приносящее дохода звание «экстраординарного поверенного королевы», она до конца жизни своей оставалась по отношению

²⁷ Субсидиями именовались королевские налоги, собираемые с разрешения парламента (точнее — палаты общин). Этим термином подчеркивался «добровольный» характер налогов, интерпретировавшихся как «подношение» подданных монарху, а не как следствие монаршей воли.

²⁸ Цит. по: *Farrington B. Francis Bacon, N. Y., 1969. P. 25.*

²⁹ О том, что Бэкон был крупнейшим в свое время стилистом и парламентским оратором, свидетельствуют слова близко знавшего его знаменитого драматурга и поэта начала XVII в. Бена Джонсона: «Никто и никогда не говорил с большей легкостью, более сжато, с большим весом и не допускал в своих речах меньше пустоты и празднословия. . . Слушатели не смели ни кашлянуть, ни отвести от него глаз, боясь что-нибудь не пропустить. И хотя многие ему завидовали, все больше всего боялись, как бы он не замолчал» (цит. по: *Anderson F. Op. cit. P. 36*).

к нему, по выражению биографа, «щедрой на улыбки, но никогда не проявляла щедрости руки»³⁰.

Между тем к услугам Бэкона прибегали во всех тех случаях, когда двору требовались его разносторонние знания, юридический опыт и дарование стилиста. Так, когда необходимо было ответить на хулу, возведенную на правление королевы Елизаветы I в пасквилье иезуита Парсонса (уверявшего читателей, что со времени Реформации, и в особенности правления Елизаветы, Англия впала в бедность, разорение и смуту), Бэкон публикует памфлет под названием: «Замечания по поводу одного пасквиля» («Observations upon a libel»), в котором читатели убеждаются в обратном: никогда еще Англия не была столь богатой и процветающей, как в «счастливое правление великой королевы».

Точно так же, когда требовалось юридически обосновать, что поднятый графом Эссексом мятеж (1599 г.) был актом измены и потому необходимо «примерно наказать» бывшего фаворита королевы, отстаивать интересы короны снова поручили Бэкону. И он не остановился перед тяжелым моральным выбором — ведь Эссекс был многие годы его щедрым покровителем, считавшим Бэкона своим доверенным лицом³¹. Интересы короны требовали отправить Эссекса на плаху, и Бэкон сделал все, что от него требовалось, — Эссекс был казнен в 1601 г.³²

В 1597 г. были опубликованы «Опыты, или Наставления» Бэкона — сочинение, принесшее автору широкую известность «морального философа» и писателя. В посвящении своему брату Энтони Бэкон из ложной скромности сравнил свой труд с «плодом, сорванным незрелым во избежание воровства». Позднее, когда он мог уже себе позволить говорить то, что думал, Бэкон писал об «Опытах»: «Они принадлежат к лучшим плодам, которые с божьей милостью могло принести мое перо»³³. Во всяком случае, читательский успех был столь велик, что потребовались еще два значительно дополненных прижизненных издания (в 1612 и в 1625 гг.)³⁴.

Появление на английском престоле Якова I Стюарта (1603 г.) пробудило надежды Бэкона на перемену фортуны: Яков I слыл «ученым» и, следовательно, «не мог» остаться равнодушным к «новой философии» и ее создателю. «Я чувствую себя, как человек,

³⁰ The Works of Lord Bacon. L., 1857—1874. Vol. I—XIV. Vol. I. P. IV. (Далее: The Works).

³¹ После неудавшегося ходатайства Эссекса перед королевой о предоставлении Бэкону должности коронного адвоката граф как бы в «возмещение морального ущерба» подарил ему свой манор стоимостью 1800 ф. в год. Бэкон принял дар, так как не желал «показаться неблагодарным» (см.: *Anderson F.* Op. cit. P. 55).

³² После казни Эссекса правительство опубликовало написанную Бэконом «Декларацию о действиях и изменах, совершенных графом Эссексом».

³³ *Бэкон Ф.* Соч. В 2 т. М., 1977. Т. 2. С. 351.

³⁴ В издании 1597 г. было 10 «Опытов» — эссе, в издании 1612 г. — 38 «Опытов», в издании 1625 г. — 58 «Опытов».

пробудившийся от сна», — писал в те дни Бэкон. Однако и в начале нового правления Бэкона ожидали лишь новые разочарования.

В списке назначений на придворные должности Бэкон не нашел своего имени даже в той скромной роли, в которой он выступал при дворе Елизаветы (т. е. экстраординарного поверенного короны). Когда же в честь коронации король решил даровать Бэкону — в числе 300 лиц — рыцарское звание, то в мотивирующей части были отмечены не его заслуги, а заслуги его брата Энтони. Это был акт более чем оскорбительный. Естественно, что Бэкон долго колебался, прежде чем согласиться принять этот, по его выражению, «проституированный титул»³⁵. Когда же он, наконец, согласился, то указал, что делает это в силу того, что несколько членов юридической корпорации Грейвс-Инн уже удостоились этой чести и что он как старшина корпорации не может с этим не считаться. И снова он обращается к тем, кто был больше всего повинен в его неудачах, — к Сесилиям, правда, на этот раз к сыну покойного лорда Берли Роберту, лорду Солсбери, занявшему пост государственного секретаря.

«Теперь моя цель состоит в том, чтобы полностью посвятить себя перу, посредством которого я буду в состоянии сохранить память и заслуги текущего времени»³⁶. Парадокс заключался в том, что такого рода настроения появлялись у Бэкона в дни неудач и разочарований, но они мгновенно испарялись, лишь только на его небосводе блеснет новый луч надежды на получение придворной должности. Какое глубокое раздвоение человека, обладавшего несравненным умом и житейской мудростью! О состоянии духа Бэкона в эту пору можно судить по его сочинению «Об истолковании природы. Введение» (1603 г.), в котором легко усмотреть описание его жизни, или своего рода исповедь. До недавнего времени он надеялся, что, поступив на государственную службу, он будет в состоянии содействовать прогрессу наук. С этой целью он изучил гражданские науки (т. е. право и моральную философию) и искал расположения и поддержки у сиятельных друзей. Однако его рвение на этом поприще было истолковано как амбиции честолюбца. Между тем ухудшившееся здоровье призывает его к осторожности и напоминает о том, что нельзя долее пренебрегать своим призванием. Вот почему он намерен целиком посвятить себя научным занятиям. В 1605 г. Бэкон опубликовал (с посвящением королю Якову I) трактат «О значении и успехах знания божественного и человеческого», которым было положено начало делу всей его творческой жизни — многотомному труду под общим

³⁵ «Что касается рыцарского достоинства, то мне остается желать хотя бы одного, чтобы церемония, — если не оно само, — возвысила бы меня. Это значит, чтобы она не происходила таким образом, будто я нахожусь в стаде» (цит. по: *Anderson F. Op. cit. P. 105*).

³⁶ Цит. по: *Anderson F. Op. cit. P. 105*.

названием «Великое восстановление наук»³⁷. В пору столь недвусмысленного отрешения Бэкона от надежды на гражданскую карьеру fortuna стала поворачиваться к нему своей «улыбающейся» стороной. В 1607 г. Бэкон назначается генерал-солицитором (главным адвокатом короны), т. е. на должность, в получении которой ему было решительно отказано в правление Елизаветы I; наконец, пять лет спустя он становится генерал-атторнеем, т. е. высшим юрисконсультom короны.

Меньше всего это неожиданно проявленное расположение к Бэкону объяснялось симпатией «ученого монарха» к ученому и мыслителю, все гораздо проще: Якову I нужен был слуга, пользующийся большим влиянием в парламенте, который с первых же встреч с королем проявил строптивость и «дух неповиновения».

Что же касается самого Бэкона, то в факте все большего втягивания его в дела королевской администрации еще раз наглядно проявилась вся мера его «неустойчивости» перед соблазном придворной карьеры. Откуда это у него? Было ли это результатом его роковой раздвоенности между естественной склонностью мыслителя к уединению и с молоком матери впитанным влечением к блеску быта придворного сановника, наслаждению властью? Может быть, правильнее видеть в указанном факте проявление поразительной последовательности и целеустремленности Бэкона, уверовавшего в то, что только высокое положение при дворе обеспечит ему условия, необходимые для реализации плана «Великого восстановления наук», — пусть он сам сможет работать над этим только урывками, зато поддержка короля позволит мобилизовать силы многих других, поскольку объем предстоящей работы громаден.

Характерно, однако, что подобной же раздвоенностью отличалась в эти годы и политическая деятельность Бэкона. Как слуга короны, Бэкон отстаивал королевскую прерогативу в судах, королевских советах и, главное — в парламенте. В то же время как прозорливый политик, хорошо сознающий соотношение противостоящих сил в каждой данной политической ситуации, Бэкон часто советовал королю придерживаться «умеренного курса», в отношениях с парламентом идти по возможности на компромисс, избегать открытого конфликта³⁸. Разумеется, в обоих случаях Бэкон в конечном счете заботился об интересах короны. В одном

³⁷ План этого труда включал шесть частей. Вот их названия: 1) «Разделение наук»; 2) «Новый органон, или Указания для истолкования природы»; 3) «Явления мира, или Естественная и экспериментальная история для основания философии»; 4) «Лестница разума»; 5) «Предвестия, или Предварения второй философии»; 6) «Вторая философия, или Действенная Наука» (см.: *Бэкон Ф.* Соч. Т. 1. С. 68—69).

³⁸ На политику Якова I, помимо Бэкона, оказывали все растущее влияние испанский посол в Лондоне и фаворит короля Джордж Уилльерс, впоследствии — герцог Бекингемский.

лишь эта забота отличалась от «советов» сторонников «твердости»: она включала частичные уступки требованиям капиталистического развития страны, выразившимся парламентской оппозицией.

Не будет поэтому преувеличением заметить, что до тех пор, пока Бэкон оказывал влияние на политику Якова I и влиял в пользу «умеренности» на позицию парламента, государственный механизм Англии (хотя и не без «перебоев» и признаков надвигающегося политического кризиса) продолжал функционировать в границах «традиционной конституции». Это обстоятельство, при всей своей политической недалёковидности, хорошо сознавал Яков I. И как результат в жизни Бэкона наступил период его головокружительного быстрого возвышения при дворе. В 1616 г. он становится членом Тайного совета, в 1617 г. он занял должность, которую при Елизавете I многие годы занимал его отец, сэр Николас, — лорда-хранителя большой печати. Наконец, в 1618 г. Бэкон достиг вершины служебной иерархии — он назначается лордом-канцлером, т. е. главой центральной администрации, и одновременно возводится в пэры Англии (получив титул барона Веруламского, а затем — виконта Сент-Олбенского).

Однако именно в годы достижения Бэконом вершины власти он постепенно лишался влияния на решения короля, резко усилилась реакционная направленность внешней и внутренней политики Якова I. Поневоле Бэкону пришлось играть роль скорее ширмы этой политики, нежели ее творца. Творилась же она во внутренних покоях короля, доступ в которые имели два человека — испанский посол в Лондоне и фаворит Бекингем. Все чаще лорд-канцлер сталкивался с фактами полного подчинения Якова I воле Бэкингема. Служение короне — даже в глазах верноподданного Бэкона становилось абстрактным принципом, оборачивавшимся в действительности в заискивание перед фаворитом. Одним словом, разложение системы английского абсолютизма, углубленное порочными нравами двора — безудержным мотовством, фаворитизмом, растленной моралью, — сказывалось в самых различных сферах. Может быть, наиболее ярко оно проявлялось в настоящей эпидемии казнокрадства и коррупции. Беззастенчивое взяточничество царило в столице и на местах, в судах и в королевских советах, более того — оно процветало и при дворе.

Когда же в 1621 г. под давлением финансовых трудностей король был вынужден созвать парламент, то предвестником предстоящей политической бури³⁹ стало «дело Бэкона». Палата общин выдвинула против него обвинение во взяточничестве. Нарочитость

³⁹ Наибольшее возмущение палаты общин вызвала политика продажи монополий, скрывавшая хозяйственную инициативу и отдававшая все выгоды от торгово-промышленной деятельности в руки немногочисленной клики обладателей монопольных патентов.

начатого процесса — на фоне откровенной продажности всех звеньев королевской администрации, судей всех рангов и, наконец, многих из тех, кто выступал самым рьяным обвинителем Бэкона, — была очевидной. В те горестные для него дни Бэкон заметил: быть канцлером — значит иметь чистые руки и чистое сердце, но даже если большая печать валялась бы на пустоши Хенслоу-Хиз, не нашлось бы никого, кто смог бы ее поднять⁴⁰.

В действительности же речь шла о том, что парламентская оппозиция твердо решила лишить короля перед решающим с ним столкновением самого знающего, самого влиятельного в парламенте и умудренного политическим опытом советника. Цель — «политическое убийство» Бэкона — была столь важна для парламентской оппозиции королю, что любое средство казалось оправданным. Лорды (среди которых находились и пэры, избалованные недавно Бэконом в уголовно наказуемых преступлениях и усмотревшие теперь в «деле Бэкона» благоприятный случай «отомстить обидчику») согласились с обвинениями, выдвинутыми против лорда-канцлера палатой общин. В результате Бэкон предстал перед судом.

В этой ситуации — от начала и до конца инспирированной (в противном случае на скамье подсудимых должны были, вместе с Бэконом, оказаться все судьи Англии, все члены Тайного совета и сам король) — не лишен интереса вопрос: а что же король? Какую позицию он занял в «деле Бэкона»? Ведь парламент можно было немедленно распустить, и дело было бы прекращено. Однако этой возможностью король не воспользовался, а точнее и не мог воспользоваться, поскольку остро нуждался в субсидиях. К тому же в предоставившейся ему возможности выбора между получением субсидий или сохранением при дворе Бэкона Яков I предпочел первое, допустив унижительную процедуру суда над канцлером королевства. К тому же из этой «уступки» парламенту, как казалось двору, можно было извлечь политический и «нравственный» капитал: разрешив суд над высшим сановником королевства, очистить корону от обвинений в фаворитизме, продемонстрировать «беспристрастность» королевского правосудия, наконец, желание короля «сотрудничать» с парламентом.

В эти дни Бэкон писал Якову I: «Было время, когда я приносил Вам стон голубицы от других, теперь я приношу его от себя. Когда я заглядываю внутрь себя, я не нахожу причин для бури, подобной той, которая обрушилась на меня. Я никогда не был, как это лучше всех знает Ваше Величество, автором каких-либо неумеренных советов, но всегда стремился решать дела наиболее благоприятным образом. Я не был корыстолюбивым угнетателем народа; я не был высокомерным и нетерпимым в обращении

⁴⁰ См.: *Anderson F. Op. cit. P. 124.*

с людьми; я не унаследовал ненависти от своего отца, а являлся добрым патриотом от рождения. . . Что же касается подкупов и даров, в которых меня обвиняют, то, когда откроется книга моего сердца, там не найдут мутного источника. . . вошедшего в обычай мздоимства за обман правосудия: тем не менее я могу быть нравственно неустойчивым и разделять злоупотребления времени»⁴¹. На этом основании Бэкон отказался от защиты и признал себя виновным.

Приговор суда был суровым: во-первых, Бэкона надлежало держать в заключении в Тауэре до тех пор, пока это будет угодно королю; во-вторых, с него должны были взыскать штраф в сумме 40 000 фунтов; в-третьих, он до конца жизни исключался из состава парламента и лишался права занимать государственные должности. Помимо прочего, это означало политическую смерть Бэкона.

Король, разумеется, «позаботился» о своем слуге. В Тауэре Бэкон находился всего два дня, после чего ему разрешили удалиться в родовой манор — Горхэмбери. Наложенный на него штраф так и не был взыскан, более того, распоряжением короля были отсрочены все платежи Бэкона по долговым обязательствам. Через два года (1623 г.) Бэкон получил от короля «полное прощение» — он снова мог жить в Лондоне и занять место в палате лордов. Тем не менее политическая карьера его была окончена. Бэкон расстался со своим роскошным домом (Йорк-Хауз на Стренде), содержание которого было теперь ему не под силу. Пришлось довольствоваться скромным жилищем в Грейвс-Инн. Бэкон чувствовал себя не только униженным, но и — после княжеского комфорта в Йорк-Хаузе — полунищим. В эти дни он пишет псалом, своего рода исповедь перед богом. «Положение и хлеб бедных и угнетенных всегда меня заботили. Я ненавижу всякую жестокость и бесчувственность сердца. Я. . . заботился о благе всех людей. . . Признаю перед тобой, что я должник твой за талант, щедро мне дарованный, который я не запрятывал. . . но и не использовал таким образом, чтобы извлечь наибольшую выгоду, а тратил напрасно на вещи, для которых я менее всего был призван. Таким образом, я истинно могу сказать, моя душа была чужестранкой в течение моего земного паломничества»⁴². Это последнее по времени признание Бэкона своей роковой раздвоенности, из-за которой он не воспользовался своим талантом надлежащим образом, т. е. во имя одной лишь науки. Пережитое сказалось на здоровье Бэкона, оно давно уже пошатнулось. Теперь он сознавал — спешит спешить — времени остается мало. Бэкон теперь работает неистово, он трудится параллельно над рядом вещей, но большинство из них так и останутся незавершенными. В 1620 г. увидел свет «Новый органон», составлявший вторую часть задуманного им

⁴¹ The Works. Vol. II. P. 122.

⁴² Цит. по: *Anderson F.* Op. cit. P. 224.

труда под названием «Великое восстановление наук». В 1622 г. Бэкон опубликовал начало «Естественной и экспериментальной истории», которая мыслилась как третья часть. Объем работы оказался здесь столь необъятным, что для реализации этого плана, по словам самого Бэкона, не хватило бы и всей человеческой жизни. Все, что Бэкон успел сделать в данной области, собрано в книге под характерным названием «Лес материала» (*Sylva sylvarum*). В 1623 г. была опубликована первая часть «Великого восстановления наук» (под названием «О достоинстве и приумножении наук»), которой суждено было остаться самой завершённой его частью. Параллельно Бэкон трудится над составлением сборника английских законов и в пять месяцев пишет «Историю Генриха VII». Наконец, в его бумагах был обнаружен фрагмент научной утопии «Новая Атлантида». Умер Бэкон 9 апреля 1626 г., простудившись во время эксперимента, имевшего целью выяснить, можно ли предохранить курицу от порчи, набив ее снегом. Капеллан и первый биограф Бэкона Раули напишет о нем: «Слава своего времени, восхищение и украшение науки».

* * *

Движущим принципом всех научно-философских трудов Бэкона было стремление открыть путь к «возрождению» человека, избавлению его еще в земной жизни от висящего над ним проклятия⁴³. Важность естественнонаучных интересов Бэкона не должна скрывать от нас, во имя каких целей Бэкон выдвинул эти интересы на первый план. Именно в этих целях заключена суть проблемы. Иными словами, предложенное Бэконом переустройство логики и «технологии» естественнонаучных исследований правомерно рассматривать как «общенаучное» введение в его социальную философию, как научное обоснование объективной возможности существования общества, основанного на «человеческих отношениях» между людьми. Не имея возможности развернуть сколь угодно подробно эту линию рассмотрения духовного наследия Бэкона, заметим только, что сама идея о прикладном значении «наук о человеке», хотя и присутствовала, к примеру, у Макьявелли, отличалась в трактовке Бэкона рядом принципиально важных особенностей. Главная из них заключалась в том, что вместо призывов к усовершенствованию природы человека, столь часто

⁴³ См.: Новый органон, кн. II, гл. 52. («Ибо человек, пав, лишился и невинности, и владычества над созданиями природы. Но и то и другое может быть отчасти исправлено и в этой жизни. . . посредством искусства и наук»). «Опыты» Бэкона — это анатомия существующего общества, рассматриваемого пронизательным и умудренным опытом политиком. «Наставительный» пафос этого сочинения заключается в стремлении сделать человека во всех его проявлениях более «рациональным», умерив социальное зло. К совсем иному роду сочинений принадлежат «Новый органон» и «Новая Атлантида», их пафос в прозрении общества будущего.

раздававшихся из уст моралистов того времени, Бэкон сосредоточил свое внимание на умножении материальных ресурсов, которыми располагает общество, и на усовершенствовании «гражданских» (т. е. общественных, политических) условий, в которых живет человек. После Мора это был поистине замечательный прорыв из традиционной морали назидания в область морали общественной, общественной практики. В результате человек, о котором говорит Бэкон, — не абстрактный, вневременной индивид, ущербный и беспомощный в столкновении с силами надындивидуальными, не говоря уже о Провидении, а индивид конкретно-исторический, данного пространства-времени, деятельный и, при наличии достаточно высокого уровня самосознания, — кузнец своего счастья. И хотя Бэкон отвлекался от общественного статуса этого индивида, в условиях резко усилившейся горизонтальной — а для некоторых слоев и вертикальной — мобильности подобный оптимизм был исторически оправдан, по крайней мере как потенция.

Однако вся эта линия размышлений Бэкона должна рассматриваться скорее как имплицитная, лишь изредка прорывавшаяся в эксплицитный ряд — отдельными пассажами, выглядевшими как случайно оброненные, но не фундаментально разработанные. Что же касается указанного ряда, то в нем Бэкон предстает выдающимся интерпретатором социально-политического status quo, и только.

В самом деле, Бэкон — сторонник сильной королевской власти, опирающейся в своей политике на прерогативу короны. И в этом он — представитель той новой, созданной Тюдорами служилой знати, которая была самой прочной опорой абсолютизма. Однако как мыслитель английского Ренессанса, Бэкон выступал за «просвещенную» политику, учитывающую национальные интересы страны, а не исключительно привилегированного слоя. Так, он советовал королю не допускать чрезмерного умножения рядов «непроизводительной» знати и в то же время избегать сокращения класса земледельцев — основы военного могущества страны. Бэкон — убежденный сторонник сословного строя, при том, однако, условии, что интересы английской торговли и промышленности будут в должной мере ограждены от произвола.

Насколько широко в трудах Бэкона представлены натурфилософские воззрения, настолько на их основе трудно представить себе как нечто целостное его моральную философию (в которую в ту пору включали размышления о мире человека вообще). Сочетание в лице Бэкона представителя нового дворянства, созданного Тюдорами и служившего их устойчивой социальной опорой, с одной стороны, и мыслителя, вписавшего одну из наиболее ярких страниц в историю английского Возрождения, — с другой, обусловило его социально-политический идеал.

Вопрос о том, какое место занимает родоначальник английского материализма Фрэнсис Бэкон в истории европейской исторической

мысли, представляет значительный научный интерес. С одной стороны, речь идет о мыслителе такого масштаба, что сам по себе факт его причастности к умственному движению в интересующей нас области заслуживает пристального внимания. С другой — хорошо известно, что история не только была включена Бэконом в разработанную им классификацию наук, но и была подвергнута им довольно тщательному анализу как с точки зрения того, «что она есть» (разумеется, к началу XVII в.), так и того, «какой ей следует быть»⁴⁴ с позиции «новой индукции», в которой английский философ увидел рычаг для фундаментального переустройства — «великого восстановления наук» — включая науки гражданские, т. е. науки о человеке⁴⁵.

Однако Ф. Бэкон заявил о себе не только как логик и методолог истории, но и как «практикующий» историк, создавший «Историю правления Генриха VII» (продолжением этого труда должна была стать «История Генриха VIII»⁴⁶), что открывает редкую возможность сопоставления отвлеченных представлений о нормативной стороне предмета и конкретного опыта их реализации. Между тем вопрос о месте историзма в наследии Бэкона остается по сей день менее всего изученным. Даже в самых подробных библиографиях не найти ни одной монографии на эту тему.

В чем причина подобного равнодушия к этой стороне творчества Бэкона, особенно заметного на фоне множества фундаментальных исследований — в том числе самоновейших — по всем другим аспектам его воззрений? Философы не без оснований укажут на то, что наибольшее влияние «философские идеи» Бэкона оказали на естественнонаучное мышление XVII—XVIII веков⁴⁷. Однако, как справедливо отметил А. Л. Субботин, «едва ли не половину многомого собрания сочинений Фрэнсиса Бэкона занимают работы, посвященные политике, праву, истории, теологии и морали»⁴⁸. Еще более веский аргумент, относящийся к существу его учения, выдвинул философ ГДР М. Бур. «Бэкон как реформатор логики — такова была зачастую без обсуждения принимаемая посылка почти во всех до настоящего времени вышедших работах о Бэконе. Но именно эта посылка является ложной.

⁴⁴ Неоднократно встречающееся у Бэкона понятие «*Historia Justa*», т. е. история должна, истинная, подлинная и т. д., свидетельствует о том, что ему рисовался некий мысленный эталон совершенства, завершенности в «искусстве» исторического писания.

⁴⁵ *The Works*. Vol. IV. P. 219—220.

⁴⁶ В архиве Бэкона было обнаружено и затем опубликовано только начало этой работы. Вероятнее всего предположить, что он собрался написать историю всей эпохи Тюдоров (см.: *Bacon F. The Beginning of the History of Great Britain // The Works*. Vol. V. P. 279).

⁴⁷ См.: *Farrington B. Francis Bacon, Philosopher of Industrial Science*. L., 1956. P. 5f.

⁴⁸ *Субботин А. Фрэнсис Бэкон и принципы его философии // Бэкон. Соч. Т. 1. С. 52.*

Бэкон хотел быть не реформатором логики, а реформатором человеческого общества»⁴⁹. Именно поэтому проблема «историзм Бэкона» актуальна не только для истории исторической мысли, но и в смысле истолкования духовного наследия Бэкона в целом.

Обращает на себя внимание, что не только в монографиях, посвященных анализу системы философии Бэкона, но и в тех немногочисленных статьях, где специально анализируется его теория истории⁵⁰, нет ответа на вопрос: почему мыслитель, обладавший настолько острым, смелым и поистине энциклопедическим, всеобъемлющим умом, что отважился бросить вызов всей современной ему и освященной многовековой традицией науке, «терял» вдруг и «оригинальность», и «яркость», и «смелость», как только обращался к положению вещей в науках о человеке, политике, морали и, в частности, в истории? Представляется, что бросающаяся в глаза «несоизмеримость» Бэкона — философа науки как таковой и Бэкона — социально-исторического мыслителя не может быть объяснена без учета внутривнутриполитических и идеологических условий режима абсолютизма Якова I Стюарта и надежд Бэкона на поддержку двором плана «Великого восстановления наук». Эти обстоятельства в совокупности требовали от него величайшей осторожности и строжайшей самоцензуры в вопросах общественно-политических (или, по терминологии того времени, гражданских)⁵¹.

В рамках данной статьи мы можем лишь подчеркнуть несомненную гуманистическую направленность социально-исторической мысли Бэкона, пронизанной идеей общественного блага. В достижении счастливого состояния «семьи людей» он усматривал конечную цель «великого восстановления наук». Природа, писал он, создает отношения братства в семье, занятия ремеслами приводят к отношениям братства в цехах. И, конечно же, невозможно, чтобы точно таким же образом благодаря наукам и просвещению

⁴⁹ *Buhr M.* Vernunft—Mensch—Geschichte. В., 1977. S. 30.

⁵⁰ Вот некоторые из них: *Dean L. F.* Sir Francis Bacon's Theory of Civil History Writing // *Essential Articles for the Study of Francis Bacon*. L., 1972; *Idem.* Tudor Theories of History Writing // *The University of Michigan Contributions to Modern Philology*. 1947. Vol. I; *Nadel G. H.* History as Psychology in Francis Bacon's Theory of History // *Ibid.*; *Luciani V.* Bacon and Guicciardini // *Proceedings of Modern Language Association*. 1947. Vol. LXII, N 1; *Idem.* Bacon and Machiavelli // *Italica*. 1947. Vol. XXIV, N 1; *Wheeler Th.* The Purpose of Bacon's History of Henry the Seventh // *Studies in Philology*. 1957. Vol. XIV, N 1; *Sypher W.* Similarities between the Scientific and Historical Revolutions at the End of the Renaissance // *Journal of the History of Ideas*. Vol. 26, N 3—4.

⁵¹ Характерно в этом отношении следующее замечание Бэкона из сочинения «О достоинстве и приумножении наук», специально посвященного «разделению гражданских наук»: «Впрочем, я и сам забыл включить в наш обзор наук науку молчания, которой, однако... я буду учить собственным примером». И несколько ниже он приводит фразу из Пиндара: «Иногда несказанное поражает сильнее, чем сказанное» (*The Works*. Vol. I. P. 745—746).

не возникло бы «благородное братство среди людей». Именно в этом и заключался высший смысл интеллектуальных усилий создателя плана «Великого восстановления наук»⁵².

В истории Англии существует только одна параллель, которая может пролить свет на место Бэкона в истории общественной мысли нового времени, — жизнь и творчество Томаса Мора. Подобно Мору, Бэкон стечением обстоятельств (и прежде всего благодаря личным дарованиям) был призван служить орудием политики, во многом ему внутренне чуждой. В конечном счете Бэкон оказался столь же неугодным двору Якова I, как и Мор, столетием раньше, — двору Генриха VIII. И хотя он избежал плахи физически, политически он был умерщвлен не менее беспощадно (и отнюдь не только стараниями парламента). Как и Мор, Бэкон был в своем роде великим утопистом, поскольку предполагал, что одно лишь овладение человеком благодаря «новой философии» силами природы приведет «общество — семью людей» к счастью и процветанию⁵³. Поскольку Бэкон не оставил никаких указаний насчет того, каким образом и в какой мере общество, став «могущественным» по отношению к природе и оставив без изменений унаследованные общественные отношения, достигнет «общего блага», постольку остается заключить, что он, как истинный утопист, полагал, будто одного только «счастливого света» новой науки достаточно для достижения указанной цели.

Однако Бэкон не только мечтал об установлении на земле «Regnum hominis» («Царства человека»), но и считал, что своими трудами практически приближает это время⁵⁴. В своем утопизме Бэкон был на данном отрезке времени более историчен, чем Мор. Общественные условия начала XVII в. уже позволили ему предвидеть, что только через развитие производительных сил и самого человека как непосредственного производителя пролегает путь к достижению обществом «счастливого состояния», олицетворением которого был призван служить созданный воображением Бэкона

⁵² The Works. Vol. IV. P. 103.

⁵³ При всем том Бэкон в какой-то мере сознавал, что одной науки для достижения этой цели недостаточно. Так, говоря о естественном законе, согласно которому «стремления к частному благу обыкновенно не могут возобладать над стремлениями к более общему благу», Бэкон восклицает: «Если бы это имело силу в гражданских делах!» (The Works. Vol. IV. P. 104). И в другом случае по тому же поводу: «Каждому предмету внутренне присуще стремление к двоякого рода проявлениям природы блага: к тому, что делает вещь чем-то цельным в самом себе, и тому, которое делает ее частью более обширного целого. И эта вторая сторона природы блага значительнее и важнее первой. . . Эта преобладающая роль общественного блага (boni communiois) особенно важна в человеческих отношениях. Если только человек остается человеком!» (The Works. Vol. I. P. 717).

⁵⁴ К. Маркс указал коренившуюся еще глубже причину утопизма Бэкона: он был во власти иллюзий, полагая, что изменение формы производства и практическое господство человека над природой может быть результатом одних лишь перемен в «методе мышления» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 401—402).

технический и технологический «рай» на «счастливом острове» «Новая Атлантида»⁵⁵.

«Научная утопия» Бэкона была только «введением» к так и не дописанной им социальной утопии (если иметь в виду, что ею должна была стать незавершенная «Новая Атлантида»). То обстоятельство, что даже в «Новой Атлантиде» люди отнюдь не гарантированы от угрозы нищеты⁵⁶, свидетельствует об исторической ограниченности лежавшей в основе социальной утопии Бэкона концепции «общего блага», совмещавшегося, если судить по отрывку из «Новой Атлантиды», с сохранением королевской власти, системы социальных статусов, торговли и денег, наконец, сугубо патриархального строя семьи и главное — института частной собственности. Но еще более глубокое противоречие социальной утопии Бэкона заключалось в том, что в ней идеализация общественных форм, в которых непосредственный производитель еще владеет средствами производства⁵⁷, сочеталась с целью новой науки, открывавшей путь крупному индустриальному производству, которое в тех условиях могло быть только капиталистическим. Но именно в этой противоречивости социальной мысли Бэкона отразилась вся глубина противоречий переломной эпохи, в условиях которой он действовал.

* * *

Вопрос о месте Бэкона в истории исторической мысли решается в современной историософии неоднозначно. Преобладающей является тенденция рассматривать его историзм как своего рода запоздалое эхо ренессансного «Искусства истории» (*Ars historica*)⁵⁸. Очевидно, что в этом случае происходит нечто подобное «раздвоению» интеллектуального облика мыслителя: родоначальник опытной науки нового времени предстает на ниве историзма учеником (к тому же не очень способным) и подражателем великих итальянцев — Макьявелли и Гвичардини⁵⁹. Вторая тенденция, наметившаяся в работах последних лет, отражает стремление исследователей проецировать на область истории идеи Бэкона, с которыми связывается научная революция в естествознании. Так возникла концепция «исторической революции» XVI—начала XVII в.⁶⁰, т. е. отхода от историографического жанра повествовательной литературы и поворота в направлении аналитической ис-

⁵⁵ См.: *New Atlantis // The Works. Vol. III. P. 156.*

⁵⁶ См.: *Ibid. P. 148.*

⁵⁷ См.: *Ibid. Vol. I. P. 796.*

⁵⁸ См.: *Dean L. F. Sir Francis Bacon's Theory. . . P. 211ff.*

⁵⁹ См.: *Ibid. (ср.: Luciani V. Bacon and Machiavelli. P. 236f; Idem. Bacon and Guicciardini. P. 90ff.).*

⁶⁰ См.: *Smith-Fussner F. The Historical Revolution // English Historical Writing and Thought, 1580—1640. L., 1962 (ср.: Sypher W. O. Op. cit. P. 353).*

тории. Каждая из только что обрисованных тенденций не столько решает, сколько упрощает и обедняет рассматриваемую проблему.

Бэкон как мыслитель переходной эпохи принадлежал, естественно, не только веку грядущему, но и во многом веку уходящему. В силу этого обстоятельства в его историзме, в частности, нетрудно обнаружить как элементы историзма ренессансного, так и свидетельствующие о стремлении распространить на историографию требования общенаучного метода «новой индукции». В конечном счете именно эта тенденция и явилась указанием на начало так называемой исторической революции. Однако в том и состоит трудность проблемы его историзма, что вопреки этой мозаике разнохарактерных элементов он «неразлагаем» без потери им своей специфики. Но ведь именно в ее обнаружении и заключается суть исследуемой проблемы. Итак, только в сопоставлении историзма Бэкона с его же концепцией науки, с одной стороны, и концепцией истории, содержащейся в «*Artes historicae*» гуманистов XVI в., — с другой, может быть обнаружена искомая специфика историзма Бэкона. В рамках данной статьи будут рассмотрены три вопроса, связанных с решением этой задачи: 1) представления Бэкона об истории как действительности; 2) логико-философская характеристика истории как науки; 3) теория и практика историописания, как они виделись Бэкону.

Повышенный интерес Бэкона к теории истории засвидетельствован его собственным признанием: «Из всех наук я уделил больше всего внимания и времени изучению истории и права»⁶¹. И это обстоятельство знаменательно во многих отношениях. Пока укажем на одно, в данном случае наиболее существенное. В интересе Бэкона к «гражданской истории» нашло свое выражение общее в ту эпоху движение философии от традиционной метафизики и моралистики к истории как основанию опытного естествознания и наставнице в сфере морали. Поистине у зачинателей новой, индуктивной логики история превратилась в инструмент самой эффективной критики метода всей традиционной науки. На почве новой логики история оказалась базисом всей системы наук, началом всех начал. При этом, однако, следует учесть, что со сменой исторических эпох менялся смысл, вкладывавшийся в термин «история». Ко времени Бэкона господствующей являлась тенденция к наполнению его изначальным, классическим содержанием, а именно — «расследование», «описание», «узнавание».

Следовательно, фактор времени (как в смысле бытийном, так и познавательном) в этом содержании практически отсутствовал, ибо «исследовалось» и «описывалось» «событие» — естественное или общественное, наблюдавшееся и засвидетельствованное как нечто неизменное, всегда тождественное себе, независимо от того, происходило ли оно в настоящем, на глазах повествующего о нем,

⁶¹ Бэкон Ф. Соч. Т. 1. С. 272.

или в прошлом, т. е. воспринималось по описаниям других. Именно эта черта в содержании анализируемого термина рельефно выражена у Бэкона. Для него история означала и способ бытия (естественная и гражданская «история»), и способ его познания (опыт, наблюдение и т. п.). В первом случае историческое бытие оказывается, по сути, неподвластным течению времени, а связанным внешним образом с промежутком, в котором это бытие предстает как упорядоченное многообразие. Этим определялся, соответственно, и способ первичного его познания — эмпирического и индуктивного, а именно: наблюдение единичных вещей («событий») и описание их вневременной природы. Подчеркнем, что для Бэкона речь шла в подобном случае именно об «историческом» познании.

Таким образом, гражданская история оказалась в поле зрения Бэкона не только потому, что, задавшись целью обозреть современное ему знание, он поневоле должен был включить в него и историю. В действительности же речь шла об интересе более глубоко. В историческом знании Бэкон усматривал фактическое основание, на котором должно быть воздвигнуто здание новой «гражданской науки». Тем самым проблема принимала научно-философский характер. «Авторы трактатов по этике, — писал Бэкон, — показали нам великолепные и вдохновляющие образцы блага, добродетели, долга, счастья. Но о том, каким образом можно лучше всего достигнуть этих целей, они или вообще ничего не говорят, или говорят весьма поверхностно». Традиционная моральная философия на это неспособна, так как она основана не на «истории», а витает над ней, вследствие чего полностью лишена практического, прикладного значения⁶². Только знание, извлеченное из частных, документированных фактов и размышления по поводу их, а также вытекающие из них заключения «представляют подлинную ценность для практики в отличие от знания, в котором примеры лишь иллюстрируют абстрактные постулаты».

Известно, что Бэкон не оставил специального сочинения, в котором освещались бы вопросы теории и практики историографии, не говоря уже о моральной философии. Поэтому основным источником наших суждений и умозаключений о месте Бэкона в истории историзма является его довольно беглый очерк гражданской истории (в связи с общей классификацией наук) в трактате «О значении и успехе знания, божественного и человеческого» (1605 г.), впоследствии дополненным и уточненным в его латинской версии под названием «О достоинстве и приумножении наук» (1623 г.). Отдельные положения и замечания, относящиеся к нашей теме, разбросаны по другим частям и фрагментам его «Великого восстановления наук».

⁶² The Works. Vol. I. P. 17.

Начать с того, что у Бэкона еще отсутствовала в сколько-нибудь развитой форме идея объективной (надличностной) истории, которая в то же время не была бы историей провиденциальной. Поскольку же речь шла об истории светской (гражданской), то она мыслилась им почти исключительно в плане субъективном, т. е. как история «деяний» отдельных индивидуумов, ее творивших. Исторические личности, «наделенные» «свободой воли», своими действиями изо дня в день замыслили и творили «события», из которых складывалась канва истории как действительности. Это и была та событийная гражданская история (*historia rerum gestarum*), которая, по сути, не знала иных различий между эпохами, кроме форм правления, состояния мира или войны и т. п., как и не ведала иных граней и разделений, помимо смены «актеров» или ареалов, в которых разыгрывалась драма истории⁶³. Такой и виделась Бэкону история как процесс, и в этом он, несомненно, уступал такому французскому историческому мыслителю XVI в., как Жан Боден⁶⁴, предвестнику социологической, объективной трактовки этого процесса.

Если же от характеристики хода истории обратиться к ее структурным делениям, то и здесь мы как будто не столкнемся со сколько-нибудь значительными новациями в сравнении с ренессансной традицией. В самом деле, понятие «гражданское общество» раскрывается Бэконом главным образом как «государство», которое в такой степени покрывает и поглощает первое, что именно оно чаще всего имеется в виду, когда в тексте значит «civil society». Приведем характерный пример: «Существуют три основных блага, которых люди ожидают для себя от гражданского общества: избавление от одиночества, помощь в делах и защита от обидчиков». Не вдаваясь здесь в характеристику политических воззрений Бэкона, отметим, что они явным образом не шли дальше идеала, предвосхищавшего доктрину просвещенной монархии. «Известно, что под властью просвещенных правителей государства переживали наиболее счастливые времена своей истории»⁶⁵. Вообще складывается впечатление, что вопрос о наилучшей форме правления Бэкон решал как сугубый прагматик, т. е. сообразно конкретным условиям времени и места. В этой связи характерно, что период складывания и возвышения национальных государств в любой их форме рассматривается им как особенно достойный внимания историков⁶⁶. Очевидно, что во всем этом Бэкон оставался в границах и на почве ренессансной традиции.

Вместе с тем, как это вообще было характерно для склада его мысли, концептуальный дар нередко по поводу, казалось бы,

⁶³ Ibid. P. 749 (cp.: Ibid. P. 504).

⁶⁴ *Bodin I. Methodus ad facilem historiarum cognitionem*. P., [1567].

⁶⁵ *The Works*. Vol. I. P. 747 (cp.: Ibid. P. 471).

⁶⁶ См.: *Essays or Counsels Civil and Moral*. L., 1625 (*The Works*. Vol. I. P. 508).

незначительному, неожиданно прорывал «круг», очерченный указанной традицией, и Бэкон формулировал положения столь поразительные по своей глубине и оригинальности, что ими зачастую предвосхищалась интеллектуальная история века грядущего. Так, характеризуя особенности того вида историографии, которая именуется им «историей эпох», или «всеобщей», Бэкон резко противопоставлял ее традиционным «всемирным историям», не только на том основании, что последние сплошь и рядом представлялись ему «беспорядочной мешаниной» событий и сообщений, выхваченных из различного рода малодостоверных повествований, но и из-за стремлений составителей таких «историй» начинать их едва ли не со дня творения⁶⁷. Бэкон же мыслил «всеобщую историю» не как механический свод «частных» историй, а как их синтез на основе того общего, что характеризует — в рамках определенного хронологического отрезка — движение истории в различных ареалах, того «духа», который составлял специфику определенной эпохи всеобщей истории. «Ведь все события в нашем мире не настолько разделены по странам и государствам, чтобы между ними не существовало многочисленных связей. Поэтому... интересно рассматривать события какого-то века... как бы собранные воедино и воспроизведенные на одной картине»⁶⁸.

Очевидно, что мысль Бэкона о внутреннем единстве, содержательной целостности и завершенности каждой из исторических эпох не укладывалась в концепцию событийной, т. е. субъективно творимой, истории и приближалась к идее объективной, надличностной истории. Важность категории исторического времени, самый процесс ее формирования в историзме Бэкона требует более пристального рассмотрения. Во-первых, встречающееся как в латинских, так и в английских текстах Бэкона, по видимости, формальное и «нейтральное» употребление терминов: *tempus*, *time* (время), *saeculum*, *age* (век) — применительно к истории приобретает уже определенно содержательный, технический смысл — «эпоха». Это подтверждается во всех тех случаях, когда идея смены исторических эпох передается как «движение», «смена», «круговращение» времени (*temporum motus*, *revolution of time*)⁶⁹.

Но что скрывается за подобного рода словоупотреблением «время», «времена»? Только однажды мы неожиданно узнаем, что у каждого времени свои «нравы», что склонности и нравы магистрата могут совпадать или противоречить «нравам времени»⁷⁰, что каждому «времени» свойствен свой «образ жизни», виды занятий, особенно распространенные и ценимые. И поскольку все эти черты эпохи не являются производными от характера власти-

⁶⁷ The Works. Vol. I. P. 512.

⁶⁸ Ibid. P. 514.

⁶⁹ См.: Ibid.

⁷⁰ См.: Ibid. P. 778 («cum temporibus conveniat»).

теля, а независимы от него, предшествуют ему, они и есть определение специфики данного исторического времени. И тем не менее сама неопределенность, расплывчатость определений этой совокупности черт эпохи («характер», «нравы» и т. п.) как нельзя лучше свидетельствует о том, насколько еще неразвитой оставалась у Бэкона категория объективного исторического времени.

Так или иначе, какой бы смысл в содержание понятия «дух времени» им ни вкладывался, именно этот «дух» придавал «веку» печать неповторимого своеобразия и индивидуальности, в него историк должен был мысленно погружаться, духовно ему «уподобиться», для того чтобы понять его и описать⁷¹. Если судить по этим предъявленным историку требованиям, то Бэкон явным образом опережал развитие исторической мысли по крайней мере на два столетия, ибо только на рубеже XVIII—XIX вв. мы сталкиваемся с теми же — в общем и целом — требованиями, составлявшими вклад историков-романтиков в поступательное движение историзма. Однако если, опираясь на косвенные данные, попытаться приблизиться к пониманию смысла анализируемой категории («дух времени»), то мы, вероятнее всего, окажемся отброшенными назад — к историзму Возрождения, поскольку, судя по всему, речь шла о «нравах», зависевших от данного состояния мира и войны, «процветания» или упадка, обусловленных в конечном счете «характером правления».

Так или иначе, но концепция исторического времени, унаследованная от гуманистов Возрождения и заключавшаяся в приближавшемся к круговороту чередовании «циклов» («круговорот времени»), подвела Бэкона вплотную к проблеме периодизации истории. Ему принадлежит набросок в высшей степени оригинальной идеи таковой, сделанный еще в работе 1605 г., но так и оставшийся неразработанным и более того — опущенным в опубликованной в 1623 г. латинской версии той же работы⁷². «Провидению было угодно, — писал Бэкон, — явить миру два образцовых государства в таких областях, как военная доблесть, состояние наук, моральная добродетель, политика и право, — государство Греции и государство Рима. Их история занимает срединную часть [исторических] времен. Известна более древняя по отношению к упомянутым государствам история, именуемая одним общим названием — „древности“ мира, равно как и последующая за ним история, именуемая новой»⁷³.

Данная периодизация примечательна в ряде отношений. Во-первых, в отличие от трехчленного деления всеобщей истории, выработанного гуманистами Возрождения, в основу ее положена не история Европы (и тем более не история Италии), а история

⁷¹ См.: Ibid. P. 504 (ср.: *Бэкон Ф.* Соч. Т. 2. С. 160).

⁷² «О достоинстве и приумножении наук».

⁷³ The Works. Vol. III. P. 345.

всего известного (по крайней мере со времени классической древности), «круга земель». Нетрудно заметить, что история Древней Греции и Древнего Рима оказалась в рассматриваемой периодизации передвинутой с «начальной точки отсчета светской (подчеркиваем — светской, а не священной) истории на середину шкалы. «Древности» же (точнее — история, предшествовавшая Греции и Риму; речь, по-видимому, шла о Древнем Востоке), таким образом, включали государства, им предшествовавшие. В этом, несомненно, заключался в сравнении с упомянутой периодизацией гуманистов сдвиг более чем конструктивный. Вторая особенность бэконовской периодизации заключалась в совершенно немислимом с точки зрения гуманистов Возрождения причислении средних веков наряду с Возрождением к одной и той же эпохе — новой истории, к эпохе, наступившей после Юстиниана — «последнего из римлян». Впрочем, эта периодизация, весьма близкая по духу (если и не по букве) принятой в современной историографии концепции всеобщей истории, оказалась только мимолетным провидением далекого будущего. Характерно, что в более поздних работах Бэкона она больше не встречается. Зато в них повторяется представление гуманистов о «темноте» тысячелетнего периода, простиравшегося между крушением Западной Римской империи и Возрождением. Так или иначе, но факт отступления Бэкона, пусть только в одном случае, от ренессансной традиции, сама возможность и необходимость такого отступления — еще одно свидетельство смелости его мышления.

В целом значение категории времени в системе воззрений Бэкона очень велико. Можно только удивляться, что до сих пор данная проблема не стала предметом специального исследования. Заметим в этой связи, что наряду с провиденциальным смыслом истории Бэкон вынес за пределы науки и столь характерную для средневековья оппозицию внутри самого времени — «прошедшее — будущее», в рамках которой «настоящее» выступает и разделительной гранью и соединяющим звеном⁷⁴. Перенесение центра тяжести в рассуждениях Бэкона о времени с модуса прошлого на модус будущего придавало историческому движению перспективу и качественную необратимость. Традиционное представление о «вращении времен» приобретало постепенно характер линейной смены времен и состояний (возраста) мира⁷⁵. Суть истории все чаще отождествляется с поступательными изменениями; с прогрессом, пусть для начала только в движении наук и искусств.

Однако напрасно искать у Бэкона сколько-нибудь определенного ответа на вопрос: чем обуславливается смена исторических эпох? Только в его истолковании мифа о Прометее обнаруживаются

⁷⁴ См.: Ibid. Vol. I. P. 509.

⁷⁵ См.: Ibid. P. 504 (ср.: Ibid. P. 162).

какие-то подходы к возможным ответам: «Во всем многообразии Вселенной древние особо выделяли организацию и конституцию человека, что они считали делом Провидения. . . Но особенно важно то, что человек с точки зрения конечных причин рассматривается здесь как центр мироздания, так, что, если убрать из этого мира человека, все остальное будет в таком случае казаться лишенным главы, неопределенным и бессмысленным»⁷⁶. И тем не менее человек, этот центр Вселенной, это самое совершенное создание на Земле, остался недовольным своей природой и неудовлетворенным собой. В этом свойстве человеческой натуры никогда не довольствоваться настоящим, данным, достигнутым, а стремиться ко все более совершенному состоянию Бэкон увидел разгадку движения человеческой истории в самом исходном ее звене⁷⁷. «Ведь те, кто безмерно превозносит человеческую природу или искусства, которыми овладели люди, кто приходит в несказанный восторг от тех вещей, которыми они обладают. . . не приносят никакой пользы людям. . . они уже не стремятся вперед. Наоборот, те, кто обвиняет природу и искусство, кто непрерывно жалуется на них, те безусловно. . . постоянно стремятся к новой деятельности и к новым открытиям». Мысль Бэкона предельно ясна: только благодаря тому, что человек деятельно проявляет недовольство тем, чем он уже располагает, история продвигается вперед.

Разумеется, подобный ответ остается в границах научной цели Бэкона — убедить современников и потомков в необходимости не доверять «божественный дар (т. е. разум.— *М. Б.*) ленивому и медлительному телу», а связать две стороны человеческой деятельности — «догматическую» и «эмпирическую» — воедино. С точки зрения истории цивилизации в приведенном суждении Бэкона гораздо больше исторического смысла, чем в эстетической концепции истории, господствовавшей в ранессансном историзме и рассматривавшей государство в качестве важнейшего движущего начала человечества.

Итак, в основе смены исторических эпох лежит «прометеев» статус человека, или, что то же самое, «школа Прометеев»⁷⁸. Характер каждой такой эпохи определяется мерой влияния на ход истории людей, принадлежащих к этой «школе». Тем, что историческая мысль Бэкона включала не только прошлое и настоящее, но и будущее, рассматривала настоящее не только с позиции прошлого, но и будущего, она знаменовала собой крупный шаг вперед по сравнению с историзмом Возрождения.

Историческое значение выдвинутых Бэконом положений в этой области было бы трудно переоценить. В самом деле, хотя к началу XVI в. учение Августина (отождествлявшее исторические

⁷⁶ Ibid. Vol. VI. P. 670.

⁷⁷ См.: Ibid. Vol. I, P. 162.

⁷⁸ См.: Ibid. Vol. VI. P. 676.

изменения с упадком и порчей, движением к «концу мира») уже было в значительной мере подорвано христианским гуманизмом Возрождения, однако его собственного исторического оптимизма хватало лишь для допущения возможности улучшений прежде всего моральных и литературных. Два обстоятельства мешали христианским гуманистам сделать более далеко идущие выводы из данной им весьма высокой оценки возможностей и призвания человека в этом мире: во-первых, строгое соблюдение границ, предписанных Библией, и, во-вторых, поиск эталонов человеческих доблестей в классической древности.

В целом идее прогресса принадлежит важное место в философско-историческом наследии Бэкона, хотя и в этой линии его рассуждений нетрудно обнаружить и непоследовательность, и явные противоречия. Начать с того, что идея прогресса сформировалась у Бэкона прежде всего по сугубо специальному поводу: в связи с непрекращающейся — со времени позднего Возрождения и до начала XVIII в. — дискуссией между «модернистами» и «классиками» по вопросу о соотношении культурного наследия древности и культуры нового времени⁷⁹. Очевидно, что для преодоления завещанной Возрождением идеализации классической древности, рассматриваемой как непревзойденный эталон всего того, что вкладывалось гуманистами в труднопереводимое понятие *virtù* (добродетель, доблесть) — предела возможностей человеческого духа, — нужны были и более высокая степень секуляризации человеческой мысли, и более адекватное представление об истинном и мнимом в критериях и оценках сравниваемых состояний, а главное, об истинных путях, методах интеллектуальной деятельности и тем самым об исторических перспективах этой деятельности⁸⁰.

Бэкон в ходе упоминавшейся дискуссии оказался на стороне «модернистов», усматривавших в свершениях человека нового времени образцы, «превосходящие» доблесть древних. Однако свою позицию он аргументировал не формально, а исторически (хотя речь при этом шла только об истории наук и искусств).

⁷⁹ См.: *Lombard A. La querelle des Anciens et modernes. Neufchatel, 1908; Jones R. E. Ancients and Moderns. L., 1961.*

⁸⁰ Именно последнего не доставало всем современным Бэкону участникам данной дискуссии. Даже в тех случаях, когда христианские гуманисты говорили о достижениях своего времени, границей этого состояния всегда мысленно оставалась классическая древность. У этой границы всякое творчество мыслилось лишь как «подражание». Отсюда следовало, что всевозможные улучшения, предвидимые в будущем, оказывались всего лишь «восстановлением утерянного», преданного забвению, большим или меньшим приближением к былой вершине. Одним словом, категория развития в конечном счете сводилась к возврату к прошлому. Так, в письме Эразма Роттердамского папе Льву X выражалась надежда увидеть наступление «золотого века», который должен был заключаться в «восстановлении» трех благословений рода человеческого: благочестия, литературы и христианского согласия (См.: *Baker H. The Race of Time. Toronto, 1966. P. 372*).

То обстоятельство, что для Бэкона критерием для определения места эпох в ходе истории служило состояние науки и искусств (промышленных!), не должно удивлять. Ведь он был создателем философии «новой науки», призванной — по крайней мере в идеале — служить прогрессу материального производства. «Число веков, — отмечал Бэкон, — если правильно поразмыслить, оказывается весьма малым, ибо из двадцати пяти столетий, которые приходится на науку и сохраняют в памяти людей, едва ли можно насчитать и выделить шесть столетий, плодотворных для науки. . . Пустынных и заброшенных областей во времени не меньше, чем в пространстве»⁸¹.

Именно в этой области, как уже отмечалось, Бэкон преодолел циклическую концепцию исторического времени, возобладавшую к XVI в. в ренессансном историзме. Он рассматривал смену эпох расцвета и упадка наук не как проявление некоей циклической закономерности, заложенной в самом процессе научного творчества, а как следствие специфических условий, в которых — в соответствующие эпохи — развиваются науки и искусства. «Одни умы, — отмечал Бэкон, — склонны к почитанию древности, другие увлечены приверженностью к новизне. Но лишь немногие умы могут соблюдать такую меру, чтобы не отбрасывать то, что должным образом установлено древними, и не пренебречь тем, что верно предложено новыми. Этим наносится большой ущерб философии и наукам, ибо это скорее следствие увлечения древним и новым, а не суждения о них. Истину же должно искать не в удачливости какого-либо времени. . . а в свете природы и опыта»⁸². То обстоятельство, что тысячелетний «средний век» «выпал» из истории науки, явилось следствием помех, которые стояли на ее пути, — церковь, политические режимы, схоластика. «Если бы в течение многих веков, — писал Бэкон, — умы людей не были заняты религией и теологией и если бы гражданские власти (особенно монархические) не противостояли такого рода новшествам. . . то, без сомнения, возникли бы еще многие философские и теоретические школы, подобные тем, что некогда в большом разнообразии процветали у греков»⁸³.

Развитие наук и «механических искусств» в новую эпоху — с момента изобретения книгопечатания, магнитной иглы и Великих географических открытий — намного превзошло достижения древних. «Наше время, — подчеркивал Бэкон, — по развитию знаний вовсе не уступает, а в ряде случаев и значительно превосхо-

⁸¹ The Works. Vol. I. P. 186. Вот образец силы традиции: «Даже разумные и твердые мужи. . . считают, что в мировом круговращении времени и веков у наук бывают некие приливы и отливы, ибо в одни времена науки росли и процветали, а в другие времена приходили в упадок и оставались в небрежении» (Ibid. P. 199).

⁸² Ibid. P. 170.

⁸³ Ibid. P. 178.

дит те времена, что выпали на долю греков и римлян»⁸⁴. Человеческий ум ненасытен. Получив в «новой индукции» ариаднину нить, ведущую не к словам о вещах, а к самим вещам, он будет еще глубже проникать в тайны природы. С этих пор развитие наук и искусств обрело необозримые горизонты. «Ведь именно в нашу эпоху земной шар каким-то удивительным образом сделался открытым и доступным для изучения. . . Это достижение нашего времени, так что оно полным правом могло бы взять своим девизом знаменитое „plus ultra“, в сравнении с древними, провозгласившими „non ultra“»⁸⁵.

До тех пор пока человеческий ум, блуждая по боковым тропинкам, был занят проблемами цели и методов исследования, развитие наук и искусств обнаруживало все признаки циклизма⁸⁶. Только одна область человеческой практики не знала перерывов в своем поступательном развитии: «механические искусства», основанные на законах природы, прогрессировали постоянно. Решающая причина тому: «то, что основано на природе, растет и приумножается». Если бы науки «придерживались древа природы и питались бы от него, то никак не случилось бы того, что мы наблюдаем уже в течение двух тысячелетий: науки. . . остаются почти в одном и том же состоянии и не получают никакого приращения». Бэкон считал, что в его эпоху для них открылась возможность непрерывного, кумулятивного развития по «восходящей линии»⁸⁷.

Иными словами, движение исторического времени, пусть только в специальной области научных (опытных) исследований, поставлено Бэконом в прямую связь с заложенной в настоящем исторической перспективой. Именно этим обстоятельством было обусловлено возвышение Бэконом «своего времени» над прошлыми эпохами, включая и классическую древность. Хотя времена Платона и Аристотеля именуется древностью, в действительности применительно к ним следует говорить о возрасте раннем. «Что же касается древности, — писал Бэкон, — то мнение, которого о ней придерживаются люди, совершенно необдуманно. . . Ибо древность следует. . . отнести к нашим временам, а не к более молодому возрасту мира, который был у древних. . . И подобно тому, как мы ожидаем от старого человека больших знаний и более зрелых суждений. . . так и от нашего старшего времени следует ожидать большего, чем от былых времен»⁸⁸. Характерно, однако, что Бэкон еще не распространял идею прогресса на ход «гражданской истории» в целом. В этом случае он оставался на почве ренессансного циклизма. «Случается и так, — развивает он свою мысль, — что после периода расцвета государств вдруг начинаются волнения,

⁸⁴ Ibid. P. 514.

⁸⁵ Ibid. («plus ultra» — «дальше вперед», «non ultra» — «не дальше»).

⁸⁶ Ibid. P. 186.

⁸⁷ См.: Ibid. P. 199.

⁸⁸ Ibid. P. 192.

восстания и войны. . . люди вновь проявляют худшие стороны своей природы, в деревнях и городах царит опустошение и тогда наступают времена варварства»⁸⁹.

Итак, согласно Бэкону, возможен такой вариант развития общества, как целого, когда после расцвета оно, по причинам, им самим не уточненным, вдруг впадает в состояние нового варварства. Но самое удивительное заключается в том, что и наука — единственный, по его мнению подлинно динамический элемент общества, — также развивается циклами. «Даже разумные и твердые мужи. . . считают, что в мировом круговращении времен и веков у наук бывают некие приливы и отливы, ибо в одни времена науки росли и процветали, а в другие времена приходили в упадок и оставались в небрежении»⁹⁰.

Дело в том, что Бэкон в сфере науки разделяет циклическую концепцию только применительно к временам, предшествовавшим возникновению «новой науки». Иными словами, циклически развивалась наука до тех пор, пока общество не осознало ложность путей ее движения — ее абстрактность, схоластичность и, по сути, беспредметность. Если же оно сумеет поставить себе на службу «новую» экспериментальную науку, перед ним откроются исторические горизонты поистине необозримые.

«Что касается меня, — пишет Бэкон, — то я. . . думаю, что эти две способности — догматическая и эмпирическая — до сих пор не были прочно соединены и связаны друг с другом»⁹¹. Люди сами виноваты в своих несчастьях. . . «Школа же Прометея — это люди мудрые, думающие о будущем, они смотрят вперед без страха». Совершенствования науки нужно ждать от последовательной деятельности многих поколений, сменяющих друг друга.

Вывод предельно ясен: «Должно быть совершено обновление до последних основ, если мы не хотим вращаться в круге с самым ничтожным движением вперед»⁹².

В заключение анализа воззрений Бэкона на историю как действительность нельзя не обратить внимание на встречающееся в его текстах выражение — «законы истинной истории». О каких законах здесь идет речь? Скорее всего о законах жанра, т. е. исторического повествования, именуемого Бэконом «истинной историей». Однако нас не могут не интересовать суждения Бэкона о возможности обнаружения в гражданской истории регулярностей, позволяющих историком формулировать определенные общие принципы, или, пользуясь терминологией самого Бэкона, «аксиомы».

С позиции «новой индукции» индивидуальное, как конечное материального мира, доступного рациональному познанию, есть

⁸⁹ Ibid. Vol. VI. P. 648.

⁹⁰ Бэкон Ф. Соч. Т. 2. С. 54.

⁹¹ Там же. С. 286.

⁹² Там же. С. 17.

лишь исходное, отправное в процессе восхождения разума к общему, к закону. Объективной предпосылкой подобного метода является внутренняя, скрытая связь вещей («событий») между собой. Следовательно, действительное, а не мнимое познание есть не что иное, как обнаружение этой связи между тем, что кажется обособленным и единичным. Ибо совершенно очевидно, что хотя «вещи разнородны и чужды одна другой, однако они сходятся в... законе»⁹³.

В этой связи самым примечательным является одно совершенно оригинальное для своего времени наблюдение Бэкона. Так, указывая на одну из специфических черт исторического закона, он пишет: «Легко заметить, что законы истинной истории настолько строги, что они лишь с большим трудом применимы к столь большому материалу (всеобщей истории. — М. Б.), так что в результате великое значение истории скорее уменьшается, чем увеличивается с разрастанием ее объема»⁹⁴. Даже если в данном случае речь идет о «законе жанра», как это иногда представляется, т. е. о специфике исторического описания, то тем не менее и в плане объективной, собственно исторической (а не социологической) закономерности плодотворность этого наблюдения была подтверждена всем опытом историографии в последующие столетия⁹⁵.

Как легко было убедиться, сводить интересы Бэкона в области истории к ординарному для его времени кругу вопросов, трактованных в многочисленных эссе гуманистов на тему «О пользе истории» и т. п., означало бы пройти мимо самой сути его историзма. Так как в системе бэконовской философии науки история — это не только (и даже не столько) конкретная дисциплина, а прежде всего метод, фундамент научного освоения мира — природы и общества, — то правомерно заключить, что Бэкон по-своему «историзировал» научное познание в целом, поскольку проецировал на исследование природы процедуру, характерную, по его мнению, для историописания. Так, в заключении второй книги «Нового органа» говорится: «Мы придерживаемся того мнения, что если люди будут располагать надлежащей естественной и экспериментальной историей и проявят в ней прилежание и при этом окажутся способными к двум вещам: во-первых, оставить общепринятые мнения и понятия и, во-вторых, удержать ум от

⁹³ Ibid. P. 258.

⁹⁴ См.: Ibid. P. 512.

⁹⁵ Дело в том, что собственно историческая закономерность в отличие от закономерности социологической всегда оказывается выявленной и сформулированной тем точнее, чем определеннее очерчены ее пространственно-временные границы. Как показала научная практика в данной области, огромное большинство установленных собственно исторических закономерностей носит именно такой «локализованный» во времени и пространстве характер (см.: Барз М. А. Категории и методы исторического исследования. М., 1984. Гл. V).

самого общего. . . , то они смогут прийти к нашему истолкованию»⁹⁶.

Уже подчеркивалось, что идея основания науки на фундаменте «истории» явилась прямым вызовом натурфилософии Возрождения (безразлично, к какой из двух классических традиций она примыкала — Платона или Аристотеля). «История» оказалась самым эффективным противовесом традиционным воззрениям, основанным на «ложной индукции», в которой факты — случайные и выхваченные — служат лишь иллюстрацией к общим положениям в отличие от индукции подлинной, в которой воплощалось прямо противоположное требование: восходить по непрерывным ступенькам — от частных к меньшим «аксиомам» и затем к средним, и, наконец, по мысли Бэкона, к самым высоким.

«История» как систематизированный опыт — такова фундаментальная предпосылка научной революции. «Без естественной и экспериментальной истории, которую мы предлагаем создать, в философии и науке не могло и не может быть никакого прогресса, достойного рода человеческого»⁹⁷. Сам призыв Бэкона приступить к документированию всех явлений небесных и земных, как наблюдаемых непосредственно, т. е. в данное время, так и сохранившихся в памятниках письменности, был формой осуждения традиции умозрительной науки, рассматривавшей углубление в детали действительности как занятие, недостойное философского ума.

В той же степени, в какой с помощью идеи «истории» Бэкон создавал «новую науку» о природе, он воссоздавал и натуралистическую науку гражданской истории. В самом деле, во всех рассуждениях гуманистов XVI в. о методе применительно к истории речь шла главным образом об истории как о специфическом жанре литературы. Даже Боден, приблизившийся к идее истории как науки, тем не менее остался чужд мысли об универсализме логических проблем научного познания как такового⁹⁸. Возведение же Бэконом гражданской истории в ранг науки означало распространение на нее тех же логических процедур, которые предусматривались «новой индукцией» при составлении естественной и экспериментальной истории.

Отныне не оставалось принципиальных различий между исследованием «событий» и «явлений» природы и «деяний» людей — событий исторических. Исходный принцип становился общим: сначала наблюдения, затем — рассуждения. Новая логика мысли-

⁹⁶ The Works. Vol. I. P. 123.

⁹⁷ Ibid. Vol. IV. P. 254.

⁹⁸ См.: Bodin J. Op. cit. P. 18. Очевидно, что Бэкон отвергал не только силлогистику Аристотеля, но и логику П. Рамуса (1515—1572) как олицетворение «ложной индукции» (см.: Gilbert N. Renaissance Concept of Method. N. Y., 1960. P. 147).

лась как универсальный инструмент науки «истории» в широком смысле, независимо от того, идет ли речь об истории естественной или гражданской.

Именно поэтому столь новаторский шаг в истории историзма, по крайней мере в сравнении с историзмом Возрождения, выглядит в контексте предложенной Бэконом классификации наук как нечто само собой разумеющееся: «История делится на естественную и гражданскую. В естественной истории рассматриваются явления и факты природы, в гражданской — деяния людей»⁹⁹. Бэкон распространял новую логику на все области познания. И в предложенной им классификации наук он оставался верным этому принципу. Так же как он предложил 130 тем для составления «частных историй» природы, и для гражданской истории он составил перечень 28 отдельных, подлежащих изучению, направлений — «отраслей», каждая из которых делилась на «подразделы», и т. д.¹⁰⁰

В результате история гражданская превращалась из «свободного» искусства в научную дисциплину, основанную на новой логике, т. е. методе индукции, и притом не только в составную часть «научной революции», но в ее гносеологическую предпосылку, в частности, в такой обширной области наук о человеке, которые именовались Бэконом «гражданскими». Но тем самым пересматривалось и неизмеримо углублялось унаследованное от историзма Возрождения решение вопроса о «пользе гражданской истории». Именно тем, что Бэкон распространил на гражданскую историю требование общественного служения, т. е. служения «общему благу», предъявлявшееся науке в целом, он провел разграничительную линию между своим и традиционно гуманистическим ответом на вопрос о «пользе истории». Из средства индивидуального «воспитания» и «обучения» людей на «примерах» и «уроках» прошлого история превращалась в основание моральной философии и в конечном счете в одну из предпосылок установления на земле «братства людей». В предисловии к «Великому восстановлению наук» Бэкон писал: «Конечно, роль науки в гражданских делах, в устранении неприятностей, которые человек доставляет человеку, не намного уступает другим ее заслугам в облегчении тех трудностей человеческой жизни, которые создаются самой природой»¹⁰¹.

Исторические знания в гражданской области были признаны «питающей почвой» всех наук о человеке, без которых, по мысли Бэкона, невозможно совершенствование системы общественных институтов и отношений. Этому своему призванию гражданская история служит двумя путями: посредством этики, помогая инди-

⁹⁹ The Works. Vol. I. P. 495.

¹⁰⁰ См.: Ibid. P. 5—10; *Nadel G. H. Op. cit.* P. 236. В ряде случаев Бэкон как бы ослабляет роль «новой индукции» в области «гражданской истории».

¹⁰¹ The Works. Vol. I. P. 470.

видууму ориентироваться в системе ценностей и тем самым содействуя распространению тех из них, что ведут к «благу», и посредством политики, наставляя властителей в вопросах, связанных с истинными основаниями и призванием государственных институтов. Соответственно и степень «научности» истории оценивается Бэконом в зависимости от пригодности ее материала для извлечения из него надлежащих «аксиом». Следовательно, так же, как без «естественной и экспериментальной истории», по мысли Бэкона, не могло быть никакого прогресса в натурфилософии, так и без адекватной гражданской истории не могло быть прогресса в моральной философии и в гражданских науках — политике, этике, экономике, праве — и в конечном счете — в более разумном устройстве «семьи людей». До сих пор, замечает Бэкон, моральная философия исходила из идеи долженствования. Между тем, чтобы оказаться способной указать на корень зла и добра, она должна опираться на знание сущего. Поэтому, заключает он, «нам есть за что благодарить Макьявелли и других авторов такого же рода, которые открыто и прямо повествуют о том, как обычно поступают люди, а не о том, как они должны поступать»¹⁰².

При всем том очевидно, что гражданская история и в оценке Бэкона еще лишена была самостоятельных научных задач, т. е. изучения прошлого как предмета, подлежащего познанию. И если бы за обрисовкой «служебного» характера исторического материала не скрывалась идея пусть опосредованного участия гражданской истории в увеличении суммы общественного блага, то в этом отношении мало что нового можно было бы вычитать у Бэкона, по сравнению с суждениями по данному вопросу, к примеру, Бодена, обратившегося к истории в интересах юриспруденции. «Всеобщая история, — развивает свою мысль Бэкон, — дает нам лучший материал для рассуждений на политические темы. . . факты из жизнеописаний могут служить в качестве прецедентов деловой практики»¹⁰³. Вместе с тем Бэкон, как и авторы «*Artes historicae*», видит «пользу гражданской истории» в том, что ей доверены «слава и доброе имя предков», что историческое повествование «может с большим успехом служить примером и образцом для читателя», увеличивая «славу и достоинство» королевств, оказывая «большую помощь в формировании гражданской мудрости» и т. д. и т. п.¹⁰⁴

С этой же «чересполосностью» оригинальных и унаследованных суждений Бэкона мы сталкиваемся и в определении им того места, которое рациональная способность человека, и в частности его «историческая» способность, занимает в процессе научного освоения окружающего мира. В самом начале предложенной

¹⁰² Ibid. P. 749.

¹⁰³ Ibid. P. 740.

¹⁰⁴ См.: Ibid. P. 505—514.

Бэконом классификации наук говорится: «Наиболее правильное расчленение человеческого знания — то, которое исходит из трех способностей разумной души, сосредоточивающей в себе знание. История соответствует памяти, поэзия воображению, философия — рассудку»¹⁰⁵. Перед нами изложение господствующего в то время традиционного учения — т. н. психологии рациональных способностей человека, метафизически расчленявшей процесс познания на обособленные замкнутые в себе функции — «акты». Согласно этому учению определенный род умственной (по терминологии того времени — «душевной») деятельности связан с определенным родом способностей разумной души. При этом каждая из этих способностей локализуется в особой ее «части».

В исследованиях, этому вопросу посвященных, уже было обращено внимание на то, что по логике этих «оснований» историческое познание как бы останавливается на подготовительной, дорассудочной фазе освоения материала. «Ощущение, — продолжает Бэкон, — служащее как бы воротами интеллекта, возникает только от воздействия единичного. Образы и впечатления от единичных предметов, воспринятые органами чувств, закрепляются в памяти. . . как бы не тронутыми, в том самом виде, в каком они явились чувственному восприятию. И только позднее человеческая душа перерабатывает и переживает их»¹⁰⁶. Отсюда легко заключить, что функции истории исчерпываются сбором и закреплением материала в памяти, в то время как процедура его собственно рассудочного освоения представляет уже «сферу деятельности» философии и науки.

Однако к моменту создания латинской версии трактата «О значении и успехе знания, божественного и человеческого» Бэкон значительно приблизился к доктрине Б. Телезио (1509—1588) и его последователей, в которой указанные выше «три способности разумной души» уже не отделены одна от другой, а объединены в одно целое, олицетворяющее мыслительную способность как таковую. Доктрина Телезио, преодолев метафизику учения о «трех способностях», вскрывала всю меру непригодности традиционной концепции, поскольку она оставляла вне поля зрения первую и наиболее фундаментальную способность «разумной души» — мыслить. Мышление — это универсальный способ духовной деятельности, и человек к нему прибегает в равной мере и тогда, когда он «запоминает», и тогда, когда он «рассуждает», и тогда, когда он «воображает». Более того, «память», отождествляемая с занятиями историей, оказывается не только «подготовительным этапом» рассудочной деятельности, но и этапом, ее завершающим: в первом случае речь идет о фиксировании образов, доставляемых

¹⁰⁵ Ibid. P. 494.

¹⁰⁶ Ibid. P. 495. Cp.: Patterson A. Francis Bacon and Socialised Science. Springfield, 1973. P. 17ff.

органами чувств, во втором — о фиксации результатов мыслительной деятельности.

Но самое важное, может быть, заключается в том, что память участвует на всем протяжении этой деятельности не только как «хранилище» первичных «образов» и конечных абстракций, но и как «носитель» самих мыслительных процедур. Поскольку же Бэкон отождествляет с «памятью» историю, постольку оказывается, что на разных этапах мыслительной деятельности функции «памяти» различны. Так, в начальной фазе эта функция выражается в создании «первичной истории»¹⁰⁷, а затем она становится последовательно причастной к логике и философии, т. е., по терминологии Бэкона, к науке в собственном смысле слова. «Пусть никто не ждет большого прогресса в науках, если отдельные науки не будут возвышены к... философии»¹⁰⁸ — таково в высшей степени дальновидное заключение Бэкона.

К сожалению, Бэкон не показал, как оперирует память, но зато не оставил сомнений о своих представлениях насчет объема памяти как сокровищницы опыта. «Та история, которую мы хотим создать и которую мы задумали прежде всего, должна быть широкой, созданной по масштабу Вселенной», способной «воспринять образ мира, каким он является в действительности». Из этого следовало, во-первых, что история является субстанцией каждой подлинной науки, а во-вторых, поскольку ее метод обуславливается предметом, то во всех остальных науках «историческим» является и метод восхождения от частного к общему, ибо в противном случае его результаты не могли бы служить инструментом познания действительности. «Ибо знания, которые буквально на наших глазах были извлечены из частных фактов, лучше других знают обратный путь к этим фактам»¹⁰⁹.

Итак, в условиях, когда «история» мыслилась, по существу, лишенной «внутреннего времени», когда человек, субъект знания, не включал себя в процесс истории, т. е. в процесс изменений, — его природа мыслилась неизменной, — наконец, когда метод «новой индукции» свидетельствовал о наступлении полосы господства механизма и метафизики в европейской науке¹¹⁰, не кто иной, как именно Бэкон на два столетия предвосхитил необходимость преодоления противостояния естествознания и наук о человеке путем перевода первого на почву опыта и нацелив последние на познания «естественных» закономерностей истории. Иными словами, в прозрении логического универсализма всей совокупности опытного знания и заключалось, в частности, то подлинно новое,

¹⁰⁷ В данном случае «*historia prima*», вероятно, целесообразно переводить как «первичная», подготовительная история (ср.: Бэкон Ф. Соч. Т. 2. С. 218).

¹⁰⁸ The Works. Vol. I. P. 505.

¹⁰⁹ См.: Ibid. P. 743.

¹¹⁰ См.: Фуко М. Слова и вещи. М., 1977. С. 192.

что внес Бэкон в теорию истории как науки. Разумеется, применяя афоризм Бэкона «истины — дети времени» к нему самому, легко обнаружить, что, «моделируя» логическое тождество истории «общества» и «истории» естественной, он в действительности утверждал лишь историзм натуралистический, в котором общество выступает в конечном счете как лишенное внутренней динамики¹¹¹. Тем не менее в начале XVII в. именно в указанном шаге заключался совершенный Бэконом прорыв из заколдованного круга, каким была гуманистическая концепция истории как рода искусства — спекулятивного, риторического, а по отношению к классическому наследию — эпигонского.

В заключение нашего анализа аналитико-философских воззрений Бэкона на историю как науку следует обратиться к его учению об «идолах», т. е. ложных понятиях, пленяющих человеческий разум и преграждающих доступ к истине. С позиции наших дней очевидно, что в этом учении затронута в высшей степени важная для исторического познания проблема: в какой степени ум историка — в силу естественной склонности, полученного воспитания, влияния общественной среды, одним словом, усвоенных стереотипов мысли и форм ее выражения, деформирует полученную информацию, привнося в нее «свое» прочтение, понимание, истолкование и т. п. Одним словом, каков объем и характер предубеждений, с которыми историк подходит к своему материалу. Перечисленные Бэконом предубеждения — «рода», «пещеры», «площади», «театра»¹¹² — являлись во все времена с момента возникновения историографии важнейшей и труднопреодолимой помехой на пути историка к истине. Характерно, однако, что Бэкон в разделах, где указанное учение излагается, не обратил внимание на столь важное для судеб историографии обстоятельство и связь эту специально не вычленил. Впрочем, он был занят интересами науки в целом, а не какой-либо одной отдельной дисциплины.

Тем не менее важность суждений Бэкона об «идолах» для понимания того, сколь близок был он к раскрытию затронутой проблемы, столь велика, что целесообразно их изложить хотя бы вкратце. Ум человека, подчеркивал Бэкон, подобен «кривому зеркалу»: оно отражает вещи в искривленном виде. Различные «идолы», т. е. попросту говоря, предваряющие процесс отражения «предрасположения ума», искажают природу вещей. Итак, одни заблуждения человеческого разума обусловлены «родовым» его недостатком, неизбежным примешиванием к природе вещей «своей собственной природы»¹¹³. Другие заблуждения, наоборот, связаны

¹¹¹ См.: *Асмус В. Ф.* Маркс и буржуазный историзм. М.; Л., 1933. С. 4.

¹¹² См.: *The Works. Vol. I. P. 163.*

¹¹³ Примеры «идолов рода»: вера в астрологические предсказания, вещие сны, предзнаменования, стремление объяснить действия природы по аналогии с действиями и поступками людей.

с условиями воспитания отдельного индивидуума — таковы «идолы пещеры». То, что Бэкон называет «идолами площади», мы назвали бы предубеждениями «групп». Разумеется, у Бэкона нет указаний на реальную подоснову «группового сознания» — в его изображении оно появляется в результате «общения» и «сотоварищества» людей. Вероятнее всего, перед его мысленным взором в этот момент витали сообщества ученых, которые привыкли вооружаться и охранять себя «плохим и нелепым установлением значения слов». В более широком смысле Бэкон здесь имеет в виду массовое сознание, формируемое «на площади», в котором значения слов устанавливаются сообразно «разумению толпы». Наконец, под «идолами театра» подразумеваются ложные «аксиомы» — «вымышленные и искусственные миры», которыми полны традиционные науки, например легенды о происхождении различных народов и основателях национальных государств¹¹⁴.

До сих пор сохраняют свою актуальность предостережения Бэкона наукам, пользующимся словом для выражения сути вещей. Они постоянно находятся перед опасностью троякого рода извращений. «Первое — это, если можно так выразиться, „наука фантастическая“, второе — „наука сутяжная“ и третье — „наука подкрашенная“»¹¹⁵. Ученым следует постоянно помнить о «колдовской силе» слов и во имя предметной истины пользоваться ими с большой осмотрительностью.

В текстах, содержащих критику традиционной науки и обоснование науки новой, опытной, Бэкон старался не углубляться в состояние отдельных наук. В работах же, так или иначе связанных с классификацией науки, он вынужден был заняться предметной областью и хотя бы мимолетно характеристикой отдельных наук. Применительно к гражданской истории, как специальной отрасли знания, обращает на себя внимание чрезвычайно высокая оценка Бэконом ее места и значения в системе наук. По его мнению, *гражданская история превосходит* по своему «значению и авторитету остальные человеческие творения». Впрочем, аргументация этого положения не лишена противоречий. С одной стороны, этим положением гражданская история обязана своей функции фактического основания всех наук о человеке. Это направление мысли было истинно новаторским. С другой — оно объясняется Бэконом в терминах более чем традиционных: «ведь ей доверены деяния предков»¹¹⁶.

Под стать высокому положению гражданской истории и трудности, стоящие на пути к созданию адекватной, истинной истории. Если оставить в стороне то обстоятельство, что сведения о древних ее периодах плохо сохранились, а занятия историей недавнего

¹¹⁴ Ibid. P. 164—165, 512.

¹¹⁵ См.: Ibid. P. 450.

¹¹⁶ Ibid. P. 504.

прошлого сопряжены для историка с немалой опасностью (можно навлечь на себя неудовольствие властей предрержащих), то преодоление других трудностей связано с мерой таланта историка. При этом речь идет вовсе не об искусстве риторики, а о способности «мысленно» погрузиться в прошлое, «проникнуться его духом», исследовать смену исторических эпох (требования, как уже отмечалось выше, поистине поразительные для того времени и остающиеся в полной силе и в научном историзме наших дней) и характеры исторических личностей¹¹⁷.

В последнем из перечисленных требований воплощена одна из основных форм реализации «новой индукции» в «гражданской истории». В самом деле, универсализм процедуры «новой индукции» требовал подобной же всеобщности в подходе к предмету, методу и цели исследования. «Событие» в природе и «деяния» людей в обществе оказывались — в принципе — явлениями однопорядковыми и, следовательно, требовали тождественных представлений об «их основаниях» и «действенных» причинах. Поскольку речь идет о науке истории, о комплексе гражданских наук, или, точнее — об универсальной науке о человеке, логика этого требования в конечном счете привела к превращению категории «природа человека» в базисную предметную область, в истинную цель гуманитарного познания и одновременно — в универсальный инструмент, с помощью которого объяснялись все явления сферы социального.

Естественно, что эта «природа» в тех условиях раскрывалась в терминах психологии «характера», обуславливающей индивидуальное и массовое поведение. Наклонности, аффекты, реакции и т. п. «прирожденные» черты характера оказывались таким образом «конечными свойствами» человеческой природы, над которыми возвышалось все здание учения об индивидуальном и социальном (гражданском) поведении. Иными словами, рассматривались черты характера, определявшиеся полом, возрастом, здоровьем или болезнью, красотой или уродливостью и т. д., и только после этого можно было принимать во внимание их преломление в специфических жизненных условиях индивидуума — его статуса (знатное или «низкое» происхождение), достоинства (богатство или бедность), фортуны (преуспевание или невзгоды)¹¹⁸.

Но какая же другая гражданская наука, кроме истории, обладает столь длительным и документированным, характеризующим проявления природы «человека в истории» материалом? Недаром Бэкон подчеркивал, что лучшими знатоками в этой области (т. е. человеческого характера) являются наряду с поэтами историки. И если выдвигалось требование, чтобы моральная философия не была догматической и формальной, а жизненной, находящейся

¹¹⁷ Ibid.

¹¹⁸ См.: Ibid. P. 316—317.

в согласии с «действительной природой вещей», то легко было заключить, что только гражданская история способна раскрывать «невидимые пружины» человеческого поведения, благодаря знанию ситуационных проявлений тех или иных черт «характера» и, следовательно, проникновению в психологию исторических личностей. Из этого делалось единственно возможное заключение: гражданская история призвана заменить традиционную моральную философию, превратившись в «философию, обучающую на примерах». Именно на этом основании Бэкон противопоставляет морали, дедуцированной из доктрины долженствования, метод ее изучения, продемонстрированный Макьявелли и сводившийся к эмпирическому и историческому исследованию действительного поведения людей как членов гражданского общества¹¹⁹.

Очевидно, что указанный Бэконом путь к превращению истории в науку в действительности к данной цели еще не приводил. Ее роль все еще оставалась служебной, поскольку речь шла о превращении ее в эмпирическое основание этики и политики и тем самым о сосредоточении ее усилий на документировании проявления исторических характеров в различных ситуациях и в различные эпохи. Отсюда столь высокая оценка Бэконом ряда античных и новых историков, наиболее приблизившихся к этому эталону «гражданской истории». С точки зрения глубины выявления человеческого характера самый «лучший материал... — писал он, — следует искать у наиболее серьезных историков», изображающих личность в действии, т. е. когда она «выходит на историческую сцену». «Именно так Тит Ливий описывает Сципиона Африканского и Катона Старшего, Тацит — Тиберия, Клавдия и Нерона... Филипп де Коммин —... Людовика XI, Франческо Гвиччардини — Фердинанда Испанского, императора Максимилиана, пап Льва и Климента»¹²⁰.

В конечном счете это все та же «естественнонаучная» модель исторической личности и тот же метод — стремление посредством «свойств» характера проникнуть в особенности, течение, механизм политической истории, которые выступают в теории истории Бэкона эмпирическим основанием политической науки. Вот почему «наиболее подходящим методом» трактовки вопросов этой науки представлялся ему «тот, который избрал Макьявелли», а именно, рассуждения на материале тех или иных исторических примеров¹²¹. И далее: «всеобщая история дает нам великолепный материал для рассуждений на темы политики». И здесь снова следует ссылка на Макьявелли и его «Рассуждения на первую декаду Тита Ливия», как на олицетворение индуктивной связи политики с гражданской историей¹²² — сокровищницей бесчис-

¹¹⁹ Ibid.

¹²⁰ Ibid. P. 724.

¹²¹ Ibid. P. 743.

¹²² См.: Ibid. P. 718.

ленного множества документированных наблюдений в этой области.

Обратим, однако, внимание на указанное уже обстоятельство: как в области этики, так и политики — гражданская история выступает только поставщицей поучительных примеров, извлечение же из них «аксиом», т. е. обобщений, оказывается уже в компетенции других наук (т. е. речь шла о разделении познавательных функций). Вместе с тем Бэкон, продолжая в этом вопросе гуманистическую традицию, верил в непосредственное и благос влияние на человека исторического повествования, способного воспитать в нем «гражданскую мудрость», так как каждая более или менее серьезная история «чревата политическими уроками и назиданиями». С этих позиций Бэкон критиковал «бледное и бездарное изложение событий» и требовал избегать в «гражданской истории» как «сухого света логики», так и стремления «развлечь читателя», «разукрашивать» повествование перлами риторики и хитроумными, не имеющими отношения к делу экскурсами. Сама по себе историческая драма, правдиво и предметно изложенная, привлекает человека, волнует его страсти и честолюбие, т. е. затрагивает сердца людей. Впрочем, в теории истории эта линия рассуждений играет второстепенную роль, будучи отнесенной идеей истории как эмпирической науки¹²³.

Хотя в целом создается впечатление, что научная функция гражданской истории мыслилась Бэконом по аналогии с естественной историей, т. е. документированием и хранением (описанием) наблюдений, это, однако, верно только в отношении данной стадии исследования. За ее пределами начинается причинное объяснение событий. Проблема причинности в истории занимала умы мыслителей еще со времени Полибия. На рациональной почве эта проблема возродилась в историзме гуманистов. Так, в опубликованном в 1559 г. в Англии сборнике стихотворных трагедий на исторические темы «Зерцало для правителей» есть следующие строки, адресованные историкам: «Бесплодный Фабиан (лондонский хронист XV в.—начала XVI в.— М. Б.) скользит по поверхности / времени и событий, оставляя без внимания причины / . . . Причины являются главной целью / которая должна преследоваться историком / чтобы люди могли узнать, к какому

¹²³ Известно, что в своих «Диалогах об истории» итальянский философ-гуманист Франческо Патрици (1529—1597) высказывал сомнение в возможности извлекать из истории «уроки», которые помогли бы человеку в достижении более совершенного состояния, личного и общественного блага. В более резкой форме свое отрицательное отношение к распространенной в среде гуманистов доктрине «уроков истории» выразил Гвиччардини, критически отнесшийся к «Рассуждениям» Макьявелли. Во-первых, прошлое не столь легко доступно для понимания, как казалось последнему, и, во-вторых, извлеченные им из опыта Древнего Рима уроки произвольны и лишены прикладной ценности в новых условиях (см.: *Guicciardini F. Scritti Politici e ricordi*. Bari, 1933. P. 358—359).

результату каждая из них приводит / Те недостойны имени хрониста, кто не включает причины в свои летописи»¹²⁴. Суждения Бэкона весьма близки к мнению автора этих сентенций. Он требовал, чтобы историки, вместо того чтобы увлекаться эффектной и помпезной стороной событий, выявляли их «подлинные причины» и внутреннюю связь. Именуя причины «украшением и жизнью гражданской истории», Бэкон продолжает: «Я желаю, чтобы события были соединены с причинами»¹²⁵.

Точно так же, продолжая многовековую традицию, Бэкон неоднократно повторяет требование соблюдения «первого закона истории»: необходимо стремиться к исторической истине, не вносить в исторический труд свои симпатии и антипатии, унаследованные легенды и собственные вымыслы. Историческое повествование, отмечает Бэкон, отличается «своей правдивостью и искренностью», а жизнеописания содержат «более правдивую и истинную картину». Всемирные же истории из-за скудости сведений относительно отдаленных периодов чаще всего заполняют лакуны легендами и малодостоверными сведениями¹²⁶. Однако, подобно тому, как Бэкон то и дело сводил причины событий к «мотивам», а то и попросту подменял их описанием обстоятельств, он своими требованиями к историку вскрывать «тайные замыслы», «скрытый смысл» поступков, опираясь на доступные ему обрывки психологических характеристик, открывал широкие возможности для привнесения в историю самых произвольных домыслов и фантазий.

Такова была цена переориентации истории на почву опытного естествознания и превращения человеческой природы, а попросту говоря, психология личности в основной аналитический инструмент историка. Наконец, рассмотрение Бэконом истории с позиций «природы» и интерпретация последней в терминах психологии превращали, по сути, историческую личность и ее «деяния» в единственное основание как для внутреннего членения обширных исторических эпох, так и для определения специфики каждого данного отрезка исторического времени. Отсюда — с точки зрения «общественной пользы» — первостепенная важность истории политической. Бэкон считал, что не следует допускать смещение политики с вещами гораздо менее значительными (к последним он относил не только описание всякого рода процессов, празднеств, но и описания военных походов, сражений и т. п.). Точнее будет сказать, что только политика являлась в глазах Бэкона единственно достойной темой «серьезной истории»¹²⁷. Неудивительно, что «политические уроки» рассматри-

¹²⁴ Mirror for Magistrates. N. Y., 1938.

¹²⁵ The Works. Vol. I. P. 507.

¹²⁶ Ibid.

¹²⁷ Ibid. P. 512, 513.

вались им как основная форма «общественного служения» историографии.

В заключение осталось ответить на давно уже напрашивающийся вопрос: какой род (тип) гражданской истории Бэкон имел в виду, когда оперировал понятием «истинная история»? К сожалению, ответ не однозначен. Если говорить о гражданской истории в широком смысле слова, то для полного охвата дел человеческих она должна была, по убеждению Бэкона, наряду с собственно гражданской историей, историей церковной включать также и историю науки, которую еще только предстояло создать. Без нее всемирная история напоминала ему статую ослепленного Полифема¹²⁸, ибо в ней отсутствовало бы именно то, что выражает гений и талант личности. Поскольку же речь шла о гражданской истории в собственном смысле слова, то ее олицетворяла ближайшим образом «истинная история», которая, по классификации Бэкона, могла принимать формы хроники, жизнеописания или повествования (об отдельных событиях, периодах или целых эпохах). Впрочем, более внимательное чтение текстов убеждает, что «*Historia Justa*» в собственном смысле слова — это повествование, посвященное истории отдельного периода. Очевидно, речь идет об относительно небольшом отрезке (желательно совпадающем с временем самого историка) либо всеобщей истории, либо истории отдельного государства («частная история»). Важно только, чтобы обозримость материала позволяла сочетать «великое с малым», внешнюю сторону событий с «замыслами и планами», т. е. скрытыми причинами, яркость (не словесную, а предметную) повествования с правдивостью и искренностью.

В общем, обозревая положение вещей в современной ему историографии, Бэкон приходил к грустному заключению: «Совершенно очевидно, что. . . ничто не встречается реже, чем истинная, совершенная во всех отношениях гражданская история»¹²⁹. Между тем только такая история способна открыть для людей «как бы окна из истории в философию». Это залог того, что они не навсегда осуждены оставаться «в пучинах истории»¹³⁰, т. е. во власти стихии.

Подведем краткие итоги. Переходный характер эпохи, в которой Бэкон жил и творил, обусловил внутреннюю противоречивость предложенных им решений теоретико-познавательных и методологических проблем исторической науки. Распространив на историю логику «новой индукции», он сделал важный шаг по пути возведения историописания в ранг исследования, обладающего общенаучным методом и дисциплиной. В то же время это означало попытку построить науку гражданской истории на фунда-

¹²⁸ Ibid. P. 503.

¹²⁹ Ibid. P. 505.

¹³⁰ Ibid. P. 143.

менте наук о природе, что могло привести только к историзму натуралистическому. Обосновав категорию исторической эпохи как целостность, характеризующуюся определенными отличительными особенностями, Бэкон вплотную приблизился к пониманию сути исторического времени. В то же время, рассматривая природу человека как категорию надисторическую, он не сумел преодолеть традицию риторической историографии, рассматривавшей всего лишь событийный уровень истории. Наконец, Бэкон внес существенный вклад в разработку идеи прогресса в истории, хотя и ограничил ее скорее надеждой на успехи опытной науки в грядущем.

* * *

В заключение очень немногое осталось сказать об «Истории Генриха VII» — блестящем образце ренессансной историографии на английской почве. Он принадлежит к тому жанру историографии, который сам Бэкон назвал «жизнеописаниями» выдающихся исторических личностей. (Хотя автор мыслил это сочинение как начало «истории Англии» в драматический период ее истории — между завершением войны Алой и Белой розы и объединением Англии с Шотландией под властью единого монарха¹³¹.) Литературные качества этого сочинения Бэкона (кстати, посвященного наследному принцу английской короны Карлу Стюарту, будущему королю Карлу I) и по сей день неизменно высоко оцениваются специалистами¹³². Однако как образец историографии, даже отталкиваясь от предложенных самим Бэконом критериев, это сочинение, и не без оснований, подверглось весьма суровой критике.

Прежде всего, у Бэкона не обнаруживается сколько-нибудь ясного противопоставления документальных источников и исторических сочинений — все они без различия являлись для него источниками, хотя таким его современникам, как Кемден, Селден, Спелман, принципиальная важность их различия была уже совершенно ясна. Неудивительно поэтому, что, хотя Бэкон в своей «истории» и воспользовался (главным образом из собрания Коттона) некоторыми оригинальными документами (парламентскими, законодательными и рядом других), основная ткань событий его «истории» заимствована им из сочинений таких историографов XVI в., как Мор, Холл, Холинshed и ряд других. При этом Бэкон ни разу не указывает на это. Еще более характерным для Бэкона-историка является то, что ни в своей «теории» истории,

¹³¹ См.: Бэкон Ф. Соч. Т. 1. С. 165—166 («Этот период, по крайней мере, по моему мнению, значительно богаче разнообразными событиями (обычно редкими), чем любой другой, равный по времени период истории любой из наследственных монархий»).

¹³² См.: Fox L. English Historical Scholarship in the 16 and 17 cc. Oxford, 1956.

ни тем более в своей историографической практике он не указывал на научную необходимость критического рассмотрения сведений — ни содержащихся в первоисточниках, ни тем более почерпнутых из вторых рук. И, как следствие, у него и мысли не возникало о сравнении сведений об одних и тех же событиях в различных «источниках».

Одним словом, источниковедческая часть историографии в представлении Бэкона все еще не включалась в профессиональную обязанность историка, поскольку она для его повествования была еще в общем безразлична¹³³. Работа с «памятниками» (memoirs) относилась к занятиям антикваров, осуществляющих подготавливаемую стадию историографических занятий¹³⁴. Самим же историкам опускаться в эти дебри «педантизма» нет никакого смысла. Результатами трудов антикваров историки могут воспользоваться, предпринимая создание «совершенной истории». Однако особого преимущества, по мнению Бэкона, эти результаты перед паличными историческими повествованиями на ту же тему, если они представлялись «добросовестными», не имели¹³⁵.

Однако Бэкон не только следовал традиционному для историков Возрождения противопоставлению «истории» и «антиквариата» (т. е. в конечном счете источниковедения). Вопреки собственной теории он сводил гражданскую историю к политической истории, а последнюю превращал в раскрытие «характера» творца этой истории (в данном случае Генриха VII). При этом он стремился оставаться объективным историком, отмечая не только ум и политическую гибкость короля, но и не скрывая его недостатки: политическую недалекость, недоверчивость, неоправданную жестокость, скудость и жадность. Вообще в раскрытии «характера» героя Бэкон следует классической традиции лучших историков древности и Возрождения (Макьявелли и Гвичардини прежде всего). Так, он свободно сочиняет «речи», не имеющие документального базиса (сообразуясь главным образом с ситуацией и «характером» личности оратора). Следуя тем же образцам, он предпочитает раскрывать характер «в действии», т. е. описывая события, особенно важные для этой цели, и одновременно сводя до минимума собственные домыслы и «рассуждения». Если в «речах» Бэкон раскрывает мотивы действий, то в описании самих «деяний» он стремится обнаружить «причины», связывающие между собою «цепь событий». Он крайне редко прибегает к понятию «фортуны» и еще реже и только для соблюдения общепринятой конвенции упоминает промысел божий.

Вместе с тем Бэкон несколько расширил рамки традиционной

¹³³ См.: *Бэкон Ф.* Соч. Т. 1. С. 162—163. («Эта работа, конечно, требует огромного труда... однако она не имеет достойного веса...»).

¹³⁴ См.: Там же. С. 162.

¹³⁵ См.: Там же. С. 164.

для Возрождения «истории». В «Историю Генриха VII» включен значительный материал по истории права, в особенности законодательства и судопроизводства. К сожалению, он лишь бегло коснулся истории экономической (торговля, налогообложение, пошлины). Наиболее примечательно, что Бэкон подробно остановился на аграрном законодательстве Генриха VII, направленном против огораживаний, положившему начало тюдоровской политике «защиты» мелкокрестьянского хозяйства. В «Истории» Бэкона исторической критикой обнаружено немало число чисто фактических ошибок, что в целом не позволяет считать ее заслуживающим доверия оригинальным изложением истории этого периода. Речь скорее должна идти о мастерской сводке наличного к тому времени историографического материала, освещенного выдающимся государственным умом и обработанного высоким литературным талантом¹³⁶.

¹³⁶ См. общую характеристику труда Бэкона в кн.: *Smith-Fussner F. The Historical Revolution*. P. 269 ff.

ПРИМЕЧАНИЯ Дж. СПЕДДИНГА К ИЗДАНИЮ 1859 г.*

^{1*} Поначалу некоторые сомнения вызывали, видимо, его отношения с Шотландией, ибо 25 сентября 1485 года было сделано распоряжение шерифам Нортамберленда, Камберленда, Вестморленда, Йоркшира и Ноттингема «держат в боевой готовности людей этих графств в связи с ожидаемым вторжением шотландцев» и т. д.

^{2*} Текст в квадратных скобках восстановлен по рукописи, где он вычеркнут. На полях имеется помета, сделанная неизвестной рукой (не рукой Бэкона): «Это следует исправить в соответствии с указаниями, которые Его Величество дал г-ну Мьютису».

Мьютис в письме к Бэкону от 7 января 1621/1622 ** пишет: «Г-н Меррей сообщил мне, что король дал Вашу книгу лорду Бруку и повелел ему прочесть ее, весьма похвалив, и что затем лорд Брук должен вернуть ее Вашей светлости, после чего она пойдет в печать как только Вашей светлости заблагорассудится, с поправками, сделанными королем, которые я видел и которые очень немногочисленны и касаются отдельных слов, таких, как «заразный» или, к примеру, «милостивый» вместо «добродушный» и т. д. Король категорически настаивает на исключении только одного места — о тех лицах, которые будучи лишены прав, получили возможность заседать в парламенте в силу одной лишь их реабилитации, без издания каких-либо новых рескриптов о проведении выборов». Именно это имеет в виду лорд Кэмпбелл, когда пишет, что Яков заставил Бэкона «исключить из текста *юридическую аксиому*, согласно которой реабилитация лица, лишённого прав, полностью восстанавливает его в правах» ***.

^{3*} Примечательно, что в акте о лишении прав от 21 августа (дне перед битвой при Босуорте) говорится как о дне, относящемся к первому году правления Генриха, и что несколькими строками ниже 22 августа названо «упомянутым 22-м днем упомянутого месяца, когда это происходило». Эти выражения, очевидно, противоречат друг другу, но я полагаю, что здесь ошибка протоколиста или опечатка и что вместо «упомянутого 22-го дня упомянутого месяца» должно быть «22-го дня упомянутого месяца» и т. д.

Автор «Живописной истории Англии» **** полагает, что дата восшествия на

* Примечания Спеддинга — результат его историографической и текстологической работы, для которой в дополнение к рукописи и первому изданию марта 1622 г. был использован латинский перевод, сделанный Бэконом несколькими годами позже. Для настоящего издания мы выбрали из примечаний Спеддинга только то, что как-то проясняет, корректирует или дополняет фактическое содержание «Истории. . .» или дает возможность лучше понять методы работы Бэкона-историка. Исключены текстологические примечания. Ссылки на печатные издания и архивы сохранены лишь в такой степени, чтобы дать представление о круге использованных Бэконом источников. Сведения об упоминаемых Спеддингом лицах включены в именной указатель. Здесь и далее сноски к примечаниям Спеддинга принадлежат В. Р. Рокитянскому.

** Двойные даты здесь и далее в примечаниях Спеддинга объясняются тем, что с XII в. и до 1751 г. в Англии год начинался 25 марта.

*** *Campbell J. C. The Lives of the Lord Chancellors and Keepers of the Great Seal of England from the earliest times till the reign of King George IV. 4th ed. L., 1857. Vol. III. P. 122.*

**** *Craik G. L. a. o. The pictorial history of England, being a history of the people, as well as a history of the kingdom. 1st ed. L., 1838—1844. Book VI. Chapter 1.*

престол была отнесена на день раньше, поскольку если бы он не был королём 21-го, то действия, совершенные 21-го, не могли бы быть по отношению к нему изменой. Истина состоит в том, что было не слишком важно, с помощью какой фикции будет узаконено столь несовместимое с законом обстоятельство, как успешный мятеж против короля de facto. Представление, что корона принадлежала Генриху со дня, когда он был готов оспорить ее на поле брани, было фикцией, наиболее близкой к действительности.

Более полное изложение противоречивых данных о начале отсчета правления Генриха см. в книге сэра Харриса Николаса «Хронология истории»*.

* Т. е. в тех случаях, когда выручка не использовалась на покупку местных товаров, что было условием, на котором разрешался импорт.

** Ниже то же самое: «Что касается его отношения с королевой, то он отнюдь не принадлежал к числу мужей, покорных женам, и нисколько не был склонен потворствовать ее желаниям, но при этом был любезен, почтителен и не ревнив».

Мне неизвестны какие-либо сохранившиеся свидетельства, из которых можно было бы заключить, что Генрих не уделял своей жене достаточного внимания, но, очевидно, что эти слова выбраны с осторожностью и тактом, и можно не сомневаться, что у Бэкона были основания для подобных утверждений. Приведенные отрывки составляют, как я полагаю, единственное основание для суждений по этому вопросу позднейших историков; стоит привести несколько таких высказываний в хронологическом порядке (чтобы показать, как мало можно доверять копии в передаче характерных черт оригинала). Нижеследующие изображения не являются притом копиями друг с друга, все они *задуманы* как копии непосредственно с бэконовского оригинала.

1. Рапен (1707—25). «Генриху не нравилась народная радость по поводу этого брака. Он понимал, что большая доля этой радости принадлежит Елизавете и что, следовательно, его считают королем лишь по праву ее супруга. Эти мысли вызвали в нем такую холодность по отношению к ней, что он не упустил случая выразить ее в течение всей ее жизни. Он целых два года откладывал ее коронацию и, без сомнения, отложил бы ее навсегда, если бы не считал, что, продолжая отказывать ей в этой чести, он наносит ущерб себе. Более того, он, вероятно, обращался бы с ней так же, как некогда обращался Эдуард Исповедник со своей супругой, дочерью графа Гудвина, если бы желание иметь детей не заставило его преодолеть свое отвращение»**.

2. Юм (1759). «Генрих с большим неудовольствием наблюдал общее расположение к дому Йорков. Возникшие у него в связи с этим подозрения не только нарушали его спокойствие в течение всего царствования, но и вызвали в нем отвращение к самой супруге его и отравили всю его семейную жизнь. Будучи добродетельной, очаровательной и в высшей степени послушной супругой, королева никогда не встречала подобающего ответного чувства, или хотя бы любезности со стороны своего мужа; пагубные идеи вражды оставались в его мрачном уме сильнее чувств супружеской нежности»***.

3. Генри (1790). «Эти проявления радости отнюдь не были приятны Генриху; напротив, в его ревнивой и угрюмой душе они рождали сильное отвращение, поскольку убеждали его в том, что дом Йорков все еще пользовался народной любовью и что его юной и прекрасной супруге принадлежала большая доля этой любви, чем ему. Говорят, что это лишило ее любви мужа, который всю ее жизнь дурно с ней обращался»****.

4. Томас Хейвуд (Предисловие к «Песне леди Бесси», 1829). «Это был

* *Nikolas N. H. The chronology of history. L., 1833. P. 328—333.*

** *Rapin-Thoyras P. de. An abridgement of the history of England. . . L., 1747* (первые издания на французском языке).

*** *Hume D. The history of England.*

**** *Henry R. The history of Great Britain, from the first invasion by the Romans under Julius Caesar. 6th ed. L., 1824.*

брак, заключенный ради политических целей, и кроткая и безответная королева, *прожив жизнь, несчастную из-за неприязни, которую к ней, как и ко всему дому Йорков, испытывал король*, и родив троих сыновей и четырех дочерей, умерла в Тауэре в 1503 г., на 37-м году жизни» и т. д.*

«Я не встречал (пишет д-р Лингард,** процитировав перед тем противоположный по смыслу отрывок) какого-либо убедительного доказательства неприязни Генриха к Елизавете, о которой столь часто пишут позднейшие авторы. В рукописи Андре*** в дневниках Герольда они изображены так, как будто испытывали подлинное чувство друг к другу».

Если Бэкон, как я и предполагаю, является единственным источником, откуда черпают эти позднейшие авторы, то доказательств и не следует ждать. Бэкон не говорит, что Генрих был невнимателен или недобр к супруге, единственное, что он говорит, это то, что он не слишком потворствовал ее желаниям.

^{6*} Пасха пришла в этом году на 26 марта, и к этому времени король в своем движении на север достиг Линкольна.

^{7*} Спид****, опираясь, как нам кажется, на авторитет Бернара Андре, говорит о сыне пекаря или сапожника. Архиепископ Сэнкрофт*****, ссылаясь на заявление, сделанное упомянутым священником на церковном собрании 17 февраля 1586 г., утверждает, что он был сыном мастера по изготовлению органов из Оксфорда и что имя священника было Уильям Саймондс. В акте о лишении прав графа Линкольна он поименован «неким Лэмбертом Симнелом, ребенком десятилетнего возраста, сыном покойного Томаса Симнела, столяра из Оксфорда».

^{8*} Об этом ясно говорят Полидор Вергилий*****⁶, Холд*****⁷ и Спид. Д-р Лингард оспаривает этот факт, ссылаясь на собрание неопубликованных актов Раймера. Парламент Генриха (пишет он) не вернул ей вдовью часть наследства, которой лишил ее Ричард III; вместо этого король предоставил ей компенсацию. Это верно. Из Календаря открытых писем*****⁸ выясняется, что 4 марта 1485/1486 года она в качестве *частичной компенсации своей вдовьей доли* получила в пожизненное владение различные поместья и что на следующий день ей также были даны в пожизненное владение *в качестве компенсации за остаток ее доли* другие поместья, перечисление которых занимает сорок шесть строк, вместе с определенными «ежегодными вылатами», так что в сумме все это составило 655 фунтов 7 шиллингов 6¹/₄ пенса.

* *Heywood Th. (ed.)*. The most pleasant song the Lady Bessy, the eldest daughter of King Edward the Fourth; and how she married King Henry the Sewenth of the house of Lancaster. L., 1829.

** *Lingard J.* The history of England, from the first invasion by the Romans to the accession of King George the Fifth. Vol. 1—10. N. Y., 1912.

*** *Andreas B. Bernardi Andreas tholosatis Annales Henrici Septimi*. In: Gairdner J., ed. *Historia regis Henrici Septimi*. . . L., 1858. P. 77—130.

**** *Speed J.* The historie of Great Britaine under the conquest of the Romans, Saxons, Danes and Normans. 3d ed. L., 1650.

***** На рукопись Сэнкрофта дана ссылка в лат. издании трудов Бэкона под ред. Блэкбурна (L., 1730. Т. 3. P. 407).

***** Polydorr Vergilii urbinatis Anglica historiae. См.: новейшее издание: *The Anglica historia, a. d. 1485—1537* // Ed. with a translation by Denys Hay. L., 1950.

***** *Hall E.* The union of the two noble and illustre famelies of Lancastre and Yorke. . . См.: *Hell's chronicle*. . . L., 1809.

***** «Открытыми письмами» (letters patent) назывались документы, подписанные королем или кем-либо из высокопоставленных должностных лиц и предназначенные для обнародования (обычно это — сведения о наградах, назначениях и т. п.). Аннотированный каталог «свитков открытых писем» (patent rolls) в хронологическом порядке назывался «календарем открытых писем» (Calendar of patent rolls).

Д-р Лингард, правда, не приводит каких-либо доводов в пользу того, что эта компенсация не была теперь отнята, что подтвердило бы утверждение Полидора в его существовании. Но он приводит веские доводы в пользу того, что рассказ Полидора о жестоком обращении со вдовствующей королевой до конца ее дней является преувеличением; главным свидетельством против этого служит проект брака между нею и Яковом III Шотландским, несомненно обсуждавшийся в следующем году. Достоверно известно также, что 19 февраля 1490 года ей было даровано ежегодное содержание в 400 фунтов. Но это могло быть связано с отнятием прежнего пожалования — если оно было отнято.

Похоже, что у Бэкона не было какой-либо независимой информации по этому вопросу. Он лишь повторяет рассказ в том виде, как он нашел его в первоисточнике; из того, что он принял его, мы можем заключить только то, что он не видел причин сомневаться в его достоверности. Безусловно неправда, что вдовствующая королева была полностью удалена от двора на всю ее оставшуюся жизнь, ибо в ноябре 1489 года она была со своей дочерью. Вероятно, соответствует действительности утверждение, что она мало бывала при дворе, живя уединенно, для чего было много причин. Она старела: при королеве обычно была мать короля, а часто случается, что матери и теще удобнее жить на некотором расстоянии друг от друга. Королю, возможно, пришлось выбирать, которую из двух ему оставить в доме — свою мать или мать жены.

^{9*} Т. е. пример Ричарда показал, что их притязания не были непреодолимым препятствием.

^{10*} Т. е. о возможности восстановления династии Йорков.

^{11*} Это было вскоре после Сретения (2 февраля) в 1486—1487 гг.

^{12*} Этот факт сообщает Спид, опираясь, вероятно, на свидетельство Холла, который пишет, что она «жила с тех пор несчастной и жалкой жизнью в аббатстве Бермондси близ Саутуорна, где вскоре и скончалась». В том, что она провела там остаток своей жизни, это сообщение подтверждается тем фактом, что ее завещание, датированное 10 апреля 1492 г., засвидетельствовано аббатом Бермондси, и, похоже, что она, в соответствии с волей основателя, располагала правом пользоваться там государственными помещениями. Если есть какие-нибудь основания предполагать, что Генрих принудил ее поселиться там против ее воли, то это можно, вероятно, отнести на счет собственного ему от природы отвращения к тому, чтобы разбрасываться хорошими вещами. Возможно, что пенсия была дана ей на том условии, чтобы она не платила за жилье, имея возможность пользоваться им бесплатно. См. примечание ^{8*}.

^{13*} Это условие не упоминается предшествующими историками.

^{14*} Это едва ли верно. Раз ее брак парламентским актом был объявлен недействительным, а дети — незаконнорожденными, то ее наследство (если только в акте не было явно оговорено, что оно сохраняется за нею, а это представляется маловероятным) должно было быть конфисковано. Справедливо, однако, что 1 марта 1483/1484 года, примерно через восемь месяцев после начала правления Ричарда, он обязался позаботиться о ее дочерях как о своей родне и пообещал ей 700 марок (466 фунтов 13 шиллингов 4 пенса) ежегодно пожизненной пенсией, если они выйдут из убежища. С воцарением Генриха ее восстановили в положении и титуле, и акт, объявивший ее брак незаконным, был отменен без прочтения, «чтобы дело это было навечно предано забвению как исполненное лжи и позорное». Оригинал был изъят из парламентских архивов и сожжен, а копии уничтожены. Поскольку же это решение, видимо, не предусматривало возвращение ей конфискованных земель, то Генрих 4 и 5 марта 1485/1486 года даровал ей компенсацию, упомянутую в примечании ^{8*}.

^{15*} Так сообщает Полидор. Представляется, однако, что, помимо того, что он таким образом выставлялся напоказ, его в феврале 1486/1487 г. некоторое время держали при дворе в Шайне. Герольд пишет, что лорд Линкольн «ежедневно беседовал с ним в Шайне перед своим отъездом».

^{16*} Это произошло, вероятно, вскоре после Сретения. «И вскоре после Сретения король держал в Шайне большой совет со своими лордами, как духовными, так и светскими... и на этом совете был граф Линкольн, который сразу же

после упомянутого совета покинул страну и отправился во Фландрию* и т. д.

^{17*} Неточное выражение; он хотел сказать: «внуков ее мужа от первой жены». Они были детьми Марии, единственного ребенка Карла от первого брака.

^{18*} В начале великого поста, согласно дневнику Герольда, что означает начало марта. Страстная среда пришла в этом году на 28 февраля.

^{19*} 4 марта 1486/1487 года Томасу Брандону было поручено принять командование «войсками, которые отправлялись к морю против крейсирующих там вражеских судов».

^{20*} В этом рассказе Бэкон во всем следует Полидору Вергилию, который перепутал время года, полагая, что все это происходило до Рождества. Из рассказа Герольда (которого можно считать высшим авторитетом в подобных вопросах) явствует, что король начал двигаться в направлении Суффолка на «второй неделе великого поста», которая была второй неделей марта.

^{21*} Так у Полидора: ошибка. В Норидже он праздновал Пасху, а не Рождество. Похоже, что Бэкон чувствовал, что с этой датой не все ладно, ибо в латинском переводе эти слова ощущены, хотя у него и не было источника для того, чтобы ее исправить.

^{22*} И в этом случае повторена ошибка Полидора, связанная, вероятно, с предыдущей ошибкой. Из Нориджа Генрих через Кембридж, Хаунтингдон и Нортгемптон отправился в Ковентри, куда он попал 22 апреля и где оставался до того, как услышал о высадке мятежников в Ланкашире.

То, что Полидор перепутал Пасху с Рождеством, повлекло за собой другие ошибки. Это внесло путаницу в рассказ о передвижениях короля. Истина, как я полагаю, заключается в том, что сначала он думал, что наибольшая опасность угрожает из Фландрии и держался вблизи восточного побережья, но, обнаружив, что угроза сосредоточена не здесь, а переместилась в сторону Ирландии, он двинулся напрямик на запад и занял позиции у Ковентри на одинаковом расстоянии от обоих берегов, и там ждал вестей о том, в каком месте ему ждать нападения. Основной отряд мятежников высадился в Ирландии только 5 мая. Получив известие об этом, он (согласно дневнику Герольда) разрешил некоторым израм отправиться в свои владения и готовиться к возвращению с войсками в назначенный день. Сам же он поехал в Кенилуорт, где находились королева и его мать; там он и услышал о высадке мятежников в Ланкашире, которая произошла 4 июня.

^{23*} Полидор этого не сообщает, и я не знаю, откуда идут эти сведения. Но в повествовании Герольда есть анекдот, иллюстрирующий склонность Генриха к «мало кому еще приходившим на ум подозрениям» и стоящий того, чтобы привести его. «А на следующее утро, в день Тела Господня**, после того как король прослушал службу в приходской церкви и протрубили „по коням!“, король, не дав войску возможности понять его намерения, поспешил назад, чтобы повидать и приветствовать лорда Стрейнджа, приведшего с собой большое войско. . . каковые непонятные действия у многих вызвали изумление. Королевские знамя и большой обоз следовали за королем, пока ему не указал на это герольдмейстер, которому король и дал приказ повернуть всех в прежнем направлении».

^{24*} В субботу 16 июня 1487 г.

^{25*} «В самом конце XVII века (говорит Лингард) в его усадьбе Минстер-Ловелл в Оксфордшире была случайно обнаружена комната под землей, где находился скелет мужчины, сидящего в кресле с головой, опущенной на стол».

^{26*} Из дневника Герольда мы знаем, что решение было принято в Уорике в сентябре. Король и королева покинули Уорик в субботу 27 октября и прибыли в Лондон 3 ноября.

^{27*} В это время заседал парламент, о чем Бэкон по-видимому не знал. Мы знаем из дневника Герольда, что коронационные торжества закончились (27 ноября) раньше положенного «из-за большой перегруженности парламента делами».

* Цитируется дневник Герольда.

** Т. е. в первый четверг после Троицы.

Это был второй парламент Генриха. Он собрался 9 числа этого месяца и вотировал (приняв во внимание как только что подавленный мятеж, так и коронацию королевы) «две пятнадцатых и десятые»*. Стоу** ничего не знал об этом парламенте.

^{28*} Так утверждает Полидор Вергилий, ничего, видимо, не знавший о действительном предмете этих переговоров. Согласно Раймеру, переговоры о трехлетнем перемирии между Англией и Шотландией, считая от 3 июля 1486 г., велись во время первого путешествия короля в северные графства весной того года, когда он был занят подавлением мятежа лорда Ловелла; к описываемому времени это перемирие еще действовало. 7 ноября 1487 г., то есть через несколько дней по возвращении короля в Лондон из второго путешествия в эти графства, были назначены уполномоченные для заключения некоторых брачных союзов между двумя королевскими фамилиями, а именно предлагалось, чтобы шотландский король взял в жены Елизавету, вдову Эдуарда IV, чтобы герцог Ротсей женился на одной из ее дочерей, а маркиз Ормонд — на другой. Уполномоченные вскоре заключили договор, согласно которому, во-первых, существующее перемирие продлевалось до 1 сентября 1489 г., а во-вторых, для окончательного обсуждения условий этих браков уполномоченные обеих сторон должны были встретиться в Эдинбурге 24 января следующего года, и еще одна встреча по этому же вопросу должна была состояться в мае. Переговоры позднее были прерваны (согласно Тайтлеру) из-за спора о сдаче Берика, на которой настаивал Яков и на которую не желал соглашаться Генрих.

^{29*} Это различие, вероятно, лучше всего объясняется, если предположить, что более поздние стремления были его собственными, тогда как это исходило от его сестры, принцессы Анны, герцогини Бурбонской, под чью опеку Карл, которому было только четырнадцать при восшествии на престол в 1483 году, был помещен отцом и кто, как полагают современные историки, полностью руководил им на ранних этапах этого предприятия.

^{30*} Скорее в пору «начала цветения», чем «расцвета». Летом 1487 г. ему было всего восемнадцать.

^{31*} Он взял Сент-Омер 27 мая и Торуан 26 июня.

^{32*} Это обстоятельство не упоминается Полидором Вергилием, который для предыдущих историков был, видимо, единственным авторитетом в отношении всех этих событий. Следует поэтому предположить, что Бэкон располагал каким-то независимым источником информации. Остальное он мог вывести из рассказа Полидора, это же (если только у него не было другого источника) он, как приходится предположить, выдумал, для чего у него не было никаких оснований. Это стоит отметить, поскольку, если учесть, что Бэкон несомненно сочинял речи в своей истории по фукидидову принципу («Речи составлены у меня так, как, по моему мнению, каждый говоривший скорее всего мог по тогдашним обычаям сказать нужное, причем я держался общего смысла действительно сказанного»***), то можно предположить, что свой рассказ он построил по тому же принципу, и если ему было не на что опереться, кроме Полидора и старых хронистов (которые делали не многим больше, чем переводили Полидора), то оказывается, что значительная часть рассказанного есть чистая выдумка. Мы знаем, однако, что в других частях своей истории Бэкон пользовался независимыми источниками, которые и сейчас существуют и доступны; к тому же нет никаких оснований считать, что сохранившееся исчерпывает то, чем он располагал. Пожар 1731 года в библиотеке Коттона легко мог уничтожить источники для тех частей истории, для которых их не удается обнаружить, точно так же, как еще один пожар уничтожил бы по своей вероятности и многие из известных нам источников. Несомненно, что книги, относящиеся

* Налог на движимое имущество, установленный в результате соглашения между королем, баронами и парламентом: 15-я часть от городов и древних поместий, не сдаваемых в аренду, и 10-я во всех других местах.

** Stow J. The Annales of England... L., 1600.

*** Фукидид, I, 22, 1.

к временам Генриха VII, сильно пострадали. Эти замечания приложимы и к расположенному несколько ниже отрывку о «зависти», которого также нет у Полидора.

^{33*} У него в это время была и особая причина откладывать войну с Францией — причина, которая не упоминается в историях, по сведениям о которой можно извлечь из Календаря открытых писем. В течение весны 1488 г. его собственным берегам угрожала какая-то опасность, вероятно, со стороны Ирландии. Из записей в Календаре, датированных 10 и 20 февраля (1487/1488 гг.), мы узнаем, что тогда войска под командованием сэра Чарльза Сомерсета «были готовы отплыть в море на трех испанских кораблях, чтобы противостоять врагам короля». Позднее, в записи от 4 мая, мы находим еще предписания о наборе солдат и т. д. «в связи с тем, что предстоит послылка вооруженной силы против скопляющихся на море врагов короля» — также под командованием сэра Чарльза Сомерсета.

Кто были эти враги. Календарь не сообщает; однако предыдущая запись в том же томе, хотя и помеченная более поздней датой, указывает направление, откуда исходила опасность. 25 мая было дано предписание рыцарю Ричарду Эджкомбу, советнику короля и управляющему его двором, согласно которому последний получил полномочия «обеспечивать тем, кто прибывает из Ирландии вести переговоры по вопросам, касающимся обеспечения в этой стране прочного мира, безопасное прибытие, пребывание в стране и возвращение»; и далее: «предоставлять возможность воспользоваться милостью короля всем жителям упомянутой страны, которые окажут повиновение» и т. д. А на с. 108—109 мы находим целый ряд записей об амнистиях ирландцам, помеченных той же датой. Эти действия указывают, вероятно, на временное устранение опасности. Ибо мы узнаем, что оставшуюся часть лета король был занят охотой и развлечениями, а осенью ему ничто не мешало, как я покажу несколько позже, принять более активные меры помощи Бретани.

1 октября дядя короля, герцог Бедфорд, был поставлен на год вице-королем Ирландии.

Я склонен думать, что защита от Ирландии, а не помощь Бретани, была целью этой поездки, потому что именно в это время был, видимо, отменен проект лорда Вудвиля относительно набора добровольцев в помощь Бретани. «В день св. Георгия, — пишет своему брату Уильям Пастон 13 мая (1488 г.) из Гедингхема, замка графа Оксфорда, — мой господин был с королем в Виндзоре: на том же празднике присутствовали оба посла, Бретани и Фландрии, а также послы короля римлян и юного герцога; я, однако, не могу достоверно сказать Вам, будет ли у нас с ними война или мир, но мне точно известно, что все капитаны, ходившие в море великим постом, то есть сэр Чарльз Сомерсет, сэр Ричард Хоут и сэр Уильям Вэмпедж, готовятся возможно скорее снова отправиться в плавание — с какой целью, я сказать не могу. Кроме того, хотя и поговаривали, что мой господин лорд Вудвиль и другие должны были отправиться в Бретань, чтобы оказать помощь герцогу Бретани, я не знаю ни о какой такой помощи; согласно этим рассказам в Саутгэмптон, где по слухам он должен был садиться на корабль, прибыло много людей и ожидало его там; и когда он был отозван, те что прибыли туда, чтобы отправиться с ним, оставались там в надежде, что получат разрешение на отpravку, а когда уже не оставалось надежды на получение такого разрешения, нашлось 200 человек, которые погрузились — на бретонский корабль» и т. д. Он далее пишет о том, как эти 200 прибыли в Бретань, где они и находились в то время*.

Д'Аржантре** упоминает о посольстве, отправленном герцогом Бретани в Англию в сентябре 1487 г., и добавляет, что Генрих, который был в это время очень занят, несколько позже послал ему в помощь какие-то войска, участвовавшие в битве при Сент-Обене, но не более 500 человек; речь идет, без сомнения, об отряде лорда Вудвиля.

* The Paston letters. L.; N. Y., 1938.

** Argentré B. d'. L'histoire de Bretagne... Renne, 1668.

^{34*} Так утверждает Полидор Вергилий, который, как я уже говорил, является, видимо, в отношении этих событий первоисточником и рассказ которого нельзя поэтому скорректировать путем сравнения с более аутентичными данными. Однако Foedera Раймера * и парламентские архивы позволяют нам теперь обнаружить неточности в датах, показывающие, что его средства информации были либо несовершенны, либо небрежно им использовались, а изучение бретонских архивов современными историками позволило внести некоторые существенные исправления. Похоже, что Бэкон взял рассказ Полидора за основу, постарался максимально уяснить его смысл и затем изложил его возможно более просто и понятно. Что касается смысла — идей и планов сторон, целей, которые они преследовали и результатов, которых добивались, — то его он понял очень точно; так что всякое исправление его рассказа в деталях делает еще более очевидной верность общей интерпретации. Поскольку, однако, он был вынужден втискивать свой рассказ в рамки, заданные Полидором, у которого имелось несколько неверных дат, постольку в деталях изложение Бэкона далеко от полной точности. В рассказе, где все тесно взаимосвязано, одна неверная дата обычно искажает всю последовательность событий; если же эта неверная дата разделяет важные события, в действительности связанные, или сводит вместе события, в действительности разделенные, то она может даже исказить весь ряд причин и следствий.

Хотя я и знаю, сколь велико неудобство, создаваемое читателю, когда его постоянно отвлекают от содержания в тексте рассказа, чтобы изложить ему другую версию событий, боюсь, что в данном случае с этим неудобством придется смириться. Поправки были бы ему непонятны, если бы основной текст не был свеж в его памяти, и, отнеси я их в приложение, я был бы вынужден повторить весь рассказ, либо прерывать его ссылками на основной текст, что было бы еще неудобней, чем отсылки из текста к подстрочным примечаниям. Если, таким образом, он хочет получить верное представление о действиях Генриха в вопросе о Бретани, то я вынужден просить его прерывать чтение в указанных мною местах и выслушивать то, что я имею ему сообщить, прежде чем двигаться дальше.

В данном случае Бэкон, следуя Полидору Вергилию, ошибся в дате осады Нанта на восемь или девять месяцев. Она началась 19 июня 1487 г. — всего тремя днями позже битвы при Стоуке — и была снята 6 августа того же года, незадолго до того, как Карл послал свое первое посольство к Генриху. Если бы Бэкон знал об этом, он, вероятно, включил бы недавнюю неудачу этого предприятия в число причин, по которым Генрих мог считать, что Бретани в ближайшее время не угрожает опасность со стороны Франции. Особенно если бы он мог связать это обстоятельство с другим фактом, который был ему, видимо, неизвестен, хотя его упоминает Д'Аржантре и о нем должен был знать Генрих, а именно, что герцог Бретани в это самое время (24 сентября 1487 г.) официально дал согласие на брак своей дочери с Максимилианом.

Но хотя утверждение, что Карл осаждал Нант в то самое время, когда шли те переговоры, о которых говорит Бэкон, и не соответствует действительности, правда, что он готовил новое вторжение в Бретань. Таким образом, в этом случае неточность не нарушает верности изложения событий в главном.

^{35*} Bernardum Dobenensem, honestem equitem ** согласно Полидору. Из дневника Герольда мы узнаем, что «лорд Добиньи, посол Франции» был в Виндзоре в канун Крещения *** 1487/1488 г., что могло быть тем событием, которое имел в виду Полидор. Ответное посольство, которое, согласно его рассказу, было отправлено Генриху (с некоторой задержкой из-за болезни одного из членов посольства), выехало 17 марта 1487—1488 г. Этот Bernardus Dobenensis был, как я полагаю, Бернард Стюарт, лорд Обиши, джентльмен шотландского происхождения, который командовал отрядом французских солдат, сопровождавших Генриха в Англию.

* Rymer Th. Foedera. L., 1704—1713.

** Бернардуса Добененсиса, благородного рыцаря (лат.).

*** 5 января.

^{36*} Согласно Лобино *, ссылающемуся на *Registre*, посольство, состоящее из трех вышеупомянутых лиц, а именно аббата Абингдона, сара Ричарда Тунстола и капеллана Урsvика, вместе с д-ром Уордесом отправилось из Франции в Бретань в июне 1488 г. Это согласуется с утверждением Сисмонди, что с 1 по 26 июня этого года военные действия были приостановлены в результате посредничества Генриха. Полидор добавляет, что послы, прежде чем вернуться на родину, продлили перемирие между Генрихом и Карлом на двенадцать месяцев. Они, вероятно, согласились на условия того перемирия, которое было подписано Генрихом в Виндзоре 14 июля 1488 г. и должно было длиться с того дня до 17 января 1489/1490 г. Я, однако, не нахожу никаких следов того экземпляра этого документа, который был подписан Карлом; вполне возможно, что завершению переговоров помешали последовавшие тотчас вслед за этим события.

^{37*} И неженатым.

^{38*} Полидор Вергилий употребил слова «*suorum principum convocato concilio* **», имея, вероятно, в виду, как его несомненно понял Холл, что Генрих созвал парламент. Но поскольку парламент не созывался между 9 ноября 1487 г. и 13 января 1488/1489 г., поскольку серия переговоров, о которой подробно говорилось выше, не могла иметь место между сентябрем и ноябрем, поскольку также недвусмысленно сказано, что этот «*principum concilium*» собрался до битвы при Сент-Обене, состоявшейся 28 июля 1488 г., ясно, что он ошибался, думая, что это парламент (а именно так он и думал, ибо говорит о принятых им законах). Можно с уверенностью утверждать, что он ошибался, полагая, что подкрепление, которое Генрих послал в Бретань, было отправлено сразу же после битвы при Сент-Обене и до смерти герцога Бретани. Герцог умер 9 сентября 1488 г.; подкрепление же выступило в путь не ранее марта 1488/1489 г.

Современные историки указывали на эти ошибки или избегали их, но, как мне кажется, не сумели выяснить правильный порядок и взаимосвязь событий. Я думаю, будет установлено, что этот «*principum concilium*», на обсуждение которого Генрих представил бретонский вопрос, был не парламентом, а «Большим советом» (который назывался так в отличие от «обычного» или «постоянного совета» и в ту пору, похоже, был хорошо известен под этим названием), т. е. Советом, который включал в себя не только лордов, духовных и светских, и (как предполагалось) тайный совет короля, но также главных представителей различных классов, включая юристов, представителей городов и купцов, который, короче говоря, имел тот же состав, что и парламент, и который специально созывался королем для обсуждения важных вопросов. Полагаю также, что поводом для его созыва было не возвращение послов из Франции незадолго перед битвой при Сент-Обене, а исход этой битвы и ближайшие после нее события, включая смерть герцога и новые притязания французского короля. Наконец, я полагаю, что *временем* этого совещания было начало ноября 1488 г., всего через два месяца после смерти герцога. Мы знаем из дневников Герольда — практически решающего свидетеля по этому вопросу — что в том году после Духова дня (он пришелся на 25 мая) «*все последующее лето*» король «охотился и просто развлекался», но что, справив День всех святых (1 ноября) в Виндзоре, «он перебрался в Вестминстер для участия в величайшем совете, который многие годы был лишен имени парламента». Из того же источника мы знаем, что «в тот сезон в Англии находилось много послов из других стран». Мы знаем из Раймера, что 11 декабря того же года были отправлены послы из Англии во Францию, Бретань, Испанию и Фландрию. Мы знаем, что 23 декабря были даны указания о формировании отряда лучников в помощь Бретани. Мы знаем, что парламент собрался 13 числа следующего месяца и вотировал щедрые ассигнования на это предприятие. Мы знаем, наконец, что вскоре после роспуска парламента эта помощь была отправлена по назначению. И если теперь мы предположим, что Генрих, пока он не услышал о битве при Сент-Обене, еще не надеялся достичь своих целей путем переговоров; что исход этой битвы был

* *Lobineaux G. A. Histoire de Bretagne... P., 1707.*

** Созвал свой главный совет (лат.).

и неожиданным, и в такой мере решающим, что на время положил конец войне (на деле так и было, ибо договор, заключенный в Верже и утверждавший Карла во владении всем, что он захватил, был заключен согласно Д'Аржантре 21 августа) и не давал ему никакого простора для действий до тех пор, пока на престол не взошла юная герцогиня, и вставшие в связи с этим вопросы не открыли новую главу; что сразу же после этого он собрал Большой совет, отчасти чтобы почувствовать настроение народа, отчасти же ради возможности заручиться его поддержкой, прежде чем связывать себя какими-либо военными обязательствами; и что этому-то Большому совету он теперь (т. е. в начале ноября 1488 г.) предложил этот вопрос на рассмотрение и к нему обратился за советом, то мы обнаружим, что события более естественно связываются друг с другом и лучше согласуются с теми фиксированными датами, которые устанавливаются государственными документами.

^{39*} Этот факт не упоминает ни Полидор, ни, как я полагаю, кто-либо из хронистов; вероятно, у Бэкона был какой-то независимый источник информации об этой речи. Саму речь, однако, следует понимать не как то, что канцлер действительно говорил, а как изложение того, как представлял себе Бэкон то, что такой человек в таких обстоятельствах и с такими целями сказал бы или должен был сказать. Так же следует понимать и все проводимые в этой книге речи; доля выдумки возрастает обратно пропорционально количеству информации, которой располагает автор. Если бы у него был полный текст действительно произнесенной речи, он бы привел, разумеется, не весь текст, но изложение в немногих и точных словах существа сказанного, сохранив при этом форму первого лица. Там, где у него не было возможности узнать что-либо, кроме общего смысла и цели сказанного, он восполнял недостающее из головы и *сочинял* речь такого смысла и с такой целью — стараясь сделать это возможно лучше. Это и придает этим речам особые интерес и ценность: каждая такая речь представляет собой изложение вопроса, как его понимал Бэкон, заключающее в себе точку зрения того, кто произнес эту речь, и представленное в драматической форме.

Едва ли нужно добавлять, что это вполне согласуется со старым правилом писания истории, которому следуют все классики этого жанра и которое было недвусмысленно сформулировано и разъяснено Фукидидом, лучшим и надежнейшим среди них. Но поскольку я сталкиваюсь с тем, что д-р Генри серьезно сообщает о своем *подозрении*, «что эти речи были сочинены изложившим их благородным историком», с тем, что автор главы о «народном хозяйстве» в «Живописной истории Англии» критикует эту речь, комментирует ее и извлекает из ее формулировок выводы так, как если бы это был документ того времени, а лорд Кэмпбелл рассматривает как недостаток этого произведения то, что оно «наполнено официальными заявлениями и длинными речами» (будто бы речь идет о каких-то пустяках, тогда как на самом деле речи представляют собой самую оригинальную часть произведения), поскольку я в праве предположить, что этот вопрос в наши дни не столь хорошо понимается, чтобы сделать это примечание излишним.

Хорошо или плохо это обыкновение, это другой вопрос. Мое личное мнение таково, что у читателя меньше шансов быть введенным в заблуждение историей, написанной по этому принципу, чем по современному плану, хотя современным историкам, очевидно, свойственна большая цепетливость. Свидетельства о прошлом недостаточно полны, так что самый усердный историк едва ли смог бы дать связанное повествование, в котором бы не было множества мест, опирающихся на догадки, умозаключения или ненадежные слухи. Он может выдвигать собственные предположения или излагать предположения других людей, но без предположений не обойтись. И если это мудрый человек, стремящийся отыскать истину, те части повествования, в которые вложено больше всего его собственной воли, будут ближе всего к истине. Преимущество прежнего обыкновения состоит в том, что вымысел сохраняет незамаскированную форму вымысла. Современная практика, скрупулезно устраняя все, что напоминает откровенный вымысел, и намеренный вымысел, заставляет предполагать, что остающееся — это чистые факты, и что, когда автор сообщает вам что этот человек сказал или тот человек подумал — тщательно соблюдая форму третьего лица или цитируя своего

предшественника, — то он сообщает вам нечто действительно имевшее место, тогда как в большинстве случаев такого рода он всегда лишь излагает собственное или чужое предположение, точно так же, как если бы он намеренно сочинил монолог или речь в первом лице.

^{40*} Представляется, таким образом, что Бэкон считал этот парламент *вторым* парламентом Генриха, парламентом «третьего года правления Генриха VII», с отчетом которого под этим наименованием он, без сомнения, был знаком. Но он не знал и, вероятно, не имел удобной возможности выяснить, в каком месяце третьего года правления Генриха, который длился с 22 августа 1487 по 21 августа 1488 г., этот парламент собирался. Мы видели, что, рассказывая о коронации королевы (с. 27—28), он ни слова не говорит о том, что тогда заседал этот парламент, а такого упоминания в этом месте от него естественно было бы ожидать, если учесть важность этого парламента как законодательного и вотиновавшего денежные ассигнования (ибо он — скорее, как и полагают, в связи с только что миновавшим мятежом, чем в связи с предстоявшей войной — предоставил королю «две пятнадцатых и десятые»).

Я почти не сомневаюсь, что, следуя, как и все предыдущие историки, повествованию Полидора и не имея доступа к парламентским архивам, чтобы его скорректировать, Бэкон считал, что этот второй парламент собирался летом 1488 года. Следует полагать, что аутентичные данные о датах парламентов Генриха были малодоступны, если столь добросовестный и самостоятельный исследователь, как Стоу, не заметил этих ошибок.

^{41*} Это согласуется с повествованием Полидора, но это ошибка, какую бы дату не понимать под «сейчас». Осада Нанта была снята 6 августа 1487 г. Канцлер, однако, говоря в ноябре 1488 г., предполагал более сильным аргументом, чем можно было предположить для времени, к которому относил его выступление Бэкон. Победа при Сент-Обене дала Карлу все, на что он первоначально заявлял притязания, и даже больше этого. Власть партии герцога Орлеанского была свергнута; сам герцог был у него в плену; договор предоставлял ему во владение все завоеванные им города; король же теперь, после смерти герцога Бретани, заявлял о своем праве опеки над юной герцогиней и в то же время продолжал свое наступление и захватывал один за другим бретонские города.

^{42*} Это, вероятно, могло быть сказано в июле 1488 г., но едва ли в ноябре, после того как были свергнуты герцог Орлеанский и вся его партия.

^{43*} Парламент, созданный в ноябре 1487 г., предоставил королю (хотя и никак не в связи с бретонскими делами) субсидию «две пятнадцатых и десятые». Парламент, заседавший в январе 1488/1489 г., предоставил (специально на помощь Бретани) «каждое десятое пенни от стоимости всякой земельной и движимой собственности» — налог, который должен был составить 75 000 фунтов. Но какая субсидия могла быть дана в ноябре 1488 г., когда не было никакого парламента, только Большой совет? Я полагаю, что, хотя Большой совет не мог (строго говоря) *вотировать* субсидию, его члены могли дать королю достаточную гарантию, в виде ли обещания или действительного займа, что, если созвать парламент, то субсидия будет предоставлена. В первый год правления Генриха IV Большой совет, созданный для обсуждения вопроса о мире или войне, рекомендовал войну и (чтобы избежать созыва парламента и введения всеобщего налога) согласился *предоставить* субсидию из собственных средств. Большой совет, созданный Генрихом VII на двенадцатом году его правления для того (как мы увидим дальше), чтобы обсудить вопрос о войне с Шотландией, высказался в пользу войны, и каждый из членов Совета предоставил займы королю на ее ведение «от себя лично большие суммы наличных денег»; по всей видимости, Совет рекомендовал также собрать еще 40 000 фунтов посредством частных займов. Этот Большой совет заседал с 24 октября по 6 ноября 1496 г.; вслед за этим, 16 января 1496/1497 г. собрался парламент, предоставивший королю на шотландскую войну две ссуды и «две пятнадцатых». То, что именно таков был курс, принятый в отношении Шотландской войны в 1496 г., достоверно настолько — хотя об этом нет речи ни в одной из наших историй, — насколько может быть достоверным случившееся в столь давние времена. Я полагаю, что

такой же курс был принят и в делах, связанных с Бретанью, поскольку речь идет о случае во всех отношениях аналогичном. У одного из старых хронистов, которым был либо сам Фабиан, либо большой авторитет для Фабиана (ибо принадлежащая перу Фабиана печатная хроника * этого царствования представляет собой лишь извлечение из этой рукописи) и который, по-видимому, был современником описываемых событий и гражданином Лондона, достаточно внимательным к вопросам займов и палогообложения, ясно сказано, что на этом Большом совете (характер которого он ясно понимал и отнюдь не смешивал его с парламентом, заседавшим позднее и упоминаемым в своем месте) «королю на защиту от шотландцев предоставлено 120 000 фунтов». А поэтому вполне может быть, что сходным образом эта «большая субсидия», полученная Генрихом на оказание помощи Бретани, была (говоря попросту) предоставлена Большим советом, заседавшим в ноябре 1488 г., хотя законные основания для сбора соответствующего налога появились только после срыва парламента, собравшегося в следующем январе.

^{44*} Это опять идет от Полидора: ошибка в дате, возникшая как следствие ранее сделанной ошибки в связи с Советом. У Раймера нет упоминаний о таком посольстве в июле 1488 г., но 11 декабря того же года — между окончанием работы Большого совета и созданием комиссии для набора отряда лучников в помощь Бретани — для мирных переговоров между Англией и Францией, а также между Францией и герцогством Бретанью были посланы Кристофер Урвик, Томас Уорд и Стефен Фрайон. Это и было, без сомнения, то официальное посольство, о котором идет речь.

^{45*} Все это идет от Полидора и представляется совершенно неверным. Действительная история звучала бы много лучше, будучи много более согласной с экононым представлением о характере и политике Генриха. Верно, что Генрих выказал определенный недостаток предвидения в том, что не разглядел размеры угрожающей Бретани опасности и тем самым потерял время, тогда как его вмешательство могло самым решительным образом защитить Бретань от французского завоевания. Но вовсе не верно, что он будто бы позволил, чтобы народный ропот и желание соблюсти decorum побудили его поспешить с плохо продуманным и бесплодным предприятием.

Пока он не услышал о битве при Сент-Обене (28 июля 1488 г.), он надеялся спасти Бретань путем переговоров. Эта битва застала его врасплох: он не ждал, что будет вынужден к прямому вооруженному вмешательству, вовсе не был к нему готов (тем менее, что в Шотландии произошло успешное восстание, и в связи с восшествием на престол нового короля в середине прошедшего месяца он не знал, чего ждать с этой стороны), и было уже слишком поздно. Удар был слишком решающим, чтобы его последствия можно было исправить военной помощью, и, если бы даже Генрих был расположен оказать герцогу Бретани такую помощь, это не было в его силах; прежде чем он мог подготовить свои войска, герцог связал себя Вержерским, или Саблейским, как его иногда называют, договором (21 августа 1488 г.) по которому он обязался не обращаться за иностранной помощью. Только после смерти герцога (9 сентября 1488 г.), когда французский король показал, что он не готов удовлетвориться недавними приобретениями и явно намерен завладеть всем герцогством, Генрих решился предпринять более активные действия для того, чтобы сдержать его. Поскольку зима к этому времени была уже столь близка, что в этом году ни с одной из сторон ничего уже не могло быть сделано, у него оставалось очень много времени; он, однако, использовал это время для подготовки, а не как повод для промедления. Во-первых, он через Большой совет убедился в поддержке своего народа. Затем он продолжил переговоры об условиях помощи Бретани; условия были тщательно продуманными и довольно жесткими, сформулированными так, чтобы оградить его от финансовых убытков. В то же время он должным образом предупредил о своих дальнейших намерениях французского короля и договорился о согласованных действиях с Фландрией и Испанией. Наконец, он

* *Fabyan R. The chronicle. . . L., 1559.*

созвал свой парламент и добился формального вотирования субсидии; и, когда установилась погода, достаточно пригодная для начала новой кампании, у него уже был готовый к отплытию отряд в 6 000 лучников. Так что ничто не было забыто, и в то же время ни минуты времени не было потеряно.

Равным образом нельзя сказать и того, чтобы его меры оказались безуспешными. Это я объясню в следующем примечании, ибо объяснить это здесь значит внести путаницу в нашу хронологию, затронув события следующего года. В этом месте достаточно вспомнить, что ко времени, о котором говорит здесь Бэкон, а именно к зиме 1488 г., еще не произошло того, что английские войска возвратились, не добившись успеха; они лишь готовились к отправке, и все события, о которых говорится на следующих страницах, имели место либо до, либо во время этой экспедиции.

Версия о возвращении английских войск после безуспешной кампании через пять месяцев с момента отплытия родилась, вероятно, из какого-нибудь небрежного рассказа или случайного упоминания о событии, известном нам из «Писем Пастона». Где-то в конце января 1488/1489 г., за месяц или больше до того времени, когда были готовы к отплытию войска под командованием лорда Брука, какие-то джентльмены и правда отправились в Бретань, но вернулись в Англию сразу же, даже не высадившись, поскольку, вероятно, сочли, что французы слишком сильны для такого небольшого отряда. «Эти джентльмены (пишет Марджери Пастон из Лондона 10 февраля 1488/1489 — а не 1487/1488, как полагает издатель), которые сели на корабль, чтобы отправиться в Бретань две недели тому назад, а именно сэр Ричард Эджкомб, сэр Роберт Клифффорд, сэр Джон Тробилвилль и Джон Моттон, главный привратник, возвратились к берегам Англии, кроме одного сэра Ричарда Эджкомба. Высадившегося в Бретани и пребывавшего в городе, именуемом Морлз, который сразу же по его прибытии был осажден французами, и потому едва ли оставшегося в живых; что же касается того города, то он был взят французами, как и город, именуемый Брест; однако замок, по слухам, еще держится».

^{46*} Это еще одно доказательство того, что, по мнению Бэкона, бретонский вопрос обсуждался *вторым* парламентом Генриха. Почти все законы, упоминаемые ниже, были приняты парламентом, заседавшим 7 ноября 1487 г., т. е. годом раньше заседания Большого совета.

^{47*} Т. е. независимо от того, было ли совершено задуманное.

^{48*} Т. е. жене и наследнику убитого для преследования от своего имени.

^{49*} Дело, таким образом, происходило в 1489/1490 г. Бэкон, вероятно, смешал эти две сессии, поскольку у Полидора нет и намека на созыв парламента в январе 1488/1489 г. Этот акт был принят на последнем заседании этого парламента 25 января/27 февраля 1489—1490 г.

^{50*} Последующие события несомненно имели место весной 1489 г. Я полагаю поэтому, что налогом, вызвавшим возмущение, был налог в десятое пенни на земли и движимые товары, вотированный январским парламентом 1488/1489 г., а не «две пятнадцатых и десятые», предоставленные в 1487 г.

^{51*} Это, согласно Стоу, произошло 28 апреля 1489 г.

^{52*} Он «отправился из Гертфорда в северном направлении» 22 мая; примерно через два месяца произошла отправка войск в Бретань. Следует, таким образом, помнить, что война в Бретани шла одновременно с этим восстанием. Бэкон думал, что войска вернулись в Англию двумя или тремя месяцами ранее, и не знал, что у Генриха в это время было на руках еще одно важное дело.

^{53*} Это еще одна ошибка в дате, идущая от Полидора Вергилия и усвоенная всеми нашими старыми хронистами. Яков III был убит 11 июня 1488 г., примерно за семь недель до битвы при Сент-Обене, когда Генрих пытался посредничать между королем Франции и герцогом Бретани и настолько успел в этом, что добился временного прекращения военных действий (см. прим. ^{36*}). Помнить истинную дату немаловажно, поскольку столь большие перемены в Шотландии, чреватые столь неопределенными последствиями, вынудили Генриха хорошо присматривать за своими границами и укрепить Бервик, и существенно повлияли на состояние отношений с Францией.

^{54*} Тайтлер, упоминающий об обращении Якова к Франции и Риму, ничего не говорит о Генрихе. Обстоятельства, изложенные здесь, идут от Спида, который ссылается как на свой источник на Джона Лесли, епископа Росского. Одно из писем в переписке Пастона, датированное 13 мая 1488 г., упоминает «посла от короля шотландцев, который в настоящий момент весьма обеспокоен поведением его сына и других лордов своей страны».

^{55*} Пятый год правления Генриха приходился на время с 22 августа 1489 г. по 21 августа 1490 г. «Все это» должно поэтому означать покровительство Адриану и его возвышение.

^{56*} Имеется, вероятно, в виду октябрьская сессия 1489 г. Бэкон, должно быть, смешивает ее с предыдущей сессией, проходившей в прошлом январе и не отмеченной ни Полидором, ни кем-либо из последующих хронистов. Этот парламент прервал свою работу 23 февраля 1488/1489 г. и вновь собрался 14 октября — в начале пятого года правления Генриха.

^{57*} Имеется в виду парламент, который, как *полагал* Бэкон, был созван в июне или июле 1488 г. и которому он приписывает акты, принятые ноябрьским парламентом 1487 г. Если под ним понимать январскую сессию 1488/1489 г., то слова Бэкона оказываются достаточно точными.

^{58*} Т. е. улучшение посредством более производительной обработки.

^{59*} И потому легче всего вывозимый.

^{60*} Т. е. не задающий точную цену каждого вида ткани, а только максимум. Суконщик был вправе продавать сколько угодно *дешево*.

^{61*} Согласно Фабиану (надежному авторитету в этом вопросе) король занял эту сумму на третьем году своего правления, т. е. в 1487/1488 г. А согласно старой хронике, которая представляется заслуживающей не меньшего доверия, чем Фабиан, если не большего — он взял в долг еще одну сумму в 2000 фунтов в июле 1488 г. — вероятно, в предвидении неприятностей на своих шотландских рубежах, так как незадолго перед этим был убит Яков III.

^{62*} Возвращаясь к бретонским делам, вспомним, что мы оставили английские войска не возвращающимися после неудачи (как полагал, вслед за Полидором, Бэкон), а готовящимися к погрузке на корабли. Они прибыли в Бретань в начале апреля 1489 г. и в полной мере участвовали там в военных действиях все время, пока во Фландрии осуществлялись действия, к рассказу о которых теперь переходит Бэкон. Если бы Бэкон знал об этом, он, без сомнения, связал бы две акции совершенно по-другому и увидел бы, что помощь герцогине в Бретани и Максимилиану во Фландрии были двумя составляющими единовременного сложного предприятия, цель которого состояла в том, чтобы остановить продвижение французского короля. Несколько оно было успешным, я вскоре объясню. Пока же приводимое ниже письмо самого Генриха лорду Оксфорду осветит для читателя истинное положение дел в этой области в то время, о котором здесь пишет Бэкон. Поскольку оно очень характерно и притом невелико, я приведу его полностью, взяв из «Писем Пастона».

«Истинно верный друг и всецело любимый брат, приветствуем вас. Поскольку Богу было угодно послать нам добрые вести из Бретани, такого рода, что вы несомненно жаждали бы их услышать, постольку мы сообщаем их вам так, как они дошли до нашего сведения и как о них повествуется ниже.

Лорд Мальпертюи, недавно возвратившийся к нам в посольстве нашей дорогой сестры герцогини Бретани, отплыл из нашего порта Дартмута и прибыл к св. Павлу Лионскому в Бретани в Вербное воскресенье в четыре часа пополудни *, откуда и написал нам о состоянии дел в той стране и о высадке и действиях нашей армии. Мы получили его послание в последний понедельник во время вечерни. И, поскольку он уроженец Бретани и настроен в пользу этой стороны, мы не отнеслись к его сообщениям с таким доверием, чтобы писать об этом вам. Сегодня же, после торжественной обедни прибыл к нам из вышеупомянутой Бретани и с новым посольством от упомянутой нашей сестры Фокои, один из наших слуг, подтвердивший сведения упомянутого лорда Мальпертюи, а именно следующее:

* Вербное воскресенье в 1489 г. пришлось на 12 апреля.

После того, как гарнизон французов в Гинкаме убедился в высадке нашей армии, они опустили решетки и приготовились к обороне города. Но как только они узнали, что наша армия движется по направлению к ним, они покинули тот же Гинкам, куда наша армия и прибыла в четверг перед Вербным воскресеньем, где ее встречали крестным ходом и где в течение четырех дней она размещалась, пользовалась гостеприимством и пополняла запасы. И, двигаясь по направлению к упомянутой герцогине, они должны были подойти к замку и городу Монкутэ. В этом замке также был гарнизон французов, которые, как только они услышали о приближении упомянутой нашей армии, разрушили большую часть стен и бежали отсюда. В этом замке и городе наша армия справила Пасху. В замке Шоэн, расположенном вблизи от города Сен-Брие, также стояли французы. Этот замок они предали огню и бежали. В городах Энбон и Ванн стояли французы, которые разрушили городские стены и обратились в бегство. Жители окрестностей Бреста осадили город и захватили тылы французов еще до отправления в путь упомянутого нашего слуги. Гарнизон города Конкарно, одной из сильнейших крепостей всей Бретани, был подобным же образом осажден и доведен до такой крайности, что находившиеся внутри еще до его отправления предложили, чтобы им дали покинуть город, захватив свое имущество. Как было принято это предложение и что еще произошло с тех пор, он сказать не может.

Наша упомянутая сестра герцогиня пребывает в своем городе Ренне; там же находится и наш верный рыцарь и советник сэр Ричард Эджкомб, являясь главным распорядителем ее дел. А маршал Бретани готовится к тому, чтобы соединиться с ними возможно скорее и с добрым отрядом солдат. Многие из знатных людей этой страны направляются к нашей армии, чтобы встать на ее сторону.

Военачальники нашей упомянутой армии сообщают в своих письменных донесениях в основном то же, что и наш упомянутый наблюдатель, а также то, что в нашей упомянутой армии, слава Богу, сохраняются такие любовь и согласие, что с того времени, как они покинули наше королевство, между ними не было никаких столкновений или споров.

Дано за нашей печатью в нашем замке в Хертфорде в 22-й день апреля».

До сих пор, таким образом, меры, принимаемые Генрихом, приносили успех; имея это в виду, мы можем теперь вернуться к повествованию Бэкона.

^{63*} Клятва была дана 16 мая 1488 г.

^{64*} Город, в устье реки, на которой стоит Диксмейде.

^{65*} Это произошло в Иванов день (24 июня) 1489 г.

^{66*} Полидор Вергилий, от которого все это идет, не сообщает даты этого заочного бракосочетания, а усердие современных французских историков, похоже, не увенчалось успехом, и им не удалось надежно установить эту дату. Говорят, что оно совершалось в такой тайне, что даже слуги герцогини некоторое время о нем не знали. Если так — а существование сомнений относительно даты такого события делает вероятным, что соблюдению тайны придавали большое значение, хотя и не обязывает нас верить вместе с Рапеном, что и Генрих, и Карл узнали о происшедшем позже, чем через двенадцать месяцев, — то цель состояла в том, чтобы скрыть это от Карла, и нам нет нужды искать объяснений тому, что Максимилиан удовлетворился заочным браком, так далеко, как это делает Бэкон: если бы он лично отправился в Бретань, тайну было бы труднее сохранить. Лингард считает, что бракосочетание состоялось не ранее апреля 1491 г., что, по всей видимости, неверно, ибо сохранился документ, датированный 29 марта того года, в котором отчетливым образом упоминается этот брак. Д'Аржантре помещает его около начала ноября 1490 г.

^{67*} Помимо соображений, названных в предыдущем примечании, следует помнить, что Анна достигла четырнадцати лет только 26 января 1490/1491 г.

^{68*} Что же случилось с английскими войсками в Бретани? Полидор Вергилий не знал, что они были там; старые английские историки, доверчиво следовавшие за Полидором, не ставили этого вопроса; современные, исправляя датировку Полидора, ставят его, но не дают на него правильного ответа. Войска, однако, все это время были там, и в связи с вопросом об управлении страной при Генрихе особенно важно знать, когда и при каких обстоятельствах они возвратились. Ибо это был самый значительный ход в игре, и Бэкон считал его единственным исключением в ряду удачных военных предприятий Генриха, притом таким, которое столь мало

согласуется со всем остальным, что он вынужден приписать его несчастному случаю, который из-за недостатка политического предвидения король не сумел предусмотреть. Французские историки рассказывают нам, что было на самом деле, и показывают, что это дело в действительности было не исключением, а поразительной иллюстрацией как раз тех качеств и той удачи, которыми наделяет Генриха Бэкон.

Я уже объяснял, что экспедиция планировалась весьма тщательно и составила часть сложной, с участием Испании и Фландрии, операции, цель которой была остановить движение французского короля по пути захвата Бретани. В ходе осуществления этого плана Испания угрожала Франции на юге в Фуэнтэррабии; Максимилиан, хотя ему и мешали домашние неприятности, ухитрился с помощью Генриха отвлекать от себя силы противника на севере и в то же время с успехом продолжал свое сватовство к юной герцогине; а английские силы в Бретани тем временем, если и не одерживали блестящих побед над французами, то все же сумели остановить завоевание. Результатом всех этих действий было то, что Карл оставил попытку достичь своих целей этим путем. Действительно, утверждали — не только Полидор Вергилий и те, кто ему следовал, но и лучше информированные современные писатели, — что Генрих не только не сумел должным образом поддержать и ободрить эти силы во время их пребывания в Бретани, но отозвал их менее чем через шесть месяцев, — т. е. прежде чем истек обусловленный срок службы. Это, однако, несомненная ошибка, порожденная попыткой *соединить* рассказ Бэкона с фактами, извлеченными из раймеровских *Goedeга* и бретонских архивов, вместо того, чтобы целиком оставить его в сторону, как не согласующийся с этими фактами и не имеющий за собой более надежного авторитета, чем Полидор. В действительности в середине августа 1489 г., который был пятым месяцем после высадки, Генрих не отозвал, а усиливал войска в Бретани (см. у Раймера, а также «Календарь открытых писем», где мы находим распоряжения, изданные 14, 15 и 16 августа, относительно набора войск «для отправки в Бретань»). Результатом всего этого (если не пытаться точно проследить действие каждой из множества причин, а совокупности обусловивших конечный результат), было то, что Карл вскоре согласился заключить мир на условиях, отнюдь не невыгодных для Бретани. По Франкфуртскому договору, заключенному между ним и Максимилианом где-то осенью 1489 г., было решено, что Карл должен вернуть герцогине все города, захваченные им после смерти ее отца (кроме трех или четырех, которые должны были находиться под наблюдением герцога Бурбонского и принца Оранского до той поры, когда будут полюбовно улажены разногласия, для какой-либо цели в следующем апреле, в Турне должен был состояться конгресс); что он должен тем временем вывести свои войска из Бретани, а герцогиня должна распустить своих наемников-иностранцев. «Et vuyderont (пишет Д'Аржантре) les gens de guerre François de Bretagne, comme aussi la Duchesse feroit vuyder les Anglois» *. Этот договор был одобрен герцогиней, согласно Лобино, в ноябре 1489 г., после чего английские войска должны были, разумеется, быть выведены, либо же, если они оставались, то только на время уплаты расходов.

Мы видим, таким образом, что нет оснований считать это предприятие чем-то, требующим объяснений или оправданий. Если от него не ждали многого, то это еще не делает его менее характерным для Генриха. Чего от него ждали, то и было достигнуто, и едва ли его вина в том, что выигрыш хода не принес победы в игре. Дело бракосочетания Максимилиана и герцогини зашло так далеко, что 23 марта 1489 г. — т. е., я полагаю, 1489/1490 г., хотя для данного вопроса не важно, к какому году относится дата — было издано распоряжение о заключении его по доверенности, т. е. если бы дело было законным порядком доведено до конца, что могло бы (как кажется) произойти, не оставь его Максимилиан, когда оно было почти сделано, то планы Карла были бы полностью расстроены. В действительности он был вынужден оставить попытку захватить Бретань силой и попробовать другой путь. Таким образом представляется, что указанное предприятие во всех отношениях было запланировано с характерной осторожностью и исполнено с характерным успехом.

* И выведет французских солдат из Бретани, тогда как герцогиня удалит англичан (*Франц.*).

^{69*} Мне не удалось с абсолютной точностью установить дату этого посольства. Но вот то обстоятельство, в изложении которого меньше всего оснований предполагать у Полидора Вергилия ошибку и дата которого может быть установлена с наибольшим приближением к достоверности: послы, которых Генрих отправил с ответом на это посольство, встретили на своем пути, в Кале, папского легата, направляющегося в Англию. И хотя Полидор пишет, что легат был направлен папой Александром VI, только что сменившим папу Иннокентия (в каком случае дело должно было бы происходить не ранее августа 1492 г., после того, как Карл и Анна бракосочетались и когда Англия и Франция находились в состоянии войны), я полагаю более вероятным, что он ошибся в отношении даты смерти папы Иннокентия, чем в отношении такого обстоятельства, как случайная встреча в Кале послов и папского легата.

Принимая в таком случае это событие за точку отсчета, упомянутое здесь «торжественное посольство» можно более или менее уверенно отнести к ноябрю или декабрю 1489 г. Из дневника Герольда мы знаем, что «в том году на Рождество в Англии находилось большое французское посольство, а именно Франциск, его высочество герцог Люксембургский, виконт Женевский, и *генерал ордена св. Троицы во Франции*, которые на Иванов день обедали за королевским столом»; что «тотчас после» Сретения (т. е. 2 февраля 1489/1490 г.) «послы Франции получили ответ, были весьма щедро вознаграждены и благополучно доставлены к берегу моря королевским распорядителем милостыни и сэром Джоном Рейсли, рыцарем»; что «вскоре после того, как король отправил большое посольство во Францию (вероятно, то, на верительных грамотах которого стоит дата 27 февраля), то есть лорда-хранителя печати, епископа Эксетерского, графа Ормонда, камергера королевы и приора храма Христа в Кентерберии»; и что «во второй половине великого поста (четвертое воскресенье поста пало в 1490 г. на 21 марта) к королю прибыли многие и разные послы, а именно папский легат» и т. д. При этих обстоятельствах послы, направлявшиеся в Париж, и папский легат, направлявшийся в Англию, с большой вероятностью должны были встретиться в Кале.

С другой стороны, у Раймера имеется охранная грамота на три поименованные Бэконом лица, датированная 10 декабря и отнесенная к шестому году правления Генриха, т. е. к 1490 г. — к дате, которая и сама по себе представляется вероятной.

^{70*} Ни у Полидора, ни у Спида, ни, как я полагаю, у кого-либо из английских хронистов — предшественников Бэкона нет ничего, откуда можно заключить, что говорил именно приор. То, что это было так, можно, правда, предположить, основываясь на том, как эти события описывает Бернар Андре, и некоторые подробности из числа упоминаемых позднее могли быть почерпнуты из этого источника. Но есть и другие подробности, которые не могли быть почерпнуты ни у Полидора, ни у Андре и которые показывают, что Бэкон располагал каким-то источником информации, от них независимым. Какая часть последующего взята из этого источника, а какая принадлежит самому Бэкону, выяснить невозможно.

^{71*} Речь идет о фламандцах. Подданными Максимилиана они стали в силу его женитьбы на наследнице бургундского престола; что же касается короля Франции, то он претендовал на то, чтобы быть сюзереном по отношению к ним именно как к бургундским подданным.

^{72*} Если эти переговоры состоялись зимой 1489/1490 г. и французские послы получили ответ «вскоре после Сретения», то еще не прошло трех месяцев со времени заключения Франкфуртского договора, по которому было достигнуто согласие о прекращении военных действий, о выводе войск и о переносе обсуждения спорных вопросов между Францией и Бретанью на конгресс в Турне, который должен был состояться в следующем апреле. И хотя утверждается, что Карл не вывел своих войск и что подготовка к предложенному конгрессу не велась, я все же не считаю, что он в это время обдумывал возобновление военных действий или что бретонские дела находились, по крайней мере внешне, в более отчаянном состоянии, чем в прошлом ноябре. Представляется поэтому, что Генриху было рано считать, что «Бретань потеряна». Имел ли Бэкон достаточные основания для такого вывода, мы не можем сказать, не зная, какой информацией он располагал об этих переговорах (ибо, судя по множеству мелких подробностей им добавленных, ясно,

что какая-то информация у него была), помимо того, что он нашел у Полидора. Разумеется, возможно, что уже в феврале 1489/1490 г. Генрих столь глубоко проник в замыслы Карла и считал столь вероятным, что герцогиня положит конец конфликту, выйдя за него замуж, что (в этом смысле) он начал считать «Бретань потерянной» и решил больше не впутывать себя в бесплодный конфликт. И если у Бэкона были *положительные* основания для такого утверждения, то понимать его надо именно в этом смысле. Если однако речь идет лишь об *умозаключениях* из того, что предшествовало и произошло позднее (что, пожалуй, более вероятно), то следует помнить, что Бэкон основывался на ложных посылах. Он исходил из предположения, что французы добивались своего в Бретани, не получая сколь-нибудь существенного отпора, со времени битвы при Сент-Обене. Он ничего не знал о событиях 1489 г. или о Франкфуртском договоре, ни малейшего намека на которые не встретишь у наших старых историков. И полагая, что переговоры, о которых он рассказывает, происходили весной 1491 г. (что в конечном счете может оказаться правдой), он пытался понять ситуацию, какой она была бы в этом случае. К тому времени Генрих вполне мог видеть, что нет возможностей сохранить независимость Бретани иначе как путем войны, более серьезной, чем та, которой Бретань стоит. И очевидные несоответствия и безрезультатность мер, которые он принял, если это было его целью (при том, что они были исключительно эффективны и успешны, если его целью были деньги), могли и подсказать Бэкону такое объяснение его мотивов.

Относительно главного факта, однако, — т. е. того, что на примирительный жест Карла Генрих ответил каким-то экстравагантным требованием, которое привело к срыву переговоров, — имеется ясное сообщение у Бернара Андре (*tandem inter eos duretum est ut si tributum non solverent bellum in eos brevi strue retur* *) и его в самом деле можно почерпнуть из повествования Полидора, хотя он и одел его в иную конструкцию. «*Angli enim legati, — пишет он, — ut pauca tandem quae cupiebant assequerentur, permulta postulabant: Franci autem, ut nihil in line concederent, omnia repudiabant, stomachabantur, pernegabant etc*». Полидор принял это за пример заурядной торговли, в которой одна из сторон в надежде получить столько, сколько она хотела, начала с того, что запросила больше, другая же воспользовалась чрезмерностью первого запроса как предлогом для того, чтобы отказать вовсе. Но это всего лишь умозрительное предположение — так Полидор объясняет то, в чем он видел разочарование Генриха. Это не должно нас смущать. Похоже, что это был простой компилятор, без каких-либо дарований, нужных историку, кроме способности к сжатому и плавному повествованию; при отборе излагаемых обстоятельств им нисколько не руководит прозрение в смысл события, а общие рассуждения, в которые он время от времени впадает, суть примеры банального морализаторства. Однако в случае, подобном данному, сама поверхность его интерпретации служит доводом в пользу того, чтобы принять его свидетельство относительно факта, т. е. относительно того, что требования Генриха были чрезмерны и что Карл отказался удовлетворить их. К тому же существуют и другие подтверждения тому, что в начале 1490 г. Генрих, каковы бы ни были его мотивы, действительно надумал порвать с Карлом и принимал на этот счет некоторые меры. 15 февраля герцогиня Бретани обязалась, среди прочего, не вступать в брак и не объявлять ни войны, ни мира без его согласия. В течение лета он не только послал новую армию ей в помощь (см. ряд записей в перечне «выплат, сделанных по счетам короля» между Троицей и Михайловым днем 1490 г.), но и заключил соглашения с Фердинандом и Максимилианом, по которым каждая из трех держав обязывалась при определенных обстоятельствах соединиться с другими в наступательной войне против Карла. См. об этом у Раймера. Из «Календаря открытых писем» выясняется также, что в течение всей этой весны и лета он внимательно

* В конце концов, между ними было решено: если не будут заплачены подати, то на них скоро пойдут войной (*лат.*).

** Ибо английские требовали очень многого, чтобы в конечном счете получить немного из того, чего они желали: французы же, чтобы ничего в конце концов не уступить, все отвергали, возмущались, упорствовали и т. д. (*лат.*).

смотрел за своими берегами и границами, как если бы война могла в любой момент подступить к его дверям. 20 мая граф Суррей был назначен генерал-губернатором пограничных областей между Англией и Шотландией с полномочиями для набора войск из жителей Нортамберленда и ведения переговоров с представителями шотландского короля. 22-го ему было велено выпустить прокламацию с приказом о высылке всех наводнивших страну бездельников и бродяг-шотландцев. 26-го знати и дворянству Кента было послано распоряжение о военной мобилизации с особым предписанием «расставить сигнальные огни для предупреждения населения о нашествии врагов короля». Сходные распоряжения время от времени в течение июня, июля и августа посылались в другие графства, расположенные на южном берегу и в южной части восточного берега. 8 июля был выпущен рескрипт о наборе двадцати четырех пушкарей для обороны Кале. Среди этих распоряжений имеется несколько (самое раннее от 22 мая, самое позднее от 17 июля), в которых говорится об отплытии кораблей в море для «оказания отпора собирающимся там врагам короля». Одно из них, от 20 июня, говорит о «ныне совершаемом походе в Бретань». А 17 сентября того же года во все графства Англии была направлена для публичного прочтения прокламация об уже упомянутом соглашении между королем Англии, королем римлян и королем и королевой Испании «начать войну против Карла, короля французского, если он нападет на кого-либо из них или на герцогство Бретань».

Возможно, однако, что меры, принятые ради безопасности английских берегов, имели в виду Перкина Уорбека, начавшего к этому времени подавать признаки жизни, а не какую-либо угрозу французского вторжения.

^{73*} Эти слова следует понимать как относящиеся не к намерению французского короля самому жениться на герцогине, ибо об этом еще не было речи, а к праву, на которое он притязал, распоряжаться ее замужеством.

^{74*} Так у Полидора, который добавляет: «qui Innocentio paullo ante mortuo successera *». Но папа Иннокентий умер 25 июля 1492 г. Папа Александр был избран 11-го и венчан 26-го следующего месяца. Далее, бракосочетание Карла VIII с герцогиней Бретани состоялось в декабре предыдущего года, а 9 сентября 1492 г. Генрих был на пути во Францию во главе армии вторжения. Поэтому, если какой-либо легат *папы Александра* и встретил в Кале каких-либо послов Генриха VII, то это были послы, готовившие Этапльский договор, а не те, о которых здесь идет речь. Но едва ли можно сомневаться в том, что ошибка относится только к личности папы и что какая-то беседа подобного рода имела место между легатом папы Иннокентия, прибывшим в Англию на пятой неделе великого поста в 1490 г., и послами, находившимися на пути из Лондона в Париж в начале марта. См. примеч. ^{69*}.

^{75*} Бернар Андре (который, похоже, является авторитетом в этом вопросе) цитирует только первую строку стихотворения Гагена. Несколько перьев, похоже, окупилось в чернила, чтобы ему ответить, и, если можно верить сообщению отвечающих, его поражение было полным.

В Британском музее есть небольшая книжка «Discertatio R. Gaguin et J. Rhiniphelingi super reptu Ducissoe Britannica», где содержится подобного же рода сражение в стихах и прозе между тем же приором и одним из главных советников Максимилиана, но относящаяся к следующему этапу того же дела — женитьбе французского короля на невесте Максимилиана. Один из противников, а забыл кто, начинает сражение сапфической одой, которую заключают страница-две брани латинской прозой. Другой отвечает в той же форме и в том же тоне.

^{76*} Он родился (согласно Стоу) 22 июня 1491 г., откуда следует, что Бэкон считал временем этих переговоров весну того года, а не весну 1490 г., когда они состоялись в действительности.

^{77*} Они сочетались браком в замке Ланже, в Турени, 6 декабря 1491 г.

* Который наследовал Иннокентию, незадолго перед тем умершему (лат.).

^{78*} Исправление одной важной даты обычно делает необходимой коррекцию и всего остального. Бэкон, полагая, что окончательный разрыв Генриха с Францией произошел не раньше весны или лета 1491 г. и что бракосочетание Карла и Анны последовало вскоре, принимал это посольство Максимилиана за следующий акт, который будто бы имел место сразу же после бракосочетания. Но когда мы узнаем, что между разрывом и бракосочетанием прошло по меньшей мере полтора года, встает вопрос, что делали Генрих и Максимилиан все это время? И как случилось, что они позволили Карлу беспрепятственно осуществлять свои замыслы в отношении герцогини в течение столь долгого времени? По тщательном изучении Раймера и других доступных в наше время источников окажется, я думаю, что эта версия в значительной мере требует исправления. И повествование Полидора Вергилия дает нам — правда, не сами факты — но некое указание, основываясь на котором можно восстановить истинную картину событий. Он пишет, что Максимилиан, когда его дочь (обрученная с Карлом) была возвращена к нему, начал подозревать существование у Карла замыслов в отношении герцогини; что после этого он послал к Генриху некоего Джеймса Контимальда с предложением объединить их силы против Карла, обязавшись при этом предоставить с своей стороны не менее 10 000 человек на два года и, как только он будет готов к войне, дать знать Генриху, оставив ему шесть месяцев на подготовку; что Генрих, который сознавал, что положение дел в Бретани не допускает дальнейших отсрочек, и по собственному почину собрал войска для ее защиты, был в восторге от этого послания и обещал, то Максимилиан не найдет его неготовым; что тем временем (т. е., как я это понимаю, именно тогда, когда действовало это соглашение между Генрихом и Максимилианом) Карл женился на Анне и заполучил герцогство вместе с герцогиней; что Максимилиан, как только у него прошел первый приступ ярости и он решил, что следует что-то предпринять для возмещения урона, нанесенного его чести, просил Генриха максимально ускорить подготовку к войне с Францией, ибо он скоро уже будет готов; что Генрих, положившись на это обещание, немедленно собрал большую армию и сообщил, что он готов и выйдет в море как только услышит, что готов и Максимилиан; что его посланцы нашли Максимилиана совершенно неготовым; что их сообщение об этом, будучи вполне неожиданным, привело его в состоянии сильного замешательства, ибо он боялся, что война будет ему не по силам, если вести ее одному, и что, в то же время, отказ от нее вызовет в народе осуждение; но что, сопоставляя честь и опасность, он выбрал защиту чести, решился напасть на Францию в одиночку, собрал свежие силы и, скрывая от своей армии дезертирство Максимилиана, отплыл в направлении Кале (наконец-то мы добрались до даты) VI. Iduum Septembris * — 6 сентября.

Далее, поскольку здесь нет речи о каком-либо параллельном посольстве в *Испанию*, мы вполне можем предположить, что задачей Контимальда было не заключение этого тройственного союза между Максимилианом, Генрихом и Фердинандом, который занимал столь важное место в политике Генриха, а какое-то отдельное соглашение, касавшееся только Максимилиана и Генриха. И поскольку о нем говорится как о событии, которое произошло несомненно до бракосочетания, и могло, вопреки всему, что говорится в пользу обратного, произойти задолго до него, постольку — если мы обнаружим следы какого-либо подобного соглашения в любое время в течение предыдущего полугодия и если другие обстоятельства по видимости этому не противоречат — нет нужды отвергать его на основании даты. Такое соглашение было (предположительно) заключено между Генрихом и Максимилианом где-то в конце мая 1491 г.; оно и составило, как я полагаю, подлинное содержание миссии, о которой пишет Полидор, хотя Полидор, ошибившись в дате, соединил и перепутал его с другими событиями сходного рода, происходившими позднее.

Соглашение, которое я имею в виду (а я черпаю информацию главным образом из Лобино, который, по-видимому, тщательно изучил Д'Аржантре), не было, вероятно, частью большого договора между Максимилианом, Генрихом и Фердинандом о совместном вторжении во Францию, который в это время уже был

* 8-й день сентябрьских ид (*лат.*).

в силе, но не обеспечивал той быстроты действий, которой, похоже, требовали обстоятельства момента. Этот договор был заключен в сентябре 1490 г., что существенно раньше даты, которую назвал бы Бэкон, но прекрасно согласуется с его толкованием политики Генриха, ибо отсюда следует, что Генрих, *прежде* чем он окончательно порвал с Францией, позаботился о том, чтобы обеспечить себе возможности сначала для военной демонстрации, а затем для принятия условий мира, что и уловил Бэкон в общем ходе событий, несмотря на ошибки Полидора в деталях. Дело представляется таким образом, что Генрих уже получил от Максимилиана и Фердинанда обязательства принять участие в совместных действиях против Карла, так что, если бы они выполнили эти обязательства, он был бы в силах навязать те условия мира, которые бы ему заблагорассудились, если нет, у него был бы достаточный предлог для того, чтобы принять условия, которых удалось добиться. Семя, таким образом своевременно брошенное в землю, дало, как мы увидим, в конечном счете обильный плод в виде Этапльского договора, но это произошло не ранее конца 1492 г.

Карл тем временем, не желая спровоцировать нападение объединенных сил столь внушительного союза, не возобновлял приостановленных военных действий против Бретани и полностью отдался тому, чтобы мирными средствами расстроить помолвку герцогини с Максимилианом. Однако герцогиня не уступала его домогательствам, без сомнения поощряемая к тому зрелищем столь мощных альянсов, и в конце концов публично приняла титул королевы римлян. Это было в марте 1490—1491 г., т. е. в то время, когда, как полагает Д'Аржантре, Карл только что узнал о бракосочетании. Столь решительный шаг побудил его принять более сильные меры и в то же время обеспечил его союзником в лице Д'Альбре, старого искателя руки герцогини, чьи надежды таким образом терпели крах. С помощью этого человека он получил в свое распоряжение важный город Нант, город, которым в начале войны, он, напомним, безуспешно пытался овладеть, который он (предположительно) снова осадил летом 1490 г. и который теперь, 19 февраля 1490/1491 г., был отдан в руки французам. Карл сам вступил в него 4 апреля 1491 г. Получив известие об этом, Максимилиан, в свою очередь разгневанный и обеспокоенный, добился от своего отца-императора созыва Сейма (une Diette des Estates d'Allemagne *), проголосовавшего за предоставление ему войска из 12 000 ландскнехтов. В августе их должны были отправить в помощь герцогине, и к ним должны были присоединиться 6000 англичан. Таковы, как я полагаю, были обстоятельства и содержание миссии, о которой пишет Полидор. А поскольку точно известно, что послы отправились из Бретани 24 мая 1491 г., как послы короля и королевы римлян, для того чтобы просить помощи у Генриха, и что Джеймс Контисальд примерно в это же время находился в Англии и от лица Максимилиана вел переговоры о возмещении расходов, понесенных в связи с бретонскими делами, то названная дата и представляется наиболее вероятной датой последнего события — датой немаловажной с точки зрения дальнейших действий Генриха, в связи с которыми нам предстоит решить еще один вопрос.

Соглашение, в чем бы оно ни состояло, было безрезультатным. Сообщается, что некоторые подкрепления были отправлены из Англии (набор несомненно там производился в апреле и мае 1491 г.), но оказались недостаточны, чтобы только с их помощью чего-либо достичь; что, если говорить о ландскнехтах Максимилиана, то Карл, укрепив свои границы, не дал им пройти и присоединиться к его противнику в то время, как он продолжал завоевывать Гинкам; и что герцогиня, видя, как она теряет города, не получая никакой помощи и сознавая, что, к какому бы средству она ни прибегала в борьбе с Карлом — к оружию или третьейскому суду, в любом случае он, очевидно, в состоянии нанести ей поражение, отчаялась в конечном счете продолжать сопротивление и согласилась уладить конфликт, став королевой Франции и присоединив герцогство к владениям французской короны.

^{79*} Единственный парламент, созданный на седьмом году правления Генриха,

* Съезда представителей государств, входивших в состав Священной Римской империи (франц.).

заседал 17 октября 1491 г. Причиной его созыва не могло поэтому быть еще не состоявшееся бракосочетание. Однако если учесть существующую путаницу и неопределенность в изложении и датировке этих событий, это не имеет большого значения. Намерения французского короля тем или иным способом овладеть Бретанью должны были к октябрю достаточно выясниться, и это было бы достаточным основанием для созыва военного парламента.

Но имеется еще одна трудность, не столь легко объяснимая. Нет ничего более ясного и определенного, чем утверждение Полидора Вергилия, что взывание *пожертвований* производилось после заседания этого парламента и именно им было санкционировано. «Convocatio principum concilio, primum exponit causas belli sumendi contra Francos; deinde eos pascit pro bello pecuniam. Causas belli cuncti generatim probant, suamque operam pro se quisque offert. Rex, collaudatâ suorum virtute, ut populus tributo non gravaretur, cui gratificandum existimabat, volluit molliter ac leniter pecuniam a locupletioribus per benevolentiam exigere. Futt id exactiouis genus» и т. д. Переводом этого может послужить соответствующее место из Стру. Король «созвал парламента и заявил на нем, что он по всей справедливости вынужден начать войну против французов и он поэтому желает, чтобы они пожертвовали на ведение этой войны деньги и людей. Всякий признал это дело справедливым и обещал протянуть руку помощи. И с тем, чтобы избавить бедных, он счел за благо сначала взискать деньги с богатых *путем пожертвований*, каковой способ сбора денег был прежде в обычае». Нет, с другой стороны, ничего более достоверного, чем то, что указания о сборе пожертвований были изданы более чем за три месяца до того, как собрался парламента, и что ассигнования, утвержденные парламентом, когда он собрался, были не в форме пожертвований, а в форме обычного налога «две пятнадцатых и десятые». Мы, таким образом, сталкиваемся здесь с какой-то существенной ошибкой, которую нельзя устранить сдвигом даты или исправлением небрежного выражения. Возрождение этого вида сборов было делом важным. Последующие слова Полидора показывают, что он понимал, что оно означало, и не мог не придать значения вопросу о том, произошло оно до или после парламента, с парламента или без нее.

Я убежден, что ошибка лежит глубже, что, как обстоятельства в этом случае почти те же, что в 1489 г., так и ошибка допущена точно такая же, как та, на которую я указал в примечании на с. 258—259. Я убежден, что Полидор в том и в другом случае принял Большой совет за парламента; что Генрих в этом случае, как и в том, прежде чем созвать парламента по всей форме, предусмотрительно созвал один из этих квазипарламентов, отчасти чтобы проверить настроения народа, отчасти чтобы привлечь его сочувствие к этому делу, прежде чем он будет в него вовлечен; и что именно Большому совету, собранному в июне 1491 г. или около этого времени, он объявил свое намерение вторгнуться во Францию, попросив одновременно их совета относительно сбора средств.

Для того, чтобы обосновать этот вывод и ответить на возражения, я должен вновь обратиться к приложению. Если я прав, то и факт, и дата окажутся бесполезны как для прояснения повествования, так и в качестве иллюстрации характера и политики Генриха. Можно видеть, что когда французский король овладел Нантом и с очевидностью продолжал двигаться по пути поглощения Бретани, силой или оружия, через брак или прибегая к третьей стороне, и когда Максимилиан готовился собрать войско в 12 000 человек, чтобы противостоять ему, и звал Генриха присоединиться, что, как я полагаю, было в апреле или мае 1491 г., у Генриха было с чем обратиться к народу. Поэтому, посеяв сначала страх перед французским вторжением и производя демонстративно некоторые военные приготовления, чтобы разогреть кровь и прощупать пульс у народа, он избрал тот же образ действий, который оказался столь успешным в 1488 г., и немедленно созвал — не свой парламента, который, пожалуй, и не мог быть собран так быстро, как того требовали обстоятельства, а Большой совет, который он мог сделать сколь ему было угодно представительным по отношению к парламенту и который, хотя он и не располагал властью издавать законы и учреждать налоги, прекрасно служил как для выражения тогдашнего общественного мнения, так и для того, чтобы реагировать на это общественное мнение. Найдя членов Совета в подходящем расположении духа и уже приняв все задуманные меры предосторожности, он решительно объявил

о своем намерении предпринять вторжение во Францию и в связи с этим (используя, вероятно, в качестве предлога чрезвычайность ситуации, не позволявшей ждать результатов обычной процедуры) получил от них рекомендацию и согласие (которые, хотя они и не имели никакой юридической силы, в деле популярном имели силу, для данных целей достаточную) послать уполномоченных для сбора «пожертвований». Был издан (7 июля 1491 г.) соответствующий указ «de subsidio requirendo pro viagio Franciae»*, который, после преамбулы, где перечислялись причины предстоящей войны, которая представлена здесь как предпринимаемая не «de advisamento consilii nostri», а «ad instantiam et specialem requisitionem tam dominorum spiritualium et temporalium quam aliorum nobilium**», паделял требуемыми полномочиями ряд лиц, каждое из которых должно было действовать в определенном графстве. Но поскольку эти Большие советы могли давать лишь рекомендации, а их авторитет измерялся убежденностью и личным влиянием членов Совета, Генрих видимо, использовал их как инстанцию, приуготовительную по отношению к настоящему парламенту. Соответственно вскоре и был созван парламент по всей форме; он (с учетом, вероятно, посланного в Бретань подкрепления, на которое должны были частично пойти деньги, собранные в качестве пожертвований, а также более тяжелого положения в этой стране и усилившейся опасности) вотировал новые ассигнования (собрать их должны были, однако, в виде налогов) и принял законы, отвечающие нуждам военного положения.

Если поэтому мы предположим, что нижеследующая речь была обращена к Большому совету в июне 1491 г., что пожертвования собирались по его рекомендации в июле и августе, что какая-то помощь была послана в Бретань примерно в то же время и что парламент собрался 17 октября, то мы внесем в повествование Бэкона все необходимые (насколько мне известно) исправления и обнуаружим, что внесенные изменения иллюстрируют и подтверждают его интерпретацию взглядов, политики и характера Генриха.

Нашу догадку подтверждает и то, что из парламентских архивов нельзя понять, что лично ли король открывал октябрьскую сессию 1491 г. или нет, хотя Бэкон излагает дело так, словно Генрих сам сделал свое заявление. Маловероятно, я думаю, чтобы Бэкон утверждал это столь категорически, если бы это было всего лишь вывод из имеющегося у Полидора выражения «exponit causas»*** и т. д. Вероятнее, он располагал каким-то более полным изложением самой речи. И не следует думать, что изложение, о котором идет речь, дало бы ему возможность исправить ошибку. Напротив, оно могло придать ей большую достоверность. В то время в обращении должно было находиться множество экземпляров такой декларации или ее изложений. Название «Речь его величества» было по тем временам вполне достаточным. Могло случиться, что один из этих экземпляров сохранился. Собираатель, который стал его обладателем и решал, в какой раздел коллекции его следует поместить, сразу же, исходя из упомянутых там обстоятельств, определил год. Ясно было, что это — объявление войны Франции, сделанное примерно в то время, когда Бретань была включена в состав французского королевства. Затем он обратился к своему Полидору или Холлу, или Холиншеду, или Стоу, нашел соответствующее место и написал на обороте: Речь к Генриху 7 при открытии парламента в 1491 г.», что должно было служить достаточным основанием для утверждения, что Генрих открывал сессию лично.

^{80*} В связи с вопросом о том, был ли это парламент или Большой Совет, стоит, может быть, сравнить с этим описанием два независимых описания того, что точно было Большим советом, собранным в 1496 г. «В этом году (пишет старый городской хронист) октября 24 дня начался Большой совет, который держали в Вестминстере король и его лорды, духовные и светские, на каковой совет прибыли некоторые представители горожан и купечества от всех городов и добрых местечек Англии» и т. д. А на первоначальной личной печати Генриха VII тот же

* О субсидии, требуемой для похода во Францию (лат.).

** По рекомендации нашего Совета, но по настоянию и особому требованию лордов, духовных и светских, и других знатных лиц (лат.).

*** Излагает причины (лат.).

Совет описывается как «Наш Большой совет лордов духовных и светских, судей, блюстителей нашего закона и других именитых и мудрых людей от всей нашей земли». Описание Бэкона применимо в любом из этих двух случаев.

^{81*} Похоже, что Бэкона здесь подвела память, ибо, хотя действительно лорд-канцлер обычно выступал после короля, упоминание должно очевидно относиться к последней части самой королевской речи.

^{82*} Юм заметил (сопоставив даты), что это ошибка. Я уже объяснял подробно свое мнение о характере этой ошибки и о том, как она возникла. Если от этого объяснения придется отказаться, то ошибку можно объяснить иначе. Хотя на большинство распоряжений о сборе пожертвований и стоит дата 7 июля 1491 г., но не на *всех*. У Раймера приводится распоряжение, датированное 6 декабря 1491 г., которое сформулировано в точности теми же словами. Всякий, кому довелось бы встретить последний, а не другие тексты, счел бы его основанием для установления несомненной даты сбора пожертвований. Можно отметить, что эти пожертвования получили своего рода санкцию одного из последующих парламентов, ибо в 1495 г. был принят акт о взыскании обещанных сумм.

^{83*} Т. е. даже в те времена, когда денег было значительно меньше.

^{84*} Объявление войны *Шотландии*, о котором не упоминается в современных исторических сочинениях, содержится в преамбуле к акту, согласно которой всем шотландцам, не получившим прав гражданства, повелевалось покинуть королевство в течение сорока дней. «Король, — сказано там, — наш суверенный государь, затратив со своей стороны много сил и средств, многократно сносился с королем шотландцев и вел с ним переговоры об установлении и соблюдении мира и согласии между его величеством и его подданными, с одной стороны, и королем шотландцев и его подданными — с другой; но какие бы соглашения и договоры ни заключались, эти соглашения и договоры названным королем шотландцев всегда и непременно нарушаются, по каковой причине лучше иметь с ним открытую войну, чем притворный мир; и поэтому» и т. д. Я полагаю, что эту меру следует рассматривать отчасти как меру предосторожности, отчасти как угрозу, цель которой состояла в том, чтобы побудить шотландского короля возобновить перемирие, к чему он по той или иной причине не был склонен. Перемирие между Англией и Шотландией, подтвержденное в Вестминстере 24 октября 1488 г., истекло 5 октября 1491 г. В течение некоторого времени перед тем отношением между двумя королями носили характер взаимного недоверия и скрытой враждебности. Генрих тайно поддерживал некоторых недовольных подданных Якова в их замысле похитить его и передать в руки Генриха; правда, этот замысел предполагалось, вероятно, осуществить не раньше, чем истечет срок перемирия и переговоры о его возобновлении кончатся неудачей. Яков вел тайные переговоры с герцогиней Бургундской и Перкином Уорбеком и, как предполагают, решил возможно скорее порвать с Англией. У которого из двух было больше оснований для жалоб, установить трудно, но ни один из них, конечно же, не был уверен, что другой не использует во вред ему первую же предоставившуюся возможность; и для Генриха было необходимо, начиная войну с Францией, обезопасить себя с шотландской стороны. Он был теперь хорошо обеспечен деньгами и войсками, имел надежную поддержку в своем народе, а значит, и опору для ведения переговоров. (Вероятно, отчасти это он и имел в виду, когда так рано начал пригрозения к вторжению во Францию.) В апреле и еще раз в июне назначались уполномоченные для разбора жалоб на нарушения действующего перемирия и для переговоров о его продлении, но переговоры, видимо, были безрезультатны. Сразу же после истечения срока перемирия последовало объявление войны, которое оказалось более эффективным: новые уполномоченные, вскоре посланные Генрихом (22 октября) с той же миссией, были встречены представителями другой стороны, и 21 декабря между ними было заключено новое перемирие сроком на пять лет. Генрих сразу же ратифицировал его (9 января 1491/1492 г.), но Яков, похоже, колебался, и в конечном счете было заключено перемирие сроком на 9 месяцев. Оно должно было вступить в силу 20 февраля и действовать до 20 ноября 1492 г., и было ратифицировано Яковом 18 марта.

^{85*} Территория Максимилиана, расположенная вдоль северо-восточной границы Франции, не только не давала ей расширяться в этом направлении, но

и могла быть использована для отвлекающего удара и тем самым для того, чтобы не дать ей сосредоточить свои силы в другом месте, как мы и видели в случае с Брентанью в 1489 г.

^{86*} Это, согласно Рапену (чьим датам, однако, не следует слишком доверять), происходило в середине 1492 г.

^{87*} Это произошло, таким образом, между 19 октября и 7 или 8 ноября 1492 г.

^{88*} Раньше, если только Рапен не отодвинул дату экспедиции сэра Эдварда Пойнингса на слишком позднее время. Торжественная церемония в соборе св. Павла состоялась 6 апреля 1492 г.

^{89*} Так излагает дело Спид, ссылаясь на авторитеты отчасти Полидора, отчасти одной рукописной хроники. У Полидора сказано следующее: «Summa autem pactionis foederis fuit ut Carolus primum solveret bene magnam pecuniae summam Henrico pro sumptibus in id bellum factis, juxta aestimationem legatorum; deinde in singulos annos millia aureorum vicena quina penderet per aliquot annos pro impensâ ab ipso Henrico factâ in copias quas Britannis auxilio misisset *. Спид заменил эти вполне определенные «745 000 дукатов (186 250 английских фунтов)», которые должны были быть выплачены тогда же, на «bene magnam pecuniae summam» **, повторив в других отношениях сообщение Полидора.

«Старая хроника» ***, опирающаяся на авторитет собственного письма короля, адресованного Сити и прочитанного в Гилдхолле 9 ноября, утверждает только, что «для того чтобы установить мир, французский король согласился платить нашему государю в определенные годы 745 000 экю, что составляет в стерлинговом выражении 127 666 фунтов 13 шиллингов 4 пенса». И это сообщение, как выясняется из Раймера, верно. Генрих оценил расходы, понесенные при защите Бретани (их оплата лежала на французской королеве) в 620 000 крон, а сумму, причитающуюся в качестве пенсии, которую назначил Эдуарду IV Людовик XI, в 125 000. Он готов был теперь отказаться от притязаний на обе эти суммы в расчете на ежегодную выплату французским королем 50 000 франков, которая должна была начаться с 1 мая следующего года и повторяться каждые полгода, пока не будут выплачены все 745 000 крон.

^{90*} Полидор пишет: *per aliquot annos* [в течение нескольких лет]. И добавляет: «Franci reges postea, bello Italico implicati, id annum vectigam etiam Henrico octavo, septimi filio, perpenderunt: quo tandem debitam pecuniam persolverent amicitiamque servarent» ****, что Спид переводит следующим образом: «которая (англичане называют ее данью) в должные сроки выплачивалась в течение всего правления этого короля, а также Генриху, его сыну, пока не был выплачен весь долг, так же таким путем сохранить дружбу с Англией». *Id vectigal* ***** равнялась *millia aureorum vicena quina* *****, каковые выплаты, поскольку они продолжались и в правление Генриха VIII, должны были достичь суммы, по меньшей мере, в 425 000 этих *aurei* *****, что составляет (если они правильно названы в переводе кронами) в сумме 1 170 000 крон или 234 000 фунтов — факт, который вполне

* Суть договора состояла, прежде всего, в том, что Карл должен был заплатить достаточную сумму Генриху в качестве возмещения затрат на войну по оценке послов. Затем он должен платить ежегодно в течение нескольких лет по 25 тысяч золотых в качестве возмещения расходов Генриха на войска, посланные в помощь бретонцам (*лат.*).

** Достаточную сумму (*лат.*).

*** В 60-е—70-е годы XVI в. Холиншед и его сподвижники издали свод старых хроник, на которые и ссылается Дж. Спеддинг.

**** Позднее французские короли, ведя итальянскую войну, выплачивали эту ежегодную дань и Генриху VIII, сыну Генриха VII, чтобы выплатить долг и сохранить дружеские отношения (*лат.*).

***** Эти платежи (*лат.*).

***** 25 тыс. золотых (*лат.*).

***** Золотых (*лат.*).

оправдывал бы сделанное Бэконом несколькими строками ниже замечание, что ежегодные выплаты не могли бы производиться столь долго «при любом способе подсчета расходов». При том же, как это было в действительности, продолжение выплат после смерти Генриха VII объясняется достаточно удовлетворительно. Общая сумма в 745 000 крон должна была уплачиваться полугодовыми взносами по 25 000 франков в *золотых кронах*, где каждый франк составлял 20 су, каждая корона — 35 су; по этому курсу выплата всей суммы должна была бы занять более 25 лет и окончиться через 10 лет после смерти Генриха VII. Бернар Андре искажает факты, но, вероятно, правильно передает народное мнение в Англии, когда называет эти выплаты «данью, даваемой в связи с нашими владениями во Франции». Quocirca (пишет он) ractionibus utriusque transactis scriptoque solemniter commendatis, antiquum jus suum sub tributo ut alii sui sanguinis antecessores, poposcit; quod quidem gratio cissime a rege Galliae concessum est *. В действительности полугодовые выплаты продолжались до 1514 г., когда, ввиду того, что Генрих VIII в качестве наследника Маргариты, герцогини Сомерсетской, заявил новые притязания, размер которых (вместе с тем, что оставалось невыплаченным из 745 000 крон) был оценен в миллион крон, Людовик обязался выплатить эту сумму полугодовыми взносами по 50 000 франков каждый.

^{91*} Оно было прочитано в Гилдхолле 9 ноября.

Речь идет о том договоре, который у наших современных историков фигурирует под именем Этапльского договора. Стоит отметить, что в то же воскресенье, когда он был заключен (3 ноября 1492 г.), перемирие с Шотландией, истекавшее 20 числа этого месяца, было продлено до 30 апреля 1494 г.

^{92*} Эти сведения почерпнуты у Слида, который писал: «Сей юноша (как говорят) родился в городе Турне и прозывается Питер Уорбек. Он сын крещеного еврея, чьим восприемником у купели был сам король Эдуард». Однако Спид говорит здесь, что король Эдуард был крестным отцом еврея, а не Перкина. Эти сведения в свою очередь исходят от Бернара Андре, который, излагая их, упоминает имя еврея — Эдвард. Но он не утверждает, что Перкин был его *сыном*, а лишь сообщает, что он воспитал его.

Разумеется, догадки Бэкона об этом следует оставить в стороне, поскольку они целиком построены на предположении, что король Эдуард был крестным отцом Перкина. Первоначальное сообщение, очевидно, несколько более достоверно (если свидетельство Андре, не подтвержденное признанием Перкина, или любым другим современным источником, достаточно надежно и может быть принято за правдоподобное). Как бы мы ни истолковали слова «educatum» и «servulus», — был ли Перкин воспитанником, служащим, подмастерьем, слугой или приемным сыном упомянутого еврея, — мы должны по крайней мере предположить, что в том или ином качестве он входил в состав его семьи. Из того же источника мы узнаем, что еврей хорошо знал короля Эдуарда и его детей. Поэтому Перкин, должно быть, по меньшей мере видел Эдуарда IV и, вполне вероятно, наблюдал некоторые сцены придворной жизни и проявления нрава короля: едва ли воспоминания об этом надумили его впоследствии взятая за такую роль, но они могли бы весьма пригодиться при ее исполнении. Ему было около десяти лет, когда умер Эдуард: смысленный мальчик, наделенный природным даром сочинительства, а он у него скорее всего был, вполне мог и в более раннем возрасте увидеть достаточно, чтобы в дальнейшем уснастить подробностями историю, которую ему следовало рассказывать с большим правдоподобием.

^{93*} См. примеч. 92*. Следует отметить, что эти подробности извлечены из исповеди Уорбека и рассказа Бернара Андре, который Бэкон неправильно понял. Насколько мне известно, нет причины предполагать, что Джон Осбек был евреем, или что он и его жена когда-либо посещали Лондон. Чтобы поправить повествование, мы должны внести следующие изменения: «Жил горожанин и т. д. по имени Джон Осбек, женатый на Екатерине де Фаро, от которой у него был сын, названный

* В связи с заключенным между нами договором, подкрепленным торжественной грамотой, он настоял на своем древнем праве получать дань, подобно его предкам, каковое требование и было любезно исполнено королем Галлии (*лат.*).

Питером. Но впоследствии из-за того, что он рос хрупким и изнеженным и т. д. и т. д. Когда он был еще ребенком, его (как кажется) увезли в Лондон, где он жил в доме некоего Эдварда, еврея, обращенного в христианство во времена короля Эдуарда IV; сам король либо из религиозного великодушия (ибо тот был выкрестом), либо по чьему-то частному представлению оказал ему честь и стал его крестным отцом. После недолгого пребывания в Англии он вернулся в Турне. Немного погодя его отдали и т. д.

^{94*} По-видимому, речь идет об одном из месяцев 1490 г.

^{95*} Как я уже сказал, парламент был созван не раньше октября 1491 г. Но война Франции была объявлена не позднее 7 июля того же года, может в «Указе о наборе и снаряжении войска» от 5 мая 1491 г. сказано, что «Карл, именуемый себя королем Франции, намеревается вторгнуться в королевство».

^{96*} Мне не удалось установить точную дату его прибытия в Ирландию. Но 6 декабря 1491 г. был издан указ, гласивший, что король решил отправить войско в графства Килкенни и Типперери в Ирландской земле и подавить там мятежников и врагов, и назначавший эскадрильи Джеймса Ормонда и Томаса Гарта начальниками и командирами этих сил; им разрешалось пересечь море и вторгнуться в Ирландию, а также набрать упомянутое войско из королевских подданных и ленников, издавать статуты и прокламации для управления последним и т. д. и т. д., кроме того, указ объявлял власть наместника Ирландии в отношении упомянутого войска временно недействительной.

Поскольку в феврале Перкин паверняка был в Ирландии и поддерживал связь с графом Десмондом (см. прим. 97*), то, возможно, это восстание имело к нему какое-то отношение. Данное обстоятельство помогает также объяснить поведение короля Шотландии при заключении перемирия (см. прим. 84*).

^{97*} Это сообщение косвенно подтверждается записью в Книгах казначея Шотландии, которую цитирует Тайтлер: «Выдано по указу короля англичанину по имени Эдвард Ормонд, что привез из Ирландии письма, коими обменялись сын короля Эдуарда и граф Десмонд». Запись помечена 2 марта 1491 г., т. е., конечно же, это был 1491/1492 г.; последняя дата весьма примечательна в связи с отказом короля Шотландии ратифицировать пятилетнее перемирие с Англией, заключенное уполномоченными в декабре предшествующего года и подписанное Генрихом 1 января. Прибытие Перкина в Ирландию и прием, оказанный ему там, могли послужить достаточным поводом для того, чтобы Яков не стремился связать себя на столь длительный срок миром с Генрихом (см. примеч. 84*). Незадолго до того, как истекло девятимесячное перемирие, установленное вместо пятилетнего перемирия, Генрих замирился с Францией и Перкина отослали от французского двора. Лишь тогда Яков согласился продлить перемирие еще на полтора года (см. примеч. 90*).

^{98*} В исповеди Перкина в числе лиц, посланных из Франции пригласить его к французскому двору, упоминается некий «мистер Стефен Фрайом». Король назначил другого французского секретаря 16 июня 1490 г.

^{99*} Т. е., когда король Карл начал выказывать открытую вражду королю Генриху.

^{100*} Это предположение исходит от Спида. Ту же мысль высказывает в «Буре» Шекспир:

Подобно тем, кто, правду искажая,
Так память затемнит свою, что верит
Сам лжи своей, поверил, что он герцог,
Не только заместитель*.

^{101*} До Бэкона об этом не упоминает ни один из историков. Мне не удалось найти источник, на основании которого он утверждает, будто Тиррелла и Дайтона

допрашивали именно в то время. Нижеследующее изложение их исповеди, без сомнения, взято из истории, приписываемой сэру Томасу Мору, который добавляет: «Истинно и хорошо известно, что когда Джеймс Тиррелл находился в Тауэре по обвинению в измене славнейшему своему государю королю Генриху VII, оба — Дайтон и он — были допрошены и признались на исповеди, что совершили убийство именно таким способом, как нами описано»*. Но за измену Генриху VII Тиррелл попал в Тауэр много лет спустя, в 1502 г., да и в рассказе Мора нет ничего, что заставило бы подумать, будто, по его мнению, признание сделано в более раннюю пору. Впрочем, как раз в этом пункте он легко мог впасть в ошибку (особенно если Тиррелл, будучи при смерти, повторил те же самые показания, что он давал прежде, а это вполне вероятно), а у Бэкона, возможно, было достаточно доказательств, чтобы его поправить. Во всяком случае, среди лиц, арестованных в 1502 г. вместе с Тирреллом, Дайтон не упоминается.

Однако существует одно обстоятельство, заставляющее меня думать, что Генрих действительно получил от Тиррелла признание несколько раньше.

9 августа 1484 г. Ричард III пожаловал сэра Джеймса Тиррелла стюардом герцогства Корнуолл, а 13 сентября следующего года — «шерифом Венллаука и стюардом Ньюпорта, Венллаука, Ковоут-Мередита и Лантоузанта в Уэльсе и приграничных графствах». 19 февраля 1495/1496 г. сам Генрих пожаловал его пожизненным шерифом графств Гламорган, Маргэниот и т. д. Однако я установил, что двумя годами позже, а именно 26 февраля, в третий год правления Генриха VII (т. е. в 1487/1488 г.) несколько поименованных лиц получили полномочия, в которых говорилось, что «ввиду заслуг сэра Джеймса Тиррелла, рыцаря королевского двора, пожаловано ему в возмещение взимать от доходов с графства Гин в пограничных землях Каме столько, сколько он сам почит достаточным сообразно с величиной всех прибытков от его земель, рент и т. д. в Уэльсе в начале сего царствования», земли же эти передавались на попечение уполномоченных. Теперь следует вспомнить, что в промежутке между 19 февраля 1485/1486 г. и 26 февраля 1487/1488 г. случилось восстание Ламберта Симнела, которое было подавлено летом 1487 г., и что с самого начала предполагалось, что Симнел будет играть роль Эдуарда, герцога Йоркского, одного из убитых принцев. Естественно, это должно было побудить Генриха восстановить историю убийства. И если в ходе расследования ему стала известна роль, которую в ней играл Тиррелл, естественным желанием для него было бы как можно скорее удалить его из Англии. Покарать его за убийство, за которое, как мы предполагаем, он получил от Ричарда полное прощение, было, по-видимому, не во власти Генриха, и, вполне вероятно, что он сумел получить от него признание лишь в обмен на обещание не причинять ему вреда. Но Генриху, должно быть, хотелось, чтобы он исчез из вида и в этой связи он мог предложить ему заграничные владения, равные тем, какими он располагал на родине. Его показания Генрих с присущей ему скрытностью мог приберечь для себя, а их обнаружение стало целесообразным лишь с появлением в том же качестве Перкина Уорбека. Поэтому ошибка в датировке признания могла возникнуть по причине того, что время «разглашения» этой истории приняли за время, когда признание было сделано.

^{102*} Так в рукописи. В издании 1622 г. стоит «вскоре после», — изменение, которое вряд ли внес сам Бэкон, поскольку оно противоречит его собственной версии. Но вполне возможно, что его на свой страх сделал корректор типографии, полагавший, что этого требует контекст.

Следует, однако, признать, что если правилен вариант «много времени», то все предложение помещено в тексте странным образом и едва ли уместно. Создается впечатление, что Бэкон, набрасывая эту часть истории, заблуждался относительно даты казни Тиррелла и сделал исправление лишь позднее. Правда, настоящая рукопись создана несколько раньше появления книги, но книга могла быть напечатана и с другого экземпляра, в который поправку не внесли.

^{103*} В «Письмах Эллиса» ** содержится распоряжение за малой печатью о вып-

* Мор Т. Эпиграммы. История Ричарда III. М., 1973. С. 142.

** Original letters illustrative of English history / Ed. S. Elis. L., 1846.

лате сэру Э. Пойнингсу и сэру У. Уорэму денег на посольские расходы. Документ датирован 5 июля (1493 г.), но, по-видимому, они выехали в другое время.

^{104*} Т. е. торговлю между англичанами и фламандцами. 18 сентября 1493 г. шерифы получили указание опубликовать прокламацию, запрещающую торговые сношения (путем ввоза или вывоза товаров без разрешения, скрепленного Большой печатью) с подданными Великого герцога Австрийского и герцога Бургундского.

^{105*} Уильям Уорсли, настоятель собора св. Павла в Лондоне получил прощение 6 июня 1495 г.

^{106*} Тайтлер в своей «Истории Шотландии» приводит факт, не упоминаемый ни в одной из прежних историй. Этот факт имеет большое значение для понимания тогдашней позиции Генриха, и в частности его отношений с Шотландией. «Это разоблачение, — пишет он по поводу показаний сэра Р. Клиффорда, — стало роковым ударом для йоркистов. Их замысел, по-видимому, состоял в том, чтобы провозгласить Перкина королем в Англии, пока его многочисленные сторонники готовились восстать в Ирландии; в то же время шотландский монарх должен был во главе войска нарушить границы и вынудить Генриха разделить свои силы. Однако предводители пограничных кланов, которым не терпелось начать войну, вторглись в Англию слишком рано; к несчастью для Уорбека, случилось так, что, пока буйная вольница, включавшая Армстронгов, Эльвальдов, Кроссаров, Вигзмов, Никсонов и Генрисонов спускалась в Нортамберленд в надежде поднять там восстание в пользу самозванного герцога Йорка, предательство Клиффорда раскрыло все детали заговора, а поимка и казнь главарей повергла народ в такой ужас, что дело Перкина в тот момент представлялось безнадежным». «Этот не известный нашим историкам набег, или вторжение, — добавляет Тайтлер в примечании, — единственный раз упоминается в записях судебного ведомства от ноября 1493 г. Полное отсутствие в наших историях сведений о столь значительном происшествии, каким был этот набег, предпринятый при подобном стечении обстоятельств и к тому же во время перемирия (особенно, если Тайтлер прав, предполагая, что он был задуман как составная часть совместного выступления, в которое вовлекались Фландрия, Ирландия и йоркисты Англии), говорит о том, насколько плохо мы можем судить о вопросах государственной важности, которые пришлось решать Генриху.

Из записи в «Календаре открытых писем», датированной 8 марта 8 года правления Генриха VII (1592/1593) явствует, что в то время к отправке в Ирландию «для борьбы с мятежниками» готовился вооруженный отряд под командованием сэра Роджера Коттона. По-видимому, восстание было быстро подавлено, поскольку 22 и 30 марта, 10 апреля и 29 мая того же года мы находим записи о даровании помилования нескольким знатным ирландцам. Этот факт очень хорошо согласуется с сообщением Тайтлера.

^{107*} Так утверждает Стоу. По сообщению старой хроники, он праздновал Рождество в Гринвиче.

^{108*} Сэр Роберт Клиффорд получил прощение 22 декабря 1494 г.

^{109*} Опись имущества, найденного в замке Холт, сохраняется в Роллс-хаусе.

^{110*} Его судили 31 января, а казнили 16 февраля 1494/1495 г.

^{111*} Это сообщение Бернара Андре, приведенное Спидом.

^{112*} «Уильям Барли, иначе Барлей, из Олдбери (Херефордшир), эсквайр» получил прощение 12 июля 1498 г.

^{113*} Сэр Эдвард Пойнингс и «Генри, приор Лэнтони, выборный епископ Бэнгорский» получили назначения — первый в качестве «наместника Ирландии с правом исполнять обязанности вице-короля в отсутствие Генриха, второго сына короля»; второй в качестве канцлера — 13 сентября 1494 г. В тот же день сэр Роберт Пойнтц был уполномочен «наблюдать за сборами королевских войск в Ирландию, и отправить их на кораблях, для этой цели в Бристоле снаряженных».

Я подозреваю, что бэконово изложение полномочий сэра Эдварда Пойнингса, которое не совсем точно согласуется с тем, что говорит «Календарь открытых писем», наваяно общим духом полномочий Джеймса Ормонда и Томаса Гарта, полученных ими 6 декабря 1491 г. (см. прим. 97*). В то время вице-королем Ирландии был герцог Бедфорд; кто был его заместителем в его отсутствие, я не

знаю, но 11 июля 1492 г. на эту должность был назначен архиепископ Дублинский Уолтер.

Утверждение, будто во время приезда Пойнинга наместником был граф Килдер, которого схватили и отправили в Англию, где он очистил себя от обвинений и был замещен в должности, исходит от Полидора Вергилия, чья датировка не слишком надежна. Достоверно известно, однако, что парламент Пойнинга обвинил графа в государственной измене, но что в октябре 1495 г. это обвинение отменил английский парламент. Записи в «Календаре открытых писем» заставляют предположить, что сэр Эдвард Пойнингс исполнял должность наместника до конца 1495 г., когда его заменил (возможно, временно) приор Лэнтони, оставшийся канцлером, — его назначение в качестве «наместника и судьи Ирландии в отсутствие Генриха, сына короля» и т. д. датировано 1 января 1495/1496 г.; он занимал обе должности до 6 августа 1496 г., когда в качестве канцлера его заменил архиепископ Дублинский Уолтер, а в качестве товарища наместника — Джералд Фиц-Морис, граф Килдер, которому эта должность с теми же привилегиями и т. д., какими пользовался сэр Эдвард Пойнингс, была пожалована на десятилетний срок, а по его истечении, на сколько ему будет угодно. Возможно, стоит упомянуть, что еще до этого, 30 марта 1493 г., Джералд граф Килдер получил общее прощение.

^{114*} Об этом факте, не комментируя его, сообщает Стоу. Следует заметить, что преобладания алчности в характере Генриха (алчности, которая стала почти легендарной, побудив современных историков искать в ней объяснения едва ли не каждого его поступка) не замечал ни один историк, кроме Спида, — он же признает, что почерпнул это наблюдение у самого Бэкона. Упомянутое дело слушалось в мае 1495 г. Сэр Уильям Кейпел получил прощение 7 ноября.

^{115*} Т. е. летом 1495 г., 25 июня по Полидору.

^{116*} Согласно «Старой хронике» — 3 июля 1495 г.

^{117*} В своем первоначальном составе (без Генриха) лига была подписана 25 марта 1495 г. Генрих ратифицировал ее 13 сентября 1496 г.

^{118*} Парламент собрался 14 октября 1495 г.

^{119*} Видимо, скоро после провала набега на Кент. Ибо нам известно, что 26 июля 1495 г. в Ирландию отплыл королевский флот под командованием сэра Роджера Коттона, а 26 ноября владетель судна, захваченного и ограбленного в Йоугэде мятежником Перкином Уорбеком, получил разрешение задержать и захватить любое судно и товары и т. д.

^{120*} Он прибыл в Стерлинг 20 ноября 1495 г. Но король Шотландии был готов принять его еще более года назад (см. запись в Книгах казначейства от 6 ноября 1494 г., приведенную Тэйтлером: «То же самое, для перевозки гобеленов из Эдинбурга в Стерлинг к приему Английского принца, 30 шиллингов»). Возможно, именно это было предметом длительных дебатов в Совете, о которых упоминается в одном из писем Пастона, датированном праздником Всех Святых 1494 г. «Сударь, сейчас идет столь большое совещание о делах короля, что лорд канцлер вот уже восемь дней не появлялся в Звездной палате; заседание состоялось всего один раз в Лондоне, в день св. Леонарда».

^{121*} Не следует полагать, что сохранилось сколько-нибудь достоверное изложение речи Перкина перед шотландским королем. Можно говорить лишь о ее общем содержании и смысле. Приводимая здесь речь почти целиком почерпнута у Спида, который, видимо, составил ее частью из отрывков прокламации Перкина (на ней мы скоро остановимся), частью из того, что поведал епископ Росский Джон Лесли с небольшими вкраплениями из Полидора Вергилия. Спид излагает ее в третьем лице, как содержание того, что сказал Перкин. Бэкон почти слово в слово воспроизводит текст Спида, лишь кое-где вставляя одно-два предложения, по-видимому, свои собственные, которые либо вводят другие предложения, либо служат к ним переходом, либо нужны, чтобы заполнить очевидные провалы в аргументации. В качестве образчика таких вставок можно назвать первые три предложения, а также те, в которых Перкину приходится коснуться подробностей своего побега из Тауэра. Я не счел необходимым отмечать каждое выражение, различающееся с ранее созданными вариантами речи. Достаточно сказать, что Бэкон не вводит ни одного утверждения, не допускает ни одного существенного изменения

фактов, которые не основывались бы на свидетельствах (какими бы они ни были) его предшественников. Среди вариантов этой речи нет ни одного, который по форме и стилю можно было бы принять за подлинный. Многое в подобных речах, если только они не записаны стенографистом, всегда приходится сочинять самому повествователю, в чем каждый может убедиться, попытавшись написать складное изложение разговора или речи, прозвучавших тут же в его присутствии. И если приведенный здесь вариант речи, вместо домыслов Полидора, Лесли или Спида, содержит домыслы Бэкона, то это еще не значит, что она менее верно передает смысл сказанного Перкином.

^{122*} Таково написание фамилии всюду в прокламации Перкина, а также в рукописи Бэкона и в первом издании «Истории».

Нижеследующие предложения до фразы «если бы я был таким самозванцем» почти дословно взяты у Спида, который их почти дословно списал из первого абзаца прокламации Перкина. Разночтения между отрывком Спида и подлинником (если допустить, что сохранившийся список с подлинника правилен), по-видимому, возникли из-за трудности его расшифровки.

Окончание речи — в нем исправления ограничиваются сменой третьего лица на первое и вставкой переходного предложения — также взяты у Спида, который взял его у епископа Лесли.

^{123*} Все источники, которыми пользовался Бэкон, утверждают, что этот грабительский набег шотландцев случился сразу после прибытия Перкина. Фабиан, отличающийся точностью датировки, сообщает, что шотландский король нанес сильный и быстрый удар по приграничным графствам в одиннадцатый год правления короля, то есть в 1495/1496 г. В «Календаре открытых писем» я также нашел несколько записей об издании полномочий на ведение военных приготовлений, датированных разными месяцами этого года: 18 ноября 1495 г. — полномочие на набор войск в Йоркшире; 18 марта 1495/1496 г. — полномочие собрать плотников, каменщиков и т. д. на королевские работы на севере и в пограничных Шотландии графствах; 22 апреля — полномочие набирать и обучать войска в Сассексе, Кенте, Вустершире, Линкольншире, в пяти портах, Суррее, Хэмпшире, Дербишире и Стаффордшире. Поэтому вероятно, что после прибытия Перкина в Шотландию действительно имел место какой-то грабительский набег. Однако главное вторжение, к рассказу о котором переходит Бэкон, по-видимому, произошло лишь десять или даже более того месяцев спустя.

Автор «Живописной истории Англии» отодвигает его еще на более поздний срок. Он говорит, что Яков пересек границу не раньше начала зимы 1496 г., хотя, как ожидалось, он должен был сделать это еще в середине сентября. Впрочем, он не делает ссылки на источник своих сведений. В «Календаре открытых писем» есть несколько полномочий на перевозку различных военных припасов в сторону Шотландии, датированные сентябрем, ноябрем, январем и февралем 1496/1497 г. Без сомнения, это были приготовления против «большого войска», которое шотландский король привел из-за границы.

^{124*} Следующего содержания, а не составленную в следующих словах. Эта прокламация имеет иное происхождение, нежели речь на предыдущей странице и поэтому я подхожу к ней иначе. Сохранилась ее дословная копия, — конечно, не подлинник, о котором Бэкон сообщает, что он находится у сэра Роберта Коттона, но список, сделанный хорошо известным почерком, со следующим примечанием самого переписчика: «Подлинник сего, написанный старинным почерком, находится в руках сэра Роберта Коттона; 18 августа 1616 г.» Этот подлинник (который, судя по множеству путаных и едва понятных мест, встречающихся в списке, был либо очень неисправным, либо очень неудобочитаемым) теперь утрачен, но список можно увидеть в рукописях из собрания Харли.

Бэкон обращается с ним своеобразно, что (по крайней мере, для современных читателей) нуждается в пояснении. По-видимому, он прочел подлинник и запомнил его содержание, но не имел под рукой списка, по которому он мог бы цитировать. Однако Спид напечатал из него несколько отрывков, и он цитирует их почти дословно, лишь кое-где заменяя устаревшее слово знакомым. В остальном же он приводит не список, а его изложение, такое же изложение, какое трезво мыслящий

репортер сделал бы на основе путаного материала, а судья на основе показаний противоречащего себе свидетеля. Он верно передал дух и смысл подлинника, но опустил повторы, изменил порядок слов, выделил переходы, а в некоторых местах вставил предложение-другое от себя, чтобы сделать изложение понятнее и ярче.

Если бы он обращался с отрывками, которые нашел у Спиды, таким же образом, как и с остальным материалом, то можно было бы предположить, что это сделано в угоду какому-либо закону историописания, потому что дословный список такой прокламации нельзя было ввести в его труд, не вызвав нежелательного эффекта. Поскольку же это не так, поскольку он сделал очень мало изменений в тех отрывках, точную копию которых наверхника имел у себя, и так много изменил в остальном тексте, то напрашивается естественный и естественный вывод, что, хотя он читал подлинник и достаточно хорошо помнил его общее содержание и смысл, у него не было под рукой списка, и он либо не имел возможности, либо не считал нужным его достать.

^{125*} Этот первый абзац представляет собой своего рода конспект первых полутора страниц подлинной прокламации, весь текст которой (или его значительная часть) уже приводился (он был почеркнут у Спиды в речи Перкина перед королем. Их содержание выражено здесь в совершенно иной форме.

^{126*} Я не нахожу в подлинной прокламации места, которое открыто или скрыто содержало бы подобный намек на недавний мир. Я думаю, что в данном случае Бэкон, вызывая в памяти свое впечатление от подлинника — впечатление, которое, возможно, создалось у него после единственного прочтения неточной и неудобочитаемой рукописи, — ошибочно принял свое собственное предположение за воспоминание о том, что он там видел. Во время чтения его мысль опережала зрение. Он видел, какого рода темы высказывает Перкин; эта тема сразу же представилась его воображению и впоследствии настолько увязалась в его памяти с этим местом, что он забыл, что она ему не принадлежит. Нет более распространенной ошибки памяти, свойственной людям, наделенным обширной, сильно перегруженной памятью, нежели эта. Да и на самом деле, мне кажется, едва ли найдется такой человек, который, задавшись целью с точностью назвать свои источники цитирования и выверяя ссылки, не обнаружит подчас, что он с величайшей уверенностью обращается за сведениями туда, где их не может быть. Ценность Бэконова свидетельства о происшедших событиях (а я его ставлю очень высоко) зависит не от какого-либо особого дара к запоминанию подробностей, — его ссылки и цитаты часто неточны, — а от способности и привычки с первого раза выносить верные впечатления, что гораздо важнее для точного изображения сущности событий, чем безупречная память.

^{127*} Конец этого абзаца и весь следующий абзац дословно взяты у Спиды, который дословно списал их с очень небольшими расхождениями, по-видимому случайными, и с двумя, тремя пропусками, обозначенными *et cactera*, с рукописи сэра Р. Коттона.

^{128*} Так у Спиды. В копии прокламации, содержащейся в рукописи, стоит «наш кузен лорд Фитцдуотер, сэр Уильям Стенли, сэр Роберт Чемберлен и т. д.». Лорд Фитцдуотер был обезглавлен в Кале, о чем сообщается в «Старой хронике» (л. 161б), в ноябре 1496 г., позже времени, которым Бэкон датировал бы прокламацию.

^{129*} Здесь, я подозреваю, по случайности опущено имя сэра Чарлза Сомерсета, которое и у Спиды и в прокламации, содержащейся в рукописи, следует за именем Оливера Кинга.

^{130*} По-видимому, Яков закончил приготовления еще к середине сентября 1496 г., но, как я полагаю, ждал обещанного восстания англичан в пользу Перкина. Тем временем друзья Генриха при шотландском дворе сообщали ему обо всем, что там происходило и он знал, что с той стороны он застрахован от сколь-либо серьезной опасности. Однако был ли он готов к такого рода грабительскому вторжению, представляется сомнительным.

^{131*} Следует помнить, однако, что покушения на Нортамберленд тогда еще не было. В то время, о котором теперь говорит Бэкон, звезда Перкина при шотландском дворе была в зените.

^{132*} Из «Старой хроники» я установил, что уполномоченных великого герцога приняли в Лондоне до 1 февраля 1495/1496 г., а договор был заключен в апреле.

Хронист (по-видимому, современник событий) приводит одно обстоятельство, которое стоит воспроизвести здесь, чтобы показать, какие отношения существовали между королем и городом Лондоном.

«Было решено, что для его скрепления, — говорит он о договоре, — сверх и помимо печатей обоих государей необходимы обязательства нескольких городов этой страны, из которых одним был Лондон, . . . но когда уже следовало наложить печати, общины города не согласились скрепить его своей печатью. И хотя в ратушу для уговоров названных общин по приказанию короля явился милорд Дерби, лорд-казначей, главный судья Англии г-н Брей и хранитель архива, те никак не соглашались скрепить его городской печатью, а умоляли названных лордов даровать им шестидневную отсрочку, в какой-то срок они надеялись представить его Милости королю и его совету письменные соображения, какими его Милость будет вполне удовлетворен. Отсрочка была им дарована, вследствие чего были составлены различные билли» и т. д. В конце концов была наложена только печать мэра.

^{133*} Парламент собрался 16 января 1496/1497 г. и проголосовал выделить средства на ведение войны с Шотландией. Однако, как и в двух предыдущих случаях, о которых мы уже упоминали, Генрих из предосторожности предварительно созвал Большой совет. По-видимому, он не слишком спешил и, возможно, намеренно дожидаясь, пока шотландцы каким-либо открыто враждебным действием взбудоражат его собственный народ, пробудят в нем негодование и заставят меньше беспокоиться о своих деньгах. Достоверно известно, что 8 сентября один из его шпионов при шотландском дворе послал ему сообщение, что Яков во главе войска подойдет к границе 15 сентября; известно также, что в конце того же месяца состоялся Большой совет, согласившийся пожертвовать 120 000 фунтов на защиту от шотландцев. «В том же году (свидетельствует «Старая хроника», подразумеваемая 12 год правления Генриха, т. е. 22 августа 1496—21 августа 1497 г.) 24 октября король с лордами духовными и светскими собрались в Вестминстере на Большой совет, на который явились избранные горожане и купцы от всех городов и добрых поселений Англии, и было пожертвовано королю для обороны от шотландцев 120 000 фунтов, каковой Совет закончился 6 ноября».

В дополнение к этому «пожертвованию», как называет его хронист, — которое, как я подозреваю, было не более чем обещанием со стороны членов Совета поддержать предложение о таком пожертвовании в парламенте, — они, по-видимому, вызвались одолжить королю большую сумму наличными деньгами, каждый от себя, и посоветовали ему занять свыше 40 000 фунтов под расписки за малой печатью. Это обстоятельство (о котором, как ни странно, нет и намека в наших историях) неоспоримо доказано подлинной распиской за малой печатью с приложением руки Генриха VII, составленной в Вестминстере 1 декабря, которая до сих пор хранится в собрании рукописей Коттона. Она адресована некоему дворянину из Херефорда и содержит просьбу о ссужении 20 фунтов. Однако в тех местах, где должны быть указаны графство и сумма, оставлены провалы, что свидетельствует о том, что это стандартный бланк. В ней говорится, что «для отмщения великой жестокости и несчастья, которым король шотландцев подверг нас, наше королевство и подданных, о чем наши уполномоченные в графстве Херефорд, где вы проживаете, поведают вам подробно, мы недавно в нашем Большом совете лордов духовных и светских, судей, адвокатов и лучших мужей от каждого города и доброго местечка нашей страны, по их настоянию и совету постановили набрать два королевских войска для действий на море и на суше, дабы продолжать основательную войну против шотландцев до той поры, когда мы вторгнемся в шотландское королевство и милостью божьей так и таким образом отомстим за их великие злодеяния, нам, нашему королевству и подданным нанесенные, и наши подданные долгие годы будут жить в мире и спокойствии. Лорды и другие члены означенного Большого совета, взяв в рассуждение, что основательная война может быть оплачена не иначе как большими суммами наличных денег, любезно ссудили нас, каждый от себя, большими суммами денег, сверх того что мы сами внесли из казны; и тем не менее, как проголосовал наш упомянутый Совет, для удовлетворения сей нужды

по необходимости должно заимствовать у других наших любящих подданных еще 400 000 фунтов наличными деньгами. Поскольку же, как мы слышали, вы человек состоятельный, мы желаем и просим, чтобы вы предоставили нам заем на сумму в 20 фунтов, которая вам несомненно и безусловно будет возвращена» и т. д. и т. д.

Как дополнительное подтверждение этого мы читаем в «Старой хронике», что «в следующее воскресенье» (последней упоминавшейся датой было 18 ноября) «был послан от короля магистрат сэръ Реджиналд Брей с другим членом королевского совета к мэру занять у города 10 000 фунтов. В четверг следующей недели палатой общин было постановлено ссудить королю 4000 фунтов». Немного ниже хронист добавляет, что «в тот год королю по всей Англии сроком на один год и один день ссудили большие суммы денег, частью которых была сумма в 4000 фунтов, ссуженная городом Лондоном, как говорилось выше. Вся сумма, одолженная землей, превышала 58 000 фунтов».

Среди документов Судебного архива сохранились еще две такие расписки за малой печатью, а также опись всех занятых сумм, которые в совокупности составляют 57 388 фунтов, 10 шиллингов и 2 пенса. Этот последний документ неправильно обозначен на обложке как опись Добровольного пожертвования. Его следовало бы назвать займом.

Я не сумел установить, в какое именно время имело место вторжение шотландцев, но вполне вероятно, что столь поспешный заем денег (отчасти для немедленного использования, отчасти для дополнительного обеспечения обещанного парламентского пожертвования) был предпринят немедленно по его следам, пока еще не остыл гнев. Таким образом, король на время получил деньги на войны и мог действовать по обстоятельствам. Впрочем, пока он был снабжен заемными деньгами, которые следовало вернуть назад. Следующим делом было получить пожертвование; с этой целью 16 января был созван парламент, который постановил выделить ему на ведение войны с Шотландией сначала две пятнадцатых и десятые, а затем (когда этого оказалось недостаточно) — субсидию, равную двум пятнадцатым и десятым, что, видимо, составляло 120 000 фунтов. В «index vocabulogum». Бэкон объясняет, что одна пятнадцатая представляла собой своеобразное денежное пособие, выделявшееся только властью парламента. Судя по названию, оно должно было равняться одной пятнадцатой части стоимости всех товарных запасов, но в действительности имело твердое денежное выражение, отнюдь не такое большое.

^{134*} Как сообщает «Старая хроника», это было в конце мая.

^{135*} Так утверждает Стоу, а вслед за ним и Спид. Однако «Старая хроника» называет более позднюю дату, а именно конец сентября, когда Перкин был в убежище; в ней говорится, что это сделал «некий Джеймс, грабитель, который в помощь Перкину собрал 600 или 700 мятежников».

^{136*} В пятницу, 16 июня.

^{137*} Эту дату называет Стоу. Однако в «Старой хронике» говорится, что сражение состоялось 17, что, без сомнения, правильно. Двадцать второе июня 1497 г. приходилось на четверг.

^{138*} Так у Полидора. Стоу говорит, что только 300.

^{139*} «А их войско», говорится в «Старой хронике» «в тот день (понедельник, 12 июня) было числом 15 000».

^{140*} «Чи стрелы, — сообщает Холл, — по рассказам имели в длину целый ярд». Не ясно, какой длины был «портновский аршин», но в «целом ярде», по моим предположениям, должно содержаться тридцать шесть дюймов (91,44 см).

^{141*} В среду, 28 июня.

^{142*} Во вторник, 27 июня.

^{143*} По утверждению Стоу, войско под командованием Суррея было послано в июне. Помета «ан. рег. 13» * на полях, по-видимому, поставлена ошибочно. Эти события, должно быть, произошли в 1497 г., в одиннадцатый месяц 12-го года

* Anno regni — год царствования (лат.).

правления Генриха. Фабиан приводит год, но, кажется, не называет месяца. Бьюкенен же утверждает, что вторжение имело место сразу после того, как до Шотландии дошла весть о корнуэльском восстании, а это было, по-видимому, где-то в конце мая.

^{144*} По сообщению Бьюкенена *, у которого, по-видимому, позаимствовано большинство этих подробностей, встреча состоялась в Джедборо. Однако один из комментаторов на основании документов утверждал, что они встретились в Этоне.

^{145*} Копию инструкций, отвечающих этому определению и составленных в Шайне 5 июля 1497 г., можно увидеть в собрании рукописей Коттона. В них есть упоминание о предыдущих переговорах, не так давно состоявшихся в «Дженинхо» (дата не приводится), где граф Энгус и лорд Хьюм, по-видимому, сделали некие предложения, которые не могли быть приняты, — очевидно, из-за того, что они не включали вопроса о выдаче Перкина Генриху. Возможно, что и на предыдущих переговорах Фокс должен был руководствоваться похожими инструкциями и что именно эти переговоры закончились «перерывом», о котором говорит Бэкон. Яков воспользовался им, чтобы отослать Перкина от двора, ибо по Тайтлеру, он отплыл из Шотландии 6 июля, т. е. до того, как могли быть получены инструкции от 5 июля.

^{146*} Так у Бьюкенена. Однако перемирие «на несколько месяцев», по-видимому, было результатом предыдущих переговоров в Дженинхо. К тому времени как Фокс получил инструкции от 5 июля, Перкин покинул Шотландию, и препятствие к миру исчезло. Представители встретились в присутствии Д'Айала, который был своего рода посредником между ними, и на первый раз договорились об установлении семилетнего перемирия. Оно было заключено 30 сентября 1497 г. Вскоре начались другие переговоры, на которых Д'Айала выступал от имени Якова, а Уорэм от имени Генриха. На них было достигнуто соглашение продлить срок перемирия до конца жизни обоих королей и еще на год после смерти того, кто проживет дольше. Договор был подписан Уорэмом в Лондоне 5 декабря, обнародован в Лондоне на следующий день и ратифицирован Яковом 10 февраля 1497/1498 г.

^{147*} Эти слова опущены в переводе. Если это было в День всех святых (1 ноября) на двенадцатый год правления короля, то случилось много раньше времени, о котором рассказывает Бэкон. Двенадцатый год правления Генриха начался 22 августа 1496 г. Мы добрались до июля 1497 г.

^{148*} Видимо, ни в одной из историй, к которым имел доступ Бэкон, не было рассказа о вручении венца, посланного папой Иннокентием. Однако подробный рассказ об этом имеется в дневнике Геральда, опубликованном Леландом, из которого явствует, что приготовления были почти такие же, как и те, что описывает Бэкон. Эти описания настолько схожи, что если бы «Старая хроника», откуда почерпнут настоящий рассказ, была утрачена и сохранился бы только дневник Геральда, можно было бы заподозрить, что Бэкон спутал даты. Первое событие произошло в 1488 г.

^{149*} Майкла Джозефа.

^{150*} Эти слова от «ныне» и далее опущены в переводе, в котором говорится лишь, что «*stagnificè admodum de seipso loquebatur*» **, поскольку Бэкон, без сомнения, вспомнил или ему напомнили, что шотландская прокламация Перкина была издана от имени «Ричарда, божьей милостью короля Англии и Франции, повелителя Ирландии, принца Уэльского». Его ввел в заблуждение Спид, который сообщает, что эта прокламация «составлена от имени Ричарда, герцога Йоркского», а впоследствии говорит, что, высадившись в Корнуолле, Перкин нашел средство поднять на мятеж многие тысячи людей, «которых он с помощью самых щедрых посулов, обличительных прокламаций и изрядной доли бесстыдства удерживал вместе титулом Ричарда Четвертого, короля Англии».

^{151*} В воскресенье 17 сентября около полудня.

* Бьюкенен (Buchanan), Джордж (1506—1582) — историк (The history of Scotland. Glasgow, 1856).

** Говорил о себе в весьма высокопарных выражениях (лат.).

^{152*} По утверждению короля Генриха свыше трех-четырёх сотен (см. «Письма Эллиса»).

^{153*} Двадцать первого сентября.

^{154*} Из записи в расходной книге Личного кошелька явствует, что Перкина доставили в Тонтон 5 октября. В то время там находился король, направлявшийся в Эксетер, которого он достиг 7-го числа.

^{155*} В рукописи и в издании 1622 г. стоит «Корнуолл», что, очевидно, неверно. В латинском переводе это «Cornhill». Согласно Стоу, это произошло 20 ноября 1497 г., в 13 году правления короля.

^{156*} В Фомиин день*, вечером, около девяти часов.

^{157*} Колумб увидел свет на горе Сан-Сальвадор 3/12 октября 1492 г. В это время Генрих занимался подготовкой Эттапльского договора.

^{158*} «Каковые отбыли (говорится в «Старой хронике») из западных пределов в начале лета; по об их подвиге до сего месяца нет никаких известий».

Это произошло на тринадцатый год правления Генриха в 1498 г. Стоу переносит это на четырнадцатый год, возможно, в силу того, что на полях случайно смещена помета «A. R.»** Однако весьма странно, что никто из них не принимает во внимание первое плавание Себастьяна Кабота, которое имело место за год до того и увенчалось столь значительным «подвигом», как первооткрытие Северо-американского континента. Они завидели землю в 5 часов утра 24 июня 1497 г. В каком месте материка это было, мы в точности не знаем; предположительно им предстала какая-то часть побережья Лабрадора с небольшим островом неподалеку. Результаты экспедиции стали известны в Англии в начале августа, ибо в расходной книге Личного кошелька Генриха VII содержится запись о выплате 10 августа 1497 г. 10 фунтов тому, «кто открыл новый остров». Второе плавание, предпринятое в 1498 г., по-видимому, имело целью скорее заселение этих земель, чем открытие новых, ибо указ от 3 февраля 1497/1498 г. особо указывает на «землю и острова недавно найденные». Судьба этого предприятия (как ни странно) до сих пор вызывает догадки, однако, по предположениям, оно закончилось неудачей. (Подробный разбор всех вопросов, касающихся этого предмета, содержится в книге «A Memoir of Sebastian Cabot: with a review of the History of Maritime Discovery». 2nd ed. L., 1832).

^{159*} Это утверждение исходит от Стоу, который почерпнул свои сведения из книги «Sir Humphrey Gilbert's Discourse for a new passage to Cataia»***, автор которой, вероятно, основывался на письме Кабота к Рамузио. Но дата данного плавания не приводится; есть причины полагать, что оно имело место в 1517 г. Возможно, все три противоречивые заявления относительно того, что Кабот достиг самой северной оконечности Лабрадора, можно наилучшим образом объяснить тем, что в 1497 г. он дошел до 56°, в 1498 г. — до 58°, а в 1517 г. — до 67¹/₂°.

^{160*} Если здесь нет никакой ошибки, то мы должны заключить, что Бэкон (вслед за Стоу) полагал, будто экспедиция Себастьяна Кабота имела место в четырнадцатый год правления Генриха, т. е. между 22 августа 1498 г. и 21 августа 1499 г., и должна была состояться почти год спустя после событий, о которых он рассказывает, а не за малое время до них. В действительности мы не знаем точной даты опубликования исповеди Перкина. Но по Лондону его провели в конце ноября 1497 г., в тринадцатый год Генриха, а его исповедь появилась «вскоре после того». Случай в Нореме, по-видимому, произошел в ноябре 1498 г., ибо 26 числа того же месяца шериф Нортамберленда получил указание издать прокламацию, которой нескольким жителям Риддсейла и Тиңдейла (на севере) предписывалось в течение трех дней явиться в Бервик к рыцарю Томасу Дарси, наместнику восточных и средних пограничных земель, чтобы держать ответ за

* 21 декабря.

** Anno regni.

*** Gilbert H. A discourse of a discoverie for a new passage to Cataia. L., 1576.

убийство нескольких шотландцев, совершенное в нарушение мира между Англией и Шотландией. «Мир», о котором здесь говорится — это, без сомнений, перемирие, заключенное в декабре 1497 г. и ратифицированное Яковом 10 февраля следующего года. Ошибка в датировке этого происшествия исходит от Полидора Вергилия, который начинает рассказ о нем (сразу же после описания поимки Перкина в Эксетере и последующих обстоятельств) с «eodem anno»*.

Полоса спокойствия, наступившая вслед за подавлением восстания в Корнуолле, поимкой Перкина и заключением этого перемирия, оказалась благоприятной для Генриха, который воспользовался ею не только для того, чтобы допросами, карами и помилованиями потушить углы восстания в Англии, но и для того, чтобы попытаться цивилизовать Ирландию. За три года до того парламент сэра Эдварда Пойнингса распространил на Ирландию действие английских статутов. Теперь Генрих хотел попробовать, не удастся ли водворить там английские обычаи и обиход. В связи с этим он 28 марта 1498 г. поручил графу Килдеру создать парламент, которому, в частности, надлежало рассмотреть меры по запрещению уклонения от работы, не вынужденного иными причинами, кроме учебы; по введению английского платья и оружия; по обеспечению очистки городов, рытье осушительных канав и стоков, мощения улиц и т. д., а также по взиманию таможенных и других пошлин. Было предложено, чтобы лорды заседали в парламенте в мантиях, как в Англии, чтобы каждый лорд, имеющий доход или бенефиций в 20 марок годовых, «ездил верхом в седле на английский манер» и чтобы купцы и прочие люди того же звания одевались в мантии и плащи, а не в привычные им «рубахи и одеяла». Следовало также позаботиться об избрании судьи, который (в отсутствие наместника) должен был возглавлять правительство. Следовало утвердить отмену обвинения графу Килдеру, произведенную английским парламентом, а также обвинить в государственной измене Уильяма Барри, обычно именуемого лордом Барри из Манстера, и Джона Уотера из Корка, которые, получив некогда многие письма от «Паркина Уорбека»**, предательски утаили это от короля и его совета.

Таковы, в изложении «Календаря открытых писем», главные вопросы, которые надлежало рассмотреть этому парламенту. Что обсуждалось в действительности и с каким результатом, я не знаю. Об этом в сочинениях по истории Англии нет никаких упоминаний.

^{161*} Генрих назначил уполномоченных для переговоров об этой партии летом 1496 г. Но я подозреваю, что до непосредственных переговоров в то время дело не дошло, ибо тогда Яков как раз готовился вторгнуться в Англию вместе с Перкином.

^{162*} Я думаю, что это ошибка. Незадолго до Рождества 1497 г. был опубликован прежний договор. Тот же договор, о котором идет речь, содержащий статью о рекомендательных письмах, был заключен не ранее 12 июля 1499 г. Яков ратифицировал его 20-го в Стривелине и сразу же после этого, то есть 11 сентября, епископ Фокс получил полномочия вести переговоры о браке.

^{163*} Его окрестили 24 февраля 1498/1499 г., а умер он в пятницу, после Духова дня, т. е. 12 июня 1500 г.

^{164*} Известие пришло в Лондон в апреле 1498 г.

^{165*} Я полагаю, что он находился под так называемым наблюдением, ибо по свидетельству хроники (л. 172) король «держал его при своем дворе на свободе».

^{166*} В канун Троицы, в субботу 9 июня 1498 г.

^{167*} В следующую пятницу.

^{168*} Его повесили в последний день масленицы, который в 1498/1499 пришелся на 13 февраля.

^{169*} 16 ноября 1499 г.

^{170*} Ему предъявили обвинение 16-го, а обезглавили 29-го ноября.

* В том же году (лат.).

** Такое написание в цит. документе.

171* Сэр Джеймс Макинтош * расценивает это и другое высказывание несколько ниже, как вынужденное признание (вынужденным признанием ему хочется считать все, что бы Бэкон ни говорил в ущерб Генриху) того, что Генрих и Фердинанд заранее обрели Уорика на казнь и что его проступок спровоцирован Генрихом, стремившимся поймать его в ловушку. Мне не кажется, что Бэкон верил и в то и в другое, или что имеющиеся свидетельства вынуждают верить в это нас. По-видимому, Бэкон полагал, что истинным поводом для неоправданной суровости Генриха была государственная необходимость: желание раз и навсегда положить конец опасностям и бедам; что обращение к Фердинанду было лишь предлогом, чтобы отвести от себя возмущение этим актом; и что Фердинанд, понимавший существо этого дела и сам в нем заинтересованный, был готов сыграть ему на руку и доставить этот предлог, если бы он того захотел, а захотеть этого, он, очевидно, вполне мог. Пока был жив хоть один представитель мужской линии дома Йорков, вокруг Генриха непрестанно плелись заговоры йоркистов, составлявшиеся под разными предлогами, но с единственной конечной целью восстановить на престоле истинного наследника. Заговорщики могли выдвигать для удобства каких угодно самозванцев, но их надежды сходились и зиждились только на истинном наследнике, а поэтому могло статься, что рано или поздно его втянут в заговор, который навлечет на него обвинение в измене. Тогда-то и должен был возникнуть вопрос, можно ли позволить, чтобы в таком деле, как дело Уорика, крайне жестоком и несправедливом, суд поступил по всей строгости закона. Излишне отрицать, что так было бы удобнее. Слова, приписываемые Фердинанду, совершенно справедливы: пока граф Уорик оставался в живых, наследование престола не было обеспечено. Естественно, и никоим образом не предосудительно, что в ходе переговоров о браке дочери он должен был решительно указать на этот факт как на обстоятельство, перевешивающее преимущество партии: действительно, это было весьма существенное возражение. Последнее само по себе объяснило бы наличие в его письмах мест, которые, как говорят, были обнаружены после казни Уорика, а также подтвердило бы точность изложенных Бэконом фактов. Слова «понимавшие друг друга с полуслова» в действительности выражают нечто большее, нежели просто мнение Бэкона. Они подразумевают, что в его памяти отложилось впечатление, будто между двумя королями существовал сговор; что в своих письмах Фердинанд не просто настаивает на том, что этот пункт делает партию неприемлемой (а на это он бесспорно имел право), но, предвидя, каким образом Генрих может использовать подобный предлог, представься ему случай проявить порицаемую народом суровость к Уорiku, он тем подробнее останавливался на этом вопросе.

Возможно, подобное впечатление создано у Бэкона небезосновательно и отнюдь не под влиянием слухов, о которых упоминают старые исторические сочинения. Вполне вероятно, что он видел письма, о которых говорит. Но я думаю, мы не вольны заключить, что в своем мнении он шел дальше этого. Если он, как предполагает сэр Джеймс Макинтош, верил во все, что он излагал, то нам трудно объяснить, почему он не позанимствовал рассказа Спида, который не только утверждает, что Уорика заманили в заговор-ловушку, но и называет в качестве побудительной причины к этому упомянутое дело Ральфа Уилфорда. На эту гипотезу, если бы ее подкрепляли другие обстоятельства, очень хорошо накладываются даты. Заговор Уилфорда произошел в феврале 1498/1499 г. «Эта новая попытка (говорит Спид) лишить короля престола настолько пробудила его собственные страхи и раскрыла глаза кастильцам (которые втайне согласились выдать свою принцессу Екатерину за нашего принца Артура), что им показалось, будто престолонаследование не будет надежно обеспечено, если не избавиться от графа Уорика. . . Увы, сколь ограничены способности даже самых прозорливых людей: несомненно, доверие к ним склонило короля (и в этом его нельзя оправдать, как бы ни была извинительна человеческая слабость, способная заподозрить множество угроз и небылиц как в обществе, так и в частных лицах) потворствовать поку-

* *Mackintosh J. The history of England. L., 1853.*

шению на жизнь, или скорее убийству этого безобидного дворянина, чья участь доселе способна подвигнуть самых жестокосердных к состраданию, как она позднее побудила Бога к отмщению, каковое он и ниспослал, лишив удачи всех участников этого великого начинания, которое они пытались осуществлять столь порочным способом». Это и есть та самая «злая молва», которая, как говорит Бэкон, распространилась в то время: впрочем, сам он в нее не верил, ибо се естественно подсказывал необычайный ход событий, но она не могла быть их настоящим объяснением. Легко предположить, что Бэкон и Спид имели перед собой одни и те же свидетельства, но извлекли из них разные выводы.

Самому мне трудно понять, почему Генрих надеялся снять с себя хотя бы часть позора, возложив его на Фердинанда. Казалось бы. признание в таком побуждении способно лишь усугубить позор. Впрочем, как я полагаю, Фердинанд, — великий человек, связанный с Англией союзом против Франции, — был в Англии популярной фигурой; была популярна и брачная партия: поэтому народ с истинно народной пристрастностью был склонен прощать одному то, к чему он питал отвращение в другом.

^{172*} Имеется в виду брак между Карлом и Марией.

^{173*} Копия этого письма имеется в «Старой хронике», из которой, возможно, и взято большинство приведенных здесь подробностей. Главное различие состоит в весьма маловажной детали — последовательности обоих посольств, которую Бэкон, по-видимому, изменил. Как явствует из письма короля, его посольство, столь торжественно принятое в церкви св. Омера, предшествовало упомянутому посольству великого герцога. Генрих отправил посольство в знак признательности за какое-то прежнее посольство великого герцога, а великий герцог в знак признательности за него. Письмо короля датировано в Кале 2 июня и написано до его личной встречи с Великим герцогом, которая должна была состояться в понедельник или вторник на Духовой неделе, т. е. 8 или 9 июня.

^{174*} Согласно «Старой хронике» это произошло в начале октября. Однако, если считать по годам правления короля, это должно было случиться не в тот, а в следующий, 16-й.

^{175*} Юбилейный год простирался от Рождества 1499 г. до Рождества следующего года и потому более близко совпадал с 15 годом короля. Джаспер Понс приехал в 1499/1500 г.

^{176*} Это письмо, а может быть, другое, но на ту же тему, до сих пор хранится в собрании Коттона.

Из расходной книги Личного кошелька Генриха видно, что 16 сентября 1502 г. «поведением короля Джасперу Понсу, посланцу папы, доставлено для передачи папе 4000 фунтов».

Вполне возможно, что Генрих возместил себе этот аванс из денег, собранных Понсом: отсюда и могли возникнуть слухи, что он присвоил часть денег. По моим предположениям, на сбор денег легко могло уйти до двух лет.

^{177*} «Также в тот год», говорится в «Старой хронике», «дошло до короля, что турки взяли город Модон и учинили там великое истребление христиан».

^{178*} Об этом рассказывает лондонский хронист, который добавляет, что он «умер христианином, и в том великая честь для его Милости».

«Король (говорит Фуллер *) неведомо какими доводами сумел обратить этого священника в свою веру и тут же отдал приказ, чтобы его сожгли, каковой был немедленно исполнен. В действительности наверняка произошло нечто большее, чем сообщает хроника, иначе можно смело утверждать, что если таким способом король поощрял всех своих новообращенных, то этот человек был первым и последним из тех, кого ему когда-либо удалось обратить».

^{179*} В августе месяце. По всей видимости, у графа было еще одно основание для недовольства. Его старший брат Джон был осужден при жизни герцога, их отца. Когда герцог умер, Эдмунд потребовал себе титул и поместья отца. Однако Генрих упрямо считал его наследником брата и даровал ему лишь графский титул

* Fuller Th. The church of Britain from the birth of Jesus Christ until the year M. DC. XLVIII. L., 1868.

вместе с малой долей отеческого состояния. Это один из примеров того, как из нелюбви к дому Йорков Генрих сам себе создавал осложнения.

^{186*} Об этом говорят и Стоу и Спид, но, по-видимому, это ошибка. Мисс Стрикленд со ссылкой на испанскую рукопись, находящуюся в собственности сэра Томаса Филлипса, утверждает, что Екатерина родилась 19 декабря 1485 г. и, стало быть, ко времени свадьбы не достигла и шестнадцати лет.

^{181*} На это место есть ссылка в примеч. 171*. Его цитирует сэр Джеймс Макинтош, который считает, что здесь автор (отчетливо, хотя и не прямо) вменяет Генриху и Фердинанду в вину «преступный сговор» об устранении Уорика. Мне думается, что, обнаруживая в этих словах такой смысл, он едва ли вспомнил свое же правило, что «историю следует писать без страсти». Более уместно замечание доктора Лингарда. «Со времени переговоров о браке и до заключения брачного контракта (говорит он) истекло почти три года; эту отсрочку приводят в доказательство того, что Фердинанд не хотел соглашаться на брак, пока у него не было уверенности, что Генрих лишит жизни истинного наследника — графа Уорика. В действительности же, это самый ранний срок, обусловленный договором, в котором сказано, что родители, если им будет угодно, могут обратиться к папе за разрешением на брак по достижении Артуром двенадцати лет. По-видимому, это достаточно хороший ответ на вопрос сэра Джеймса Макинтоша: «Как могло случиться, что заочное бракосочетание состоялось всего за шесть месяцев до казни Уорика и т. д.?» Артуру исполнилось двенадцать лет только в сентябре 1498 г. Если же спросить, почему такая отсрочка оговаривалась в контракте (ведь в тех случаях, когда сватами выступали короли, а просватывались королевства, браки между малолетними детьми не были чем-то необычным), то объяснение, которое дает здесь Бэкон, — если сами по себе очевидные рациональность и упорядоченность этой процедуры представляются недостаточно убедительным объяснением, — возможно, будет самым правильным. Поскольку они ничего не достигли бы, закрыв этот вопрос, было решено оставить его открытым.

Объяснить требуется не отсрочку брака, а намерение его ускорить. Впервые в общих чертах о нем договорились 27 марта 1489 г., еще до того как Артуру исполнилось три года. О приданом Екатерины условились 2 ноября 1491 г.; тогда же было решено, что ее привезут в Англию как только Артуру исполнится четырнадцать лет. Двенадцать второго сентября 1496 г. дополнительно договорились отпраздновать свадьбу «*per verba de praesenti*» * как только стороны достигнут «законного возраста». Но уже 1 октября условились, что если по какой-либо срочной причине будет признано необходимым отпраздновать свадьбу «*per verba de praesenti*», как только Артуру исполнится двенадцать лет, то оба короля для этого обратятся к папе за разрешением. Как я полагаю, это был тот самый договор, в составлении которого принимал участие Д'Айала. По всей видимости, Генрих не спешил с договором, ибо, хотя его заключили 1 октября 1496 г., он подтвердил его лишь 18 июля 1497 г. Пятнадцатого числа следующего месяца в Вудстоке состоялась церемония подписания контракта, который приобрел силу официального документа настолько, насколько это было возможно без разрешения папы и до совершеннолетия жениха и невесты. Разрешение было даровано в феврале 1497/1498 г. Артуру исполнилось двенадцать лет в сентябре того же года. 12 марта 1498/1499 г. Катерина назначила своего поверенного. 19 мая состоялось заочное бракосочетание. 20 декабря заочный брак получил признание Екатерины и одобрение Фердинанда и Изабеллы. 28 мая 1500 г. процедуру бракосочетания официально повторил и ратифицировал Генрих. Однако до наступления самого раннего срока, когда-либо намечавшегося для осуществления союза, все еще оставалось четыре месяца. Если спросить, почему было решено отпраздновать заочную свадьбу раньше, нежели предполагалось сначала (решение об этом, по-видимому, было принято в октябре 1496 г.), то ответ будет простым и очевидным. По первоначальному договору Фердинанд обязался прислать дочь в Англию за свой собственный счет, как только Артуру исполнится четырнадцать лет, т. е. в сентябре

* Словами, выражающими настоящее (*лат.*).

1500 г. Естественно, ему хотелось, чтобы до того, как он начнет приготовления к ее отправке, контракт уже не подлежал отмене и расторжению.

^{182*} Почти год. Принц Артур умер около 2 апреля 1505 г. Принц Генрих стал принцем Уэльским 18 февраля следующего года.

^{183*} Около пятнадцати с половиной.

^{184*} Источником этого утверждения, возможно, послужила история Спида, который основывает свое сообщение, по-видимому, на торжественном заявлении Генриха, сделанном 27 июня 1505 г., когда ему только исполнилось четырнадцать лет. Однако, по сведениям доктора Лингарда, это заявление было продиктовано ему отцом, который имел в виду лишь предоставить ему свободу, и отнюдь не означало, что молодой Генрих возражает против брака с Екатериной. «Король заверил Фердинанда (говорит Лингард), что его единственной целью было освободить сына от всех прежних обязательств; он как и раньше хотел жениться на Екатерине, но был волен жениться и на любой другой женщине». Доктор Лингард также считает, что предложение об этом браке исходило от Фердинанда и Изабеллы, и что Фердинанд был в нем весьма заинтересован; зная об этом, Генрих оставлял вопрос открытым, чтобы привлечь Фердинанда к осуществлению других своих матримониальных планов.

Сэр Ричард Моризайн в своей «*Aromaxis calumniarum*» (1537) утверждает, что впоследствии сам Генрих, расценив ухудшение своего здоровья и смерть королевы как знаки божественного неудовольствия по поводу этого контракта, послал за сыном, и, сказав ему, что ошибочно думать, будто божьи законы перестают быть таковыми, если того захочет папа, взял с него обещание, что он не женится на вдове своего брата, и официально расторг контракт. Как мне думается, недавно обнаружены факты, подтверждающие это заявление.

^{185*} Даже больше, чем три года. Фокс был официально уполномочен вести переговоры о браке 11 сентября 1499 г.

^{186*} Король посетил графа Оксфорда 6 августа 1498 г., когда, по-видимому, это и случилось. Несколько лет спустя еще более тяжелый штраф за сходный проступок пришлось заплатить лорду Абергавенни. В меморандуме обязательств и денежных сумм, полученных Эдмундом Дадли в качестве штрафов и обложений для уплаты королю, копия которого сохраняется в собрании Харли, имеется следующий пункт, очевидно принадлежащий к 23 году царствования:

«Также: за печатью лорда-судьи Суда королевской скамьи поступили три заверенные копии признания лорда Бергавенни и приговора ему за тех вассалов, за которых ему было предъявлено обвинение в Кенте, что по ставкам последних месяцев для него только составляет 69 900 ф.»

Из «Календаря открытых писем» явствует, что рыцарь Джордж Невиль, лорд Бергавенни, получил прощение за все преступления и проступки, совершенные в нарушение лесного законодательства и т. д., 18 февраля 1507/1508 г., за два месяца до смерти Генриха. Фабиан упоминает о его заключении в мае 1506 г. в Тауэр «из-за некой опалы, не имеющей отношения к измене».

^{187*} Так у Полидора, но это ошибка. Граф Суффолк уехал более чем за месяц до прибытия Екатерины. Фабиан и Старая хроника ясно сообщают, что он тайно покинул страну в августе 1501 г., за три месяца до свадьбы Артура, а «Календарь открытых писем» устраняет всякое сомнение на этот счет, ибо оттуда мы узнаем, что в октябре (1501 г.) сэр Роберт Ловелл был назначен приемщиком и обмерщиком всех земель и т. д. в Норфолке и Суффолке, составлявших бывшую собственность мятежника Эдмунда графа Суффолка.

^{188*} 6 мая 1502 г.

^{189*} Позднее. У Фабиана мы узнаем, что их проклинали дважды: первый раз в воскресенье перед днем Св. Симона и Иуды, в 1503 г., то есть 23 октября, и еще раз в первое воскресенье поста, в 1503 г., то есть 5 марта.

^{190*} Не раньше марта 1502/1503 г. Из «Календаря открытых писем» явствует, что он получил прощение 5 марта 1504 г. То, что он все время действовал в интересах и с ведома Генриха, утверждается на основании такого далеко не безупречного, на мой взгляд, источника, как история Полидора, и поэтому заслуживает большого сомнения.

^{191*} Не в тот год, если под «тем» имеется в виду год упомянутых казней. Сэр Джеймс Тиррелл был казнен 6 мая 1502 г. в 17-й год короля, парламент собрался 25 января 1503/1504 г., в 19-й год короля.

^{192*} Этот «растущий абсолютизм короля по отношению к парламенту», который унаследовал его сын, достаточно убедительно объясняет, почему перестали созываться Большие советы, к которым короли прибегали в прежние беспокойные времена, чтобы прощупать или подготовить почву для своих действий, когда нельзя было с уверенностью предугадать настроение парламента. Насколько я знаю, с 33-го года правления Генриха VIII, когда было приказано возобновить ведение Регистра Тайного совета (заброшенного или упраздненного на 13-м году правления Генриха VI), нет ни единой записи о созыве хотя бы одного такого Большого совета. Удивительно, что они не только вышли из обычая, но и полностью забыты; это настолько удивительно, что не будь их существование подтверждено прямыми и неоспоримыми доказательствами, можно было бы сомневаться, созывались ли они вообще. Нет ничего необычного в том, что на это не обратил внимание иностранец и человек не слишком большой проницательности, Полидор Вергилий. Что за ведущим авторитетом, не затрудняясь проверкой, могли последовать другие историки, вполне естественно, как естественно и то, что столь веские свидетельства противного были приняты рядовыми исследователями за достаточное подтверждение того, что таких советов никогда не было. Но для меня остается загадкой, как в своих разысканиях могли не встретиться с намеками на них такой выдающийся знаток конституции и юрист, как сэр Эдвард Коук, и такой выдающийся коллекционер конституционных актов, как сэр Роберт Коттон.

^{193*} В это время король запросил у своих подданных «два разумных воспомоществования» — одно на посвящение в рыцари своего сына и другое — на свадьбу дочери. Вместо упомянутых воспомоществований общины предложили ему 40 000 фунтов.

В Старой хронике говорится, что этот парламент выделил королю воспомоществование в 36 000 фунтов.

Современные историки утверждают, я уж не знаю на основании какого источника, что король удовольствовался 30 000 фунтов.

^{194*} Это утверждение Холиншеда*; к тому же, в расходной книге короля есть несколько записей, относящихся к 21-му году Генриха VII, в которых упоминаются «недоимки добровольного пожертвования», что, казалось бы, подтверждает это заявление. Однако из «Календаря открытых писем» явствует, что это были недоимки предыдущего пожертвования, которые постановил взыскать парламент. Поэтому я подозреваю, что сюда вкралась ошибка.

^{195*} 13 ноября 1503 г. по Старой хронике.

^{196*} Ему следовало бы сказать, в начале следующего года, т. е. 20-го года короля. Королева Изабелла умерла 26 ноября 1504 г.

^{197*} Копия инструкций с ответами послов до сих пор хранится в собрании Коттона. Сначала упомянутые отправились в Валенсию, где пребывали обе королевы, а затем в Сеговию, куда они приехали 14 июля 1505 г. и где два или три дня спустя встретились с Фердинандом.

Запись в расходной книге Генриха VII, хранящейся в Британском музее, называет дату их отъезда. Эту запись стоит привести здесь как иллюстрацию того, по каким ставкам оплачивались подобные услуги. Между записями о выплатах, сделанных 1 и 2 мая 20-го года, я нахожу:

«То же Джеймсу Брейбруку, отбывающему по поручению короля на 4 месяца по 5 ш. в день 28 ф.

То же Фрэнсису Марсину на расходы по 5 ш. в день также 28 ф.

То же Джону Стейлу на расходы по 4 ш. в день 28 ф. 8 ш.»

^{198*} В подлиннике инструкций послам, в частности, предписывается «особо

* *Holinshed R. Chronicles of England, Scotland and Ireland. . . L., 1807—1808.*

заметить и хорошо рассмотреть... очертания ее тела», на что они доносят, что не могут дать ответа на этот пункт, поскольку молодая королева была столь тщательно окутана мантией, что они видели только ее лицо.

^{199*} Примерно в конце марта 1505/1506 г.

^{200*} Говорят, что она обнаруживала явные признаки безумия и прежде. Современные историки, пользующиеся сведениями из испанских письменных источников, утверждают, что Филипп действительно обращался с ней плохо. Но, по-видимому, такое впечатление не создалось у венецианского посла Винченцо Квирини, в чьем «*relazione*» (написанном сразу после смерти Филиппа) содержится рассказ об отношениях между супругами, который очень хорошо совпадает с тем, что говорит Бэкон. Дав весьма лестную характеристику Филиппу, посол продолжает: «Этому столь великому и благородному, столь добродетельному государю досталась в супруги женщина ревнивая (впрочем, довольно красивая, весьма знатная и наследница стольких королей), которая своей ревностью до того докучала мужу, что он, бедный и несчастный, не знал, в чем ей угодить, ибо она разговаривала лишь с немногими и никого не ласкала, всегда оставалась взаперти и томилась ревностью, любила одиночество, избегала праздников, утех и удовольствий, но более всего чуждалась общества дам, будь то фламандки или испанки, старые или молодые или какие бы то ни было еще. Однако эта женщина разумная, легко понимает все, что ей говорят, а те немногие слова, которыми она отвечает, произносит любезно и складно, сохраняя величие, подобающее королеве; все это я смог понять, когда от имени Вашей Светлости засвидетельствовал ей почтение и коротко изложил то, что мне было поручено».

Если это правда, то легко поверить и в ее любовь к Филиппу при его жизни и в ее помешательство после его смерти, а также и в то, что о его отношении к ней могли рассказывать совершенно разные вещи.

^{201*} По-видимому, Уолси был использован в переговорах об этом браке уже в ноябре 1504 г.

^{202*} Д-р Лингард утверждает, что после смерти Филиппа Максимилиан побуждал Генриха выдвинуть такие притязания.

В качестве косвенного подтверждения вышесказанного можно привести следующую запись в Календаре открытых писем:

«14 июня. Разрешение (по просьбе Маргариты, вдовствующей герцогини Савойской, Джона Шелдона, губернатора, и купцов — искателей приключений) названному губернатору и купцам проживать и свободно торговать в Голландии, Зеландии, Брабанте и Фландрии, и других странах, подвластных Кастилии».

^{203*} Доктор Лингард, который обращался к испанским историкам и архивам, дает иное объяснение, почему был расторгнут этот договор, а именно: по смерти Филиппа (25 сент. 1506 г.) у Генриха появилась мысль жениться на его вдове, королеве Кастилии Хуане. Эту мысль он оставил, лишь убедившись, что ее безумие постоянно и неизлечимо.

Впрочем, как кажется, брак с Маргаритой все еще рассматривался в сентябре 1507 г., и Максимилиан по-прежнему надеялся, что он состоится, а сама Маргарита высказывала некоторые возражения, опасаясь, что ей придется заточить себя в Англии. Трудность сойтись на каких-либо условиях в отношении этого пункта вполне объяснила бы то, что договор так и не был заключен. Маргарита приступила к управлению Нидерландами в начале 1507 г.

^{204*} Эта ненависть, по-видимому, быстро возросла за последние год или два. Винченцо Квирини * в 1506 г. характеризует Генриха как «человека довольно приятной наружности, мудрого, осмотрительного, не привлечшего к себе ни ненависти, ни слишком большой любви своего народа».

^{205*} Это ошибка, очевидно вызванная опечаткой у Спиды. Генрих завершил 23-й год своего правления 21 августа 1508 г., а умер 22 апреля 1509 г.

* *Albert E. Relazioni degli ambasciatori veneti an Senato...*, Firenze, 1839—1863. Vol. 1—15. Ser. 1. Relazioni degli stati europei, tranne Italia: Vol. 1. Vincenzo Quirini, ambasciatore al' duca di Borgogna, 1506.

^{206*} Следующее далее описание Генриха, которым это произведение заканчивается, и латинский перевод обнаруживают необычайно много расхождений. По сути в него ничто не добавлено, да и смысл нигде не претерпел существенных изменений. Однако способ выражения часто настолько отличен, что создается впечатление, будто эту часть перевода сделал — и сделал тщательно — сам Бэкон.

^{207*} Это утверждение не вполне подтверждается теми его договорами, которые напечатаны в книге Раймера. Однако верно, что большинство их содержит вступление, в котором говорится о благах мира. Выражение, процитированное Бэконом, встречается, как мне кажется, в одной из булл.

^{208*} Будь рассказ Бэкона о войне в Бретани точен, ее следовало бы назвать исключением из обычно удачных войн Генриха. Это могло быть случайностью, но тем не менее она закончилась провалом. Впрочем, если отвлечься от ее достоверной истории, приведенной мною выше, то мы с достаточным основанием можем зачислить ее в разряд примеров его привычного везения. Войско выполнило все поставленные перед ним задачи, а причиной последующего провала планов Генриха был политический просчет, а не военная неудача.

КОММЕНТАРИИ

ИСТОРИЯ ПРАВЛЕНИЯ КОРОЛЯ ГЕНРИХА VII

«История. . .» (The history of the reign of King Henry the Seven) — первое сочинение, написанное Бэконом после того, как осужденный парламентом, он лишился своей высокой должности. Это плод первых нескольких месяцев вынужденного досуга; она начата сразу после освобождения из Тауэра в июне и закончена к октябрю 1621 г. Оставаясь все это время в своем поместье Горхэмбери и не имея доступа к архивам, Бэкон пользовался почти исключительно опубликованными историческими трудами, а именно хрониками Фабиана (1516), Полидора Вергилия (1534), Холла (1548), Холиншеда, Стоу (1561), Спида (1614). Отдельные документы из своей богатой коллекции доставлял Бэкону его друг, известный антиквар Р. Коттон.

Настоящий перевод выполнен с текста «Истории», напечатанного в 6-м томе собрания сочинений Бэкона издания 1857—1859 гг., подготовленного и снабженного примечаниями Дж. Спеддингом. Источниками для указанного английского издания послужили рукопись, поднесенная королю Якову I осенью 1621 г., и первое издание марта следующего года.

В нижеследующих примечаниях к русскому изданию сделаны ссылки на родословные таблицы: римская цифра означает номер таблицы, арабская — номер комментируемого лица внутри таблицы. Помимо личного имени, в таблице приводится родовое имя (у всех, кроме монархов), титул и сведения о супруге с отсылкой к соответствующему месту родословных таблиц.

¹ Босуортская битва 22 августа 1485 г. положила конец Войне Алой и Белой розы, борьбе за престол двух ветвей династии Плантагенетов, Ланкастеров и Йорков. *Ричард III* (1452—1485, кор. с 1483) — последний король из дома Йорков [I, 25]. Его победитель и герой дальнейшего повествования Генрих Тюдор, граф *Ричмонд*, на троне Генрих VII (1457—1509, кор. с. 1485), по женской линии принадлежавший к Ланкастерскому дому [I, 29], при Йорках был в изгнании во Франции и в Бретани, откуда и вторгся в Англию с армией французских наемников, к которым здесь присоединились добровольцы.

² Генрих был сыном Маргариты Бофор (Beaufort, 1443—1509) [I, 22] от первого брака с Эдмундом Тюдором, графом Ричмондом (ум. 1456). Ко времени Босуортской битвы Маргарита состояла в третьем браке, за лордом Томасом Стэнли (см. примеч. 27). Отличалась набожностью. Известная широкой благотворительностью; основала колледжи в обоих английских университетах.

³ *Te Deum laudamus* (лат.) — «Тебя, Бога, славим», начальные слова древнего латинского церковного гимна.

⁴ *Генрих VI* (1421—1471) — последний король Ланкастерского дома [I, 21]. Вступил на престол ребенком 9 месяцев в 1422 г. При нем усилилось влияние Йорков, которыми он и был свергнут в 1461 г. После кратковременной реставрации в 1470—1471 гг. вторично низложен и убит в Тауэре. Набожность и безвинная смерть от руки убийцы (по слухам, им был Ричард Глостер, будущий Ричард III) послужил для Генриха VII основанием обратиться к папе римскому с ходатайством о канонизации Генриха VI.

⁵ *Джордж, герцог Кларенс* (1449—1478) — брат Эдуарда IV. Боролся с братом в союзе со своим тестем Ричардом Невилем, прозванным «делателем королей»; в том числе участвовал в восстановлении на троне Генриха VI. Позднее помирился с королем, но вновь поссорился и был осужден к смерти. Согласно легенде, утоплен в бочке вина по приказу Ричарда, с которым они, будучи женаты на сестрах, спорили из-за наследства Уорика [I, 24].

⁶ После смерти Эдуарда IV в 1483 г. на престол вступил его 12-летний сын Эдуард V (1470—1483), а регентом был объявлен Ричард. Вскоре король-мальчик и его брат Ричард десяти лет были помещены в Тауэр; Эдуард V был низложен, и королем стал его дядя. Никаких сообщений об их дальнейшей судьбе не было; согласно наиболее общепринятой версии, они были убиты по приказу Ричарда III [I, 31, 32].

⁷ Анна Невиль (Neville, 1456—1485), дочь «делателя королей» Уорика, после смерти в младенчестве единственного рожденного ею ребенка сильно болела. Еще при жизни Анны ходили слухи, что Ричард после ее смерти женится на своей племяннице Елизавете (1465—1503) [I, 30], а когда Анна умерла, стали говорить, что муж отравил ее. Брак между дядей и племянницей церковью не допускался.

⁸ Встреча двух королей 29 августа 1475 г. (на мосту через р. Сомму у *Пикени*, близ Амьена) состоялась после вторжения Эдуарда IV во Францию в союзе с герцогом Бургундским Карлом Смелым. Прекращение вторжения было куплено выплатой Эдуарду крупной денежной суммы и назначением ежегодной пенсии, что помогло ему избавиться от финансовой зависимости от парламента.

⁹ Жена Эдуарда IV Елизавета Вудвиль (Woodville, ок. 1437—1492) была дочерью нетитулованного дворянина. Ее первый муж погиб в 1461 г., оставив ее с двумя сыновьями. Оставшись без средств к существованию, вдова обратилась к королю за помощью. В 1464 г. Эдуард, после безуспешной попытки сделать Елизавету своей любовницей, вступил с ней в брак.

¹⁰ В правление Ричарда осуществлялась политика благоприятствования торговле и был проведен ряд финансовых реформ. В том числе парламентом был принят акт, запрещающий «добровольные пожертвования», вид поборов, которым широко пользовался для пополнения казны Эдуард IV.

¹¹ Призвали Тюдора в Англию и предложили ему помощь в борьбе за престол Генри Стаффорд (Stafford), герцог Бекингем (Buckingham) (1454—1483) и Джон Мортон (Morton), епископ Или (ум. 1500), к которым присоединились мать претендента Маргарита Бофор и вдова Эдуарда IV Елизавета Вудвиль. Бекингем принадлежал знатному роду Стаффордов, по женской линии потомком Томаса Вудстока [I, 6], младшего сына Эдуарда III, и был зятем короля Эдуарда IV (женой Бекингема была сестра Елизаветы Вудвиль). Он был также ближайшим сподвижником Ричарда III, помог последнему прийти к власти, но позднее его отношения с королем, помещавшим ему овладеть выморочным наследством дальних родственников Бекингема, испортились. К Мортону, бывшему канцлером при Эдуарде, Ричард сразу же отнесся с подозрением; он был арестован и заключен в Тауэр, но затем отдан под надзор Бекингема, в доме которого и состоялся заговор. Мортон бежал на континент, во Фландрию, и вернулся на родину после воцарения Генриха VII, став одним из его главных советников. В 1486 г. после смерти Бурше (см. примеч. 22) стал архиепископом Кентерберийским, а в 1493 г. — кардиналом; с 1487 г. и до смерти — канцлер. Бекингем должен был возглавить восстание в Англии во время первой, неудачной, высадки Тюдора в 1483 г., но был оставлен всеми, захвачен и казнён.

¹² *Уильям Стенли* (Stanley, ум. 1495) занимал крупные государственные посты при Йорках, Эдуарде IV и Ричарде III. Переход его и его старшего брата (см. примеч. 27) на сторону Генриха Тюдора во многом определил победу последнего. В битве при Босуорте Стенли-младший с тремя тысячами солдат выжидал в стороне и атаковал Ричарда с тыла. О его дальнейшей судьбе см. на стр. 83 etc.

¹³ Речь идет о золотом венце, который одевался на шлем. В латинском переводе «Истории» сказано, что это была «не корона как регалия, а та, что Ричард брал с собой на войну как украшение и амулет».

¹⁴ После смерти *Эдуарда Исповедника* (ок. 1003—1066, кор. с. 1042) престол с одобрения королевского совета и предсмертного согласия Эдуарда унаследовал Гарольд Годвинсон. Притязаниями Вильгельма (1027—1087), герцога Нормандии, пренебрегли, хотя Эдуард, вероятно, обещал ему ранее корону, а Гарольд обязывался ему помогать. Вильгельм вторгся в Англию и, разбив своих противников в битве при Гастингсе (1066), стал английским королём.

¹⁵ Первый король Ланкастерского дома Генрих IV (1366?—1413) занял пре-

стал в 1399 г., низложив Ричарда II. Ему наследовали его сын Генрих V (1387—1422, кор. с. 1413) и внук Генрих VI (см. примеч. 4) [1, 9, 15, 21].

¹⁶ *Эдуард* (1475—1499), старший сын Кларенса (см. примеч. 5) носил титул графа Уорика, унаследованный от матери. Ричард III после смерти своего сына назначил его своим наследником, но потом передумал и заточил в замке Шеррифф-Хатгон. Генрих VII перевел его в Тауэр [1, 34].

¹⁷ 22 июня 1483 г. монах Ральф *Шоу* в своей проповеди «у Креста св. Павла» (место во дворе лондонского собора св. Павла, где произносились проповеди и устраивались диспуты) объявил незаконнорожденными детей Эдуарда IV на том основании, что до женитьбы на Елизавете Вудвиль он был помолвлен с другой женщиной.

¹⁸ В январе 1484 г. созванный Ричардом III парламент объявил Генриха Тюдора и его мать вне закона. В парламентском акте Генрих назван бастардом, не имеющим никаких прав на престол.

¹⁹ Так называемый Тайный совет (Privy Council) английских королей состоял из призывавшихся королем по своему выбору лордов, светских и духовных (епископов). Как и все институты центрального правительства Англии, происходит от двора нормандских королей, состоявшего из королевских вассалов. Советы собирались сначала по мере необходимости, потом регулярно; первоначально бывшее повинностью участие в совете стало позднее привилегией. Помимо собственно членов совета, принимавших присягу, к участию в совещаниях привлекались эксперты и правительственные чиновники.

²⁰ *Анна* (1477—1514) — дочь герцога Бретани Франциска II (см. примеч. 65), после его смерти в 1488 г. герцогиня Бретани, с 1491 г. королева Франции, супруга Карла VIII (см. с. 317), потом Людовика XII (см. примеч. 66). Брачный союз с английским королевским домом (в случае удачи предприятия Генри Тюдора) был выгоден отставившей в ту пору свою независимость Бретани как противовес захватнической политике французских королей.

²¹ Память апостолов *Симона и Иуды* (Фаддея) отмечается римско-католической церковью 28 октября.

²² *Томас Буршьё* (Bourchier, 1404?—1486) из знатного рода Буршьё, потомков по женской линии Томаса Вудстока, младшего сына Эдуарда III. Занимал влиятельную кафедру в Или, с 1454 г. архиепископ Кентерберийский, с 1464 г. кардинал. В 1455 г. стал лордом-канцлером при Генрихе VI. В войне Алой и Белой розы сначала выступал в роли посредника, потом полностью принял сторону Йорков. Короновал трех королей Эдуарда IV, Ричарда III и Генриха VII. Известен также культурной деятельностью: способствовал введению в Англию книгопечатания.

²³ *Ламбет* — район Лондона, где расположен дворец, служивший лондонской резиденцией архиепископов Кентерберийских.

²⁴ *Рыцари-знаменосцы* (knights—bannerets) — высший из двух классов рыцарства; другой — рыцари-бакалавры (knights—bachelors). Первоначально это были рыцари, возглавлявшие отряды рыцарей-бакалавров и других воинов. Каждый рыцарь-знаменосец имел отличительное знамя (отсюда название). С XIV в. звание превратилось в почетный титул, который короли присваивали за хорошую боевую службу часто прямо на поле сражения.

²⁵ *Джаспер Тюдор* (1431? — 1495); известный также как Джаспер из Хэтфилда, младший брат отца Генриха VII, Эдмунда (см. примеч. 2). При Генрихе VI стал графом Пемброк. Активно участвовал в междоусобице сначала на стороне Йорков, позднее — Ланкастеров. В изгнании опекал вдову брата и племянника, будущего Генриха VII. Руководил высадкой в Англию. Новым королем сделан герцогом Бедфордским и лордом-хранителем малой печати (см. примеч. 43). В 1486—1494 гг. был наместником Ирландии. Подавлял мятежи Ловелла и Симнела, возглавлял вторжение во Францию в 1492 г.

²⁶ *Томас, лорд Стенли, граф Дерби* (1435?—1504), третий муж Маргариты Бофор (см. примеч. 2), старший брат Уильяма Стенли. Предал Ричарда III, не придя ему на помощь в битве при Босуорте.

²⁷ *Иннокентий VIII* (Джанбаттиста Чибо — римский папа в 1484—1492 гг.), характернейший представитель папства периода упадка. Главной задачей его политики было собирание денег, которые он тратил на незаконное потомство. Боролся

с Фердинандом Неаполитанским, не платившим подати; проповедовал поход против турок и собирал на это деньги; получал деньги от султана Баязета II на содержание в плену его брата (см. примеч. 102). Издал буллу против колдунов. Боролся с гуситами.

²⁸ *Фридрих III* (1415—1493) — германский король (с 1440) и император Священной Римской империи (с 1455) из династии Габсбургов. Во внешней политике был осторожен, предпочитая дипломатию; утратил большую часть австрийских владений. Известен занятиями астрологией, алхимией, ботаникой [III, 1].

²⁹ *Максимилиан I* (1459—1519) — сын Фридриха III. В 1477 г., женившись на дочери Карла Смелого Марии, унаследовавшей бургундский престол, стал править богатым Бургундским герцогством. В 1486 г. избран «королем римлян» (номинальный титул, носимый императорами или их наследниками). С 1493 г., после смерти отца, император. Вел многочисленные войны за расширение владений дома Габсбургов. Враждовал с Францией, образовал против нее «Священную лигу» с папой, Миланским герцогством и Неаполитанским королевством. Прославился как самый искусный рыцарь своего времени [III, 2].

³⁰ *Фердинанд II* (1452—1516) из Арагонской династии — король Сицилии с 1468 г., Арагона с 1479 г. Благодаря браку (1469 г.) с Изабеллой Кастильской (1451—1504) — король объединенной Испании. После смерти Изабеллы регент Кастилии при дочери Иоанне (Хуане) Безумной. В 1504 г. захватил Неаполитанское королевство. Активно вел борьбу за изгнание мавров из Испании (освобождение Гренады в 1492 г.). Проводил централизаторскую политику. При нем была открыта Америка. За борьбу с врагами католической церкви Фердинанд и Изабелла получили от папы наименование «католических государя и государыни» [IV, 5].

³¹ *Яков III* (1451—1488) из династии Стюартов, король Шотландии с 1460 г. В его царствование происходили непрерывные мятежи знати, поддерживаемые англичанами, во время одного из которых войска короля были разбиты мятежниками во главе с его сыном и сам он убит.

³² Бэкон употребляет здесь и неоднократно в дальнейшем термин английского средневекового права «*attainder*», который означал лишение прав лица, совершившего тяжкое преступление («фелонию» — *felony*) и приговоренного к смерти или объявленного вне закона (см. примеч. 33). «Фелонией» при первых Плантагенетах называлось предательство вассалом своего сюзерена; с конца XII в. термин стали относить ко всякому уголовному преступлению. Лицо, подвергшееся «*attainder*» (в русском переводе «Истории» — «осуждение» или «лишение прав»), не могло ни наследовать землю, ни передавать ее по наследству. С середины XV в. возникло такое явление, как лишение прав законодательным путем, парламентскими биллями: Тюдоры широко пользовались этой мерой в борьбе со своими противниками: 138 актов о лишении прав при Генрихе VII и еще больше при Генрихе VIII.

³³ *Объявление вне закона* за тяжкое преступление — сильнейшая наряду со смертной казнью мера уголовного наказания в средневековом праве. Того, кто был вне закона, закон не защищал. Поначалу это означало, что его мог убить каждый. При Эдуарде IV было уставлено, что жизнью объявленного вне закона мог распорядиться только шериф.

³⁴ *Палата Казначейства* (*Exchequer Chamber* — букв. «Палата шахматной доски») от клетчатой скатерти, на которой производились расчеты) — высшее финансовое ведомство, ведавшее доходами и расходами короны. Исполняла также некоторые судебные функции.

³⁵ Бэкон иронически обыгрывает выражение «*corruption of blood*» («порча крови»), которое использовалось также в значении «лишение прав» в силу средневекового поверья, что у преступников «порченная кровь».

³⁶ Из перечисленных сторонников Ричарда III наиболее известны *Фрэнсис Ловелл* (*Lovell*) (1454?—1487), один из главных фаворитов и советников Ричарда, лорд-гофмейстер (о его дальнейшей судьбе см. далее у Бэкона); *Ричард Рэтклифф* (*Ratcliff*, год смерти неизвестен), личный друг Ричарда, и *Уильям Кэтсби* (*Gatesby*, ум. 1485), один из его министров, захваченный в плен в Босуортской битве и убитый по приказу Генриха.

³⁷ Роберт Уиллоуби (Willoughby), барон де Брук (1452—1502). Участвовал в мятеже Бекингема (см. примеч. 11). Бежал после его подавления в Бретань к Тюдору. Один из ближайших советников Генриха VII, дипломат и военачальник.

³⁸ О Генри Стаффорде, герцоге Бекингема см. примеч. 11. Эдвард, его старший сын в 1521 г. казнен за высказывание, что он, Стаффорд, наследует престол, если король умрет бездетным.

³⁹ Томас Грей, маркиз Дорсет (ум. 1501), сын Елизаветы Вудвиль (примеч. 9) от ее первого брака с Джоном Греем. Сторонник Генриха Тюдора, в правление Ричарда III находился в изгнании.

⁴⁰ Реджиналд Брей, главный судья Англии.

⁴¹ См. примеч. 19.

⁴² О Джоне Мортоне см. примеч. 11. Ричард Фокс (ум. 1528), покровительствуемый Мортонем, занимал последовательно епископские кафедры Эксетера, Дарема и Винчестера. Министр и дипломат при Генрихе VII и Генрихе VIII. Энтузиаст распространения гуманистической учености, основал колледж Corpus Christi (Тела Христова) в Оксфордском университете.

⁴³ Малая (или «тайная») королевская печать (Privy Seal) использовалась для документов, менее официальных, чем те, которые скреплялись большой печатью. Лорд-хранитель малой печати вместе с лордом-канцлером призывался для слушания некоторых дел и имел свой штат.

⁴⁴ Речь идет об отчислении новопоставленным епископом части своего годового дохода; эти деньги выплачивались папе (предполагалось, что они пойдут на освобождение Палестины от мусульман), но некоторую их часть король сохранял за собой. Позднее Генрих VIII целиком присвоил «первые плоды».

⁴⁵ О Ловелле см. примеч. 36. Хэмфри Стаффорд из Графтона (ум. 1486) — фаворит Ричарда III. Томас — его младший брат.

⁴⁶ О герцоге Бедфорде см. примеч. 25.

⁴⁷ Леди Маргарита — вторая сестра Эдуарда IV, вторая жена герцога Бургундского Карла Смелого [1, 27].

⁴⁸ Суд королевской скамьи (King's Bench) — суд под председательством короля (первоначально король лично участвовал в заседаниях, позднее его представляли специально назначенные судьи). Слушал дела особой важности и рассматривал апелляции на решения судов низшей инстанции.

⁴⁹ В средние века церковь обладала правом предоставлять убежище лицам, скрывающимся от наказания. «Общее» право убежища означало, что преступник мог укрыться в любом храме, не боясь, что его силой заберут оттуда. Он должен был в течение 40 дней признаться в своем преступлении представителю короны и поклясться, что он навсегда покинет королевство. Его имущество конфисковывали, но ему давали время уехать (с крестом на плече, в белой рубахе и по определенной дороге). «Специальное» право убежища, предоставляемое короной — например, «свободным областям», таким, как Дарем, Район и Беверли, не предполагало ограничений на срок пребывания в убежище. Ограничения права убежища, о которых здесь и ниже рассказывает Бэкон, продолжались при Генрихе VIII. Окончательно этот атрибут средневековья исчез в Англии в начале XVIII в.

⁵⁰ Тюдоры были родом из Уэльса, где жили остатки древнего, до прихода англосаксов, кельтского населения Британии (бриттов); они даже возводили свое происхождение к древним уэльским королям. Король Артур (V—VI в.) — легендарный король бриттов, борющийся с англосаксонскими завоевателями вместе со своим окружением, «рыцарями Круглого стола».

⁵¹ Вдовствующая королева — Елизавета Вудвиль (см. примеч. 9).

⁵² В 1384 г. Ричард III дал знать вдовствующей королеве, находившейся с дочерьми в убежище, что, если она покинет убежище, то он выдаст ее дочерей замуж и обеспечит их приданым. Опасаясь, что право убежища будет нарушено, королева предпочла оставить его добровольно. Ричарду было важно заполучить в свои руки Елизавету-дочь, поскольку брак с ней играл важную роль в планах Генриха Тюдора.

⁵³ Джон де ла Поль (de la Pole), *граф Линкольн* (Lincoln, ум. 1487), племянник Эдуарда IV [см. I, 35], притязал на престол в силу парламентского осуждения Кларенса, которое лишало права наследования его потомство (см. примеч. 33) и объявленной незаконности детей Эдуарда IV. Ричард III признал Линкольна законным наследником престола.

⁵⁴ Ирландией правили вице-короли (vice-roy, или lord-lieutenant). Со временем этот титул стал исключительной принадлежностью принцев английского королевского дома, при номинальном правлении которых реальное управление страной осуществляли *наместники* (deputy). Согласно «Словарю национальной биографии» (Compact Edition of the Dictionary of National Biography, Oxford, 1975), наместником в описываемое время был *Джералд Фитцджералд*, граф Килдер. Томас Фитцджералд (ум. 1487), о котором говорится в связи с симнеловской эпопеей и который погиб в битве с королевскими войсками при Стоукфилде, был тогда канцлером Ирландии.

⁵⁵ *Шайн* (Shine) — в ту пору пригород Лондона, ныне Ричмонд. Чартер-хаус (Charter House) — здание картезианского монастыря, где позднее располагалась знаменитая мужская привилегированная школа.

⁵⁶ Уильям, *лорд Гастингс* (ум. 1483) — фаворит Эдуарда IV, получивший от него в дар большие земельные владения и занимавший высокие должности при дворе, в том числе обер-гофмейстера. Казнен Ричардом III по обвинению в заговоре, возможно, ложному.

⁵⁷ *Филипп* — позднее правитель (эрцгерцог) Бургундии. [III, 3, 4].

⁵⁸ *Джон де Вер* (de Vere), *граф Оксфорд* (ум. 1513) — участвовал в междоусобице на стороне Ланкастеров; в чести при Генрихе VII.

⁵⁹ *Маркиз Дорсет* — см. примеч. 39.

⁶⁰ *Mattachina* — название мавританского танца. Здесь — символ изменчивости человеческой судьбы.

⁶¹ См. примеч. 17.

⁶² Карл VII (1403—1461), король Франции с 1422 г. При нем французам, предводительствуемым Жанной д'Арк, удалось уничтожить английское могущество во Франции; англичане были изгнаны отовсюду, кроме территории вокруг Кале. Проводил успешные реформы в области финансов, судопроизводства, организации вооруженных сил. Умер от голода, боясь отравы [II, 5].

⁶³ *Людовик XI* (1423—1483), король Франции с 1461 г., активно проводил политику централизации и укрепления королевской власти. Завершил территориальное объединение Франции, завоевав Бургундию и Пикардию, присоединив Анжу, Мен, Прованс. Во внутренней и внешней политике предпочитал военной борьбе дипломатию, интриги и подкупы [II, 8].

⁶⁴ Под *древними границами* Франции здесь имеются в виду границы, которые она имела перед Столетней войной 1337—1453.

⁶⁵ *Герцог Бретани* Франциск II (1436—1488) отстаивал независимость Бретани от Франции, вступая в союзы с Англией и др. государствами, а также с мятежной французской знатью. Потерпел поражение в так называемой «безумной войне» против французского короля, которую вел совместно с герц. Орлеанским (будущим Людовиком XII) и другими французскими принцами. Умер, не оставив мужского потомства. О судьбе его дочери и наследницы Анны см. примеч. 20 и дальнейший рассказ Бэкона.

⁶⁶ *Людовик Орлеанский* (1462—1515, с. 1498 г. король Франции Людовик XII) из Орлеанской ветви династии Валуа [см. II, 9]. Первым браком был женат на дочери Людовика XI, Жанне. В малолетство Карла VIII (см. с. 317) вступил в борьбу за престол в союзе с герцогом Бретани, но потерпел поражение, был пленен и провел три года в заключении. После смерти Карла VIII беспрепятственно вступил на престол.

⁶⁷ Кристофер Урсуик (Urswick, 1448—1522) был духовником Маргариты Бофор (примеч. 2). Участвовал в заговоре в пользу Генриха, после воцарения которого был придворным священником и дипломатом.

⁶⁸ Эдуард *Вудвиль* (ум. 1488), брат Елизаветы Вудвиль (примеч. 9).

⁶⁹ Речь идет о Людовике Орлеанском (примеч. 66).

⁷⁰ В сентябре 1484 г. Генрих Тюдор бежал из Бретани во Францию, опасаясь, что его выдадут эмиссарам Ричарда III. Еще раньше, в правление Эдуарда IV, английский король потребовал выдачи Тюдора, обещая, что он будет в безопасности, и выражая намерение женить его на своей дочери. Генрих был выдан английским послом и уже привезен в порт, где его ждал английский корабль, когда герцог Бретани передумал и послал вернуть его назад. Выкраденный у англичан Генрих был укрыт в убежище.

⁷¹ *Хананеи* — жители Ханаана (Палестины); страны, которая, согласно Библии, была свыше дана еврейскому народу. Большая часть хананеев была истреблена евреями.

⁷² Слово «*ливрея*» (англ. livery) происходит от лат. liberatio, которое, помимо основного значения «освобождение», приобрело также значение «освобождение от долга», «выплата». В средние века этим словом обозначали плату, получаемую вассалом от господина. Могущественные феодалы содержали, помимо домашних слуг и арендаторов, огромные количества людей у себя на службе и под своим покровительством, что давало им возможность подкупом и насилием парализовать деятельность королевской администрации в своих владениях, а часто и воевать с королем. Короли уже с XIV в. пытаются ограничить этот род феодальных прав; Генрих VII особенно преуспел в этом. Поскольку вассалы одного господина часто имели отличия в одежде, слово «ливрея» приобрело также значение «одежда для слуг».

⁷³ 28 июля 1488 г.

⁷⁴ *Звездная палата* находилась в Вестминстерском королевском дворце (название происходит от украшенного позолоченными звездами потолка). Здесь с давних времен король и его совет разбирали петиции подданных. Позднее Звездная палата стала местом заседаний совета, посвященных уголовным делам; в этой функции совет получил название Суда Звездной палаты. В 1487 г. парламентским актом был учрежден Суд Звездной палаты в суженном составе (канцлер, казначей и хранитель Малой печати вместе и др.) с правом вызывать, заслушивать и наказывать лиц, виновных в коррупции, незаконной выдаче ливрей (примеч. 72), участия в общественных беспорядках и незаконных сборищах. Отменен в 1641 г.

⁷⁵ *Общее право* (common law) — система юридических норм, в основе которой лежат прецеденты (прошлые судебные решения), а не писанные законы. Сформировалось в Англии в XII в. в процессе замены юрисдикции местных феодальных судов юрисдикцией королевских судов, общих для всей страны (отсюда название). Наиболее известные суды общего права: Суд общих тяжб, Суд королевской скамьи и Суд казначейства. От общего права отличают «статутное право» (писаные парламентские акты, дополняющие общее право), «право справедливости» (Суд канцлера, в который обращались с жалобами на неправильные решения судов общего права) и «каноническое право».

⁷⁶ Бэкон сравнивает функции Судов лорда-канцлера и Звездной палаты с функциями высших должностных лиц в Древнем Риме. Преторы исполняли обязанности верховных судей; цензоры надзирали за общественной нравственностью.

⁷⁷ В оригинале использован термин «фелония» (см. примеч. 32).

⁷⁸ На месте преступления (лат.).

⁷⁹ *Фригольдерами* (freeholders — «свободный держатель») назывались лица, пользовавшиеся относительно свободной формой держания земли — обычно наследственного, с правом отчуждения, фиксированной рентой и правом защиты в судах общего права. Крестьян-фригольдеров отличали от вилланов (крепостных) и копигольдеров (менее свободной формы держания, чаще всего пожизненного и без права защиты в судах общего права).

⁸⁰ В оригинале John a Chamber.

⁸¹ Зачинщик (*франц.*).

⁸² Лев X (Джованни Медичи, 1475—1521) — сын Лоренцо Великолепного. Получил блестящее гуманистическое образование. Кардинал в 13 лет, папа с 1513 г. Внешняя политика подчинялась задаче накопления денег. Раскрыв в 1517 г. заговор (действительный или мнимый), папа Лев казнил его главу, карди-

нала Петруччи, а остальные кардиналы-заговорщики были лишены сана, и их имущество было конфисковано. 39 кардинальских шапок были проданы.

⁸³ *Адриан VI* (1459—1523, папа с 1522), сын ремесленника в г. Утрехте (Фландрия), получил богословское и юридическое образование. С 1507 г. воспитатель императора Карла V; с 1517 кардинал.

⁸⁴ *Эдуард I* (1239—1307, кор. с 1272) боролся с баронами за укрепление королевской власти. В его правление осуществлены важные юридические и административные формы: Глостерский статут (1278 г.) укреплял централизованную администрацию; Винчестерский статут (1285 г.) способствовал укреплению мира в стране. Возросло значение парламента: так называемый «Образцовый парламент» (ноябрь 1295) был представительнее, чем все предыдущие.

⁸⁵ *Статутом неприязания* (non-claim) назывался закон, отменявший предельные сроки предъявления своих прав на земельное владение. Этот закон действовал в военное время, когда несшие военную службу землевладельцы не имели времени для отстаивания своих прав; окончание войны давало возможность восстановить предельные сроки.

⁸⁶ *Огораживания* — насильственный сгон крестьян-держателей феодалами с земли для обращения ее в пастбище (земля при этом огораживалась изгородями, канавами и т. п.). Давая возможность развивать более выгодное для землевладельцев овцеводство, огораживания послужили основой первоначального накопления капитала.

⁸⁷ *Йомены* (ед. ч. yeoman) — крестьяне в Англии XIV—XVIII в.

⁸⁸ *Домен* — часть поместья, на которой феодал вел собственное хозяйство.

⁸⁹ *Коттерами* (ед. ч. cotter или cottager, как у Бэкона) назывались крестьяне-держатели мельчайших земельных наделов.

⁹⁰ *Йомени* (yeomanry) — то же, что йомены.

⁹¹ Герой греческого мифа Кадм, сын финикийского царя, убил дракона («гидра» у Бэкона) и, по совету Афины, засеял поле его зубами, из которых выросли вооруженные люди, тут же вступившие в единоборство друг с другом. Пятеро оставшихся в живых стали родоначальниками знатнейших родов основанного Кадмом города Фивы.

⁹² *Вайда* — род растений (семейство крестцветных), один из видов которого в прошлом служил сырьем для изготовления темносиней краски (индиго).

⁹³ *Мировой судья* (justice of pease) — лицо, назначаемое лордом-канцлером для решения некоторых дел в суде магистрата и передачи серьезных дел в суды более высокой инстанции. Должность возникла в XIV в.

⁹⁴ *Суды ассизов* (assizes) — выездные сессии суда присяжных, периодически созывавшиеся в каждом графстве для решения уголовных и гражданских дел.

⁹⁵ Французский порт *Кале* был захвачен во время Столетней войны после победы войск Эдуарда III в битве при Креси (1346) и почти годовой осады. Кале вместе с окружавшей город территорией удерживался англичанами до 1558 г., дольше всех других из французских владений.

⁹⁶ Основной задачей основанного в 1198 г. монашеского ордена *Св. Троицы* или тринитариев был выкуп христиан из плена. XV век был апогеем влияния ордена. Генерал ордена *Робер Гагьен* (Gaguien) (ок. 1433—1501) известен как гуманист, друг Эразма Роттердамского.

⁹⁷ Имеется в виду поход для отвоевания Палестины у мусульман.

⁹⁸ Бургундия (не включавшая в себя в то время Фландрию) была в 1363 г. отдана в качестве лена французским королем Иоанном II Добрым своему сыну Филиппу Смелому, который, женившись на дочери герцога Фландрского, не имевшего мужского потомства, включил в свои владения Фландрию. Карл Смелый, которому в качестве герцога Бургундии наследовал Максимилиан Габсбург, был правнуком Филиппа Смелого.

⁹⁹ В 1265 г. папа Климент VI отдал «Королевство обеих Сицилий» (т. е. территории в южной Италии вокруг Неаполя и о-в Сицилию) брату французского короля Людовика IX Карлу Анжуйскому, но в результате народного восстания («Сицилийская вечерня» 1282 г.), возглавленного Петром Арагонским, французы были изгнаны. Эти земли надолго стали объектом соперничества двух династий — Анжуйской и Арагонской. Альфонс V Арагонский [IV, 2] завоевал Неаполь и объе-

динил «обе Сицилии» под своей властью; Неаполитанское королевство он оставил своему внебрачному, но усыновленному сыну Фердинанду [IV, 4], а Сицилию брату Иоанну (см. примеч. 120). При сыне Фердинанда Альфонсе II [IV, 6] Карл VIII Французский возобновил притязания французов на Неаполь.

¹⁰⁰ *Христианнейшим королем* (лат. Rex Christianissimus; в переводе Бэкона Thrice Christian King — «трижды христианский») папы стали называть французских королей с середины XIV в. Эта практика стала нормой с 1464 г.

¹⁰¹ Освобождение Гренады — завершающий акт Реконквисты, освобождение в VIII—XV веках территорий на Пиренейском полуострове, захваченных мусульманами-маврами (арабами и берберами). К середине XIII в. в руках мавров оставался только Гренадский эмират, который пал в 1492 г.

¹⁰² *Баязид* (Баязет) II (1477—1512) — турецкий султан с 1481, сын Мохаммеда II, завоевателя Константинополя. На протяжении всего царствования вел с переменным успехом войны с Венгрией, Польшей, Венецией, Египтом и Персией. Друг дервишей, любитель блеска и роскоши, строитель многочисленных мечетей. Брат Баязета Джем оспаривал у него престол; отравлен в 1495 в Риме по султанскому приказу. Сам Баязет отрекся в пользу своего сына Селима; вскоре после этого отравлен.

¹⁰³ Юридически сомнительным брак французского короля с герцогиней Бретани мог считаться из-за того, что оба они раньше были обручены. Наследник Карла Людовик Орлеанский был заинтересован в том, чтобы у короля так и не появилось потомства, и потому был готов воспользоваться любым предложением, чтобы помешать этому.

¹⁰⁴ Английский король Эдуард III [I, 1] притязал на французский престол, поскольку его мать Изабелла была дочерью Филиппа IV Красивого (хотя салический закон и запрещал наследование по женской линии). Эти притязания были поводом для начатой в 1337 г. Столетней войны; в 1340 г. Эдуард III короновался в качестве короля Франции, выступив соперником короля Филиппа VI (1328—1350), основателя династии Валуа. Согласно договору, заключенному в Бретиньи в 1360 г., он отказался от притязаний на французский престол в обмен на признание своего суверенитета над английскими владениями во Франции, среди которых были и упомянутые канцлером Нормандия, Гиень и Анжу (наследственные владения английских королей Анжуйской династии Плантагенетов); к описываемому времени эти владения были утрачены англичанами.

¹⁰⁵ *Томас Батлер* (Butler), граф Ормонд (ум. 1515) — младший брат много более знаменитого Джона, графа Ормонда, дипломата. Осужден парламентом Эдуарда IV, восстановлен в правах при Генрихе VII.

¹⁰⁶ Александр VI (Родриго Борджиа, ок. 1431—1502, папа с 1492) поддерживал завоевательные планы своего сына Чезаре Борджиа, стремясь создать сильное государство в центре Италии. Понтификат Александра VI характеризовался продажей церковных должностей, политическими убийствами, конфискациями. В начале итальянских войн поддерживал попеременно обе стороны.

¹⁰⁷ *Конкордия Сазиттария* — основанный императором Августом город в Венецианской области. Находящаяся там епископская кафедра была в 1339 г. перенесена в г. Портогуаро, но сохранила древнее название.

¹⁰⁸ Апостол Петр, преемником которого на римской епископской кафедре считается римский папа, был рыбаком.

¹⁰⁹ *Лионель* — «львенок».

¹¹⁰ Французский король Иоанн II был взят в плен в битве при Пуатье (1356 г.).

¹¹¹ Названы сражения Столетней войны, в которых англичане одержали победы: при Креси (1346 г.), когда Эдуард III и Черный принц [I, 2] были атакованы превосходящими силами французов и победили благодаря искусству английских лучников и тактическому мастерству; при Пуатье (1356 г.), где Черный принц взял в плен короля Иоанна; при Азенкуре (1415 г.), где предводительствуемые Генрихом V англичане одержали победу над многочисленной армией французов, утвердив свои позиции во Франции.

¹¹² В оригинале игра слов: буквальное значение выражения «ill blood» — «дурная кровь», но оно имеет и другое значение — «враждебность».

¹¹³ *Руссильон* — область на юге Франции. Графство со времени Карла Великого, с 900 г. независимое. С XIII в. в вассальной зависимости от арагонских королей. Было занято войсками Людовика XI в качестве гарантии возмещения расходов, которые несли французы, помогая арагонскому королю в подавлении мятежных каталонцев, и аннексировано в 1463 г. В 1493 г. по Барселонскому договору Карл VIII вернул Руссильон Арагону за данное Фердинандом Арагонским обещание помочь в итальянской кампании. *Перпиньян* — столица Руссильона.

¹¹⁴ *Файн* (fine) — налог, выплачиваемый короне при отчуждении земельных владений.

¹¹⁵ Альберт III, *герцог Саксонский* (1443—1500), младший сын Фридриха II Саксонского. После смерти отца (1464 г.) соправитель брата Эрнеста. С 1485 г. их владения разделены.

¹¹⁶ *Эдвард Пойнингс* (Poynings, 1459—1521) в октябре 1483 г. руководил восстанием в Кенте против Ричарда III. Бежал за границу и присоединился к Генриху Тюдорю. Участвовал в битве при Босуорте. При Генрихе VII посвящен в рыцари, введен в Тайный совет, исполнял важные поручения и занимал ответственные должности, в том числе губернатора Кале (с 1493 г.). Особенно известен деятельностью в качестве наместника Ирландии (при вице-короле принце Генрихе) в 1494—1496 гг.; провел в ирландском парламенте законы, подчинявшие управление Ирландией английской королевской администрации (акт Пойнингса). После отозвания из Ирландии продолжал до конца жизни исполнять дипломатические и военные поручения.

¹¹⁷ *Апостол Иаков*, сын Зеведеев, старший брат Иоанна. Согласно «Деяниям апостолов» (12.2), обезглавлен царем Иродом Агриппой в 44 г. Считается покровителем Испании.

¹¹⁸ В оригинале King of Arms (букв. «оружейный король») — один из нескольких герольдов, образовавших «Оружейную коллегию» и исполнявших такие обязанности, как объявление войны и мира, итогов битвы и т. п.; присутствовали на всех торжественных церемониях (коронации, возведении в рыцари и т. п.); устраивали турниры. С названными обязанностями были связаны и их функции в качестве экспертов в геральдических вопросах.

¹¹⁹ О Томасе, маркизе Дорсете см. примеч. 39; *Томас Фиц-Алан* (Fitz-Alan), *граф Арундел* (Arundel) (ум. 1524) — один из крупных вельмож двора Генриха VII. Исполнял дипломатические и военные поручения; о Томасе, графе Дерби см. примеч. 26; *Джордж Толбот* (Talbot), *граф Шрюсбери* (Shrewsbury) (1468—1538) — военно-дипломатический деятель в правление Генриха VII и Генриха VIII; *Эдмонд де ла Поль* (de la Pole), *граф Суффолк* (Suffolk) (?1472—1513) — сын старшей сестры Эдуарда IV, Елизаветы [I, 36], брат графа Линкольна (примеч. 53). За согласие служить Генриху VII был восстановлен в графском достоинстве. Несколько раз изменял королю и вновь возвращался. Нашел убежище во Фландрии, но в 1506 г. выдан и заключен в Тауэр, где находился до казни в 1513 г.; *Эдуард Кортни* (Courtney), *граф Девоншир* (Devonshire), ум. 1509; *Джордж Грей* (Grey), граф Кент (Kent), ум. 1503; *Генри Буршье* (Bourshier), *граф Эссекс* (Essex, ум. 1539) — военачальник и дипломат при Генрихе VII и Генрихе VIII. При Генрихе VII — член Тайного совета; о Томасе, графе Ормонде см. примеч. 105.

¹²⁰ *Иоанн II* (1397—1479) — король Арагона и Сицилии с 1458 г. Об обстоятельствах потери Руссильона см. примеч. 116.

¹²¹ *Калабрия* — область на юге Италии; входила в состав Неаполитанского королевства. *Альфонс II* (ум. 1495) носил титул герцога Калабрии как наследник Неаполитанского престола. С 1494 г., после смерти отца, Фердинанда I, король. Отрекся в пользу сына, Фердинанда II.

¹²² *Фердинанд I* — король Неаполя (1458—1494) [IV, 4].

¹²³ *Орден Подвязки* — древнейший и знаменитейший монашеский рыцарский орден в Англии, вдохновленный легендой о рыцарях Круглого Стола. Учрежден королем Эдуардом III в 1348 г. в день св. Георгия, который считается покровителем ордена. Членство ордена ограничено королем и еще 25 рыцарями

(позднее в число членов стали включаться члены королевской семьи и почетные иностранцы — подобно герцогу Альфонсу Калабрийскому). Знак членства — голубая подвязка на ноге. О происхождении этого знака рассказывается следующая легенда. На балу в завоеванном англичанами Кале одна из знатных дам обронила подвязку. Король Эдуард поднял ее и повязал себе на ногу, произнеся при этом слова, ставшие девизом ордена: *Honi soit qui mal у pense* (Да станет стыдно тому, кто подумает об этом что-нибудь дурное) (*франц.*).

¹²⁴ *Эней* был потомком Дардана, сына Юпитера, и одной из плеяд, Электры. Ненависть Юноны к земному потомству Юпитера — традиционный сюжет греко-римской мифологии.

¹²⁵ *Privado* — доверенное лицо (порт.).

¹²⁶ Морис Фитцджералд (Fitzgerald, ум. 1520), *граф Десмонд* (Desmond) в 1487—1520. Десмонды и Килдеры (см. примеч. 54) — две ветви могущественного англо-ирландского рода Фитцджералдов. Их предок Морис Фитцджералд в 1169 г. высадился в Ирландии по приглашению одного из изгнанных в междоусобной борьбе местных вождей и положил начало покорению Ирландии англичанами.

¹²⁷ *Джордж Невилль* (Neville), барон Бергавенни (Bergavenny) (1471—1535) — фаворит Генриха VII. Занимал придворные и военные должности при Генрихе VII и Генрихе VIII.

¹²⁸ Имеется в виду Этальский договор 1492 г.

¹²⁹ *Лорд Фитцуотер* (Fitzwater) — Джон Рэдклифф, или Рэтклифф (Radcliffe, Ratcliffe, 1452?—1496). До 1485 г. именовался Джон Рэдклифф из Этлборо (по поместью отца); с 1485 г. — лорд Фитцуотер по титулу матери. Генрих VII сделал его главным камергером своего двора, а через 2 года — председателем суда пэров, вместе с Джаспером Тюдором (см. примеч. 25). Огужден за сообщничество с Перкином Уорбеком; казнен после неудачной попытки бежать из заключения.

¹³⁰ *Эрцгерцог Филипп Красивый* (ум. 1506) — сын Максимилиана Габсбурга (примеч. 30), правитель Бургундии (Фландрии) после избрания отца императором (с 1494 г.).

¹³¹ *«Купцы — искатели приключений»* (Merchants Adventurers) — одна из старейших английских компаний по вывозу сукна за границу, главным образом в Нидерланды, Германию, Скандинавию. Начало самостоятельного существования в 1406 г.; реорганизация в 1505 г. Первая компания, построенная на паевом принципе с общей ответственностью. Центр в Лондоне, главная база в Антверпене (позднее в Гамбурге). Просуществовала до начала XIX в.

¹³² *Фамилия Добени* (Dawbenu) — англизированный вариант написания фамилии Добиньи (Dobigny). Фамилии французских баронов — завоевателей позднее меняли звучание, часто и написание.

¹³³ *Уильям Уорсли* (1435?—1499) — настоятель собора св. Павла (с 1478 г.) и архидиакон Ноттингема.

¹³⁴ 31 октября 1494 г.

¹³⁵ См. примеч. 24.

¹³⁶ *Рыцарями Бани* (Knights of the Bath) назывались рыцари, посвящавшиеся по торжественным случаям после ритуала ночного бдения, за которым следовало символическое омовение.

¹³⁷ *Елизавета Баргон* (1506?—1534) — монахиня-бенедиктинка, пророчица. Казнена без суда.

¹³⁸ *Жиль, лорд Добени*, или Добиньи (ум. 1508) — военный и государственный деятель при Эдуарде IV, Ричарде III и Генрихе VII. Участвовал в заговоре Бекингема (примеч. 11), бежал к Генриху Тюдору. В 1486 г. произведен в пэры. Был заместником Кале, возглавлял войска, посланные на помощь Максимилиану, подавлял восстание в Корнуолле. С 1495 г. лорд-камергер.

¹³⁹ *Генри Дин* (ум. 1503), ко времени назначения канцлером Ирландии (1495) *приор монастыря Лантони* в Монмутшире и епископ Бангора в Северном Уэльсе; помогал Пойнингсу (см. примеч. 119) в его деятельности по упорочению королевского управления в Ирландии. После смерти Мортона (примеч. 11) архиепископ Кентерберийский.

¹⁴⁰ «Дикими» англичане называли ирландцев, сохранивших независимость. В описываемое время английская юрисдикция распространялась на часть восточной Ирландии (ее размеры колебались), так называемый «Пейл» (Pale, букв. «ограда»; ниже переводится как «территория наместничества»). Остальная территория делилась между родами (септами) во главе с местными вождями.

¹⁴¹ *Джералд Фитцджералд* (Fitzgerald), *граф Килдер* (Kildare, ум. 1513), был после смерти своего отца, бывшего наместником Ирландии, избран на этот пост ирландским советом (1477 г.). После кратковременного соперничества с кандидатом английского двора утвержден в качестве ирландского наместника королем Эдуардом IV; оставался на этом посту при Ричарде III. Вместе с другими сторонниками Йорков поддержал мятеж Симнела, участвовал в битве при Стоукфилде. Прощен в 1488 г. Обвинен в заговоре против Уорбека, провел 2 года в заключении в Тауэре. Оправдан и в 1496 г. вновь назначен наместником Ирландии (король предпочел вернуться к управлению посредством англо-ирских баронов как более дешевому в сравнении с управлением прямыми представителями английской короны — см. примеч. 116). Умер от ран, полученных в схватке с «диким» септом.

¹⁴² *Олдермен* (alderman) — высшее должностное лицо в муниципалитете, ответственное за порядок и законность (в Лондоне должность олдермена сохраняется и в настоящее время).

¹⁴³ *Ричард Эмпсон*, или Эмсон (Empson, Emson) (ум. 1510). Сын ремесленника; получил юридическое образование. Замечен Генрихом VII, который использовал его на государственной службе, особенно в области финансов. Вместе с Дадли — один из главных проводников королевской политики вымогательства.

¹⁴⁴ *Ричард Гилдфорд* (Guildford, 1455?—1506) — кентский дворянин. Вместе с отцом участвовал в заговоре против Ричарда III. Был осужден и бежал в Бретань к Тюдору, с которым и вернулся в Англию. Занимался главным образом вопросами строительства оборонительных сооружений, артиллерии и кораблестроения; занимал посты начальника артиллерийской службы и начальника арсенала.

¹⁴⁵ В оригинале Serjeants; полное название Serjeants-at-law «слуги [короля] в делах закона». Так именовались представители высшего разряда барристеров — юристов, имевших право выступать в качестве адвокатов в высших судах.

¹⁴⁶ Т. е. сторонников Анжуйской династии (см. примеч. 99).

¹⁴⁷ *Лодовико Сфорца*, по прозвищу Моро (мавр) (1452—1505) — с 1479 правитель Милана при последнем герцоге династии Висконти; герцог Миланский с 1494. Много воевал ради расширения территории герцогства. В 1499 г. покинул Милан из-за народного восстания, ненадолго вернулся к власти в 1500 г., после чего правил его сыновья.

¹⁴⁸ *Цецилия* (Сесиль) Невилль (Neville) (ум. 1495) — тетка Уорика — «делателя королей».

¹⁴⁹ Бэкон вольно цитирует следующее место из Библии (2 Царств. 24. 17): «И сказал Давид Господу, когда увидел Ангела, поражавшего народ, говоря: вот я согрешил, я (пастырь) поступил беззаконно; а эти овцы, что сделали они? Пусть же рука Твоя обратится на меня и на дом отца моего».

¹⁵⁰ В состоянии нищеты (лат.).

¹⁵¹ Распространенное в средневековой Европе празднование первого мая как праздника цветения природы восходит к дохристианским сельскохозяйственным культам. Праздничный ритуал включал в себя, помимо шествий с ветвями и гирляндами и установки «майского дерева», также избрание майского «короля» или «королевы».

¹⁵² *Яков IV* (1472—1513) — король Шотландии с 1488 г., сын Якова III (примеч. 31). После краткого периода конфликтов с Англией между соседними странами установились мирные отношения, скрепленные браком Якова с дочерью Генриха VII, Маргаритой. Отношения испортились тотчас со вступлением на престол Генриха VIII. Яков первым начал военные действия, но был убит в сражении у Флоден-Филда. Достижением его правления было введение в горной Шотландии правильного судопроизводства.

¹⁵³ Имеются в виду рассказы о христианских мучениках в Римской империи, которых бросали на растерзание львам: случалось, повествовать жития, что под действием святости жертв львы отказывались нападать на них.

¹⁵⁴ 4 Царств. II, 1—2.

¹⁵⁵ Быт. 22, 1—18.

¹⁵⁶ Речь идет об одном из эпизодов войны Алой и Белой розы: королева Маргарита, жена Генриха VI, после поражения ланкастерцев в битве при Нортгемптоне (июль 1460 г.) не признала соглашения о наследственных правах Йорков, бежала в Шотландию и, собрав армию на севере, полностью разгромила врага в битве при Уэйкфилде.

¹⁵⁷ *Епископ Фокс* — см. примеч. 42; Уильям Смит (Smith, или Smyth 1460?—1514) из окружения Маргариты Бофор (воспитанник основанной ею школы), выдвинулся при Генрихе VII на высокие церковные и государственные должности (епископ Ковентри и Личфилда, потом Линкольна, член Тайного совета, лорд-президент Уэльса). Известен также благотворительностью и содействием распространению образования. *Брей* — см. примеч. 40. *Томас Ловел* (Lovel, ум. 1524) — адвокат. Верный сторонник Генриха Тюдора, осужден при Ричарде III, участвовал в Босуортской битве. После воцарения Генриха занимал придворные должности, заседал в парламенте. Известен активным участием в поборах королевской администрации — вместе с Эмпсоном и Дадли, в отличие от которых сохранил свое влияние и при Генрихе VIII (до возвышения Уолси). *Оливер Кинг* (King, ум. 1503) выдвинулся при Эдуарде IV (секретарь по французским делам). В опале и заключении при Ричарде III. При Генрихе VII исполнил дипломатические поручения. С 1495 г. — епископ Батский и Уэльский. *Эмпсон* — см. примеч. 143. Генри Уайет (ум. 1537) подвергался заключению как противник Ричарда III. Служил при дворе Генриха VII и Генриха VIII. Отец известного поэта Томаса Уайета (1503?—1542).

¹⁵⁸ «Воротная вена» (*лат.*) В английском издании, с которого выполнен настоящий перевод, дан следующий комментарий: «Эта метафора представляет собой исторический курьез, ибо никто не стал бы употреблять ее после открытия системы кровообращения и лимфатических сосудов. Однако во времена Бэкона считалось, что млечный сок выводится из организма по венам, которые сходятся в воротной вене. Последняя тотчас же разделяется на отростки и в конечном счете четырьмя разветвлениями распределяется внутри печени. Ее поэтому сравнивали с деревом, выпускающим с одного конца корни, а с другого ветви. Таким образом, Бэкон имеет в виду, что торговля собирает воедино ресурсы страны с целью их перераспределения. Если бы в ту пору стало известно об открытии Гарвея, то место воротной вены заняло бы сердце, которое получает кровь от всех частей тела, приводит ее в соприкосновение с наружным воздухом, а затем перераспределяет, тем более что воротная вена — это простая протока, а не источник движения».

¹⁵⁹ *Начальник архивов* (Master of the Rolls) был не только хранителем архивов королевской канцелярии, но и главным юридическим советником канцлера.

¹⁶⁰ *Щитовая служба* (service of escuage) ежегодная воинская повинность в течение сорока дней, одна из основных феодальных повинностей в средние века.

¹⁶¹ *Провост* — название главного магистрата в городах Шотландии.

¹⁶² *Граф Кент* — см. примеч. 119. Лорд Абергавенни (или Бергавенни) — см. примеч. 127.

¹⁶³ Томас Ховард (Howard, 1443—1524), *граф Суррей* (Surrey) с 1483 г., герцог Норфолк с 1513 г. Находился на службе у Эдуарда IV и Ричарда III. В Босуортской битве участвовал на стороне Ричарда, осужден, провел 3,5 года в Тауэре. Отказался бежать во время мятежа Линкольна; в 1489 г. освобожден и восстановлен в графском титуле и большей части владений. Выполнял и дипломатические поручения. Ситуанял влияние при Генрихе VIII, пока его не оттеснил Уолси.

¹⁶⁴ *Граф Оксфорд* — см. примеч. 58. *Граф Эссекс* — см. примеч. 119. *Граф Суффолк* — см. примеч. 119.

¹⁶⁵ Cap of maintenance — головной убор, носимый на голове или впереди того, чье высокое положение он символизирует.

¹⁶⁶ В евангельской притче о «работниках одиннадцатого часа» (Мф. 20, 1—16) говорится, что работники, нанявшиеся работать в поле в конце дня и работавшие только час, получили от хозяина ту же плату, что и работавшие весь день (т. е. никогда не поздно покаяться).

¹⁶⁷ *Лорд-камергер* — см. примеч. 140. *Лорд Брук* — см. примеч. 37. *Райс ан Томас* (Rise или Rhys, ap Thomas, 1449—1525) — дворянин из Уэльса. С самого начала поддерживал Тюдора. Участвовал в Босуортской битве, произведен в рыцари на поле. Участвовал в битве при Стоукфилде (1487 г.), неудачном вторжении во Францию (1492 г.), преследовании Уорбека.

¹⁶⁸ *Томас Дарси* (1467—1537) — крупный землевладелец из Линкольншира. Военачальник Генриха VII, выполнял дипломатические поручения. Сохранил влияние при Генрихе VIII, но в эпоху церковной реформы обвинен в связи с противниками короля и казнен.

¹⁶⁹ *Себастьян Габато* (Gabato; другие варианты: Cabota, Caboto, более принято англизированное написание фамилии: Кабот, Cabot) (ок. 1475—1495) — мореплаватель. Сын Джона (Джованни) Кабота, генуэзца, поступившего на английскую службу (1490) и в поисках западного морского пути в Китай достигшего побережья Сев. Америки (1497, 1498). Себастьян участвовал в этих экспедициях. В 1518 переселился в Испанию и в 1526—1530 во главе испанской флотилии исследовал Ла-Плату и устья рек Парана и Парагвай. Вернувшись в Англию, стал королевским советником по морским делам. Был одним из организаторов экспедиции для поиска северного морского пути и основателей торговой Московской компании.

¹⁷⁰ Монашеский орден *цистерцианцев* (Cistercians) возник в результате реформы устава бенедиктинского ордена, произведенной в монастыре Сито близ Дижона (Франция). Главным в деятельности цистерцианцев был сельскохозяйственный труд на невозделанных, удаленных от культурных районов землях. В Англии (1128 г.) и в Шотландии (с 1136 г.) орден провел большую работу по освоению новых территорий и развитию овцеводства.

¹⁷¹ *Василиск* — мифический змей, убивавший взглядом.

¹⁷² *Екатерина Арагонская* (1485—1536) — младшая дочь Фердинанда и Изабеллы Испанских [IV, 5], первая жена Генриха VIII. Сначала выдана замуж (1498 — заочный контракт, 1501 — венчание) за старшего сына Генриха VII, Артура. Этот брак был частью внешнеполитической ориентации Генриха VII на восстановление и развитие традиционного средневекового союза с Испанией. После смерти Артура через 4 месяца после венчания Екатерина была обручена с его младшим братом Генрихом, который и венчался с ней, взойдя на престол. Когда Генрих VIII развелся с ней, чтобы жениться на Анне Болейн, не признала развода.

¹⁷³ Т. е. будущим Генрихом VIII.

¹⁷⁴ *Карл Габсбург* (1500—1558) — старший сын Филиппа Красивого, эрцгерцога Австрийского и Иоанны, дочери Фердинанда и Изабеллы Испанских. С 1516 г. король испанский. С 1520 г. император (Карл V). Боролся с Реформацией. В 1555 г. передал сыну Филиппу управление Нидерландами и другими наследственными владениями, а в 1556 имперскую корону и удалился в монастырь [III, 5].

¹⁷⁵ *Мария* (1496—1533) — третья дочь Генриха VII (вторая умерла в младенчестве). Брак с Карлом, который из дипломатических соображений задумал Генрих VII и стремился осуществить Генрих VIII, так и не состоялся. После того как в 1514 г. Карл V заключил перемирие с Францией, Генрих VIII тоже начал переговоры с французами и выдал 18-летнюю Марию за 52-летнего Людовика XII. В 1515 г. после смерти Людовика она вышла замуж за Чарльза Брэндона, герцога Сүффолка, которого давно любила.

¹⁷⁶ *Бальи* (bailli; англизированная форма: bailiff) — в северной части средневековой Франции королевский чиновник, глава судебно-административного округа (бальяжа).

¹⁷⁷ *Юбилейные годы* назначаются в католической церкви (первоначально каждые 100 лет, позднее — чаще) как время покаяния, когда паломникам, посещающим Рим и его церковные святыни, отпускаются их грехи. Установлены официально папой Бонифацием VIII в 1300 г.

¹⁷⁸ Имеется в виду торговля индульгенциями в Германии, масштабы и приемы которой вызвали всеобщее возмущение и стали одной из основных тем антиримской проповеди вождей Реформации.

¹⁷⁹ *Папа Юлий II* (Джулиано делла Ровере, 1443—1513, папа с 1503). Участвовал в Итальянских войнах 1494—1559; активизировал деятельность инквизиции; расширил торговлю индульгенциями. Покровительствовал искусству, призвал в Рим Микеланджело, Рафаэля и других художников.

¹⁸⁰ *Родосские рыцари* — рыцари ордена иоаннитов, изгнанные турками из Палестины и переселившиеся на о-в Родос.

¹⁸¹ *Альфонс X Мудрый* (1221—1284) — король Кастилии и Леона с 1252 г. Успешно воевал с маврами, боролся с феодалами за укрепление центральной власти. В 1282 г. лишен власти (правил его сын). Поэт, покровитель наук, в частности астрономии (по его приказу в академии Толедо были составлены астрономические таблицы).

¹⁸² См. примеч. 50.

¹⁸³ Мать Екатерины Изабелла была правнучкой Джона Гонта, герцога Ланкастерского [I, 4], дочь которого от второй жены, Констанцы Кастильской, Екатерина, вышла замуж за короля Кастилии Генриха III Больного (1379—1406, кор. с. 1390).

¹⁸⁴ *Мария I* (1516—1558, кор. с 1553), дочь Генриха VIII и Екатерины Арагонской, после их развода была признана незаконнорожденной и лишена права наследования. Однако в завещании король назвал ее ближайшей наследницей после своего сына Эдуарда и после смерти брата Мария, подавив попытку мятежа, сменила его на престоле. Важнейшими событиями ее правления были восстановление в стране католицизма, жестокое преследование протестантов (отсюда прозвище «Кровавая») и союз с Испанией, в том числе и путем ее брака с Филиппом, наследником и потом королем Испании. После смерти Марии на престол вступила Елизавета (1533—1603, кор. с 1558), дочь Генриха и Анны Болейн, в чье правление в стране была восстановлена англиканская церковь, велась успешная экспансионистская политика и усилилась центральная власть. Право на престол той или иной дочери Генриха VIII связывалось с признанием законности соответствующего брака и признанием незаконности другого брака.

¹⁸⁵ Маргарита (1489—1541) [I, 40].

¹⁸⁶ От головы (лат.)

¹⁸⁷ См. примеч. 72.

¹⁸⁸ *Джеймс Тиррел* (ум. 1502) — человек, который убил малолетнего короля Эдуарда V и его брата (см. примеч. 6).

¹⁸⁹ См. примеч. 99 [IV, 10].

¹⁹⁰ Родство названных лиц характеризуется Бэконом приблизительно [IV, 4, 9, 10].

¹⁹¹ *Фридрих III* (ум. 1504) — король Неаполя (1496—1501). В борьбе с претендовавшим на неаполитанскую корону Людовиком XII Французским обратился за помощью к Фердинанду Испанскому, который под этим предлогом занял своими войсками важнейшие крепости королевства Неаполитанского и разделил его с Людовиком. Фридрих получил от французского короля пенсию и герцогство Анжуйское.

¹⁹² Именем *Плутон* («податель богатства») древние греки заменяли имя Гадеса, бога преисподней (из страха перед последним). В большинстве мест культа Плутона он наряду со своей основной ролью почитался и как «дающий богатство». *Паллада* — второе имя греческой богини Афины, символизирующее потрясающую мощь богини (от *палло* — потрясаю).

¹⁹³ Наследником престола при не имевшем сыновей Людовике XII стал Франциск (1494—1547) из Ангулемской ветви династии Валуа [II, 13]. Король Людовик выдал за него свою дочь от Анны, герцогини Бретани, Клод. После смерти

Людовика в 1515 г. — король Франциск I. Его царствование — эпоха блистательного абсолютизма, расцвета культуры и искусств.

¹⁹⁴ Жермена *де Фуа* — племянница (дочь сестры) Людовика XII, с 1506 г. — жена испанского короля Фердинанда Католика.

¹⁹⁵ Светский рыцарский орден Золотого руна основан герцогом Бургундским Филиппом Добрым в 1439 г. в г. Брюгге (Фландрия) в ознаменование своего бракосочетания с Изабеллой Португальской. Посвящен Богоматери и св. Андрею. По уставу число членов ордена было равно 23 во главе с гроссмейстером (позднее оно увеличивалось до 31 и до 51). Благодаря браку Максимилиана с Марией Бургундской гроссмейстерство перешло к Габсбургам.

¹⁹⁶ Злосчастный договор (*лат.*).

¹⁹⁷ Одиннадцатого (*лат.*). (Т. е., видимо, 1411 г.).

¹⁹⁸ Маргарита Австрийская (1480—1530) — дочь Максимилиана I; наместница Нидерландов в 1507—1530 гг. [III, 4].

¹⁹⁹ *Томас Уолси* (Wolsey, 1471—1530) — церковный и государственный деятель. Сын мясника. В конце правления Генриха VII капеллан короля, успешно выполнил дипломатические поручения. С 1512 г. самый влиятельный советник Генриха VIII. Архиепископ Йоркский (1514). Канцлер и кардинал с 1515. Утратил влияние и пост канцлера в 1529 г. из-за нерешительности в вопросе об аннулировании брака Генриха VIII с Екатериной Арагонской.

²⁰⁰ На будущее (*лат.*).

²⁰¹ Мое и твое (*лат.*).

²⁰² Джон, барон *Хасси* (1466?—1537) — при Генрихе VII управляющий королевским двором. При Генрихе VIII, прощенный за злоупотребления, выдвинулся как военачальник и дипломат. Казнен за участие в заговоре.

²⁰³ Томас Фровик (ум. 1506) — юрист. С 1502 г. главный судья по общим тяжбам.

²⁰⁴ Тремя волхвами (*лат.*). Трех евангельских волхвов, пришедших поклониться младенцу Христу, три названные Бэконом короля не напоминают ничем, кроме числа.

²⁰⁵ Пемброкский замок расположен на территории Пемброкшира, самого западного графства в Южном Уэльсе, на берегу р. Пемброк.

О ДОСТОИНСТВЕ И ПРИУМНОЖЕНИИ НАУК.

Фрагмент

В 1605 г. Бэкон опубликовал на английском языке трактат из двух книг «The Proficiency and Advancement of Learning Divine and Human» («Успехи и развитие знания божественного и человеческого»), в котором доказывал великое значение наук для человечества и излагал идею их классификации. Через 17 лет было готово новое сочинение о значении и достоинстве наук («De Dignitate et Augmentis Scientiarum»), которое было издано на латинском языке осенью 1623 г. Это сочинение, состоящее из 9 книг, является наиболее обширным и систематическим из философских произведений Бэкона и по замыслу представляет первую часть труда его жизни «Instauratio Magna Scientiarum». В настоящем издании приводится перевод 10 глав из второй книги сочинения «О достоинстве и приумножении наук», выполненный Н. А. Федоровым, (впервые опубликованный на русском языке в двухтомнике Ф. Бэкона). В этой книге впервые предпринята попытка рассмотреть историю как науку в ряду других человеческих наук, что само по себе представляло несомненное достижение исторической мысли. Бэкон проанализировал структуру исторического знания, вычленив различные виды историй с точки зрения не только пространственного охвата предмета, но и глубины причинно-следственного объяснения хода событий. При подготовке примечаний использовались комментарии А. Л. Субботина и Н. А. Федорова.

¹ По-видимому, Бэкон имеет в виду «Демонологию» Якова I — диалогический трактат в трех книгах, в которых обсуждались проблемы колдовства. Король был одним из ревностных «охотников за ведьмами» и инициатором сурового закона против колдовства.

² Плагон. Гиппий больший, 221

³ Пересказ известного анекдота о Фалесе Милетском с моралью в бэконовском стиле.

⁴ Аристотель. Политика, I, 1.

⁵ Соображений, изложенных в этой главе, нет в тексте трактата «О приумножении знаний» (1605). Они могли возникнуть у Бэкона позднее в результате его размышлений о методе работы историков в связи с его собственными исследованиями по истории Англии.

⁶ Фасты — римский календарь, основанный на разделении дней на *diés fasti*, т. е. дней, в которые можно было отправлять судопроизводство, созывать народные собрания и *diés nefasti* — дней, в которые по религиозным соображениям нельзя было этого делать. Кроме того, он включал записи важнейших событий, перечисление праздничных дней, игр, обозначение времени восхода и захода светил и т. п. Первоначально велся жрецами-понтификами.

⁷ *Аббревиурий* (лат.) или эпитома (греч.) — краткие описания, конспективные изложения больших исторических трудов, получившие широкое распространение в поздней античности и постепенно вытеснившие сами эти труды.

⁸ Бэкон имеет в виду шотландского гуманиста и историка Д. Бьюкенена (1506—1582), сочинение которого по истории Шотландии вызвало недовольство Якова I из-за того, что в нем была очернена его мать — королева Мария Стюарт.

⁹ Речь идет об истории Англии при Тюдорах. Сам Бэкон, исследуя этот период, успел написать только «Историю Генриха VII», первые страницы «Истории Генриха VIII» и «Начала истории Великобритании».

¹⁰ Имеется в виду Генрих VII.

¹¹ Генрих VIII Тюдор (1491—1547).

¹² Имеются в виду Эдуард VI (сын Генриха VIII в браке с Джейн Сеймур) и неудавшаяся попытка его опекуна герцога Нортамберленда, после смерти короля и вопреки принятому порядку престолонаследования провозгласить королевой Джейн Грей.

¹³ Бэкон пишет о Марии Тюдор (дочери Генриха VIII в браке с Екатериной Арагонской), вышедшей замуж за испанского короля Филиппа II и о Елизавете I (дочери Генриха VIII в браке с Анной Болейн).

¹⁴ Энеида, III, 96.

¹⁵ Речь идет о поэме итальянского поэта Лодовико Ариосто (1474—1533) «Неистовый Роланд», кн. 34—35.

¹⁶ Вергилий. Энеида, V, 751.

¹⁷ Цицерон. IX Филиппика, 10; Демосфен. Надгробное слово, 1389, 10.

¹⁸ Плиний Младший. Письма, III, 91.

¹⁹ Тацит. Анналы, XIII, 31.

²⁰ Таково, например, сочинение Никколо Макиавелли: «Рассуждение на первую декаду Тита Ливия».

²¹ Вергилий. Георгики, I, 250—251.

²² Этот девиз, часто приводимый Бэконом, представляет собой антитезу латинскому «*inс plus ultra*» — «и не далее» (крайний предел).

²³ Неподражаемая молния (лат.).

²⁴ Вергилий. Энеида, VI, 590—591.

²⁵ Дан., 12,4 — «Многие прочитают ее [книгу] и умножится ведение».

ИСТОРИЯ ПРАВЛЕНИЯ КОРОЛЯ ГЕНРИХА VIII

Работа над «Историей Генриха VIII» (History of the reign of king Henry the Eighth) была начата по желанию принца Чарльза, которому была посвящена «История Генриха VII». Она нарушала планы Бэкона, желавшего целиком отдаться философским исследованиям, и писалась медленно и неохотно. Впервые этот фрагмент (все, что написал Бэкон) опубликован в 1629 г. Перевод для настоящего издания выполнен с текста, напечатанного в издании Спеддинга (т. 6).

¹ Принц Артур умер еще при жизни короля Генриха VII.

О СЧАСТЛИВОЙ ПАМЯТИ ЕЛИЗАВЕТЫ, КОРОЛЕВЫ АНГЛИИ

Предположительно год написания этого текста — 1608. Бэкон придавал ему большое значение (в первоначальном варианте завещания он — единственный, в отношении которого явно выражено желание, чтобы он был опубликован). Впервые опубликован в 1658 г. В т. 6 издания Спеддинга, помимо латинского оригинала, опубликован английский перевод, с которого и выполнен перевод на русский язык для настоящего издания.

¹ Мать Елизаветы Анна Болейн (1507?—1536) стала английской королевой в 1533 г. после того, как Генрих VIII расторг свой брак с Екатериной Арагонской. В 1536 г. ее обвинили в нарушении супружеской верности и казнили.

² Имеется в виду король Яков I Стюарт.

³ Екатерина Медичи (1519—89) — жена французского короля Генриха II и мать королей Франциска II, Карла IX и Генриха III (династия Валуа).

НАЧАЛО ИСТОРИИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Дата написания этого фрагмента неизвестна. Впервые опубликован в 1657 г.

¹ Два меча — власть духовная и светская.

² Парсонс, Роберт (1546—1610) — один из руководителей иезуитской миссии в Англии с 1580 г. В 1581 бежал на континент, где оставался до конца жизни. Призывал к политическому вмешательству в защиту английских католиков. Автор богословских трудов.

³ Эссекс, граф Роберт-Деверье (1566—1601) — фаворит Елизаветы I, покровитель Бэкона. В конце жизни отстранен от занимаемых постов, судим и казнен за попытку силой вернуть утраченную власть. Прокурором на его процессе был Бэкон.

⁴ Преобладающим влиянием в Шотландии пользовалась пресвитерианская церковь, где руководство принадлежало пресвитерам (священникам), а не епископам, как в католической и англиканской церквях.

⁵ «Царский дар» (греч.). Книга была закончена в 1598 и опубликована в 1599 г.

⁶ Текст обрывается.

ХАРАКТЕР ЮЛИЯ ЦЕЗАРЯ

Текст найден в бумагах Бэкона после его смерти и впервые напечатан в 1658 г. Настоящий перевод выполнен с издания Дж. Спеддинга.

О МУДРОСТИ ДРЕВНИХ

Фрагменты

Сочинение «О мудрости древних» вышло на латинском языке небольшой книгой в 1609 г. В течение жизни Бэкона оно один или два раза переиздавалось и было переведено на английский и итальянский языки. Это оригинальное произведение состоит из предисловия, в котором Бэкон делится с читателем принципами своего отношения к древней мифологии, и 31 эссе, в которых дается изложение, а затем толкование античных мифологических сюжетов и образов в духе бэконовской естественной, политической и моральной философии.

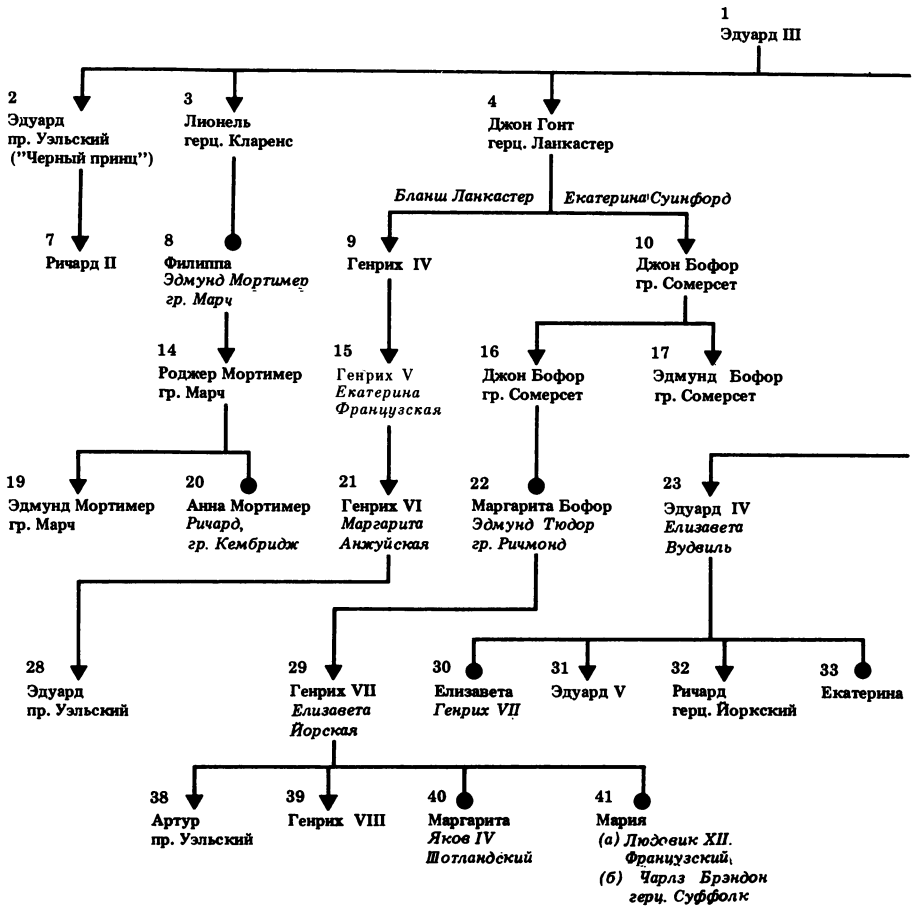
Перевод «О мудрости древних» с латинского оригинала («De sapientia veterum»), сделанный Н. А. Федоровым, вошел во второй том «Сочинений» Бэкона (М.: Мысль, 1978). Для настоящего издания А. Э. Яврумяном выполнен новый перевод с английского двух эссе из этого сочинения — «Тифон, или Мятежник» и «Прометей, или Состав человека».

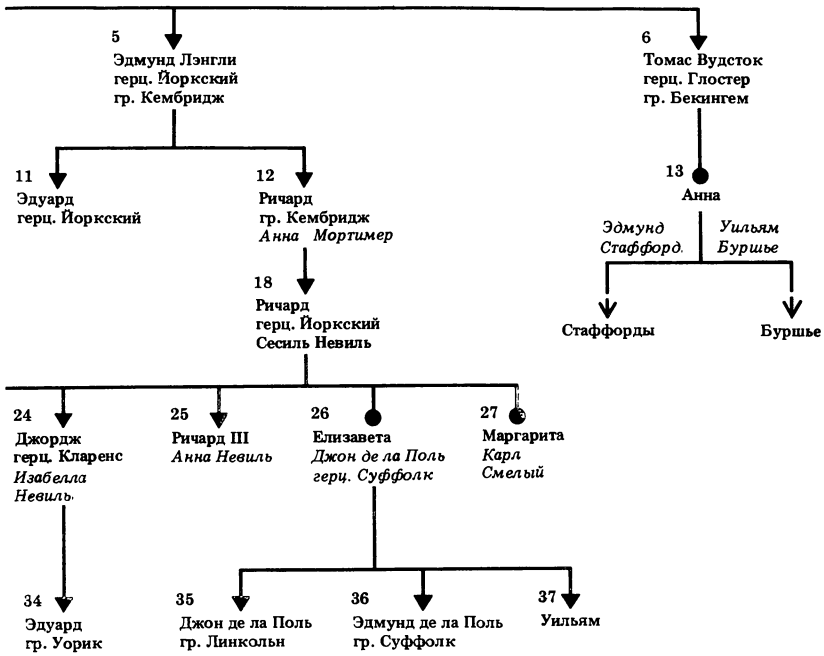
¹ Ис. 58, 4.

² *Вергилий*. Георгики, II, 490—492. (Пер. С. Шервинского).

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ ТАБЛИЦЫ

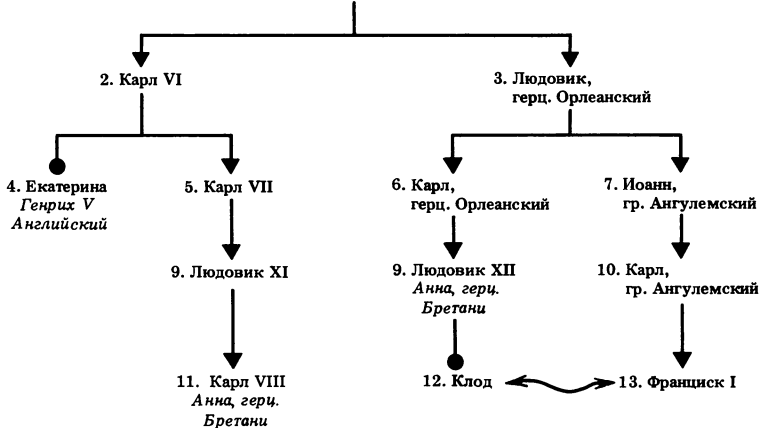
**I. АНГЛИЙСКИЙ КОРОЛЕВСКИЙ ДОМ
(ПЛАНТАГЕНЕТЫ, ЛАНКАСТЕРЫ, ЙОРКИ, ТЮДОРЫ)**

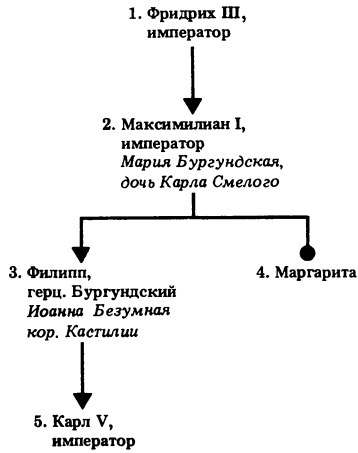

II. ДОМ ВАЛУА

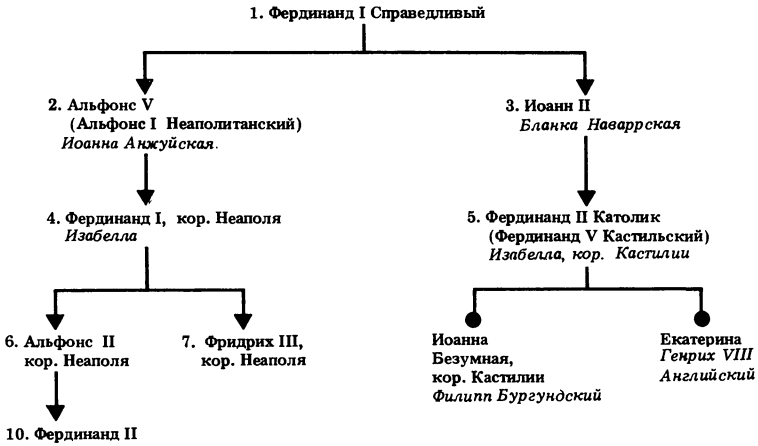
1. Карл V Мудрый

III. ДОМ ГАБСБУРГОВ

IV. АРАГОНСКИЙ ДОМ

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абингдон, аббат 258
Август Октавиан (63 до н. э.—14 н. э.), римский император с 27 г. н. э. 175
Августин Аврелий (354—430) 158, 177, 229
Аверроэс (Ибн Рушд) (1126—1198) арабский философ 58
Адриан VI (Фламанец) (1459—1523), папа с 1522 г., воспитатель Карла V 48, 263, 301
Александр Великий (356—323 до н. э.), царь Македонии с 336 г. 167, 175
Александр VII (Родриго Борджиа) (ок. 1431—1502), папа с 1492 г. 61, 90, 109, 122, 266, 268, 302
Альберт III, герцог Саксонский (1443—1500), сын Фридриха II Саксонского 66, 67, 303
Альфонс X Мудрый (1221—1284), король Кастилии и Леона в 1252—1282 гг. 125, 308
Альфонс V Неаполитанский (Альфонс I Арагонский), король Неаполя и Сицилии в 1416—1458 гг. 301
Альфонс II (1448—1495), герцог Калабрии, король Неаполя с 1494 г. 72, 303
Амасон, секретарь Фердинанда II Арагонского 135
Анна Бретонская (1477—1514), герцогиня Бретонская с 1488 г., королева Франции с 1491 г., жена Карла VIII, затем — Людовика XII 9, 52, 54, 55, 62, 263—269, 296, 299, 308
Андре, Бернар (—ок. 1500), поэт, историк 252, 266, 268, 275, 278
Антонин Пий (86—161), римский император со 138 г. 175
Аристотель (384—322 до н. э.), древнегреческий ученый 152, 154, 196, 199, 205, 232, 235, 309
Артур, принц Уэльский, старший сын Генриха VII 16, 107, 120, 124—126, 169, 288—290, 307, 310
Арундел, Фиц-Алан Томас, граф (1524), дипломат и военачальник 69, 136, 303
Аугустино Барбадиго, герцог Венецианский 90
Барли, Уильям, участник заговора Перкина Уорбека 78, 86, 278
Барри, Уильям, участник заговора Перкина Уорбека 286
Бартон, Елизавета (ок. 1506—1534), монахиня-бенедиктинка, 85, 146, 304
Бат, граф 14
Баязет II (Баязид) (1477—1512), турецкий султан с 1481 г. 58, 297, 302
Бенерс, адмирал 99
Бекингем, Стаффорд Генри, герцог (1454—1483), отец Эдуарда Стаффорда 14, 112, 122, 295, 298
Бергавени, Невилль Джордж (1471—1535), фаворит Генриха VII 76, 102, 130, 290, 304
Берли см. Сесиль Уильям
Боден, Жан (1530—1596), французский политический мыслитель 225, 235, 237
Болейн, Анна (ок. 1507—1536), жена Генриха VIII 172, 307, 311
Бонифаций VIII (ок. 1235—1303), папа с 1294 г. 307
Браутоп, Томас, участник заговора Перкина Уорбека 16, 26, 32
Брей, Реджиналд, главный судья Англии 14, 97, 101, 102, 127, 143, 144, 282, 283, 298, 306
Брейбрук, Джеймс, участник посольства к королеве Неаполя в 1505 г. 134, 291
Бруно, Джордано (1548—1600), итальянский философ-пантеист 203, 204
Брэнкенбери, комендант Тауэра 78
Брэмpton, участница заговора Перкина Уорбека 75
Брэндон, Томас, дипломат 254
Брэндон, Чарлз, приближенный Генриха VIII 144
Буршье, Томас (ок. 1404—1486), кардинал, архиепископ Кентерберийский, лорд-канцлер 10, 14, 295, 296
Буршье, Джон, участник заговора Генриха Тюдора, графа Ричмонда 14
Бьюкенен, Джордж (1506—1582), историк 284, 310
Бэкон, Николас (1509—1579), лорд-хранитель большой печати в правительстве Елизаветы I 205—207
Бэкон, Энтони, брат Фрэнсиса Бэкона 211, 212
Вергилий Марон, Публий (70—19 до н. э.), римский поэт 198, 310
Верунделл, лорд, правитель Фландрии 99

- Вивес, Хуан Луис (1492—1540), испанский мыслитель эпохи Возрождения 202
- Вильгельм Завоеватель (1027—1087), герцог Нормандии, английский король с 1066 г. 7, 295
- Вудвиль, Эдвард (—1488), брат Елизаветы Вудвиль 35, 36, 42, 256, 299
- Вудвиль, Елизавета (ок. 1437—1492), жена Эдуарда IV 19, 20, 255, 295, 296, 298, 299
- Вудсток, Томас (—1397), герцог Глостерский 295, 296
- Габсбурги, королевская династия в Австрии (1282—1918), Чехии и Венгрии (1526—1918), Испании (1516—1700); императоры Священной Римской империи (1438—1742, 1745—1806) 297
- Гагъен, Робер (ок. 1433—1501), генерал ордена св. Троицы 55, 266, 268, 301
- Гален, Клавдий (129—199) римский ученый, врач 199
- Галеот Жак, генерал 42
- Галилей, Галилео (1564—1642), итальянский ученый, астроном 204
- Гарольд Годвинсон, наследник Эдуарда Исповедника 295
- Гарт, Томас, военачальник 276, 278
- Гастингс, Уильям, лорд, фаворит Эдуарда IV 21, 144, 299
- Гвиччардини, Франческо (1483—1540), итальянский историк, философ 222, 243, 244, 248
- Генри, Роберт (1718—1790), английский историк 251, 259
- Генрих II Плантагенет (1133—1189), английский король с 1154 г. 120
- Генрих III Больной (1379—1406), король Кастилии с 1390 г. 308
- Генрих IV Ланкастер (ок. 1366—1413), король Англии с 1399 г. 8, 58, 260, 295
- Генрих V Ланкастер (1387—1422), король Англии с 1413 г. 8, 296, 302
- Генрих VI Ланкастер (1421—1471), король Англии в 1422—1461, 1470—1471 гг. 5, 8, 95, 139, 140, 294, 296, 306
- Генрих VIII Тюдор (1491—1555), король Англии с 1509 г. 62, 71, 85, 91, 92, 120—122, 125, 126, 133, 144, 169, 170, 172, 183, 219, 221, 274, 275, 291, 297, 298, 306—308, 310, 311
- Георгий Агрикола (Георг Бауер, 1494—1555), немецкий ученый 202
- Гилдфорд, Ричард (ок. 1455—1506), дворянин из Кента 89, 306
- Голденстон, Томас, приор храма Христа в Кентербери 61, 266
- Гордон, Екатерина, дочь графа Хантли 95, 112
- Грей, Томас, см. Дорсет, маркиз
- Дадли, Эдмунд, один из проводников королевской политики вымогательства при Генрихе VII 128, 130, 132, 140, 143, 290, 305, 306
- Д'Айала (Хайалас), Питер, дипломат 107, 108, 284, 289
- Даигон, Джон (—1520) один из непосредственных исполнителей убийства детей Эдуарда IV 78, 79, 276
- Д'Аржантре, Бернар (1519—1590), сенешаль Ренна (Бретань), автор «Истории Бретани» (1582) 256, 257, 259, 264, 265, 269, 270
- Дарси, Томас (1467—1517), дворянин из Линкольншира, 114, 285, 307
- Девоншир, Кортни Уильям, граф (—1501), участник мятежа графа Суффолка 130
- Девоншир, Кортни Эдвард, граф (—1509) участник бретонского похода Генриха VII 10, 69, 112, 303
- Демокрит (470 или 460 до н. э.—?) древнегреческий философ 196
- Демосфен (ок. 384—322 до н. э.), афинский оратор 165
- Дерби, граф, лорд-казначей см. Стенли Томас
- Десмонд, Фитцджералд Морис, граф (—1520) 75, 276, 304
- Джаспер Тюдор (1431—1495), герцог Бедфорд, граф Пемброк, лорд-хранитель малой печати 10, 16, 24, 25, 70, 104, 146, 256, 278, 296, 298, 304
- Джем (1459—1494), брат турецкого султана Баязета II 58, 302
- Джилберт, Хэмфри, автор книги о путешествии в Китай (нач. XVI в.) 285
- Джозеф, Майкл, кузнец 101, 110, 114, 284
- Джон Гонт, герцог Ланкастерский (—1399) 308
- Джонсон, Бенджамин (1573—1637), английский драматург 210
- Донн, Джон (1572—1631), английский поэт 201
- Джон Палата 46, 47, 300
- Дигби, Джон, комендант Тауэра 118
- Дин, Генри (—1503), епископ Лэнтони, канцлер Ирландии с 1495 г., архиепископ Кентерберийский с 1500 г. 87, 146, 304
- Добени, Уильям, участник заговора Перкина Уорбека 83, 96
- Добиньи, Бернар военачальник и дипломат, 35, 53, 70, 257
- Добиньи (Добени) Жиль (—1508), военачальник и дипломат, лорд-камергер с 1495 г. 14, 86, 102—105, 146, 304, 307.
- Дорсет, Грей Томас, маркиз (—1501) 14, 24, 28, 69, 298, 299, 303

- Екатерина Арагонская (1485—1536), младшая дочь Фердинанда и Изабеллы Испанских, первая жена Генриха VIII 85, 107, 120, 122, 125, 126, 130, 288—290, 307—309, 311
- Екатерина Медичи (1519—1589) 181, 310
- Елизавета (1465—1503), дочь Эдуарда IV, жена Генриха VII 6—9, 11, 15, 133, 251, 252, 298
- Елизавета I (1533—1603), дочь Генриха VIII и Анны Болейн, королева Англии с 1558 г. 171—185, 205, 206, 209—214, 308, 310, 311
- Жанна Д'Арк (ок. 1412—1431) 299
- Жанна, дочь Людовика XI, первая жена Людовика XII 299
- Изабелла (—1358), мать Эдуарда III 302
- Изабелла Португальская (1397—1472), герцогиня Бургундская 309
- Изабелла Кастильская (1451—1504), королева Кастилии с 1474 г. 10, 67, 68, 70, 90, 107, 124, 133, 134, 289—291, 297, 302
- Иоанн II Добрый (1319—1364), король Франции с 1350 г. 301, 303
- Иоанн II (1397—1479), король Арагона и Сицилии с 1458 г. 70, 303
- Иоанна Арагонская (Хуана Безумная) (1479—1555), королева Кастилии (с 1504 г.) и Арагона (с 1516 г.) 133, 135, 138, 292, 297
- Иннокентий VIII (—1492) (Джанбаттиста Чибо), папа с 1484 г. 10, 28, 67, 109, 266, 268, 284, 296
- Йорки, английский герцогский род, правящая династия в 1461—1470 и 1471—1485 гг. 8, 12, 15, 16, 18, 19, 28, 121, 124, 130, 184, 251, 253, 287, 288, 294—296, 305, 306
- Кабот (Габато), Себастьян (ок. 1475—1557), мореплаватель, сын Джона Кабота 115, 285, 307
- Кальвин, Жан (1509—1564), деятель Реформации 205
- Кампанелла, Томмазо (1568—1639), итальянский политический мыслитель 204
- Карл I Великий (742—814), король франков с 786 г., император с 800 г. 56, 302
- Карл I Анжуйский (1220—1285), король Неаполя с 1265 г., брат Людовика IX 301
- Карл I Стюарт (1600—1649), король Англии с 1625 г. 247
- Карл Смелый (1433—1477), герцог Бургундский 23, 295, 298, 301
- Карл Габсбург (Карл V) (1500—1558), старший сын Филиппа Красивого, король Испании с 1516 г., император с 1520 г. 48, 121, 307
- Карл VII (1403—1461), король Франции с 1422 г. 29, 299
- Карл VIII (1470—1498), король Франции с 1483 г. 9, 10, 29, 30, 37—40, 55, 59, 62, 70, 71, 75, 77, 82, 90, 93, 117, 255, 257—270, 274, 276, 296, 301, 302
- Кастелло, Адриан де, папский легат 48
- Катилина, Луций Сергий (ок. 108—62 до н. э.) 188
- Катон Старший, Марк Порций (234—149 до н. э.), римский писатель 243
- Квирини, Винчецо, итальянский дипломат 292
- Кейпел, Уильям, лондонский олддермен 88, 140, 279
- Кент, Грей Джордж, граф (—1503), участник бретонского похода Генриха VII 69, 102, 112, 303, 306
- Кеплер, Иоганн (1571—1630), немецкий астроном 204
- Керсон, Роберт, шпион Генриха VII у графа Суффолка 130
- Килдер, Фиц-Морис Джералд, граф 279
- Килдер, Фитцджералд Томас, граф (—1387), канцлер Ирландии 19, 25, 26, 75, 87, 286
- Килдер, Фитцджералд Джералд, граф (—1513), наместник Ирландии 299, 305
- Кинг, Оливер (—1506), секретарь Эдуарда IV, епископ Батский и Уэльский 97, 281, 306
- Кларенс, Джордж, герцог (1449—1478), брат Эдуарда IV 5, 8, 18, 19, 22, 75, 97, 120, 294
- Клиффорд, Роберт, участник заговора Перкина Уорбека 78, 80, 83—86, 95, 262, 278
- Кнесворт, мар Лондона 140
- Кобэм, лорд 102
- Колумб, Христофор (1451—1506), 115, 116, 201, 285
- Колумб, Бартоломео (Варфоломей), брат Христофора Колумба 116
- Коммин, Филипп де (1447—1511), французский историк и государственный деятель 243
- Контрибальд, Яков (Джеймс), дипломат 69, 269, 270
- Коперник, Николай (1473—1543) 201
- Корд, лорд, правитель Пикардии 53, 54, 70
- Коук, Эдвард, юрист 291
- Коттон, Реджер, военачальник 278, 279
- Коттон, Роберт Брюс (1571—1631), собиратель древностей 247, 255, 280—282, 284—288, 291, 294

- Красс см. Лициний Красс, Марк
 Крессенор, Томас, участник заговора Перкина Уорбека 83
 Ксенофонт (ок. 430—355 или 354 до н. э.), древнегреческий историк 162
 Кук, Милдред, жена лорда Берли 207
 Кук, Энн, 2-я жена Николааса Бэкона 205, 207
 Кэмпбелл, Джон (1779—1861), английский государственный деятель, историк 250, 259
 Кэтсби, Уильям (—1485), советник Ричарда III 13
- Ланкастеры, английский герцогский род, правящая династия в 1399—1461 и с окт. 1470 по апр. 1471 г. 23, 125, 139, 184, 294, 296
 Лев X (Джованни Медичи) (1475—1521), сын Лоренцо Великолепного, папа с 1513 г. 48, 243, 300
 Леланд, Джон (1506—1552), собиратель древностей 284
 Лесли, Джон (1527—1596), епископ Росский 263, 279, 280
 Ливий, Тит (59 до н. э.—17 н. э.), римский историк 243, 310
 Лингард, Джон (1771—1851), католический историк 252—254, 264, 289—291
 Линкольн, де ла Поль Джон, граф (—1487), племянник Эдуарда IV 18—26, 124, 142, 252, 253, 299, 303, 306
 Лионель, епископ, пунций Александра VI 61
 Лициний Красс, Марк (112—53 до н. э.), триумvir 60 г. 188, 189
 Лобино, Ги Алексис (1666—1727), монах-бenedиктинец, автор «Истории Бретани» (1707) 258, 265, 269
 Ловелл, Роберт 290
 Ловел, Томас (—1524), адвокат 98, 306
 Ловелл, Фрэнсис (1454—1487), лорд-гофмейстер 13, 15, 16, 23, 25, 26, 142, 255, 296, 298
 Лодовико Сфорца (Моро) (1452—1505), герцог Миланский в 1494—1500 гг. 90, 305
 Людовик IX Святой (1214—1270), король Франции с 1226 г. 301
 Людовик XI (1423—1483), король Франции с 1461 г. 6, 29, 146, 147, 243, 274, 299
 Людовик XII Орлеанский (1462—1515), король Франции с 1498 г. 30, 31, 33, 34, 36, 38, 42, 121, 134, 147, 171, 260, 275, 296, 299, 302, 307
- Макинтош, Джеймс (1765—1832), историк 287, 289
- Максимилиан I Габсбург (1459—1519), эрцгерцог австрийский с 1490 г., король Римский с 1486 г., император Священной Римской империи с 1493 г. 10, 30—33, 36, 37, 52—55, 57, 59, 64—67, 69—71, 90, 93, 133, 139, 243, 257, 263—273, 292, 297, 301
 Макьявелли (Макиавелли), Никколо ди Бернардо (1469—1527), итальянский политический мыслитель, историк 217, 222, 237, 243, 244, 248, 310
 Маргарита Австрийская (1480—1530), дочь Максимилиана I 54, 55, 62, 139, 140, 308
 Маргарита Бофор (1443—1509), мать Генриха VII 294—296, 299
 Маргарита (1446—1503), герцогиня Бургундская, сестра Эдуарда IV, жена Карла Смелого 16, 22—24, 47, 72—74, 76, 78, 81, 93, 114, 124, 131, 298
 Маргарита (1489—1541), сестра Генриха VIII, жена Якова IV Шотландского 117, 126, 127, 183, 305, 308
 Марий, Гай (ок. 157—86 до н. э.), плебейский трибун, консул 106 г. 188
 Мариньян, Карл, дипломат 55
 Марсин, Фрэнсис, дипломат 134, 147, 291
 Мария (1496—1533), 3-я дочь Генриха VII 121, 135, 139, 141, 307
 Мария I (1516—1558), дочь Генриха VIII и Екатерины Арагонской, королева Англии с 1553 г. 126, 308, 310
 Мария Бургундская (1457—1482), дочь Карла Смелого, жена Максимилиана I 309
 Мария Стюарт (1542—1587), королева Шотландии с 1561 г. 310
 Маунтфорд, Саймон, участник заговора Перкина Уорбека 78, 83, 96
 Мор, Томас (1478—1535), английский гуманист, государственный деятель, писатель 217, 221, 247, 277
 Моризайн, Ричард (нач. XVI в.), историк 290
 Морли, лорд 53
 Мортон, Джон (—1500), епископ Или, лорд-канцлер, архиепископ Кентерберийский 14, 37, 48, 65, 101, 102, 122, 143, 146, 260, 298, 304
 Моттон, Джон, участник бретонского похода Генриха VII 262
 Мохаммед II (1432—1481), турецкий султан в 1444 и 1451—1481 гг. 302
 Мьютис, Томас, секретарь Фрэнсиса Бэкона 250
- Невиль, Анна (1456—1485), дочь Ричарда Невилля 295
 Невиль, Ричард см. Уорик, граф

- Николай Кузанский (1401—1464), философ, теолог 203
- Николас, Харрис Николас (1799—1848), английский историк 251
- Нортгемберленд, граф 46, 47, 127
- Одли, лорд 101, 105, 142, 143
- Оккам, Уильям (1285—1349), английский философ, логик 203
- Оксфорд, де Вер Джон, граф (—1513) 24, 25, 67, 70, 102, 120, 129, 146, 256, 263, 290, 299
- Ормонд, Джеймс, маркиз, 255, 276
- Ормонд, Эдвард 276
- Ормонд, Батлер Томас, граф (—1515) 61, 69, 266, 278, 302, 303
- Осбек, Джон, отец Перкина Уорбека 73, 275
- Палисси, Бернар (ок. 1510—1589 или 1590), французский художник-керамист 202
- Парсонс, Роберт (1546—1610), теолог (184, 211, 311
- Пастон, Марджери 256, 262, 263, 279
- Пастон, Уильям, юрист 256
- Патрици, Франческо (1529—1597), итальянский гуманист 203, 244
- Петр III (1236—1285), король Арагона с 1276 г. и Сицилии с 1282 г. 301
- Петруччи, Альфонсо, кардинал, участник заговора против Льва X в 1517 г. 48, 300
- Пиндар (ок. 518—442 или 438 до н. э.), древнегреческий поэт 220
- Плантагенеты, королевская династия в Англии в 1154—1399 гг. 118, 120, 294, 302
- Платон (428 или 427—348 или 347 до н. э.) 115, 153, 232, 235, 309
- Плиний Младший, Гай (61 или 62—ок. 114) 152, 310
- Пойнингс, Эдвард (1459—1521), военачальник и дипломат 67, 80, 87, 93, 146, 274, 278, 279, 286, 303
- Полибий (ок. 200—ок. 120 до н. э.), древнегреческий историк 244
- Поллидор Вергилий (ок. 1470—1555), историк 252—274, 279, 280, 283, 286, 290, 291, 294
- Помпонаци, Пьетро (1462—1525), итальянский философ эпохи Возрождения 203
- Помпей; Гней (106—48 до н. э.), римский консул 188, 189
- Понс, Джаспер, папский легат 122, 123, 288
- Птолемей, Клавдий (ок. 90—ок. 160) 199
- Рабле Франсуа (1494—1553), французский писатель-гуманист 202
- Равенштейн, военачальник 53, 65—67
- Раймер, Томас (1641—1713), писатель и археограф 252, 255, 257, 258, 261, 264—267, 269, 273, 274, 293
- Райс ап Томас (1449—1525), дворянин из Уэльса 111, 307
- Рапен-Тойра, Поль де (1661—1725), французский историк 251
- Ричард, герцог Йоркский 19, 72, 74, 78, 94, 130, 146
- Ричард III (1452—1485), король Англии с 1483 г. 5, 7, 8, 12—15, 17, 18, 20, 22, 24, 46, 65, 75, 78, 79, 81, 85, 94, 122, 252, 253, 277, 294—300, 305, 306
- Ротсей, герцог 255
- Рэтклифф, Джон, лорд Фитцутотер (ок. 1452—1496) 83, 281, 304
- Рэтклифф, Роберт 13, 83, 96
- Саймон, Ричард, священник 17—19
- Саллюстий Крисп, Гай (86—ок. 35 до н. э.), римский историк 162
- Селим I Грозный (ок. 1470—1520), турецкий султан с 1512 г. 302
- Сенека, Луций Анней (ок. 4 до н. э.—65 н. э.) 115, 199
- Сент-Джон, лорд, дипломат 121
- Сесиль, Роберт, лорд Солсбери, сын Уильяма Сесилия 212
- Сесиль, Уильям, лорд Берли 207—209
- Сидней, Филип (1554—1586), английский писатель 204
- Симнел, Ламберт, лже-Эдуард 17, 27, 72, 73, 76, 81, 87, 252, 277, 296, 305
- Симнел, Томас, отец Ламберта Симнела 252
- Сисмонди, Жан-Шарль-Леонард де (1773—1842) швейцарский экономист и историк 258
- Смит, Уильям (ок. 1460—1514), лорд-президент Уэльса 97, 305
- Сократ (ок. 470—399 до н. э.) 154
- Солсбери, лорд см. Сесиль Роберт
- Сомерсет, Чарлз 256, 281
- Спенсер, Эдмунд (ок. 1552—1599), английский поэт 204
- Спид, Джон (ок. 1552—1629), историк и картограф 252, 253, 262, 266, 274—281, 283, 287—289, 292, 294
- Стейл, Джон, участник посольства к королеве Неаполя в 1505 г. 134, 147, 291
- Стаффорд, Томас, младший брат Хэмфри Стаффорда 15, 16, 298
- Стаффорд, Хэмфри (—1486), фаворит Ричарда III 15, 16, 96, 298
- Стаффорд, Эдвард (—1521), старший сын Генри Стаффорда, герцога Бекингема 14, 298
- Стенли, Томас, граф Дерби (1435—1504), старший брат Уильяма Стенли, отчим Генриха VII, лорд-казначей 10, 69, 281, 294, 296, 303

- Стенли, Уильям, лорд Фитцутер (— 1495), лорд-камергер 7, 78, 83—85, 88, 96, 143, 146, 281, 295, 296
- Стоу, Джон (ок. 1525—1605), хронист 255, 260, 262, 271, 272, 278, 279, 283, 285, 289, 294
- Стрикленд, Эгнес (1796—1874), историк 289
- Суарт, Мартин, военачальник 23, 25, 26
- Сулла, Корнелий, Луций (138—78 до н. э.), римский полководец, диктатор 188
- Суррей, Ховард Томас, граф, герцог Норфолк (1443—1524) 13, 46, 47, 102, 106, 146, 268, 306
- Суффолк, де ла Поль Эдмунд, граф (ок. 1472—1413), сын Елизаветы, старшей сестры Эдуарда IV 69, 103, 104, 124, 130, 137, 138, 290, 303, 306
- Суффолк, де ла Поль Джон, герцог, отец Джона де ла Поля, графа Линкольна 22, 124
- Сципион Африканский Старший (ок. 185—129 до н. э.) 243
- Сэнкрофт, Уильям (1617—1693), архиепископ Кентерберийский 252
- Тацит, Публий Корнелий (ок. 58—ок. 117), римский историк 166, 210, 243
- Тайтлер, Патрик Фрейзер (1791—1849), историк, автор «Истории Шотландии» 255, 263, 276, 278, 279, 284
- Твейтс, Томас, участник заговора Перкина Уорбека 78, 83
- Тейлор, Джон, участник заговора Перкина Уорбека 76
- Тейт, лорд-мэр Лондона 103
- Телезио, Бернардино (1509—1588), итальянский натурфилософ эпохи Возрождения 203, 238
- Тиберий (42 до н. э.—37 н. э.), римский император с 14 г. 243
- Тиррелл, Джеймс, организатор убийства детей Эдуарда IV 78, 79, 130, 276, 291, 308
- Томас, Ричард, дворянин из Уэльса 69
- Траян (53—117), римский император с 98 г. 175
- Тунстол, Ричард, дипломат 35, 47, 258
- Уайет, Генри (—1537), отец Томаса Уайета 97, 306
- Уайет, Томас (ок. 1503—1542), английский поэт 306
- Уиллоуби, Роберт, лорд Брук (1452—1502), дипломат и военачальник 8, 14, 111, 298, 307
- Уилльерс, Джордж, герцог Бекингем, фаворит Якова I 214
- Уилфорд, Ральф, сын сапожника лже-Уорик 119, 287
- Уиндэм, Джон, участник мятежа графа Суффолка 130
- Уолси, Томас (1471—1530), архиепископ Йоркский, лорд-канцлер 139, 292, 306, 309
- Уолтер, архиепископ Дублинский 279
- Уорбек, Перкин (Питёр), лже-Йорк 45, 73—89, 92, 93, 95, 96, 98—102, 108—114, 117—121, 124, 142, 268, 273, 275, 277—281, 283—286, 305, 307
- Уорик, Невиль Ричард, граф (1428—1471) 294, 295
- Уорсли, Уильям (ок. 1435—1499), декан собора св. Павла с 1478 г. 83, 266, 278, 304
- Уотер, Джон 286
- Уорэм, Уильям, юрист, дипломат 80, 99, 146, 278, 284
- Урsvик, Кристофер (1488—1522), дипломат 33—35, 69, 72, 146, 258, 261, 299
- Фабриан, Роберт (—1513), хронист 261, 280, 290, 294
- Фаро, Екатерина де 73, 275
- Феррерс, лорд 13
- Фердинанд I (1423—1494), король Неаполя с 1448 г. 72, 90, 133, 135, 297, 301, 303
- Фердинанд II Арагонский (Католик) (1452—1516), король Арагона с 1479 г., Сицилии (Фердинанд II) с 1468 г., Кастилии (Фердинанд V) в 1479—1504 гг. (совместно с Изабеллой), Неаполя (Фердинанд III) с 1504 г. 10, 37, 64, 67, 68, 70, 90, 107, 120, 124, 133—135, 137—139, 147, 243, 270, 287—291, 297, 302, 308
- Филипп Добрый (1396—1467), герцог Бургундский 308
- Филипп IV Красивый (1268—1314), король Франции с 1285 г. 302
- Филипп VI Длинный (1293—1350), король Франции с 1328 г. 302
- Филипп Храбрый (1342—1404), герцог Бургундский 301
- Филипп I Красивый (1478—1506), герцог Бургундский (великий герцог Фландрии), король Испании с 1504 г. 23, 80, 99, 119—121, 131, 133—139, 172, 184, 291, 299, 304
- Филипп II Габсбург (1527—1598), испанский король с 1556 г. 310
- Флэммок, Томас, адвокат 101, 102, 105
- Фокс, Ричард, епископ Экстера (— 1528) 14, 29, 70, 97, 99, 106, 108, 116, 117, 124, 127, 144, 146, 266, 284, 305
- Форрест, Майлз, один из исполнителей убийства детей Эдуарда IV 78, 306
- Хасси, Джон, барон (ок. 1466—1537), военачальник и дипломат 146, 309

- Хейвуд, Томас (1797—1866), собиратель древностей 252
- Холиншед, Рафаэль (—1580), историк 247, 272, 274, 291, 294
- Холл, Эдвард (—1547), историк 247, 252, 253, 258, 283, 294
- Хьюм, Александр (—1506), шотландский государственный деятель 284
- Хэддон, шериф 104
- Цезарь см. Юлий Цезарь, Гай**
- Цецилия, герцогиня Йоркская, мать Эдуарда IV 90
- Цицерон, Марк Туллий (106—43 до н. э.) 165, 188
- Шекспир, Уильям (1564—1616) 204, 276**
- Шоу, шериф 104
- Шоу, Ральф, монах 8, 296
- Шрюсбери, Талбот Джордж, граф (1468—1538), дипломат и военачальник при дворах Генриха VII и Генриха VIII 26, 69, 303
- Эвклид (Евклид) (III в. до н. э.) 199
- Эгремонт, Джон 46, 47
- Эджкомб, Ричард 29, 256, 262, 263
- Эдуард Исповедник (ок. 1003—1006), английский король с 1042 г. 7, 251, 295
- Эдуард I (1239—1307), английский король с 1272 г. 49, 301
- Эдуард III (1312—1377), английский король с 1327 г. 49, 295, 301—303
- Эдуард IV (1422—1483), король Англии с 1461 г. 5, 6, 8, 17, 19, 20, 22, 23, 65, 73, 74, 85, 90, 94, 96, 98, 121, 124, 130, 255, 274—276, 295, 296, 298—300, 304—306
- Эдуард V Плантагенет (1470—1483) 17, 19—22, 94, 130, 295
- Эдуард VI (1537—1553), король Англии с 1547 г. 92, 310
- Эдуард Плантагенет (1475—1499), граф
- Уорик, старший сын Джорджа Кларенса 8, 96, 118—120, 143, 287, 289, 296
- Эдмунд Тюдор, граф Ричмонд (—1456), отец Генриха VII 294
- Эдмунд, 3-й сын Генриха VII 117
- Эймер, Лоуренс, мэр Лондона 140
- Эллис, Генри (1777—1869), главный библиотекарь Британского музея 277
- Эмпедокл (ок. 490—ок. 430 до н. э.), древнегреческий философ 196
- Эмпсон (Эмсон), Ричард (—1510), юрист 88, 97, 128, 129, 132, 140—144, 305, 306
- Энгус, Дуглас Арчибальд, граф (ок. 1449—1514), шотландский государственный деятель 284
- Эразм Роттердамский (1469—1536) 301
- Эссекс, Буршье Генри, граф (—1539), военачальник и дипломат 103, 104, 303, 306
- Эссекс, граф Роберт-Деверье (1566—1601), фаворит Елизаветы I, покровитель Франсиса Бэкона 185, 210, 311
- Юлий II (Джулиано делла Ровере) (1433—1513), папа с 1503 г. 122, 123, 139, 140, 308**
- Юлий Цезарь, Гай (102 или 100—44 до н. э.), римский политический деятель и полководец, триумvir 160, 175, 177, 187—190, 251**
- Юм, Дэвид (1711—1776), английский философ, историк, экономист 251, 273**
- Яков III Стюарт (1451—1488), король Шотландии с 1460 г. 10, 29, 47, 66, 253, 255, 262, 263**
- Яков IV Стюарт (1472—1513), король Шотландии с 1488 г. 66, 72, 93, 95, 102, 107, 108, 117, 126, 127, 273, 276, 280—282, 284, 286**
- Яков I Стюарт (1566—1625), король Англии с 1603 г. 211—215, 220, 221, 250, 294, 309, 311**
- Farrington B. 210, 219
- Fex L. 247
- Gilbert N. 235
- Jones R. E. 230
- Lombard A. 230
- Luciani V. 220, 222
- Nadel G. H. 220, 236
- Patterson A. 238
- Popkin R. H. 202
- Smith-Fussner F. 249
- Sypher W. 220, 222
- Wheeler Th. 220
- Williamson J. 205
- Асмус В. Ф. 240
- Барг М. А. 234
- Маркс К. 221, 239
- Субботин А. Л. 219, 309
- Федоров Н. А. 309, 311
- Фуко М. 239
- Энгельс Ф. 221
- Anderson F. H. 206, 210—212, 215
- Baker H. 202, 231
- Buhr M. 220
- Dean L. 220, 222
- Eisenstein E. 203

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ПРАВЛЕНИЯ КОРОЛЯ ГЕНРИХА VII (<i>Перевод с английского В. Р. Рокитянского и А. Э. Яврумяна</i>)	5
О ДОСТОИНСТВЕ И ПРИУМНОЖЕНИИ НАУК. Фрагмент (<i>Перевод с латинского Н. А. Федорова</i>)	149
ИСТОРИЯ ПРАВЛЕНИЯ КОРОЛЯ ГЕНРИХА VIII (<i>Перевод с английского В. Р. Рокитянского</i>)	169
О СЧАСТЛИВОЙ ПАМЯТИ ЕЛИЗАВЕТЫ, КОРОЛЕВЫ АНГЛИИ (<i>Перевод с английского В. Р. Рокитянского</i>)	171
НАЧАЛО ИСТОРИИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ (<i>Перевод с английского В. Р. Рокитянского</i>)	183
ХАРАКТЕР ЮЛИЯ ЦЕЗАРЯ (<i>Перевод с английского В. Р. Рокитянского</i>)	187
О МУДРОСТИ ДРЕВНИХ. Фрагменты (<i>Перевод с английского А. Э. Яврумяна</i>)	191
Тифон, или Мятежник	191
Прометей, или Состав человека	192
ПРИЛОЖЕНИЯ	
Историзм Фрэнсиса Бэкона (<i>М. А. Барг</i>)	200
Примечания Дж. Спеддинга к изданию 1859 г.	250
Комментарии (<i>В. Р. Рокитянский</i>)	294
Генеалогические таблицы (<i>В. Р. Рокитянский</i>)	313
Указатель имен	317

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

«ПАМЯТНИКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ»

ФРЭНСИС БЭКОН
ИСТОРИЯ ПРАВЛЕНИЯ КОРОЛЯ
ГЕНРИХА VII

Утверждено к печати редколлегией серии
«Памятники исторической мысли»

Редактор издательства *И. Н. Кузнецов*
Художественный редактор *Н. Н. Михайлова*
Технический редактор *З. Б. Павлюк*
Корректоры *Л. И. Воронина, Л. И. Николаева*

ИБ № 38865

Сдано в набор 02.08.89

Подписано к печати 12.01.90

А-05810. Формат 60×90¹/₁₆.

Бумага офсетная № 1

Гарнитура обыкновенная. Печать офсетная

Усл. печ. л. 20,6. Усл. кр.-отт. 21,62. Уч.-изд. ш. 25,6.

Тираж 25 000 экз. Тип. зак. № 1313.

Цена 3 р. 40 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «НАУКА» ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ

ДВИЖЕНИЕ СОПРОТИВЛЕНИЯ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ, 1939—1945: региональные и национальные особенности

18 л.

Книга является продолжением монографии «Движение Сопротивления в Западной Европе, 1939—1945: общие проблемы» и посвящена проблемам типологизации европейского Сопротивления, выявлению специфики освободительной борьбы на национальном уровне. Рассматривается влияние движения Сопротивления на формирование различных государственных и общественных структур в послевоенной Западной Европе — влияние, которое отчасти сохраняется несмотря на процессы интернационализации. Рассказывается о значении демократических и общечеловеческих традиций антифашистской борьбы для пацифизма 70—80-х годов.

Для историков.

ЕВРОПЕЙСКИЙ АЛЬМАНАХ. 1989

15 л.

Альманах посвящен месту европейской цивилизации во всемирно-историческом процессе, в нем рассматриваются некоторые вопросы истории, традиций и культуры Европы, предпосылки и факторы формирования европейской общности. В первом выпуске публикуются статьи об эволюции общеевропейской идеи, о роли Великой французской революции, об истоках европейского либерализма, современном подходе к культуре средневековья. В выпуске публикуются материалы об этническом развитии Европы, по истории масонства. Большой интерес представляет публикация Вл. Соловьева «Россия и Европа». В сборнике участвуют известные советские и зарубежные авторы.

Для историков и широкого круга читателей.

**ИСТОРИЯ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ.
ДОКОЛУМБОВА ЭПОХА — 870-е ГОДЫ XIX ВЕКА**

50 л.

В книге освещаются наиболее важные, яркие, порой трагические страницы прошлого латиноамериканских народов. Седая древность доколумбовых цивилизаций (майя, ацтеки, инки), мир прекрасных легенд о сказочных богатствах Эльдорадо, противоречивый по своим результатам и последствиям характер конкисты, гордые, непреклонные борцы за независимость в первой четверти XIX в. — вот спектр проблем, анализируемых авторами. Большое внимание уделено анализу борьбы народных масс, и прежде всего негров и индейцев, рассказано о жизни и борьбе выдающихся деятелей национально-освободительного движения С. Боливара, М. Идальго, Т. Лувертюра, Ф. Миранды, Х. Морелоса, Х. Сан-Мартина, Б. Хуареса и др. Для историков, этнографов, экономистов и широкого круга читателей.

Буданова В. П.

ГОТЫ В ЭПОХУ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

20 л.

История восточногерманского племени готов в III—IV вв. в течение многих десятилетий вызывала острые дискуссии в мировой историографии. Эта книга о восхождении от исторической неизвестности к славе народа, который стал центром варварского мира на Балканах, о пути из неизведанных областей Скандинавии через Византию к поверженному готами Риму. Каким образом, объединяя другие народы, готы разделились на везеготов и остроготов? Король готов Эрманарих — это миф или реальность? Что такое «готская проблема»? Каковы истоки готской одиссеи? Эти и другие вопросы освещаются в книге. Для историков, археологов, этнографов.

Адреса книготорговых предприятий «Академкнига»
с указанием магазинов и отделов «Книга — почтой»
/по состоянию на 01.01.89 г./

Магазины «Книга — почтой»

252107 Киев, ул. Татарская, 6

197345 Ленинград, ул. Петрозаводская, 7

117393 Москва, ул. Академика Пилюгина, 14, корп. 2

Магазины «Академкнига» с указанием отделов «Книга — почтой»

480091 Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97 «Книга — почтой»

370001 Баку, ул. Коммунистическая, 51 «Книга — почтой»

232600 Вильнюс, ул. Университето, 4 «Книга — почтой»

690088 Владивосток, Океанский пр-т, 140 «Книга — почтой»

320093 Днепропетровск, пр-т Гагарина, 24 «Книга — почтой»

734001 Душанбе, пр-т Ленина, 95 «Книга — почтой»

375002 Ереван, ул. Туманяна, 31

664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289 «Книга — почтой»

420043 Казань, ул. Достоевского, 53 «Книга — почтой»

252030 Киев, ул. Ленина, 42

252142 Киев, пр-т Вернадского, 79

252025 Киев, ул. Осипенко, 17

277012 Кишинев, пр-т Ленина, 148 «Книга — почтой»

343900 Краматорск Донецкой обл., ул. Марата, 1 «Книга — почтой»

660049 Красноярск, пр-т Мира, 84

443002 Куйбышев, пр-т Ленина, 2 «Книга — почтой»

191104 Ленинград, Литейный пр-т, 57

199164 Ленинград, Таможенный пер., 2

194064 Ленинград, Тихорецкий пр-т, 4.

220012 Минск, Ленинский пр-т, 72 «Книга — почтой»

103009 Москва, ул. Горького, 19-а

117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7

630076 Новосибирск, Красный пр-т, 51

630090 Новосибирск, Морской пр-т, 22 «Книга — почтой»

142284 Протвино Московской обл., ул. Победы, 8

142292 Пущино Московской обл., МР «В», 1 «Книга — почтой»

620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137 «Книга — почтой»

700000 Ташкент, ул. Ю. Фучика, 1

700029 Ташкент, ул. Ленина, 73

700070 Ташкент, ул. Ш. Руставели, 43

700185 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6 «Книга — почтой»

634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18

450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 «Книга — почтой»

450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49

720001 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42 «Книга — почтой»

310078 Харьков, ул. Чернышевского, 87 «Книга — почтой»

